

Аргун Алхас

В 2012 г. вышла первая книга «Жернова судьбы» из цикла «Летопись Абхазии». Исторический роман «Сумерки богов» является второй книгой, в продолжение задуманного автором цикла.

На страницах романа «Сумерки богов» освещаются события второй половины VI в., разворачивающиеся в древнеабхазских государственных образованиях и на сопредельных землях. Византийской империи удается подчинить себе Западное Закавказье, вследствие чего происходит более активная христианизация предков абхазов через их вовлечение во внутреннюю жизнь империи. Наступает пора закрепления результатов военных и дипломатических побед византийских императоров. На период VI в. приходится первая волна христианского зодчества в Абхазии.

Местные элиты стремятся к укреплению своих позиций, в том числе и путем феодализации земельных отношений. Появляются новые экономические отношения и новые политические реалии, требующие иного подхода, особых качеств и знаний.

Абазгия, благодаря своему географическому положению, человеческому потенциалу и политике своего лидера, медленно залечивает раны и возвращается в мирное русло. Об этих и других событиях автор поведает в третьей книге из цикла «Летопись Абхазии» – «Всевидящее око».

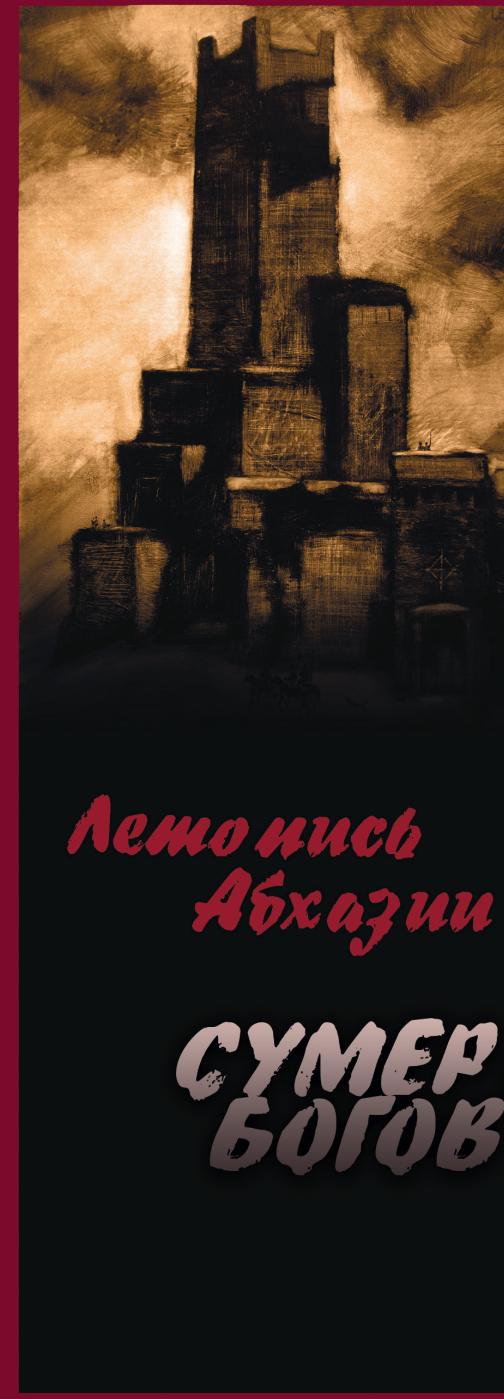
<http://hasafon.ru>

Алхас Аргун

ЛЕТОПИСЬ АБХАЗИИ КНИГА II СУМЕРКИ БОГОВ

АЛХАС АРГУН

Алхас Аргун

ЛЕТОПИСЬ АБХАЗИИ

Книга II

СУМЕРКИ БОГОВ

Новый Афон
2015

ББК 84(5Абх)6-44

А 79

А 79 Аргун А. В.

Летопись Абхазии. Сумерки богов. Книга II.
Новый Афон, 2015. 424 с.

«Сумерки богов» – вторая книга из цикла «Летопись Абхазии», повествующая о судьбоносных событиях VI в., имевших место в древнеабхазских государственных образованиях: Абазгии, Апсиили, Мисиминии и соседних с ними странах. Автор повествует о событиях, последовавших за карательной экспедицией византийских войск против Абазгии, показывает расстановку сил в самой империи, а также затрагивает судьбы выдающихся личностей эпохи.

В романе также отражены трагические события, разыгравшиеся в братской Мисиминии и соседней Лазике, пострадавших от противостояния ведущих держав региона: Восточной Римской империи и Сасанидского Ирана. Становится очевидной роль исторических личностей и глобальных политических процессов на очередном витке конфронтации, их влияние на судьбы государств, народов...

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой древних абхазов и сопредельных им народов.

© Аргун А. В., 2015

ПРОЛОГ

На пятисотые годы нашей эры приходится длительное вооруженное противостояние Персии и Византии за обладание Кавказом. Абазы¹ убивают ненавистных царей – ставленников Рима и отпадают от Римской империи, воспользовавшись присутствием персидских войск в Лазике². Римляне, устрашившиеся персов, покидают Себастополис и Питиунт. Новыми союзниками абазов становятся персы. Абазы же вновь избирают себе царей: Скепарна правит восточной частью страны, Опсита – западной. Без малого десяти лет спустя римские войска возвращаются в Абазию, чтобы покарать отпавших вассалов. Персы не приходят им на помощь. В 552 году завершается кампания римлян, крепость Трахея взята, тысячи ее защитников погибают, заживо сожжены их жены и дети. Каратели опустошают окрестные поселения. Захваченных в плен обращают в рабов, и доставляют их на галерах в Константинополь, чтобы затем продать на невольничих рынках Малой Азии.

Абазией управляет префект, который опирается на силу вооруженных отрядов, вернувшихся в Себастополис и занявших Анакопу. Царь Опсита скрывается у гуннов, а Скепарна возвращается из Персии и собирает дружины, чтобы изгнать римлян и вернуть власть. Первый сокруши-

¹Исконное самоназвание абхазского племени, упоминаемое в античных и средневековых источниках, как абазги, авасти, основавших княжество, а затем и царство с одноименным названием. Отсюда происхождение созвучных названий страны: Абазия, Абазгия, Авасгия.

²Царство лазов, располагавшееся на восточном побережье Черного моря, с запада граничило с абхазскими княжествами: Апселией и Мисиминией; на востоке: с Иверией, на юге – непосредственно с Восточно-Римской (Византийской) империей.

тельный удар приходится на абазов, перешедших на сторону римлян. Перед сражением царь получает из засады смертельное ранение и вскоре погибает, сраженный молнией. Его молодая жена – Сатен находится в Алании¹ в ожидании родов. Абазы с подобающими почестями хоронят царя в земле его матери и объявляют героем, вознесшимся на небеса, оседлав молнию.

Открытое вооруженное противостояние прекращается. Люди в поисках безопасности уходят с насиженных мест и обустраиваются заново. Наступает пора безвластия в Абазии. Лишь дадалы стараются по старинке править разобщенными общинами.

Весть о прибытии галер с плененными абазами доходит до Апсита – юноши из Анухи, отправленного ранее Скепарной в Константинополь² для овладения знаниями. Он и его покровители, находящиеся в Константинополе, задумывают внести выкуп и освободить часть пленников, для чего собирают золото и ищут одобрения высшей власти в лице василевса Юстиниана Великого³. Последним вопросом занимается спальничий императора – Ефрат Абазг.

¹Раннеклассовое государство, расположенное к северу от Главного Кавказского хребта.

²Столица Восточно-Римской империи, основана императором Константином Великим (306 – 337 гг. н.э.).

³Император Восточно-Римской империи в 527—565 гг.

НА ЧАШЕ ВЕСОВ

Прошло несколько тревожных дней, не принесших новостей из дворца василевса. Апсит и Стефаний ежедневно с рассветом спешили к причалу, пересчитывали галеры, стоявшие на якоре, и немного успокаивались. К вечеру голодные и уставшие возвращались, надеясь услышать добрые вести от Ефрата. Ежедневно они отправляли пленникам большие корзины, наполненные хлебом и водой.

Ефрата не отлучался из дворца, чтобы в нужное время предстать перед самодержцем. За это время он укрепился духом и уверился в правильности своего поступка. Больше всего его тешила похвала императора: «Ты достоин награды, Ефрата». Награды не было, как и всякого другого сообщения. Слуга старался не вспоминать про томившихся в неведении сообщников, чтобы не терзать свою душу угрызениями совести. Изведенный бесконечным чтением молитв, он забывался порой, погружаясь в сладкие сновидения. Проснувшись, он удивлялся снам и отгонял их теплые приливы из страха признаться, что прожитая жизнь его пуста и бессмысленна.

Юный абаза отчасти был прав, признавая Ефрата существом непонятным. Он, родившийся в семье апсу хаца¹, где честь и позор признавались наивысшим мерилом, но лишенный мужской силы и родного очага, не стал тем, кем предписывали природные законы...

Апсит не позволял себе осуждать людей. Как только он в размышлениях приближался к осуждению, останавливался, чтобы незаслуженно не оскорбить чужой чести – так предписывало абазское воспитание.

¹Абхазский мужчина-воин.

И все же, Апсит не мог заставить себя не удивляться слабостям Ефрата, не способного постоять ни за себя, ни, уж, тем более, за другого. По всякому случаю он пускался в длинные рассуждения, когда, по мнению Апсита, следовало незамедлительно действовать. Не разрешившуюся историю с пленниками он переживал более кого-то, потому что сам предложил Ефрата в роли посредника. Стефаний разделял страдания юноши. Избегая разговора об Ефрата, он терпеливо ожидал известий из дворца.

…Тайный императорский агент в полуумраке дворцовых коридоров приближался к покоям василевса. Уверенный шаг человека в черном настораживал дворцовых охранников. Они торопливо расступались, разглядев особую печать на пальце посетителя. Не проронив ни слова, он проделал весь путь, подчеркивая важность порученной ему миссии. Тайный агент задержался перед покоями, чтобы полушепотом поведать слуге о себе. Тот не спеша прошел в покой, и быстрым шагом вернулся, приглашая посетителя.

Юстиниан поднял глаза и безразлично оглядел вошедшего. Осведомитель, поклонившись, пощеловал протянутую ладонь. «Безразличный взгляд хозяина подтверждает особую важность моего задания», – догадывался он.

– Твой доклад, полагаю, исчерпывающий, – произнес василевс. – Докладывай. Я ценю краткость, – торопил он.

– Мой господин, юноша Апсит был послан год назад в Константинополь для овладения знаниями. Рекомендательное письмо отписано братом его матери на имя сына бывшего сенатора, твоего раба из интендантской службы по имени Феофан. Никаких свидетельств о его связях с бывшим правителем Абазгии обнаружено не было. Однако юноша по имени Апсит доводится родственником Скепарны по материнской линии и внуком бывшего римского центуриона по имени Урым. Именно этот легионер сверг законного правителя Абазгии, назначенного твоим дядей Юстином, царствия ему небесного. По сведениям воинов, участвовавших в последней кампании в Абазгии, этот Урым был убит и обезглавлен. Апсит недавно был крещен и наречен именем св. Пантелеймона исцелителя.

…Есть одно свидетельство, достойное твоего внимания. Пантелеймон находится на полном иждивении знатного римлянина Стефания, сына Захария, наделенного твоей властью монополией по обеспечению государственных запасов пшеницы. Он владеет грузовыми галерами, доставляющими грузы из Египта. Этот Стефаний в свое время состоял в одной семинарии с бывшим правителем Абазгии, свергнутым тобой. Они считались лучшими друзьями и преуспевающими семинаристами.

Постельничий¹ Ефрата был похищен грабителями в раннем детстве, осколен и продан в Византию много лет назад – он не помнит ни родителей, ни родные места, может, и не предполагает, что является близким родственником Скепарны. У абазгов родство по отцовской линии не различается по коленам. Рисмаг, Отец Ефрата, в последних событиях проявил себя непримерным противником римлян и был убит в Трахейском сражении. Та же участь постигла его взрослых сыновей и братьев. Спасшиеся от смерти женщины и дети находятся в плену, ожидают в трюмах галер твоего решения.

– Что-нибудь еще? – проявил нетерпение василевс.

– Это сведение не имеет прямого отношения к делу, но в будущем может оказаться полезным:

Пантелеймон является лучшим учеником семинарии, его полюбили наставники и сверстники. Особые чувства к юноше проявляет младшая дочь Феофана. Говорят, что Пантелеймон склонен разделить ее чувства, и кое-кто предрекает их семейный союз.

– Я доволен тобой, в канцелярии получишь вознаграждение, – василевс показал на слугу.

Тайный агент откланялся и вышел, обрадованный похвале и награде.

Юстиниан предался размышлениям, мысленно благодаря Господа Бога за удачное переплетение событий, сулившим определенные выгоды. Одаренный природой обостренным чутьем, василевс предвидел успех, изначально не располагая к

¹Дворцовый чиновник, особо приближенный к палатам императора евнух.

тому достаточными основаниями. В многочисленных войнах, выпавших на его время, ему досталось увидеть много безразсудных побед, укрепивших веру в свою удачу. Жизненный опыт самодержца, владевшего половиной мира, не подводил его и в международных вопросах. И теперь он загадочно улыбнулся, получив божественный знак, предвещавший удачу.

— Позовите Ефрата, — негромко повелел Юстиниан, уверенный, что будет услышан. «Этот чудак не представляет угрозы, и пользы в серьезном деле от него немного. Другое дело юнец, добившись его расположения, можно рассчитывать на большие выгоды», — размышлял он, когда в палату робко вошел Ефрата.

Широко улыбаясь, Юстиниан Великий встал навстречу спальному Ефрата пробила мелкая дрожь. Не справившись с глубоким волнением, он упал на колени и потянулся к руке господина. Юстиниан взял слугу за плечи и усадил на лавку рядом с собой — невиданное дело для царского двора.

— Чем я смогу отплатить, отец мой, за твоё благоволение?

— Никакой расплаты, прими запоздалую благодарность за честную службу, раб Божий. В ежечасных заботах о государственных делах провожу я время, не успевая должным образом отмечать чужие заслуги. Твою преданность невозможно искусить временными упущениями с моей стороны.

Я поведу разговор о благочестивых дела, предстоящих нам во славу Бога.

Ефрата покорно склонил голову и напрягся, чтобы ничего не упустить.

— Все годы, что ты служил верой и правдой, укрепляют меня в решении доверить тебе дело особой важности. Я возлагаю на тебя миссию — нести Слово Божие среди со-племенников, восставших против нас с оружием в руках. Их возглавляют люди, в чьих жилах течет и твоя кровь Ефрата, — Юстиниан загадочно заглянул в глаза собеседника. Ефрата вздрогнул, поняв, что его тайна раскрыта. Но кем?.. Ведь он сам узнал обо всем недавно от Апсита и предпочел скрыть или забыть новость, но уж никак не раскрыться. Впрочем, что он сделал плохого? «Утаить — не значит солгать», — мысленно оправдывался Ефрата.

Юстиниан достиг первой цели, показав слуге свое могущество и милосердие.

– В этом сложном деле тебе понадобятся помощники, их подбор я возлагаю на тебя... Вспоминаю наш последний разговор о юноше, что навещает тебя. Расскажи еще о нем.

– Отец мой и господин, – оживился Ефрат, – его зовут Пантелеймон, он родом из моей обчины, и, слава Богу, приобщился к истинной вере, отвергнув дело, за которое воевали его родичи. Он стал христианином не по принуждению, а по собственному желанию. Его пылкое сердце, подобно свече, укажет путь многим абазгам.

– Юности свойственно душевное непостоянство, Ефрат.

– Присягнувший Богу абазг не нарушит слово ни под какими угрозами. К тому же он благороден помыслами и честолюбив.

Юстиниан с сожалением посмотрел на Ефрата. Слуга уловил взгляд хозяина. – Я не иду в пример, потому что вырос вдали от родины. Меня учили выполнять чужие желания, абазгам же с рождения прививают мужество и стойкость, презрение к прислужничеству за деньги или из страха. В Абазгии не обучают грамоте, юношей воспитывают воинами и риторами, не уступающими лучшим трибунам цивилизованного мира.

– И ты, как сын Абазгии, еще и получивший образование в Константинополе, способен своими благочестивыми речами воспламенить сердце и разум слушателя?!

– Я жалкая тень славного прошлого, я дерево, выкинутое из оазиса в пески и выжившее вопреки.

– Ты окажешься снова там, твои почки оживут и разрастутся в зеленые ветви, способные укрыть путника в непогоду.

«Я не вижу в себе таких сил, но с радостью приму смерть на родине», – подумал Ефрат и широко улыбнулся.

«Я не ошибся, – мысленно подытожил император, – он бескорыстно сделает то, что деньгами не купишь».

– Даю тебе время тщательно приготовиться.

– Отец мой, как сложится судьба пленников, привезенных Улигагом? Из этого тоже можно извлечь выгоду...

Юстиниан, конечно же, все помнил, просто выжидал случая.

– Ефрата, твои доводы тронули меня. Я оплакиваю судьбы несчастных, да поможет им Господь Бог. Что поделать, когда война с персами в разгаре? Да и аbazги не спокойны...

Иоанн просит войско и провиант. А казна пуста, мы не можем выплачивать жалование войску. Все же я посодействую, чтобы военачальник продал пленников тебе. Ты же должен взять на себя расходы по их содержанию, обучению и крещению. Затем заберешь их с собой в Абазгию, чтобы использовать в задуманном деле.

– Спаси тебя Господи, отец. – Ефрата встал и приложился к руке василевса.

– Завтра утром встретишься с Улигагом в порту, он будет ждать твоего прихода.

Ефрата удалялся в свои покои, пронизанный частичками света. Он совершил поступок, достойный внимания василевса. Его час пробил, пробудилась кровь, которая не замолчит, пока жив он – царский раб Ефрата. Евнух облачился в удобную одежду и поспешил верхом к дому Феофана.

Хозяин оказался на службе, Ефрата попросил разыскать Апсита. Слуги недоумевали. Вскоре объявилась Мария, утверждавшая, что юноша остановился у Стефания.

– Очень хорошо, пусть оба приедут, к тому времени и Феофан вернется, – распорядился Ефрата.

Мария побежала на кухню, словно хозяйка... Ее радостный голос раздавался повсюду, подстегивая нерасторопных слуг. Ефрата присел в гостиной и принял разглядывать веселый танец огня, игравшего в камине. Его мысли были куда смелее языков пламени, вырывавшихся и падавших обратно в раскаленные угли. «Для того, чтобы другим было тепло, ты весело пляшешь, алчно слизывая свою пищу. Кто сжалится над деревом, погубленным ради маленького праздника?! Оно было молодо и полно сил. А я?.. Уж очень похож на дуб, обожженный молнией. У меня такие же крепкие корни, а душа подгнивает и внутри пустота. Нет, я не то, я скорее пень, лишенный всего... и надежды. Потому как даже очень старое и больное дерево бросает семя в надежде увидеть свое про-

должение. Коснувшись земли, оно начинает прорастать под покровом изреженной кроны, набираясь сил быстрее, чем поросль под молодыми деревьями. Оно спешит вытянуться и окрепнуть прежде, чем последняя ветвь родителя иссохнет, уступая место под солнцем своему продолжению».

Завершив распоряжения на кухне, в гостиную вбежала Мария, напевая веселую песенку под нос. Увидев сосредоточенное лицо гостя, она смутилась, но быстро собралась и, словно барышня, принялась его развлекать.

– Ты, как я погляжу, молодая хозяйка и дочь Феофана, не правда ли? – заговорил Ефрата, вставая со скамьи.

– Меня зовут Мария, – кивнула головой девочка, – я осталась одна: все куда-то подевались. Ну, отец, к примеру, на службе, сестры – на занятиях по музыке, мама с братишкой пошли к портнихе, а вот Апсит предательски исчез несколько дней назад, но я точно знаю, что он скрывается у Стефания.

– Я вижу, что ты осведомлена о событиях не только вящего дома, – с серьезным лицом подключился Ефрата. – И предполагаю, что знаешь и мое имя.

– Конечно! Тебя зовут Ефрата, ты спальничий василевса. Не так ли? – лукаво улыбнулась Мария.

– Наверняка ты знаешь и о поручениях василевса, которые мне доводится выполнять?

– Отчасти, да, – лукаво глянула на него девочка, – ты собираешься похитить из нашего дома Апсита и отправиться вместе с ним в далекую страну, чтобы... для того... Нет, не скажу для чего, – грустно закончила она.

– Понимаю. Расставание с привычкой или привязанностью вызывает грусть. Если мне вдруг придется покинуть Константинополь, я тоже буду грустить.

– У тебя здесь останется кто-нибудь, чтоб скучал по тебе?! – У девочки заблестели глаза, полные слез.

– Не думаю, что отъезд или смерть моя тронут чье-то сердце. Как не прискорбно, у меня нет ни семьи, ни родных, ни друзей. У меня никого нет, Мария.

– Как? Разве так бывает? – Девочка удивленно развернула руками. – Наверно, это так печально не иметь никого. А что, разве Апсит не привязан к тебе?

— Я готов пожертвовать многим ради его искренней дружбы...

— Я тоже, — перебила Мария, — он такой чудный, я так стараюсь, а он ...

— У тебя все будет хорошо, — по-отечески улыбнулся Ефрата. Мария благодарно отвела взгляд, предаваясь мечтам.

...Услышав суету вокруг прибывшего всадника, девочка выбежала во двор.

— Папа, у нас в гостях Ефрата, он дожидается в гостиной, скоро прибудут Стефаний и Апсит.

Феофан прошел в дом и поздоровался с гостем. Обменявшись знаками вежливости, хозяин и гость переключились на главное.

— Мои надежды оправдались, — открылся Ефрата после короткой паузы. — Я приехал прямо из дворца и с хорошими новостями.

— Неужели все разрешилось?! — Обрадовался Феофан.

— Главное решено, остальное в нашей власти. Василевс мне сообщил, что завтра утром в порту меня будет ожидать Улигаг, с которым я уполномочен вести переговоры о выкупе пленников.

— О выкупе? — удивился Феофан. — Наш милосердный император хочет поживиться на этой сделке?

— Не думаю, что тут присутствует личный интерес. Дела государства плохи, казна пуста, а ведь воинам надо выплачивать жалование.

— Ну и ну, похоже, что василевс осведомлен и о сумме сделки, теперь эти несчастные обойдутся нам втридорога.

— Почему же? — возмутился Ефрата.

— Хотя бы потому, что Улигаг не сможет ничего утаить — все до последнего под каким-либо благовидным предлогом присвоит Юстиниан. Какая выгода Улигагу называть приемлемую цену? Он будет стараться, чтобы сделка не состоялась.

— О Боже, как ужасен этот мир! Что я натворил? Я все испортил. Что мне теперь сообщить Пантелеимону, он догадается обо всем?! Почему я тогда не уступил, неисправимый упрямец? Феофан, ты мудрее, что нам теперь предпринять? — взмолился Ефрата.

– Не казни себя, есть надежда, что мы что-нибудь выиграем, только тебе лучше не идти на встречу. Достаточно будет сопроводить рекомендательным письмом Стефания и Пантелеймона – они убедят Улигага быть сговорчивым. А дальше нам бояться нечего, не опасаясь гонений, мы доведем задуманное до конца.

– Хоть это я предвидел, – ухватился за последнее Ефрат.

– Бог милостив, не переживай. Все уладится. Это тоже победа.

– Обещаю впредь свои действия согласовывать с тобой, – наконец успокоился Ефрат.

…Радостно хлопая в ладоши, в гостиную вбежала Мария:

– Они едут, я их видела! – и тут же выбежала на улицу. Феофан вяло улыбнулся, Ефрат понимающе кивнул, оба направились во двор, утомленные недавней беседой.

Приехавшие торопились, они сразу подошли к Ефрату, в надежде услышать лишь добрые вести.

– Хорошо, что все вместе, мы все обсудим и примемся за дело, – деловито начал Ефрат после короткого приветствия.

– Пройдемте в дом, там продолжим разговор, – предложил Феофан. Гости молча проследовали в гостиную.

Первым заговорил Ефрат:

– Начну с того, что василевс обнадежил меня, пообещав, что дела Абазгии в ближайшем будущем пойдут к лучшему. Как и подобает христианину, василевс сочувствует пленникам. Завтрашним утром он устраивает мне в порту встречу с Улигагом для переговоров.

– О чем конкретно пойдет речь? – робко спросил Апсит.

Предвидя еще вопросы, Ефрат собрался с духом и продолжил: – Василевс дает нам возможность выкупить его рабов на деньги, которые мы сможем доставить. Затем нам придется взять на себя расходы по содержанию, обучению и крещению этих людей. У меня есть большая надежда, что василевс в будущем организует транспорт для их доставки в Абазгию, это будет другим большим делом, пока не готовым для обсуждения.

— Спаси Господи, Слава ему, — произнес Стефаний. Он готовил себя к худшему. Апсит не проявил ни радости, ни разочарования.

— Здесь и обсуждать нечего, — заговорил Феофан, — все предрешено, Стефаний, забираешь выкуп и отправляешься утром к причалу.

— Но ведь Улигаг ждет Ефрата?

— Велика для него честь — встречаться со спальничим императора. Достаточно взять рекомендательное письмо, а уж это дело лучше тебя никто не обыграет. Конечно же, и Пантелеймона возьмешь с собой.

— Верно говоришь, Феофан. А я сразу и не понял, — ожидался Стефаний. Феофан сходил в кабинет за папирусом и пером. Мария заскочила в гостиную, чтобы предупредить гостей о приготовленном угощении. Ефрата благодарно кивнул, остальные тоже вспомнили, что голодны, и не стали отказываться. Радостная Мария поспешила на кухню для последних приготовлений.

— Ефрата, вот принадлежности, напиши коротко о том, что поручаешь это дело Стефанию, а вот деньги, что вы оставили у меня на хранение, — Феофан протянул мешочек Апситу. Ефрата сел за письмо, тем временем хозяин незаметно увлек Стефания в дальний угол комнаты, где они перекинулись несколькими фразами.

...В гостиную вошли слуги, звеня посудой, они быстро накрывали на стол, Мария подошла к Апситу и осведомилась о школьных делах. Апсит неумело врал, хоть и подозревал, что девочка осведомлена о его прогулах. С искренним участием слушала она, не сводя глаз с собеседника, Апсит осмелил и красиво приврал, не догадываясь, что девочка его не слышет, она просто соскучилась...

С первой росой сообщники выехали из дома, их путь шел к порту, где находились ненавистный Улигаг и тысячи измученных пленников.

— Я — Стефаний, сын Захария, по поручению спальничего василевса должен встретиться с военачальником, — властным голосом обратился мужчина к выставленному на берегу охраннику. — Поспеши доложить своему хозяи-

ну. – Охранник замялся, он знал, что командир пришел под утро с очередной попойки и будет недоволен столь раннему визиту.

– О чём думаешь? Выполняй! – приказал Стефаний. Охранник не спеша поковылял к командирской галере, будто отсроченные мгновения спасительны.

Переговорщики остались ждать на берегу, в стороне от других конвойных, готовивших себе завтрак на костре. Долгое время посланника не было, затем послышалась громкая брань, вскоре все поутихло. Наконец он вернулся не спеша и провел посетителей в каюту к командиру.

– Я – Стефаний...

– Это я уже знаю, – перебил Улигаг, – что дальше будем делать, Стефаний?

– Перейдем к делу.

– Да не спеши ты так, для начала мы немного выпьем, – не терпящим ослушания тоном перебил Улигаг и потянулся за кувшином, ворча под нос: «Не пойму: куда эти кубки подевались?!»

Стефаний решил не спорить и быстро нашел грязную посуду на соседнем столике. Улигаг разлил вино и пробурчав: «Спаси и сохрани!», выпил.

– Аминь, – поддержал Стефаний и тоже выпил.

Улигаг вопросительно глянул на Апсита.

– Он не пьет по молодости лет, – поспешил заступиться Стефаний.

– Да ну?! – удивился командир и, помедлив, выдавил из себя: – Что вам от меня надо?

– Как что? Мы пришли за пленными абазгами.

– На что они вам, эти рабы? – сморщился собеседник.

– Я выполняю чужую волю, в подробности не посвящен, – намекнул Стефаний на особые обстоятельства.

– Повсюду интриги и тайные замыслы. Убраться бы мне отсюда куда подальше, – посетовал Улигаг, словно сидел с закадычными друзьями.

– Так мы здесь для того, чтобы убрать препятствия на твоем пути, – нашелся с ответом Стефаний.

– Неужели вы столь богаты, что способны разгрузить мои галеры?

- Мы можем облегчить трюмы и заполнить твои кошельки, – пошел напрямую Стефаний.
- Ты говоришь, словно купец. Хочешь взять товар за бесценок, не так ли?
- Мы с тобой на одной стороне, военачальник.
- Каким же это образом, – захохотал ответчик.
- Дело в том, что я тоже непротив заработать на этой сделке.
- С чего я вдруг должен отдавать тебе свои деньги, – разозлился Улигаг.
- Я могу открыть для тебя некоторые тайные обстоятельства, а ты, как человек рассудительный, поймешь, что к чему.
- Ну и денек выдался сегодня, одни таинства вокруг, а у меня болит голова. Твои длинные речи могут закончиться ничем. Давай покороче!
- Как пожелаешь. Покороче будет так: здесь лежит сто девяносто номисм, за которые я намерен взять 200 абазгских мальчиков, приглянувшихся мне.
- Ничего наглее я давно не слыхивал: мальчика по цене бычка?! Час от часу не легче.
- Так какая тебе от них польза? Быком можно поле вспахать, да в конце концов, заколоть и съесть. А мальчишки эти еще должны вырасти, а потом из абазгов получаются никудышные рабы, об этом везде знают. С раннего возраста они обращаются с оружием и опасны для мирных граждан, которые могут купить их по неосторожности и тем самым оказаться в смертельной опасности. К тому же они ужасно упрямые и не выносят понуканий и побоев. Плохо дело, поверь мне, Улигаг.
- Я, скорее, утоплю их в море, чем соглашусь на твою цену.
- И навлечешь на себя гнев Юстиниана Великого.
- А что – Юстиниан?
- Я хотел рассказать, но ты напрочь отказался выслушивать.
- Ты все перепутал в моей голове, – Улигаг схватился за голову и стиснул ее с неимоверной силой, что та затрещала.

– Выпей еще, отпустит, – Стефаний протянул нетронутый кубок. Улигаг огляделся по сторонам и покорно выпил. Неожиданно он сник, будто никого не было рядом. Стефаний расслабился и огляделся. Он уловил настороженный взгляд Апсита и правую руку юноши, сжавшую рукоять короткого кинжала, спрятанного в одеждах. Стефаний встревожился, всем видом он подавал знаки, чтобы юноша не вздумал прибегать к насилию. Наконец Улигаг встал со скамьи, будто ожил, и заговорил:

– Твоя взяла, ты меня одолел, пошли наружу, там договоримся. Стефаний подал знак Апситу, и они вышли из каюты.

Дневной свет слепил глаза, отвоевав свое право у рассвета. Над бухтой кружили морские птицы. Словно на восточном базаре, они громко оглашали побережье криками, возвещавшими удачную охоту или промах. На море стоял штиль, в воздухе солоноватые испарения еще сохраняли утреннюю свежесть.

«Кто эти счастливые мальчики, кому судьба уготовила свободу. Здесь на чужбине, ставшей для меня вторым домом, я в ответе за каждого, для меня это дело чести», – много раз Апсит возвращался к этой мысли и заходил в тупик от бессилия. «Доверься своей судьбе, прими ее решения мужественно, как подобает мужу», – всплывали в памяти слова деда Урыма. Ему хотелось верить в чудеса, чтобы не так больно было смотреть в лица матерей, у которых будут отняты дети.

По приказу Улигага из трюмов галер начали поднимать живой товар и выводить на берег. Люди шатались обессилившие от голода и лишений. Свежий воздух врывался в их кровь и ударял в голову, некоторые теряли сознание. С разных галер к Улигагу подходили командиры, Апсит слышал, как они докладывали о мертвых, чьи трупы уже смердили рядом с живыми людьми. Несколько тысяч людей вышли на берег. Апсит незаметно для других подошел к группе подростков:

– Откуда вы, с какой общиной?

Мальчики недоверчиво посмотрели на римлянина, говорившего по-абазски, и промолчали. – Я Апсит, внук Урыма из Анухи, доверьтесь мне, я постараюсь вас спасти.

Более смекалистый прошептал: – Мы из Анухи.

– Когда подойдете к остальным, по общему уговору, притворитесь больными лихорадкой. Да так, чтобы все поверили.

– Хорошо, брат, – ответил тот же мальчуган.

Апсит быстро вернулся, чтобы не навлечь на себя подозрения римлян. Тогда же раздался среди охраны какой-то шум. Он все разрастался, извещая о бунте среди римских воинов. Улигаг изменился в лице и поспешил к зачинщикам бунта.

– Пусть василевс возится с этими заразными, зачем нам глупо умирать, когда едва спаслись от абазгских стрел и стоим на родном берегу.

– Правильно, Петрис, мы полгода не видели жалования и должны таскать заразные трупы или охранять этих полу живых рабов, зараженных какими-то болезнями. – Говоривший указал рукой на мальчуганов, корчившихся на береговой гальке в судорогах. Разъяренный Улигаг остановился и застыл, пораженный ужасающим зрелищем агонии иссохшихся желтых тел.

– Что смотрите? Позовите лекаря.

– Зачем им лекарь, скорее священник.

– На кой черт язычникам священник? Как бы нам не пришлось исповедаться.

Стефаний подошел поближе. По приказу командира все же привели полкового лекаря, который не мог спрятать своего замешательства.

– Что скажешь, лекарь? – спросил Улигаг.

– Полководец, я больше знаток по колотым и резанным ранам, а этой заразной лихорадке название не припомню, не доводилось видеть ранее.

– Что же делать?

– Карантин, отче, карантин.

– Ох, – тяжело вздохнув и протрезвев, Улигаг принял разыскивать Стефания среди наблюдателей. Наконец Стефаний нашелся, Улигаг отвел его в сторону и стал жаловаться:

– В последнее время несчастья неотвратимо следуют за мной по пятам, ты это видел, не правда?

В это время раздался душераздирающий вопль абазгской женщины с другой галеры, подхваченный многими голосами.

– Что случилось? – понарошку всполошился Стефаний.

– Не обращай внимания – тут такое не редкость, – лучше поговорим о деле. – Я вижу, насколько ты печешься о делах империи.

– И своих тоже, – вставил Стефаний.

– Что же без этого пребывает? Сам видишь, в каком бедствии оказался мой отряд. Они не получали жалованья многие месяцы – возьмут и разбегутся, опасаясь заразы. Так я потеряю и пленных, и подчиненных, почему бы тебе не помочь?..

– Я готов внимательно слушать и не пожалею сил ради полезного дела, – отвечал Стефаний.

– У нас нет средств ни хоронить, ни лечить их. Избавь меня от заразных, и я соглашусь с твоими условиями.

– Мне не просто будет выполнить твою просьбу. Их придется вывезти за город – сами не дойдут. Потом устроить карантин и сжигать трупы. Если кто и останется чудом в живых – это не покроет понесенных мной расходов. Но я ведь не только купец, но и гражданин, что побуждает меня пойти на дело, невзирая на очевидные расходы.

Только и у меня будет ответная просьба. Чтобы быстро и без шума завершить нашу сделку мне понадобятся немалые средства, думаю, до 20 золотых. Что, если тебе подождать с этой суммой какое-то время, пока я не смогу восполнить расходы доступными мне способами. Мой начальник не должен знать о нашем уговоре, иначе я рискую положением, а может и собственной жизнью.

Улигаг задумался – отовсюду раздавались стоны и вопли:

– По рукам, только убери с моих глаз лихорадочных.

– Ты же понимаешь, Улигаг, что я плачу за здоровых?

– Да, а больных забираешь впридачу. Никола, выполнил поручения этого человека, – приказал командир стражнику. Стефаний подозревал Апсита и забрал у него монеты.

— Пантелеимон, выбери 200 здоровых ребят, а заразных сразу уведи в сторону, нам придется их тоже забрать. Он тебе поможет, — Стефаний указал на Николу-стражника.

Стефаний с Улигагом прошли в каюту. Там он развязал мешочек и отсчитал 20 золотых, которые опустил в свой пустой кошелек.

— Остальные 170 номисм твои. Надеюсь, что не откажешь мне еще в одной услуге.

— В чем именно? — Улигаг взял мешочек и проверил монеты.

— Этих несчастных надо скрытно переправить по морю. Поблизости на острове у меня есть вилла, где полагаю их разместить. Две из твоих галер быстро провернут это дельце. Если же я стану нанимать транспорт на стороне — не исключено, что разнесется молва о страшной заразе. Вести могут дойти и до дворца. Нам с тобой придется держать ответ.

— И то верно, будь по-твоему. Как приготовишься, дай знать, — согласился военачальник. Стефаний поклонился и сошел на берег. Апсит же стоял среди соотечественников, потерянный от жалости. Все лица смешались, он не поднимал головы, чтобы случайно не встретиться с материнскими глазами, полными отчаяния. «Возьми моего, нан¹, моего, нан, — со всех сторон доносились голоса несчастных женщин. Он кивал головой и отводил мальчиков в сторону. Неожиданно для себя он остановился. Перед ним стояла молодая женщина, обнимавшая троих детей. Она молча плакала, По всему было видно, что она из знатной семьи — так гордо она несла свою печаль. Когда-то богато уbraneная ее одежда обветшала, а на детях вовсе превратилась в тряпье. Внимание Апсита остановилось на девочке лет десяти, которая в страхе прижималась к матери. Мальчишки были постарше, они вышли немного вперед, по-ястребиному оглядывались, готовые вступить в схватку. Апсит положил руки на их плечи и заглянул в глаза матери. В них на удивление не было

¹ Сокращенная форма обращения женщины к юноше.

благодарности. Она поняла его недоумение и тихо попросила: «Они должны быть с сестрой вместе». Апсит замешкался, к нему поспешил Стефаний и быстро понял причину заминки.

– Что задумался? Бери всех, вместе с матерью, – сказал он решительно. Апсит тронул плечо женщины, давая понять, чтобы она прошла вместе с детьми. Женщина спокойно подчинилась, Стефаний уловил в блеске материнских глаз глубокую благодарность.

– Этот мальчишка последний, – вмешался стражник. Апсит вопросительно посмотрел на него. – Он двухсотый, – пояснил римлянин.

За ним тянулась длинная вереница женщин, просивших забрать и их детей. Вскоре они стихли, поняв, что счастливая судьба обошла их стороной. Апсит еще раз окинул взглядом остававшихся в плену: «Да спасет вас Господь Бог», – мысленно извинился и удалился быстрым шагом.

Первую галеру загрузили «лихорадочными», их никто не считал, но и без того было понятно, что их больше двухсот. Во вторую галеру погрузили выкупленных, туда сели и Стефаний с Апситом, оставив коней под присмотром римлян до своего возвращения. Всю дорогу Стефаний молчал, размышляя о том, как обустроить такую ораву.

Население острова не превышало пятисот человек, больше здесь не прокормилось бы. Все они арендовали землю у Стефания, жили крестьянским трудом и рыбным промыслом, изредка выполняя отдельные поручения хозяина. «Тамошних запасов хватит на неделю. Придется старших приучить к рыбной ловле и организовать из них артель. Младшие будут пасти коз и коров, которых придется докупать на соседних островах», – размышлял Стефаний.

– Ты, надеюсь, знаешь, что делать дальше? – спросил Апсит.

– Да, – уверенно ответил Стефаний и глянул на молодую мать с тремя детьми. Он заметил, что не в первый раз заглядывается на них и удивился себе. Столько земель объездил, повидал несчетное число людей, но ни разу ему так сильно не хотелось заглядываться на женщину. «Наверное, во мне проснулось сострадание!» – тешил себя он.

Женщина почувствовала внимание к себе, но более прежнего увлеклась заботой о малышах, для которых она одна здесь нана¹. Переживания подростков еще не улеглись, старшие как-то держали себя, скрывая свои чувства, а те, кто помладше, объединенные сиротством, тихонько всхлипывали и жались друг к другу. Апсит не удержался и подошел к ним. Он не нашелся со словами. Чтобы не закричать от собственного горя, просто наклонился и долго гладил их по спутанным волосам. Поначалу смутившиеся детишки быстро осмелели и уже бесстрашно разглядывали незнакомца, находя в этом новую забаву. Со слов старших они знали, что за ними должен прийти спаситель, который освободит их из плена и отправит в родную Абазию. В нем они узнали этого спасителя, и свершившееся с ними чудо настолько поглотило их детское воображение, что обычные потребности не шли в расчет.

Галеры, достигнув назначенного места, уткнулись носом в береговой песок.

— Сообщи, чтобы все выходили на берег, — попросил Стефаний Апсита. И тот громко огласил на абазском слова старшего.

— Мы прибыли, мы вернулись домой, в Абазию, — раздался голос из толпы. Подростков охватило волнение.

— Нет, братья мои, это еще не Абазия, здесь будет ваш временный приют перед тем, как отправиться домой, — пояснил Апсит. Дети поутихли и направились к сходу.

— Пусть галеры возвращаются в порт. Мы же отплывем позже, когда устроим свои дела, передай гребцам, — попросил Стефаний. Апсит отправился выполнять поручение.

Вновь встретившиеся на берегу мальчишки поспешили друг к другу, чтобы узнать о спасшихся родственниках. По всему берегу шла перекличка, организованная старшими. Мальчики собирались в группы по общинам, чтобы держаться вместе на чужой земле. Самой многочисленной оказалась Анухская община. Затем Псырта, Цекварты и Иаштхуа. В

¹ Мать на абахазском.

группах, по обычаю родины, избирались предводители. Затем пятеро избранных сошлись вместе, чтобы выбрать самого опытного. Их занятие прервал Апсит, наблюдавший за всем со стороны.

— Вашим вождем буду я, — обратился он к предводителям общин, — и не только на чужбине. Я устрою отъезд в Абазию и, надеюсь, что, оказавшись дома, вы не нарушите присягу, данную на стороне.

Подростки посовещались и приняли предложение Апсита, не торопясь выказывать свое очевидное согласие.

— Да будет так, — произнес старший из них, которому не было и двенадцати лет от роду. Они приложили правую руку к сердцу и склонили головы перед Апситом.

— Идите к своим и передайте обо всем. Этот человек, — он указал на Стефания, — нам всем теперь отец.

Подростки с понимающим видом разошлись, а многочисленный отряд потянулся с берега в глубь острова. Редкие жители со страхом выглядывали на единственную улицу, по которой растянулось шествие исхудавших и ободранных детишек, жадно разглядывавших все, что походило на съедобное. Стефаний быстро нашел слугу-распорядителя и приказал заколоть двух быков на бульон для всей оравы. Пока шли основные приготовления, местные женщины несли хлеб и молоко для самых маленьких. Мальчишки постарше гордо держались, всем видом выражая безразличие к чавканью малышей. Какой-то несмышленыш поймал курицу, пришедшую поглазеть, а может чем-то поживиться. К нему тут же подбежали старшие и освободили раскричавшуюся птицу. Малыш обиженный заплакал, провожая мокрыми глазами убегавшую добычу. Сломя голову курица побежала к хозяйке и прыгнула в ее подол. Женщина обвела глазами по кругу и, не раздумывая, свернула шею любимой несушке.

— Иди ко мне малыш, — по-гречески крикнула она, — тот перепугался и прижался к товарищам, — не робей, сынок, она твоя.

Малыш не понял чужой речи. Кто-то из старших вышел из толпы, отблагодарил благодетельницу поклоном и забрал птицу.

Первое знакомство с местными жителями состоялось. Стефаний ходил по деревне, подыскивая кров на ночлег. Молодую женщину с ее детьми и десяток самых маленьких определили в большой дом Стефания, остальным предстояло ночевать в хлеву, на сеновале или под хозяйствами навесами, потому как местные люди жили очень бедно, большими семьями умещаясь в однокомнатных домах, покрытых соломой.

Завершив первоочередные дела, Стефаний с Апситом поднялись на рыболовецкую лодку, чтобы быстрее вернуться в город. В пути Апсит поделился, что им удалось вырвать из плена пятьсот тридцать человек, из которых двести пятьдесят были анухцами и сотня из них – его родичами.

– Что стало с их родителями? – поинтересовался Стефаний.

– Говорят, что они погибли?

– Неужели погибло столько человек, Апсит, может это догадки?

– Будь живы, они не позволили бы пленить самое дорогое сердцу – свое потомство.

– Обстоятельства могли сложиться по-разному: кто-то мог быть ранен или просто растеряться.

– Я думаю, они правы... Эта женщина, – Стефаний вздрогнул, поняв, о ком идет речь, – сказала, что моя нана, потеряв рассудок от горя, отправилась в Анакопу, спрятав на груди акинак. Там она призвала начальника гарнизона и ударила его в грудь, не разглядев на нем доспехи.

– Что стало с ней, – дрожащим голосом спросил Стефаний.

– Ее по приказу Иоанна сбросили со стены в обрыв, – ледяным голосом ответил Апсит.

– Упокой Господи ее душу, царствия небесного, – взмолялся Стефаний, скрывая навернувшиеся слезы.

– Да просветится она в мире ином, там, где находятся брат, отец, дядя, даду¹ и многие другие, им веселее, чем нам осиротевшим в этом жестоком мире.

¹ Дедушка на абхазском.

Между собеседниками воцарилась пауза, врачающая мужское достоинство и скрывающая неподобающую слабость. Да и природа будто пришла на помощь, выставляя напоказ чарующие морские пейзажи. Слабый ветер играл с парусом, надувая конец или теряясь в середине, не радуя гребцов, честно справлявшихся со своей работой. Ритмичный всплеск весел о морскую гладь, словно колыбельная, убаюкивал пассажиров галеры. Распознав загадочный замысел ритма, кормчий затянул рыбакскую песню, оживив слух народным мотивом. Его чистый голос, рожденный в морской волне, набирал силу и пробуждал в сердцах слушателей трепетные чувства, заложенные в человеке материю природой. Это был яркий голос природного эллина, не смыслившего что-либо о былом величии своих предков, наперекор политике вырвавшийся на свободу, чтобы возродиться вновь здесь или где-нибудь еще, когда тому наступит время.

Апситу стало легче.

– Стефаний, может не стоит раскрывать Ефрате все подробности.

– Какое-то время спустя пусть все раскроется само собой, – согласился Стефаний, отвлеченный от теплых мыслей, поглотивших его с головой.

Оба чувствовали, что в их жизнь неожиданно пришли перемены. Апсит не мог думать о посещении семинарии, к своему стыду он позабыл о Марии и своем попечителе. «Я должен чтить их, отчего я стал равнодушен?», – опомнился юноша.

– Когда мы сможем вернуться на остров? – в голосе Апсита Стефаний услышал тревожные нотки.

– Не перестаю об этом думать. Мы поскорее доложим о сегодняшних событиях и завтра же вернемся. Однако ты забросил учебу, думаю, этого делать не следует. Что скажет Скепарна, разузнав обо всем?

– Что скажет царь, потерявший царство? Или хуже того – свой народ? – ухмыльнулся юноша.

Стефаний решил промолчать, осознав несуразность своего вопроса.

«Я буду идти по предначертанному пути, – размышлял юноша, – никогда раньше я так явно не ощущал глас судьбы, я знаю, что сделаю сегодня, а завтра буду знать о завтрашних делах».

– Стефаний, мне думается, что Копт будет полезен на острове, до тех пор, пока твой караван не отправиться в Египет.

– Если это не отнимет остаток его душевных сил, оказавшихся на исходе.

– Найдется ли на острове образованный священник?

– Придется выписать из города, если ты решил их крестить.

– Это будет зависеть от их желания, мы им будем помогать, обучим грамоте и Священному Писанию.

– Они готовы на все, ради возвращения в Абазгию.

– Не так все просто, учеба – это большой труд, не каждый сможет проявить должное старание и дисциплину. И времени у нас немного.

– Почему же, разве василевс говорил о каких-то сроках?

– Не говорил, дело в другом, долгое время мы не сможем содержать их всех.

– Апсит, не забывай, у нас в запасе две абазгские галеры, новенькие и прочные, мы сможем взять за них хорошую цену.

– Разве ты не заложил их, чтобы раздобыть деньги.

– Нет, я снял с оборота свои средства и добавил их к вырученным за абазгские товары. Теперь мы можем их спокойно выставить за хорошую цену. Уже то, что они сделаны из абазгского леса – их неоспоримое преимущество.

– И как это можно проверить, разве что поверить тебе на слово?

– Не скажи, бывалые купцы и мореходы хорошо разбираются в лесе, им доказательства не нужны, сами разглядят.

– Хорошо, коли так. А вот и берег, и наши кони стоят на привязи. Если поторопимся, до темноты окажемся в городе.

Стефаний приказал гребцам оставаться у причала до следующего дня. Союзники быстро покинули причал – направились в город на горячих конях. Стефаний вызвался проводить Апсита. Всадники без остановок преодолели путь и оказались у ворот Феофана, когда сумерки опустились на округу.

Феофан радостно встретил друзей, не доставая их докучливыми расспросами. Другое дело Мария. Она неотступно следовала за Апситом, со своими бесконечными вопросами, он, перескакивая с одного на другое и сбиваясь, старался удовлетворить нескончаемое любопытство девушки.

– Чем теперь ты будешь заниматься? – был ее последний вопрос, обрушившийся на Апсита неожиданно. Он долго не находил ответа, потому что на столь просторный вопрос нелегко найти короткий ответ.

– Не знаю, – ответил он, – не знаю с чего начать, – поправил себя Апсит, – скорее я перееду на остров, чтобы облегчить их судьбу и наладить для них обучение.

– А меня не пригласишь туда хоть разок взглянуть на все своими глазами? – вкрадчиво спросила Мария.

Апсит удивленно поднял брови: «Почему бы нет!»

Больше девушка ни о чем не спрашивала – она присела в сторонке и напряженно следила за мужчинами. Апсит смущенно прятал глаза, распознав причину перемены ее настроения. Визит подходил к концу, Стефаний заторопился, вспомнив про неотложные дела. Ехать во дворец было поздно. Встречу с Ефратом Апсит перенес на утро.

Возбужденные и утомленные пережитыми за день событиями, они едва вошли в дом Стефания и растянулись на тюфяках.

И снится Апситу сон, будто на небесах большой переполох. «Еиха зымчу»¹ потерял былую власть и уважение. Афы², обычно восседавший по его правую руку, поссорился с Аергъ, Богом луны и путников, заявив, что он равный с «Еиха зымчу» и когда-нибудь возглавит царство небожителей. Аергъ шумно возмутился, в душе полагая, что первенство после «Еиха зымчу» давно отведено ему – представителю малого светила.

Неразбериха на небесах – невиданное дело. Главный не вмешивался в спор, погруженный в долгую думу, чем и вызвал соперничество. А дел на земле накопилось огромное

¹ Верховный Бог абхазов.

² Бог громовержец.

множество, что и боги ужасались свалившейся на их головы дополнительной работе. Наконец «Еиха зымчу» отвлекся от думы и сообщил духам о намерении провести Совет на небесах. Удивленные духи полетели оповещать богов о назначенному собранию, насторожив всех, более прежнего. «Наверно, его час пришел, иначе не стал бы созывать всех нас на небеса», – размышляли иные из них. Другие полагали, что им придется держать отчет перед главным, и торопились улаживать земные дела. Так или иначе, назначенное время пришло. Слетелись все над вершинами Кавказа, чтобы держать совет.

На своем воздушном троне восседал «Еиха зымчу», облаченный в белые одежды, вытканные из облаков, стянутые золотым поясом невиданной красоты и сокрытой силы. В правой руке Он держал огромный посох, литый из разных металлов и украшенный драгоценными каменьями. Пика посоха была бронзовой, ствол железный, рукоять из серебра. Он весь был изрезан магическими рисунками, не поддающимися пониманию для простого смертного. Голову всевышнего украшал венок из листьев вечного дерева – Древа жизни. Место справа от Него занял Афы, закованный в золотые доспехи, с жезлом в руке, пускающим молнии, сотрясающие землю и небеса. Слева занял место прекрасный Аергъ, похититель чужих взоров и сердец, с налетом грусти и загадочности, источающий тихое благородное свечение. Его любили и на небесах, и на земле. Никто не помнил, чтобы Аергъ гневался за что-то, он помогал всем: и добрым путникам, затерявшимся в ночи и коварным разбойникам, поджидавшим жертву в своей засаде. Рядом с Аергъ присел Ажвеипшаа – многочисленный, многочастный покровитель лесного царства. В спутанных волосах его торчали стрелы, а за поясом – золотой гребень и кнут. Следующим был Аитар – покровитель домашних животных – предводитель своих частей, скромно ожидавших приглашения в сторонке. В правой руке он держал ачарпын, в левой – волшебный кнут. После небольшого раздумья он сел рядом с Ажвеипшаа, хотя ряд, который возглавлял Афы, пустовал. Боги не удивились, зная о том, что с Афы у них древняя вражда, про-

должающаяся и поныне. Вошла розовощекая, пышная Джадж¹, с вплетенными в волосы колосьями проса и пшеницы, ее шею украшало ожерелье – тонкая льняная косичка нанизанная бутонами хлопка. Она смело заняла место рядом с Афы, пошучивая над другими. Анана Гунда², благоухающая ароматом цветов и меда присела рядом с Джадж, знаками подзывающая Дзахкуаждзызлан³ разделить их девичью компанию. Дзызлан провела гребешком по своим волшебным волосам и пошла к ним, сверкая пятками, повернутыми в обратную сторону. Мужественный Щашвы⁴ с правой рукой, подобной молоту и левой – на клещи, гремя стальными ногами-наковальнями тоже занял место, не отрывая взора от пленительной Дзызлан. За ним разместились близнецы Ашацва: добрый и злой. Обычно они сообща наделяют все живое судьбой. Бывает так, что один из них притомится, тогда приваливает кому-то чрезмерно счастья и везения, но случается и наоборот.

За спинами главных встали их помощники – неразделимые части целого. Дочери Ажвейпшаа – за спиной отца. Адшкуща, Жвабран, Джебран, Лышкиантыр и другие встали за спиной Аитар. За Аергь невидимой тенью примостился Цвыблак⁵. Также поступили помощники Щашвы, Джадж и прочих. Аныхи скромно стояли перешептываясь, пока «Еиха зымчу» не пригласил дочерей занять достойное место среди первых. Боги без утайки разглядывали их наряды, сшитые из шкур жертвенных самок рысей и куниц. Золотые цепи, облегавшие их тонкие шеи, поддерживали черепа матерей прадитительниц, источавших тепло и любовь, вещавших будущее. Стройным парадом за спинами восседавших выстроились многочисленные духи-покровители, имевшие право присутствия на общем Совете. Они подчинялись главным Богам и находились под их покровительством.

¹ Богиня плодородия.

² Богиня пчел.

³ Богиня вод, смотрительница водоемов.

⁴ Бог кузнечного ремесла.

⁵ Бог сна.

«Еиха зымчу» поднял приспущенные веки и поприветствовал призванных. Те поспешили спрятать свои глаза от сильного света, исходившего из его глаз. Один Афы не прикрылся и не жмурился, он язвительно посмеивался, уверенный в своем превосходстве. Взгляд «Еиха зымчу», раскрытый на мгновение, дошел до земли, сжигая зелень и нерасторопных животных. Наконец он сжался и сомкнул веки. Все вокруг стало на свои места. Похоже, собрание было открыто, а приглашенные перешептывались, не смея открыто спросить «Еиха зымчу» о причине отсутствия Анцва – матери, жены, главной части «Еиха зымчу», по необходимости замещающей его в отдельных случаях. Главный прервал шум, объяснив, что Анцва появится в нужное время.

– Дорогие Небожители, мы давно не встречались с глазу на глаз, прибегали к помощи духов, чтобы обмениваться извещениями. Если напряжете свою божественную память, то вспомните времена, когда мы жили среди людей, обучая их правилам и законам. Со временем мы стали лишними на земле, потому как люди превзошли нас и в благом, и в постыдном. Высший Разум решил дать им свободу выбора, и мы стали невидимыми, обрели новый дом на небесах, временами спускаясь на землю, чтобы развлечься и позабавиться. Лишенные наставников люди быстро шли вперед, выполняя заветы наши, дополненные разными пророчествами. Временами мы посыпали людям чудные явления в доказательство нашей силы, мы посыпали и несчастья, чтобы люди ценили радости жизни и не забывали нас – своих Отцов и Наставников. Шли века, собираясь в тысячелетия и эпохи. На землю пришло просвещение, развив их представление о Сущности и Разуме. Кто-то первый из них решил, что познал Высший Разум, за ним поспешили другие, возгордившиеся своими «открытиями». Толпы глупцов потянулись кто за одними, кто за другими, с пеной у рта доказывая, что их мысли истинны, а вера праведнее. Человеческий мир раскололся на большие и малые части, не желающие ни слышать, ни подчиняться друг другу. С тех пор на земле идут войны – льется кровь, тысячи исступленных обращаются к нам с молитвами о помощи в убийстве себе подоб-

ных, и сами перед тем, как испустить дух просят о пощаде и прощении. Человечество, созданное и обученное нами для радости и благоденствия, погибает, доходя в своем заблуждении до такого, что считают себя жертвами во имя веры. Высший Дух часто отправлял на землю посланников, называемых среди людей пророками, чтобы вразумить и направить по верному пути ослепших. Что из этого выходило, вы знаете не хуже меня. Сторонники одного пророка вооружаются против последователей прежнего, чтобы силой и кровью отстоят «правоту».

Самый молодой из них – мой сын – побывал среди людей, и скоро предстанет пред вами. С той поры, как был отвергнут и распят, он очищался духом на седьмом небе, чтобы стать одним из нас и быть во всем помощником.

– Не тот ли он, что теперь прославился на земле больше нас и тебя самого «Еиха зымчу», на кого молятся, почитая за Бога, во имя кого разрушили наши храмы его последователи, называющие себя христианами? – заискрился Афы, испуская гром и молнии.

– Если бы он не был моим, – может, и я приревновал, – ответил «Еиха зымчу». – А тебе незачем завидовать. Ты не заметил, как люди забыли о тебе – вспоминают только из страха быть мучительно поверженными.

– Какие люди? Это глупцы, а не люди. Однако есть на земле и другие, что почитают меня за высшую честь и доблесть. Возьмите хотя бы царя абазов, недавно взошедшего по молнии на небеса.

– Абазы – другое дело, – улыбнулся «Еиха зымчу», они верны заветам древнейшим. Теперь это редкость, не годится для примера. – Афы насупился и замолк.

– Я послал сына на землю, чтобы обратить разобщенных людей к единому слову. А то, что ваши храмы разрушены – не жалейте, и не ревнуйте к сыну моему. Чтобы люди вас не забыли, и вы не зачахли от скуки, я отправлю вас в человеческом облике на землю, наделю чудесами, и ваша подорванная слава возродится, вас начнут почитать за святых и блаженных, вам станут посвящать молитвы и отвешивать поклоны, начнут строить новые храмы во всех концах земли.

— Чтоб меня называли каким-то человеческим именем?
— возмутился Афы.

— Ты по-прежнему упрям, — рассмеялся «Еиха зымчу».
— благодаря твоим чрезмерным стараниям, множество людей погибло от землятрясений, наводнений и прочих бед. Люди столько натерпелись, что не хотят вспоминать твое имя, твердо зная, что ты всегда глух к их мольбам. Другое дело, когда ты явишься в облике старца, созвовешь народ и предупредишь о грядущем бедствии. Благоразумные примутся за спасение, те же, кто возгордится и не поверит, будут тобой в скором времени жестоко наказаны. Или, например, ты можешь прийти в земли, где все гибнет от страшной засухи, устроить общий молебен, дать им дождь, и все оживится.

Живые тебя станут почитать за спасителя, твоя слава обойдет все земли. Все же не так будет скучно, как теперь.

— Говоря по правде, мне достаточно надоел людской страх. Эта игра в спасителя мне кажется забавной, — согласился Афы.

— Вот и хорошо, я думаю, что каждый из вас придумает себе добрую забаву.

— Как ты мог уступить первенство какому-то юнцу, — прогрохотал недовольный Щашвы.

— Первенство?! — рассмеялся «Еиха зымчу», — что мне тревожиться по каким-то пустякам, если я одним только взором способен уничтожить все, что задумано Высшим Разумом.

Присутствующие вздрогнули от страха, вспомнив о том, что успели позабыть.

— Время пришло, пройди сюда Анцва с нашим сыном, позови и того, что стоит за завесой. Боги обернулись к входу. По мягкому ковру из облаков, уверенно приближалась Анцва, держа под руку молодого спутника. Высшая любовь, исходящая от нее мельчайшими частичками, объяла все сущее на земле и на небесах. Она задержалась у входа и, одарив улыбкой сына, промолвила: «Проходи родной, твой отец тебя ждет».

Сын опустил руки, скрывая раны на ладонях, и прошел в небесную залу. В то же время упала завеса, и Апсит очутился среди вершителей всего тайного и явного. Юноша удивился себе: «Куда подевался мой страх? Это Анцва укутала своим теплом и любовью», – подумал он, затем вспомнил свою мать и огорчился.

– Не горюй, Апсит, Я твоя нана, – промолвила Анцва, и Апсит поверил ей безрассудно.

– Вот он, чья слава скоро затмит предшественников, полюбите сына моего, будьте рядом с ним. А если кто-то задумает коварный замысел, будет ненавистен и прозовет его люд сатаной и антихристом.

– Благодарю, отец, теперь я вижу в себе силы, чтобы бороться за человеческие души. Какое-то время я смывал с себя слабости, врожденные с телом. Теперь я очистился от страха и сомнений, присущих землянам. Помня о своих прошлых слабостях, прошу вас проявлять божественное снисхождение к людям, они родились такими не по собственному желанию, а по Великому замыслу. В этом их главный непреодолимый грех, идущий от первого человека.

– Хорошо, сын мой. Я продолжу начатое слово. Хочу, чтобы все присягнули ему, а если кто-то охвачен сомнениями – выскажется.

– Мой Всемогущий Брат, – начал Щашвы, разве может Солнце перестать светить, объясняя это великой любовью ко всему живому?!

– Продолжай Брат, – заинтересовался «Еиха зымчу».

– Разве может всадник бросить коня своего в минуту величайшей опасности, не воспользовавшись им для единственной возможности к спасению, или пастух бросить стадо свое, подвергнувшись недоброму внушению со стороны?! Произойди такое, разве будем мы судить несчастных за то, что погибли, не ведая о спасительном пути?!

Владыка, с древнейших времен мы служим абазам за их верность и искренность. Они по-прежнему хранят свою Священную землю и память о Древе жизни, подаренные тобой. Великой ценой отстаивают святыни, завещанные им

предками, приносят себя в жертву лучшие мужи этой страны. Разве можно отвернуться от прочной верности, предпочитая увлечение новой моде, появившейся среди людей совсем недавно?

— Твои слова искренни, Щашвы, и потому я отвечу, — промолвил «Еиха зымчу». — Об абазах я поведу особый разговор. Многое несчастий выпало им за веру отцов и древние обычаи. Первое испытание мечом они уже прошли. Теперь их ждет новое испытание — корыстолюбием. Если сила золта не одолеет их сердца, объявию их избранными и возьму под защиту от любых притеснений на вечные времена. До тех пор пусть будет по единому правилу. Скажу еще одно: более никто не посмеет принуждать их силой к новой вере. Афы, Аергъ и ты — Щашвы — проследите за моим решением.

Божественное собрание заметно оживилось. Щашвы ударили рукой-молотом по ноге-наковальне, не скрывая свой восторг. Тонкий зуммер сопроводили шипящие искры, испускаемые Афы. Только Аергъ молчаливо излучал холодный свет, не показывая своего вдохновения. Дзызлан возбужденно шипела, перебивая ворчание Джаджа и вызывая насмешки Ажвеипшаа. Тот не раз оказывался свидетелем любовных игр Дзызлан с охотниками, попадавшими в ее сети. Тосковали и дочери Ажвеипшаа, не смея говорить в присутствии отца. Их груди вздрагивали от пронизывающего волнения.

— Зря насмехаешься, старик, лучше дочерей своих отчитывал бы, — огрызнулась Дзызлан, намекая на их тайные связи с лучшими абазскими охотниками.

К удивлению «Еиха зымчу», его дочери Аныхи даже прослезились, оправдываясь перед отцом своим сочувствием к наивным абазам.

— Вам также следует покровительствовать абазам, — сжался над дочерьми «Еиха зымчу».

— А мы? Чем мы хуже кого-то? — завелись остальные, устроив нешуточный переполох.

— Земное время быстротечно, немного потерпите, все разрешится само собой, — остановил споры «Еиха зымчу».

«Где такое видано, чтобы перечить «Еиха зымчу», – размышляли небожители, возвращаясь в родные места, – ведь он хранитель Высшего Разума и носитель Святого Духа».

* * *

Апсит проснулся и неподвижно лежал, потрясенный. Он, чтобы не утерять что-либо важное из вещего сна, несколько раз пересказал его, перебирал в уме подробности, пытался их разгадывать. «Неужели Апсха¹ погиб?» – Апсит похолодел от собственной мысли. «Вероятно, его сразили из засады подосланные римлянами убийцы…

Афы поведал, что он оседлал молнию, значит, теперь он афырхаца²…

Как это ему удалось – не ясно. Одно верно – его нет среди живых. Хорошо то, что не будет больше бессмысленных, жестоких убийств». Апсит снова вспомнил про свою мать и понял, что и ее нет в живых. Но сейчас эта мысль ему не причинила боли, потому что Анцва теперь его нана, значит и матери хорошо в мире ином.

Апсит встал и машинально оделся, все еще охваченный волнением. «Может, это и есть глас Высшего Разума?» – решил он и уверенно принялся за сборы, на ходу вспоминая родные краски и запахи Абазии. Радость растеклась по всему телу, он уже не боялся вернуться в опустевший мир, где не осталось никого из близких. Он должен будет заполнить его собой и такими же сиротами. «Мы будем жить без ненависти и зависти», – решил Апсит, пока не зная, что для этого следует делать.

«Если бы молодость знала, если бы старость могла...»

¹ Царь Абазии.

² Герой, равный громовержцу Афы.

* * *

Всадник, спешивший во дворец, отдаленно напоминал прежнего Апсита. Юношеская торопливость и вспыльчивость переросли в созерцательность и уверенность, проявлявшуюся в поступи идущего по коридорам дворца.

— Передайте, что Пантелеймон ждет встречи, — опередил вопрос слуги юноша. Тот, конечно, узнал посетителя, быстро прошел внутрь и тут же вернулся. Сам Ефрата встретил Апсита почти у порога, перекрестил себя, затем Апсита и вопросительно взглянул на него.

— Мы успешно выполнили твое поручение. Абазские мальчики находятся теперь на острове в поместье Стефания, — дополнил он.

— Вот как?!

— Там дружелюбная обстановка и крайне редко появляются посторонние, есть кров и пропитание. Там мало такого, способного отвлечь от занятий, если мы примемся за их обучение.

— Ты хочешь грамоте их обучить?

— И Священному Писанию тоже.

— Мой выбор пал на тебя именно по этой причине, — оживился Ефрата, не упоминая о василевсе. — Ты обладаешь даром предвидеть или угадывать мои мысли и налаживать дела самостоятельно. Такое не часто проявляется в твоем возрасте, ты необычный. Я был бы рад видеть в тебе надежного союзника в предстоящем для нас начинании. На нас с тобой выпала особая миссия, — Ефрата поднял голову к небу, но быстро опустил, обнаружив над головой потолок, — мы должны донести слово Божие и до абазов, живущих на родине. Мои мысли всецело посвящены этому предприятию.

— Какую помощь окажет василевс?

— Все, что мы посчитаем нужным, — воспарил Ефрата. — Над этим вопросом предстоит подумать.

— Пусть построит храм для абазов — да такой, чтоб не хуже был здешних. Увидев благолепие, абазы скорее поверят, что Бог будет обитать в жилище, словно человек.

– Что еще?

– Пусть даст учителей, чтобы абазы обучались грамоте у себя дома и на родном языке.

– С первым соглашусь, а второе следует отложить, пусть осваивают греческий и латынь, чтобы познать Священное Писание.

– На родном они легче бы восприняли познания.

– Какое будущее у твоей теории? Зачем множить языки, когда все знания мира можно познать на греческом и латыни, именно так и делают люди, не утруждая себя излишними многотрудными переводами? Чем быстрее они познают римскую культуру, тем раньше они откажутся от варварских привычек и станут цивилизованными людьми. К чему им абазский язык, жизнь которого заканчивается у границ Абазии?

– Не мудрено, если наш язык переживет время блестящих цивилизаций, тому примеров мы найдем немало.

– Ну, высказывайся, – увлекся спором Ефрат.

– Где древний язык Египетских пирамид или изобретателей библейского письма – финикийцев, что станет с латинами совсем скоро, когда в Риме большая редкость латинская речь? Я знаю, что мой народ проводит многих в последний путь, презревших мою родину.

– И что из того, Пантелеимон? Разве это важно? Главное – вера в Христа и близость к его учению. Потому что наступит судный день – и тогда по вере каждому воздастся.

– Аминь, только путь к истинной вере на привычном языке будет короче.

– Если ты займешься этим, я не стану противиться, – уступил Ефрат и перекрестился у Святого образа. – Васильевс повелел, чтобы расходы по содержанию и обучению мальчиков мы взяли на себя... Разыщи недорогих наставников – главное, чтобы дети уверовали, там уже им откроется путь домой, в Абазию.

– Среди ребятни немало твоих родичей, они хоть и малы, но соображением богаты, кто-то прослышил о тебе и расспрашивал.

– Что их более заинтересовало, мое положение или со-
стояние?

– Нет, они были рады узнать, что их давно пропавший
родич жив, здоров и гордится твоим участием в их освобож-
дении.

– Надо навестить бедняжек, я сберусь и как-нибудь
проеду с тобой до острова, скорее, в следующий раз. Ты же
не навсегда покидаешь город?

– Какое-то время я побуду среди них. А как все боле-
менее наладится, приеду в город искать учителей.

– Вот тогда и заглянешь ко мне.

– Договорились.

– Ступай, с Богом, – Ефрата перекрестил Апсита.

Апсит покидал дворец с еще большей спешкой, чтобы
вырваться из сумерек коридоров и вдохнуть полной грудью.
Но увы, едва он шагнул на площадь и сделал долгожданный
вздох, пуще прежнего погрузился в разочарование. «Нет, не-
вмоготу мне больше здесь оставаться», – решил Апсит и на-
правил коня к дому Стефания. Немного позже, поразмыслив,
он свернул к дому попечителя.

Был воскресный день, дом переполнялся шумными
голосами. Апсит завел жеребца в конюшню и поручил слу-
ге. Затем поднялся в свою комнату, собрал вещи и пись-
менные принадлежности в один узелок и спустился в при-
хожую.

– Крестный отец, прими глубокую благодарность за уча-
стие и внимание, оказанные тобой и твоей семьей. Я в не-
оплатном долгу за помощь и любовь, проявленные вами. Не
пochtите за неблагодарность мое намерение уехать, однако
обстоятельства того требуют. Я обязательно буду приходить
к вам по приезду в город.

– Надеюсь, Пантелеимон, ты ведь наш сын, хоть и крест-
ный. Не раздумывая приходи, чтобы не постигло тебя – ра-
дость или несчастье. Феофан и его супруга поцеловали юно-
шу в голову на прощание. Старшие девчонки, мило улыбаясь,
помахали ручками, Мария долго стояла оцепеневшая, Апсит
решительно вышел за порог. Феофан провожая, последовал
за ним.

– Разве ты пешком, Апсит? Что стало с твоим конем?

– Я вернул его хозяину. К чему мне конь на острове. Твой конюший его любит и хорошо смотрит – здесь он у себя дома.

Феофан замялся – так уверенно прозвучали слова юноши: «здесь он у себя дома».

– Позволь подвезти, не пойдешь же ты через весь город пешком?

– Почему же? И тебе с семейством надо в церковь к службе не опоздать, – Апсит развернулся и прибавил шаг. Под пристальными взглядами в спину он завернулся за поворот и оглянулся, чтобы убедиться, что остался один.

Стефаний с нетерпением ждал возвращения абаза. Отправленные им к галере повозки с провизией уже вернулись пустыми. Оставалось самим добраться в порт, где их ждала команда гребцов и Копт, согласившийся ехать на остров. Поэтому Стефаний, завидев в конце улицы пешего Апсита, приказал слугам выводить коней. Чтобы не терять время попусту, он уселся первым в седло, за ним последовал слуга, и они оба выехали навстречу юноше, ведя за узду оседланную лошадь. Апсит прибавил в шаге...

* * *

Близился вечер, когда галера встала у берега. Сотня абазских мальчуганов с криками и свистом помчалась навстречу. «Еще вчера они валились с ног», – повеселел Апсит. При виде старших мальчики затихли, но живо переглядывались, не скрывая своего любопытства. Апсит отдал им приветствие, словно предводитель своему войску. А те довольные, подобно воинам, в ответ подняли правую руку над плечом.

– А теперь хватайте, кто что осилит и тащите в лагерь, – скомандовал Апсит. Не успел растаять его голос, как мальчишки забрались на галеру и похватали тюки с провиантом.

Пятеро юных предводителей почтительно сопровождали Стефания и Апсита до дома. Апсит пригласил их зайти для разговора.

— Присядем, так будет лучше, — предложил Апсит. — Как шли дела в наше отсутствие, расскажите подробно.

— Предводитель, за ваше отсутствие ничего достойного внимания не происходило. Малышня, вкусив сытную пищу, перестали ныть и повеселились. Половину дня мы исходили вдоль берега острова в поисках хоть каких-нибудь дров — с трудом запаслись на пару дней; из жердей соорудили большой навес и накрыли его соломой; часть соломы пошла на устройство подстилок для ночлега. Если будет позволение, мы срубим несколько деревьев, соорудим из них столы и лавки под навес. В дальнем конце острова мы набрели на жирную глину, пригодную для изготовления необходимой нам посуды. Дичи на всем острове не сыскать: чем эти люди питаются?

— Дичи здесь нет, зато рыбы в море вдоволь. Наберите группу в десять человек, которая будет занята рыбным промыслом.

— Стефаний, у тебя найдутся лодка и снасти? — погречески спросил Апсит.

— Мы сделаем по-другому, завтра я вызову опытного рыбака, он станет во главе абацкого отряда и обучит их промыслу... Погоди, в подвале дома когда-то лежали сети, может, и теперь они там, если не сгнили. Сейчас узнаем у смотрителя.

— Петрос, ты где? — в комнату вошел рослый мужчина с крючковатыми руками, — не помнишь, у нас в подвале сети были?

— Как же, хозяин, — смущился слуга, — только не гневись, что без спросу ими пользовался.

— Ну и хорошо, значит, они в сохранности.

— Да, они уложены игодны для промысла.

— Видал, какой толковый у меня распорядитель, — похвастал Стефаний — утром все окончательно обсудим, будет у них своя рыба, а если дело пойдет, то и монету смогут выручить.

— Это не по их части, — вставил Апсит. — Подскажи, где можно взять древесину на разные нужды?

— Дерево мы сами покупаем, здесь не рубим. Бывает, выпадет какое во время сильных ветров, тогда расходуем, а так — нельзя.

– Придется купить, на столы и лавки нужен брус, а на дрова что похуже.

– Хозяин, – вмешался распорядитель, – на другом конце острова в зимние шторма море сильно подмыло берег, дошло до сосновой аллеи, высаженной твоим отцом. Два дерева сильно наклонились и по причине всесильных законов природы долго не устоят. Может, повелишь их снять для теперешних нужд?

Стефаний бросил недоброжелательный взгляд на советчика – новость ему не понравилась. Тут он уловил звуки за перегородкой. Там играла абазская девочка, подымая голос, порой, выше обычного, тогда раздавался нежный материнский шепот, и девочка притихала.

По неписаному закону его отца Захария на острове за прещалась рубка деревьев. Долгие годы его завет исправно выполнялся. Но голоса за стеной подсказывали, что теперь здесь жизнь пошла по-иному. Что значит судьба старого дерева, когда совсем недавно эти люди потеряли близких и только теперь обрели надежду на лучшее?

«Прости меня отец», – задумался на минутку он, а затем обратился к сидевшим в зале. – Поступайте, как считаете правильным, только чтобы пней не оставалось. Апсит перевел мальчикам суть беседы.

– Конечно, – одобрительно закивали они в ответ. – Мы видели это место, на ствол повыше мы накинем веревку и вырвем его с корнями. Море промоет его от земли, и мы заберем все без остатка.

– Поговорим о другом, – перевел разговор Апсит. – кто из вас владеет грамотой или науками? Мальчики молчали. – Вы должны знать, – продолжал он, – что теперь Абазии нужны не столько воины, сколько владеющие грамотой люди. В скором времени мы займемся обучением. Для этого организуем небольшие группы, которые будут называться классами. Когда мы найдем учителя, он составит расписание для каждого класса, и вы приступите к занятиям.

– Для чего Абазии столько ученых людей? – спросил мальчик по имени Джыр?

– Видишь ли, для того, чтобы стать непобедимым – надо быть самым сильным.

– Это мне понятно.

– Нет другой силы кроме знаний и веры, умения пользоваться ими, Джыр. Наша главная цель – научить абазгов греческой вере, вы должны читать Святые Писания, чтобы по-настоящему проникнуться благочестивым словом.

– Апсит, ты нас спас, чтобы сделать из нас предателей? – снова спросил Джыр.

– Ты полагаешь, что мои чувства к Абазии и памяти предков чем-то запачканы?

Юноша предпочел отмолчаться на столь прямой вопрос, но в его глазах светилась непреклонность.

– Меня никто не принуждал принять Христа, и каждый из вас волен поступать по собственному соображению.

– Если от этого зависит наше возвращение домой, мы все покрестимся, ты только намекни, – сказал младший из них, по имени Джат. Другие зашипели на него:

– Давать ложную присягу Богу – страшный грех, не достойный абаза.

– Верно, – выпалил Джыр, – не бывать тому!

Джат склонил голову, устыдившись своим словам.

– Идите к себе, утром увидимся, у вас будет время, чтобы все обдумать.

Мальчики отправились в лагерь. Апсит погрузился в мысли, возбужденный прошедшей беседой. Стефаний прислушивался к шуму за стеной. Там суeta понемногу стихла – теперь доносились нежные звуки абазской колыбельной. На непонятном ему языке женщина-мать негромко напевала простую и трогательную мелодию, струящуюся подобно горному роднику, то шипя, то журча, то звеня многозвучием древнего языка, волею судьбы оторванного от родины. Малыши, ублаженные, зысыпали, забывая страх и боль пережитого, теперь она одна была им всем матерью. На другом конце земли другая мать пела колыбельную, разрывая свое сердце, чтобы скорее умереть от отчаяния, а иная, чтобы пережить разлуку.

– Пантелеимон, кто она, как ее зовут, – вышел из оцепенения Стефаний.

— Она дочь начальника Анакопского гарнизона, убитого в Трахейском сражении, там же погиб ее муж Крита. Зовут ее Рити.

— Это не тот инженер, которому Скепарна поручил строительство лагеря?

— Тогда я был здесь, но его историю в Абазгии все знают.

— Он же был греком.

— Да, но погиб как абазг...

— Как случилось, что ромеи взяли Трахею, она же неприступна?

— Говорят, было предательство...

— Кто взял на себя грех за погибель людей и целого царства?

— Все, что я знаю — это слухи, достойно ли их повторять? Я знаю точно, будь Скепарна в Абазгии, ушли бы ромеи побитые.

— Все-таки, кто мог продать свою душу за посулы со стороны?

— Тот, у кого нет головы и сердца, он тоже погиб, погибли и его сообщники. Кому нужны предатели?! Говорят, это была привратная стража, они не заперли ворота, когда приблизился враг, преследовавший отступавших. Они были тайными сообщниками Хмыча — надеялись выдвинуться в покоренной Абазгии...

— Все это старо, как наш бренный мир.

Какое-то время оба помолчали, каждый думал о своем. Стефаний проникся еще большей жалостью к молодой матери, потерявшей родину, мужа, родственников, положение в обществе. В комнате догорали свечи, наполняя воздух едкой гарью. Позднее время напоминало о себе, сковывая тела усталостью. Они встали, чтобы отойти ко сну.

Наутро, едва луч солнца коснулся стен комнаты, мужчины пробудились. Отовсюду доносились звуки бурной хозяйственной деятельности. Пристыженные, они быстро оделись и выскочили во двор. Там в деревянном поддоне Рити мыла горшки и котелки. В стороне мальчишки спорили за право поступить в рыболовецкую артель, поодаль лежали сети в

ожидании выхода в море. Апсит прислушался к спорщикам. Один из них старался доказать товарищам, что он хорошо знаком с морем и рыбным промыслом и готов возглавить это дело. Другой мальчуган не соглашался, сомневаясь в способностях первого. Третий твердо стоял на том, что возглавить это дело способен лишь опытный мореход, но не тот, кто знает, что рыба – существо с плавниками. Их спор только разгорался, Апсит окликнул абазов, они ответили приветствием и утихомирились.

– А где же лодка, вмещающая стольких рыбаков? – спросил их он.

– Она на берегу, все готово, мы ждали твоего слова, – ответил за всех Джыр.

– Берите сети, пошли! Мальчишки ухватились за большой сверток и побежали к воде. Небольшая лодка на пять гребцов стояла на берегу, уткнувшись носом в гальку, и слегка покачивалась на утренней волне.

– Кто из вас может выйти в море и вернуться с добычей? От этого будет зависеть судьба всего лагеря. – Апсит пристально вглядился в лица.

– Я – после некоторого раздумья сказал тот самый, что спорил во дворе, – я постараюсь взять рыбу, хотя сети надо было ставить несколькими часами раньше.

– Разве, – притворно усомнился Апсит?

– Пока мы выйдем в море, рыба уйдет от берега вглубь.

– А что, там нельзя ее поймать?

– Она ложится на дно, этими сетями ее не достать.

– Он возглавит это дело, – постановил Апсит, – выбери себе помощников и распоряжайся всем. Как тебя зовут?

– Я Барныку, из Псырты.

– Удачи тебе Барныку.

– Обещаю, что без рыбы не вернусь, – ответил счастливый мальчуган. Он тут же отобрал команду и принялся отдавать распоряжения.

– Откуда ты это познал? – поинтересовался Апсит.

– Мы жили на берегу, отец с братьями имели парусную галеру и много сетей. Я был старшим из детей, мне приходилось помогать в море.

– Что же ты делал?

– Я распутывал из сетей рыбу.

Слышавшие разговор мальчишки громко рассмеялись, Барныку смущился и покраснел.

– Ваш смех мне напомнил спор видевшего медведя с тем, кто учゅял только его след. – Смех прекратился. Барныку осмелел и поднял голову. – Поспеши рыбак, а то твой улов уйдет на дно.

Все это время Стефаний находился во дворе, не находя в себе силы уйти или приблизиться к ней, казавшейся ему божественной девой. Женщина заметила на себе робкий внимательный взгляд и уткнулась в работу. Ее посуда была уже вымыта, но она продолжала ее тереть, чтобы не обернуться и не встретиться с ним взглядом. На веранде играли малыши, кто-то из них громко заплакал, Рити оставила посуду и поспешила на крик. К малышу первым подоспел Стефаний, он поднял его на руки и принял ласкать, проявляя столько чувств, что ребенок успокоился и начал забавляться. Женщина собрала вымытую посуду и проскользнула в дом, к очагу, чтобы состряпать еду для детишек. Как назло костер затух: испуская кривой столб дыма, пыхтел, не выпуская языков пламени. Рити стала на колени и принялась дуть на слабые угли. Костер упрямился, она решила не уступать – со всей силой дула на огонь, чтобы скрыть истинную причину учащенного сердцебиения. От собственного неистовства у нее закружилась голова, она покачнулась и уперлась руками в пол. Чьи-то сильные горячие руки обхватили ее стан и оторвали от полу. У Рити сильнее закружилась голова. Стефаний осторожно уложил ее на тахту. Убедившись, что женщина пришла в себя, он решительно подошел к костру и быстро сломил его сопротивление.

– Ты понимаешь по-гречески? – спросил он.

– Да, – ответила она и присела.

– Не вставай, передохни, сейчас огонь разгорится.

– Мне уже лучше, – женщина встала и вышла из комнаты. Стефаний ожидал ее возвращения, вздрагивая изнутри. Спустя какое-то время Рити вернулась с глиняной миской в руках, наполненной пшеничной мукой.

— Как тебе нравится на нашем острове, Рити? — ее имя он произнес с особой нежностью, так, что женщина насторожилась.

— Спасибо тебе за гостеприимство, ты добрый человек, коль приютил и терпишь чужих людей у себя дома, тратишься на них.

— Ваш царь Скепарна ради меня поступил бы также. Нет, пожалуй, я не прав, он собрал бы войско и уничтожил бы моего врага. Я же жертвуя меньшим.

Женщина выпрямилась и устремила на собеседника твердый взгляд:

— Тогда он должен перевернуть полмира, чтобы искупить кровь и поруганную честь своего народа.

— Я надеюсь, Рити, что все образумится без жертв.

— Абазги никогда не забудут Трахейской битвы....

Стефаний понял и то, что женщина сказать не посмела. Он был разочарован ходом беседы, совсем другим представлялся ему их первый разговор.

С веранды раздались громкие звуки быстрого шага и детский смех. В комнату ворвалась дочь Рити, ее шумно настигли двое братьев. — Нана, нана, — лепетала девочка и вдруг резко осеклась, увидев в комнате хозяина. Мальчишки тоже притихли и насторожились.

— Благодетель, будь добр сказать, далеко ли отсюда остров Крит?

От упоминания этого названия Стефания передернуло, наверное, он изменился в лице, потому как женщина тут же стала извиняться.

— Ничего такого, Рити, не бери в голову..., — наконец Стефаний возобладал над собой. — До острова от нас почти столько, как до Абазгии.

Женщина поникла, у мальчишеч загорелись глаза, воспыпало лицо девочки.

— Ты хочешь там оказаться? — продолжил Стефаний. Женщина не спешила с ответом. На ее лице одна за другой менялись маски.

— Пожалуй, нет, скорее бы попасть домой — в Абазгию.

— Но ведь там все разрушено, без средств, без близких и родных тяжело налаживать жизнь.

– Там их могилы, там наше место и там наш дом.

– Да, Рити, это так, я приложу все усилия, чтобы вы оказались на родине...

Стефаний вышел во двор и пошел по аллее, высаженной его отцом, надеясь развеять собственное волнение. Долгие годы он не прохаживался по этим местам. Встречавшиеся по пути жители поклоном приветствовали своего хозяина, а он напрягал память, чтобы вспомнить их имена, но тщетно, и торопливо проходил мимо, стараясь не выдавать свою забывчивость. Аллея проходила по всему острову. Он забрел далеко от дома, когда ему повстречались мальчики с корзинами за плечами, наполненными землей.

– Что это вы на себе тащите? Зачем? – спросил он. Ребята недоуменно переглянулись, не понимая чужую речь. Поняв, что ему с ними не договориться, Стефаний знаками показал, чтобы они продолжали свой путь.

«Должен полмира перевернуть, чтобы смыть позор и искупить невинную кровь». Это изречение словно застяжало в голове Стефания. Сложившиеся годами взгляды человека оказались под ударом. Он по-другому стал вглядываться в лица встречных, становившихся кроткими и добрыми при нем. Их вежливый поклон и опущенный взгляд теперь настораживал доброго друга Стефания. «Они никогда не забудут Трахейской битвы, передавая из поколения в поколение память о пролитой крови и позоре рабства, в который их повергли когда-то. Может, это поможет им избежать в будущем страшных повторений? Что имела в виду эта женщина – абазгская Афродита?» – С тревожными мыслями он шел и размышлял. Вдруг дорожка оборвалась, смытая коварными штормами. Стефаний осмотрелся, чтобы найти продолжение пути и услышал абазгскую речь. Он свернул на голоса и продолжил путь по береговому песку к силуэтам абазгских мальчиков. Стефаний прибавил шаг, и скоро настиг их, едва не столкнувшись с Апситом.

– Это ты? – промолвил он равнодушно, скрывая раздражение. Меньше всего он желал этой встречи сейчас. Апсит молча посторонился – он никогда не видел таким Стефания.

Тот равнодушно смотрел, как абазги, обвязав веревками, вырвали с корнями наклонившееся дерево и шумно волокли его к морю, чтобы очистить в моркой волне.

Стефаний продолжил путь, еще долго он ходил вокруг всего острова, и далеко за полдень оказался возле дома. Абазги шумно радовались какому-то событию, он решил узнать причину возбуждения. В почетном кругу стояли несколько мокрых мальчишек, держащих в руках по рыбине. «Похоже, радуются первому улову». Кто-то из мальчишек дал знак другим, все обернулись и поприветствовали Стефания. Это его немного развеселило.

— Приглашаем поесть, — на ломаном греческом обратился кто-то из старших.

— С радостью, — ответил он и разместился на появившейся откуда-то табуретке. Мальчики быстро принялись за стряпню. Кто-то чистил рыбу, другие готовили угли и деревянные вертела, на одном из костров накалялась каменная сковорода, рядом месилось тесто. В мгновенье ока потянулись аппетитные ароматы. Какой-то мальчишка с трудом приволок в большом кувшине колодезной воды и полил на руки Стефанию. Теперь он подсел к столу. Перед ним положили еще горячую рыбину и ломоть хлеба. С большим усердием Стефаний принял за еду, вспоминая свое веселое детство на этом острове. (Пройдет много лет, прежде чем Барныку признается, что эта рыба была украдена им из чужой лодки...)

В большом доме остывал обед. Рити покормила детей, но сама к еде не прикасалась, ждала хозяина дома. Временами она выглядывала во двор, чтобы рассеять тревогу.

«Я была сурова, и обидела хозяина, мой бедный муж отчитал бы меня, — переживала женщина. — Он не придет обедать, он вообще не придет, чтобы не встречаться со мной». Рити начала убирать со стола, так и не притронувшись к пище. Вдруг на веранде раздались шаги. Полная надежды она напряженно застыла — в комнату вошел Апсит.

— Не убирай, я проголодался, а где Стефаний?

— Он ушел утром, — дрожащим голосом ответила Рити и долго не могла прийти в себя от волнения.

– Вижу, ты не ела, давай поедим вместе.

– Что-то не хочется, я потом.

– Рити, не упрямься, как сестру прошу. Женщина уступила уговорам и присела рядом.

– У тебя ведь нет сестры, Апсит?

– Мне всегда хотелось ее иметь, будь мне сестрой здесь на чужбине.

– Здесь мы все братья и сестры, Апсит, можно я буду тебе сестрой до конца жизни?

– О такой чести я и не мечтал, тогда и твои дети станут моими братьями. Были бы мы в Абазии, по такому случаю закололи бы быка, пригласили бы много гостей, как в былые времена, пили бы вино и пели песни. Пить вино я не успел научиться, песни покинули мою душу, я плохой абаза Рити,

– юноша опечаленный задумался. – А я помню его вкус и аромат, неужели на этом острове не делают вино? По такому случаю я что-нибудь придумаю, сперва найду Стефания, он будет свидетелем нашего решения.

Апсит встал и вышел, не заметив тревоги Рити, не услышав ее слов «не надо». Он шел быстрым шагом к лагерю, приглядываясь к встречным.

– Джыр, ты мне нужен, где Стефаний, не знаешь?

– Он там среди наших.

Дальше они пошли вместе. Стефаний сидел на табурете и забавлялся с малышами: убирал руки за спину и там перекладывал веточку из одной в другую, затем выставлял перед ними оба кулака и приговаривал: «А теперь угадайте». Малыши хватали его за кулаки и визжали от счастья, если удавалось обнаружить палочку.

Стефаний, я хотел тебе что-то сообщить.

– Говори, нам никто не мешает.

– Найдется на этом острове хоть немного вина?

– Апсит, если ты хочешь выпить, мы найдем много, очень много хорошего вина.

– Да, я хочу выпить по хорошему случаю, надеюсь, и ты поддержишь нас.

– Конечно, только что за повод?

– Мы с Рити решили породниться?

— Как это, — удивился грек?

— Видишь ли, у меня никогда не было сестры, у нее в живых никого не осталось, мы будем братом и сестрой, а тебя призываем быть свидетелем. Пойдем скорее, я обещал быстро вернуться.

Стефаний, скрывая под личиной усталости свою нерасторопность, уступил просьбе младшего друга. Всю дорогу Апсит увлеченно рассказывал истории родной Абазии, заражая искрами радости и слушателя. Наконец они остановились у дома.

— Следуй за мной! — повелел Стефаний и толкнул дверь в подвальное помещение. В полуумраке завиднелась в каменной стене еще одна дверь, закрытая добрым засовом и замком.

— Открывай, — он протянул Апситу ключ. Юноша справился с замком, снял тяжелый засов и отворил дверь. За ней в полуумраке открылся большой погреб, заставленный пифосами.

— Бери любой и неси наверх, — распорядился хозяин. Апсит оторвал от земли тяжелый сосуд и вынес его на двор. Стефаний помог обмыть снаружи пифос и поднять его в гостиную.

— Вот то, чего нам не доставало, — весело заявил Апсит, входя в комнату с пифосом в обнимку. Рити подала подставку для сосуда и тайно обрадовалась, услышав голос Стефания. Она глубоко вздохнула и оглядела расставленную посуду.

— Почему наш праздничный стол накрыт на двоих? — удивился Стефаний.

— На самом деле?! — встревожился Апсит.

— Я буду рядом, поухаживаю за вами, — как-то неуверенно ответила Рити.

— Так дело не пойдет. Раз ты согласна быть Апситу званой сестрой, то сядешь рядом и отпразднешь с нами, — настаивал Стефаний. По всему было видно, что женщина колеблется, принять ли предложение или настоять на своем.

— Только так у нас получится праздник, — убеждал ее и Апсит. Рити, поборов сомнения, неуверенно подвинула к столу еще одну табуретку, ловко расставила блюда и разлила в кубки вино.

Стефаний поднял свой кубок. — Друзья, спасибо Богу за сегодняшний день, и да сбудется задуманное вами.

– Аминь, – поддержал Апсит и отпил несколько больших глотков. – Я не видел на острове виноградников, откуда это вино?

– Да, здесь виноград плохо родиться из-за сильных ветров и туманов, а вино привезено из далекой страны. Попробуй сам угадать.

– Как же я это сделаю, если нигде не бывал.

– Ну, хотя бы по аромату, – грек лукаво улыбнулся.

– Остается только предположить, что оно из Абазгии.

– Посмотрите на него. Угадал. – Стефаний искренне веселился.

– На самом деле?! Рити, это вино из Абазгии, попробуй. Ведь я уехал, так и не успев научиться винопитию, но его вкус мне кажется теперь знакомым и родным.

Рити отпила глоток. Радость и смятение заиграли на лице женщины, ей хотелось то смеяться, то плакать – так сильно нахлынули воспоминания.

– Вы, Пантелеимон, задумали важное дело. Осиротела Абазгия, вы все осиротели. Теперь, выжившие должны поклониться, ваш просвещенный дух подсказал верное дело, да благословит вас в задуманном Господь наш Иисусе Христе.

– Стефаний осушил свой кубок.

– С этого дня, Рити, мы с тобой названные брат и сестра, я буду для тебя и детей опорой и защитой.

– Я буду ласковой и внимательной сестрой, да упадут твои беды на мою голову, Апсит.

– Пока я жив – буду тому правдивым свидетелем, – добавил Стефаний...

* * *

Гребцы налегали на весла, ритмично выталкивая галеру в море. Апсит удобно расположился на корме и вглядывался в берег острова, пока не растаяли силуэты провожавших. Последним исчез силуэт Копта, которому Апсит поручил опекать подростков.

В последнее время стариk сильно сдал, проявляя полное равнодушие к сущему. «Я слышу их голоса, они меня призывают», – ответил он Апситу, поясняя свое равнодушие. «Мне надо быстрее добраться до родины, это мое последнее и единственное желание», – вспомнил Апсит его слова и крепко задумался.

«Чему мы служим с рождения до смерти? – Своему телу, питая его пищей и всем необходимым; мы служим чужим и собственным желаниям, основанным на суждениях о необходимом, полезном и приятном.

Молодость любуется своей красотой, зрелость – глубиной познания. Что же делает старость? – задумался он. Переbrал в памяти знакомых старцев. А старость то, оказывается, различается. Видимо, она служит вере во имя будущей жизни, – заключил он. – По мере того, как тело медленно умирает, все прошлые тревоги и стремления становятся бессмысленными. Остается надежда и вера в мир иной, что там откроется так и не открывшийся здесь главный смысл, когда не надо будет служить бренному телу, бороться за его сохранение и выживание. Кто потерял веру и надежду, наверное, впадает в жуткий страх.

Что важнее – наши чувства или мысли? А разве может быть одно без другого? Для рассудительных людей – скорее мысли, но и они должны родниться с чувствами... Тут он вспомнил рассказ деда Урыма про старого охотника по имени Киас.

ЕГО ПРОЗВАЛИ АБРСКИЙ

Занималось обычное летнее утро. На лугу, покрытом бисером девственной росы, во всю трещат кузнечики. Не скучают и птицы, они торопятся насытиться до полуденной жары, чтобы переждать ее в тенистых пределах. Кажется, что ничто не в силах остановить всеобщую трапезу дикой природы.

Появившийся в конце поля пожилой мужчина с сачком в руке не помешал удачной охоте маленькой птички. Она пролетела рядом, отягощенная коричневым кузнечиком в клюве. Человек не заметил происшедшего. Его занимали другие чувства и мысли, он тяжело ступал, срывая с травы капли живительной влаги. Растропанные насекомые едва успевали ускользнуть из-под тяжелых ступней его, другие, так и не поняв почему, вдавливались в землю вместе с клочьями помятой зелени. Позади него оставалась тусклая, словно вспаханная полоса, в которой уже не играли солнечные зайчики.

Охотник не торопился. Его странное орудие – сачок – безвольно лежал на плече, не предвещая ничего дурного, а благообразное лицо излучало спокойную радость.

Приближалась пора соколиной охоты. Уже пять десятков лет, каждый год он тщательно готовится к этому сезону. И сегодня он пришел, чтобы поймать с десяток кузнечиков разной окраски. Свою добычу он аккуратно положит в мешочек и принесет домой. Затем свяжет им суровой ниткой лапки, чтоб не ускакали, и усадит в птичью ловушку. Ошалевшие от оков кузнечики будут дергаться изо всех сил, привлекая пташку – любительницу ими полакомиться. И как только птичка зайдет в ловушку, сбивается палочка и захлопывается крышка. Наш охотник, Киас, тут же появляется из-за кустов и направляется к ловушке. «Эх, неразумная, надо же было тебе позариться на моих кузнечиков?! Вон их сколько по-

всюду!» – поддельно возмущается Киас, осторожно вынимая напуганную птичку из ловушки. Он умело уворачивается от колючих укусов сильного клюва, зашоривает ей глаза заготовленными кожаными пластиночками и связывает лапки грубой ниткой.

Эта ловушка поймала не один десяток опьяненных легкой добычей птичек.

Киас искренне сочувствовал своей маленькой пленнице, но делал то, что полагалось делать охотнику. «Не горюй бедняжка, твоя судьба не так уж и ужасна, поклюй свежих кузнецов», – приговаривал он, поглаживая птичку по головке.

Киас выстругал ореховую палочку, привязал к ней нить, надежно обхватившую лапки птички. Пташка взлетала, но, не имея другой опоры, возвращалась на палочку, обживаясь с новой судьбой танцовщицы-невольницы. Хозяин оказался внимательный: свежей еды в избытке, а взамен ничего – только крутись, да, чем веселее, тем лучше.

Охотник в последнее время надолго уходил из дома, оставляя птичку в полном неведении. Сопровождаемый старой собакой он поднимался на близлежащий холм, где у него на дереве был приспособлен шалаш. Забирался в него, осматривал, подкрепляя ослабевшие за год места. «Ждать осталось недолго, – подумал он, – и ястреба пошли ниже. Птичка не ленивая, хорошо на палочке играет. Наверное, завтра...»

Пронзительный свист, издаваемый Киасом, расходился далеко в разные стороны. Однако его тревога была излишней – умная птица не теряла хозяина из виду. Зоркий соколиный глаз улавливал знаки с высоты птичьего полета. Насладившись вдоволь перепелиной охотой, сокол дал волю мощным крыльям. Опьяненный свежими потоками воздуха, сильными рывками он набирал высоту, рвался туда, где ему не было равных, где было много воздуха и света и ничто не угрожало.

Киас невольно залюбовался пернатым красавцем, он замер, завороженный безумным танцем дикой, но преданной души. «Эх, мне бы твое сердце, Абрскил...», – позавидовал он, вспоминая молодость былую.

Абрскил не мог стать человеком, но он был верным другом.

Попав в плен сетей, он решил отказаться от пищи и воды, предпочитая смерть жизни в неволе. Он не мог пережить позора своего пленения и непременно бы погиб, не случись невероятное. «Тебя зовут Абрскил», – обратился к соколу отчаявшийся Киас на древнем языке абазских охотников. Абрскил доверился хозяину. Его горделивая осанка, загнутый к низу клюв, живые, внимательные глаза, благородная поступь – все это очень сильно напоминало самого Киаса в молодости. И сегодня в нем узнаваемы эти черты. Лишь глубокие морщины – следы невидимых путей, пройденных душой уже пожилого человека, выдавали пережитые невзгоды.

«Чем я заслужил такую дружбу, Всевышний? – Киас запрекинул голову к небу в поисках ответа. – Ведь я совсем одинок, у меня нет семьи. В самую пору жениться, я добывал славу. У меня не осталось друзей: одни остыли, у них внуки растут, почтением окружены их заботы и радости. Другие отошли в мир иной. Мой верный конь от старости околел, да и зачем он мне – в седле уже не удержусь. Пока я другим помогал бороться с нуждой, она ко мне пришла и навсегда прижилась. О, Всевышний, я знаю… знаю, как мне жить, но, наверно, не успею». В этот миг Киас усомнился в своем праве ловить кузнечиков, сажать их в клетку для приманки маленькой птички, или натягивать между деревьями сеть-ловушку для ястребов, приманивая их слепой птичкой, танцующей на ореховой палочке. Разве должен он, знающий смысл жизни, держать в неволе гордую птицу, откармливая и приучая ее к охоте на себя? Когда-то лучший стрелок в округе, он давно не притрагивался к оружию. На пытливые вопросы местной молодежи он отвечал, что глаза уже не те: «На что мне оружие, скажите умники?» Умники лукаво отмалчивались, им казалось, что старый Киас что-то не договаривает. Если случалось оказаться при этом разговоре пожилым соседям, те неодобрительно оглядывали назойливых парней, окружая старого охотника пониманием и заботой.

Когда-то богатая усадьба Киаса, располагавшаяся в центре общинны у главной дороги, без устали принимала гостей и проходивших мимо путников. Сейчас вокруг покосившейся хижины разросся лес, а дорога превратилась в тропинку. Да и он сам редко спускался к людям.

С десяток пойманных Абрскилом перепелов болтались на ремне охотника. Он, как и прежде, смотрел ввысь на маленькую точку – кувыркавшегося в небе Абрскила. Смотрел и сокол на хозяина. Абрскил напрягал зрение, чтобы увидеть привычный знак, снижался и прислушивался, силясь услышать свое имя. Киас молчал. Сокол заметил капельки росы, блеснувшие на лице хозяина. Он продолжал кружить в ожидании знака, а Киас опустил голову и повернулся к дому.

Абрскил взмахнул крыльями, тоскливо вскрикнул, покидая ставшие родными пределы.

Эта была последняя охота старика. Ворочая пережитое за долгие годы, тяжелым шагом он добрел до хижины и присел. Верный пес озабоченный присел у постели.

К вечеру следующего дня из-за ближайших холмов к дому Киаса направились соседи, потревоженные воем старой собаки.

Печальная весть облетела округу.

«Отошел в мир иной, блаженный», – передавали друг другу соседи.

Хоронили Киаса всем миром. Долгое время в общине не утихали пересуды о блаженной улыбке, застывшей на лице покойного.

«Хорошая смерть», – не без зависти поговаривали старики.

В АБАЗИИ СНОВА ВЕСНА

ВАбазию снова пришла весна, раскрасившая сочной зеленью и яркими красками цветов серые склоны. Извиняясь перед душами погибших собратьев, мужчины чинили пахотный инвентарь и крепили заборы, чтобы с весенней молитвой богине Джаджа порезать плугом пашню, затянувшуюся с прошлого года. Вслед за первыми последовали другие, вскоре вся Абазия запахла ароматом вспаханной земли, готовой принять и прорастить брошенное в нее семя. Уныло смотрелась некогда богатая округа Анакопы. На многочисленных пепелищах бурно разростались сорняки, выделяясь буйной силой и цветом. Оторванные от родной земли люди, нашедшие приют в разных концах Абазии, взирались на возвышенности и с тоской смотрели на родные пределы, словно вот-вот прискакет глашатай и призовет к возвращению. Однако ненависть и непокорность к завоевателям преобладали в людских сердцах. «Уж лучше изгнание, чем присяга ромеям», – постановили для себя абазы. Вера в военную победу покинула их, как только царь Скепарна – ахаца ихаца¹, афырхаца² – был погребен по обычаям предков. Дадалы не могли организовать сопротивление еще и потому, что на дворе стояла весна – время пахать и сеять. Даже те, кто считал для себя позором крестьянский труд, взялись за соху, чтобы хоть как-то обеспечить пропитание близким. Только жрецы не изменяли устоявшемуся правилу – ходили от дыма к дыму для весенней молитвы и собственного пропитания.

Наконец Иоанн, засевший в Анакопе, получил послание из Царьграда и с нетерпением дождался обещанной оказии и жалования. Его солдаты, скучая от безделья, вспоминали весенние ароматы своей земли, и тосковали по крестьянским заботам.

¹ Первый среди равных (абх.).

² Герой из героев (абх.).

Мать Скепарны, погруженная в глубокую печаль, не обращала внимания на радостные весенние краски. Для вида подчинившись обычаю не оплакивать «вознесшегося на небеса» сына, она, оставаясь наедине с собой, тихо пла-кала, посвящая длинные монологи погибшим родным. Ее брат – Псху дадал – отяжененный пережитым, стал замкнутым и молчаливым старцем, предпочитая в печали и размышлениях оставаться наедине с собой. Он чуждался своей сестры и сыновей, доживая старость, как украденное чужое богатство. Псху дадал выбрал себе удобное место в дальнем углу крепости под ореховым деревом и наблюдал издали за другими. Уже несколько дней он замечал внутренние перемены тоскующей сестры и терпеливо выжидал прояснения причины. С виду все было по-прежнему, однако, от его чуткого взгляда ничего не ускользало. Вскоре все разрешилось с приездом посланника с севера, принесшего добрую весть, судя по жестам женщины. Старец поднялся с места и направился к гостю, теперь до его слуха дошли обрывки фраз, свидетельствовавших, что у Скепарны появился на свет наследник.

– Эх, сестра, вот почему меня не призвали. Видимо, в награду после стольких несчастий, я удостоился услышать эту светлую новость, – он подошел к сестре, обнял ее и прослезился. – Род Бага не кончился, слава богам. Да и разве должно было быть по-иному. Ваши души, – он поднял голову к небу, – станут лучшими учителями и проводниками будущему воину.

– Ты что несешь? Мало горя нам принесла война? – возмутилась женщина. – Я денно и нощно молюсь, чтобы мой путь не был уготован ни одной женщине.

Псху дадал осекся и не стал перечить.

– Проходи, дорогой посланник, в дом, здесь ты можешь гостить, пока не приестся наш прием, отдохни с дороги.

Раб направился было с конем к привязи, дадал зашипел на него и замахал руками:

– Не туда, расседлай и выпусти на луг.

Алан не понимал абазской речи, но зорко следил за жестами и мимикой Псху дадала.

– Воевода, – обратился он по-гречески, – из уважения к твоим сединам я останусь на ночь, чтобы с рассветом выехать обратно. Уступи моему желанию, как видишь, я на службе у моего царя.

– Так я не успею подготовить люльку для своего драгоценного внука, – взмолилась женщина.

– Мы же еще должны подобрать достойное имя наследнику Абазии, – добавил старец. – Проходи в дом, молодец, уж остальное мы решим после, без спешки.

Радостными возгласами абазов наполнилась округа, со всех концов шли люди в крепость с поздравлениями, оспаривая друг у друга право на лучший подарок. В крепости царило радостное возбуждение, жрецы читали молебны над жертвами, мужчины резали быков, баранов и коз, освежевывали их туши и варили мясо в больших котлах, сооружали навесы и столы под ними. Долгожданный праздник пришел на смену скорби.

С далекого конца общинны известный плотник принес люльку для новорожденного. Известные мастера принялись ткать льняные и хлопчатые ткани, кузнец – ковать детский меч, седельщик – седельце. Кто привел жеребца, кто – быка, кто – барана… в общем немалое состояние для наследника. Ясновидящие старухи принялись предсказывать судьбу младенца, а родственники – подбирать мужские имена. Псху дадал возглавил эту группу почтенных мудрецов. Абазские имена казались обычными, греческие – враждебными, персидские – чуждыми. Мудрецы зашли в тупик.

– Я понял, где скрывается решение, – неожиданно Псху дадал поднял палец к небу, – позовите сюда посланника с севера. – Его желание тотчас было исполнено.

– Расскажи нам, как выглядит младенец, – обратился к нему старец.

– Я не видел новорожденного, – удивился вопросу алан.

– Что говорят те, кто его видел? – не успокаивался старик.

– Говорят, крупный красивый мальчик с длинными пальцами, глаза большие, – почесал затылок находчивый посланник.

– Что в нем такого, что отличает от прочих? – снова спросил дадал.

– Пожалуй, его глаза. Да, я вспомнил. Они такие красивые и светятся, словно солнце, – нашелся посланник, в душе посмеиваясь над собеседниками. Глаза-то у младенца еще едва открыты.

– Моя бедная сестра…, – сокрушался дадал, – в молодости ее глаза источали столько тепла и радости, что мы называли ее солнцеликой, даже горе не смогло истощить их свет. Видать, и внук в бабушку. Назовем его солнцеликим – пусть он будет Лаша – сын афырхаца Скепарны, внук славного Баги.

Стоявшие плотным кольцом люди облегченно вздохнули. Имя «Лаша» – разнеслось на всю округу со скоростью ветра, дошло до слуха бабушки, по ее щеке покатилась слезинка.

– Передашь по возвращению домой, – обратился дадал к вестнику, – что абазы назвали его Лаша, возьмешь с собой лульку и немного ткани, все остальное, – он обвел рукой вокруг, имея в виду многочисленные дары и прочие блага, – будут ждать его здесь, в Абазии, где в Поминальной Роще покоится прах его отца – ахаца ихаца, афырхаца Скепарны, вознесшегося на молнии на небеса. Передай мои слова своему царю, да продлится его правление на долгие времена.

Алан пообещал в точности выполнить поручение Псху дадала и незамедлительно выехал.

Бабушка новорожденного, на крыльях счастья носилась по крепости. Она принимала многочисленных гостей, размещала их на ночлег, принимала поздравления и определяла многочисленные подарки. Ее радость заряжала всех. Жрец не отходил от нее ни на шаг, подавая дельные советы и принимая самое близкое участие в организации праздничного молебна в честь Лаши. Псху дадал непреклонно восседал под ореховым деревом и ухмылялся в ус, строя свои мечты и планы по воспитанию ребенка.

К назначенному часу все необходимые приготовления были завершены, и процесия отправилась к Псху-ныха, чтобы возблагодарить богов и умилостивить духов, «наделяющих судьбой». Псху дадал остался на своем посту, под-

чинившись обычаю, по которому не достойно мужчине треможить Всеизыщих по причине рождения ребенка. «Неужто, они Всесильные и Вездесущие не разберутся сами с таким пустяковым делом», – успокаивал он себя, восседая на пеньке под ореховым деревом.

Новость о рождении сына царя долго гуляла по стране, пока ей на смену не пришло сообщение, что у Анакопы встали византийские галеры со свежими силами, провиантом и новым наместником, присланным Юстинианом. Абазы долго рассуждали о грядущих событиях, пока все не разрешилось само собой. Новые отряды разместились в Анакопе, под началом комита, подчинявшегося командующему войсками в Армении Бессе Фракийскому. Стратег Иоанн со воими войсками отбыл в Лазику, где продолжались столкновения с персами. Но самое худшее заключалось в том, что опустевшие земли вокруг Анакопы римляне принялись заселять выходцами из Византии. В первой партии переселенцев прибыли отслужившие солдаты со своими семьями. Рейсы византийских галер с новыми поселенцами стали регулярными, тысячи новых семей должны были обживаться в сердце Абазии, чтобы стать оплотом империи в непокорившейся стране.

Все еще надеявшиеся на возвращение абазы упали духом и еще больше озлобились. А переселенцы не предполагали, что добровольно становятся заложниками большой политики на враждебной для них земле. Новоявленный комит поспешил объявить абазов виновными перед Самодержцем, не имеющими каких-либо прав. Права новых поселенцев объявил святыми и нерушимыми. Всякий, подозреваемый в посягательстве на честь, жизнь или собственность христианина, без следствия и суда приговаривался к позорной казни – виселице. Существование местного населения теперь зависело от взглядов новых поселенцев и их патрона. Абазия стала обычной византийской провинцией, управляемой префектом и его подчиненными. На всех христиан распространялись внутренние законы империи, остальное население оказалось вне закона. Согласно кодексу, вновь обретенные империей земли перешли в собственность императора. Он же наделял землей переселенцев с правом наследования,

чтобы извлекать из них еще и экономическую выгоду. Документальное закрепление земли за пользователем обязывало последнего выплачивать два раза в год положенные налоги: земельный и подушный. В этом и заключалась главная заинтересованность императора – расширять пределы империи и извлекать с приобретенных территорий дополнительные средства.

Новые поселения были отнесены к Себастопольской епархии. Они были обложены и церковным налогом. Распорядителем у Анухских поселенцев стал старшина Анастасий. Для отправления религиозных потребностей поселенцы решили выстроить церквушку в Анухе. И так как денег у них никаких не было, принялись строить своими силами. Место для церкви выбрали на вершине холма: оттуда хорошо просматривалась Анакопа и ее окрестности. В свободное от полевых работ время мужчины заготавливали камень для кладки и на известку, что помельче. Намеченное место расчистили от добротного леса, но дальше дело не двигалось. Удрученный заминкой Анастасий решил сходить в Анакопу к начальнику, чтобы просить опытных строителей. На этот раз встреча не удалась, оказалось, что начальник выехал в Себастополис, наблюдать за возведением новых стен крепости. Начальник гарнизона посоветовал старшине не докучать комиту, а разобраться на месте по житейскому соображению. Анастасий вернулся ни с чем, отложив задуманное дело на более подходящее время. Малограмотный сельский священник не сильно расстроился рассказу Анастасия, и напомнил, что приближается праздничный день Воскресения Спасителя.

Этот день переселенцы впервые отмечали вдали от большой родины. Впервые они собрались всей общиной, чтобы отслужив литургию, предаться радостям по древним эллинским обычаям: с богатыми жертвоприношениями, винопитием, песнями и танцами. К сумеркам разгоряченная молодежь подожгла гору из наваленных дров и хвороста и кружила вокруг костра до полного изнеможения. Праздничный шум соседствующих общин, разносился теплыми порывами ветра с моря в дальние уголки страны. Это была новая жизнь древней Абазии.

…Время быстро текло. Дружно потянулись к солнцу всходы на засеянных полях. Ромеи поправляли наспех сколоченные домики, пользуясь временной передышкой. Группы молодежи без устали сновали по округам, в поисках приключений. Они не на шутку радовались своим находкам. Чаще всего им попадались подковы и орудия труда: кто найдет топор или соху, а кто мотыгу. Новое занятие настолько пришлось им по душе, что превратилось в промысел. Все дальше уходили смельчаки от своих селений, не видя в этом какой-либо опасности. Да и что, казалось, может угрожать ромею в его же империи, построенной ратным подвигом отцов. Блуждая по окрестным лесам, они дивились красотам природы и богатству дичи в этих девственных местах. Инстинкт охотника увлекал их по следам животных, они беспорядочно носились по лесам, не умев выследить и подстрелить дичь.

Другое дело абазы – природные охотники. Небольшая группа абазских подростков сидела в засаде на кабаньей тропе, когда стадо, напуганное шумным преследованием, приблизилось к засаде. В мгновение абазы отстреляли кабанов и вышли из укрытия, подсчитать свои трофеи. Несколько юношей пошли за конями, когда к месту охоты вышли из леса ромейские подростки. Они уткнулись в освещевавших свою добычу абазов и тут же возмутились, посчитав, что абазы перехватили их добычу. Те в свою очередь не могли понять греческую речь, но по интонации решили, что ромеи хотят отобрать их законную добычу, и ощетинились.

– Варвары, вам лучше оставить эти туши и убраться с наших угодий, – заявил ромей. Абазы поначалу ничего не поняли и в ответ промолчали.

– Вам лучше подчиниться нашему требованию, а то мы изобьем вас, как это делали с вашими отцами наши отцы, – гневно продолжал обидчик.

– Мы не понимаем, чего вы хотите, – ответил по-абазски юноша, – но не потерпим угроз, оскорблений, мы вправе отстоять свою добычу и свою честь, даже если придется взяться за оружие.

— По всему видно, они не думают уступать, — обратился к своим ромей, — придется их проучить. Направьте на них свои луки, им достанется участь спасаться бегством.

Сказано — сделано. Десяток ромейских луков ощетинились стрелами в сторону абазов. Противная сторона не заставила ждать — абазские луки выгнулись по направлению к противнику.

— Эти наглецы решили сопротивляться, — пусть прежнего возмутился тот же ромей, — придется их проучить за дерзость.

— Ты прав: если отступимся — не смоем позора. Да и что эти пятеро смогут против нас сделать? Нам немедля следует их расстрелять и скрыться. Их сообщники могут быть поблизости.

И на самом деле, за всем этим зорко наблюдали трое подростков, возвращавшихся из лесу с лошадьми. Коротко обсудив ситуацию, они вскочили на коней и неожиданно обрушились на ромеев, издавая воинственные крики. Так показалось атакуемым. На самом же деле, они кричали своим товарищам, чтобы те бежали в укрытие. Перепуганные всадниками ромеи повернулись к ним лицом. Кто-то из них первым пустил стрелу в безоружного всадника. Тогда пешие абазы принялись стрелять. Ромеи оказались между пешими лучниками и несущимися на них безоружными всадниками. И хотя зачинщиков ссоры было больше, их охватило сильное смятение. Воспользовавшись этим, абазы расстреляли более многочисленный отряд. Двое абазов и конь получили незначительные ранения. Старший из охотников распорядился собрать рассеявшимся по лесу ромеев. Оказалось, что в перестрелке погибло шестеро, еще двое были тяжело ранены, еще двое чудом избежали стрел. Предводитель абазов знаками приказал одному из пленников идти в село, другому оставаться в лесу и охранять тела товарищей от хищного зверя. Абазы же быстро распороли животы убитых ранее кабанов, погрузили их туши на коней, забрали трофеиное оружие и растворились в густых зарослях.

Весть о случившемся пришла в Ануху с сумерками. Громкие стенания матерей оглашали округу. Мужчины с зажженными факелами кинулись в лес, а кто-то отправился в соседние селения на розыск коней, потому как у самих на всю округу

были то две старые кобылы. Испуганные жуткой вестью переселенцы вооружились и собрали отряд, чтобы наказать обидчиков. Собранные с разных земель, чужаки в другое время не сошлись бы вместе, но теперь сплоченные общей опасностью они пошли на поиски абазов. Родственники убитых после тщетных поисков вернулись домой, чтобы открыть кладбище на новой родине. А тем временем бывшие легионеры уходили все дальше в верховья Лашпсы по следам абазских коней.

Абазский поселок из трех десятков дворов спешно собирался, чтобы скрыться в горах до прихода мстителей. Их предводитель – чудом уцелевший в Трахейском сражении сотник – приказал своему сыну взять коней и, рискуя жизнью, идти с ними по тропе мимо поселения, чтобы навести преследователей на ложный след. К счастью, сын сотника оказался ловким и смекалистым. Он превзошел все ожидания отца, умудрившись связанных меж собой коней провести по заброшенным местам назад к приморскому местечку Псырта. Преследователи, не подозревая подвоха, шли по незнакомым лесным зарослям, обогнули Анакопу с востока и на следующие сутки нависли над морским берегом. Тут они почувствовали неладное, потому как следы лошадей расходились в разные стороны, а они оказались не во вражеском лагере, а в соседнем ромейском поселении. Смекалистый юноша с макушки дерева наблюдал за растерянными легионерами и тихо усмехался. За спиной у него висели уздечки, снятые с коней, поскакавших к морю воды напиться. Ромеи не стали возвращаться по пройденному пути. Уставшие и покинувшие они разошлись по прибрежной дороге.

Простышиав о неудачном походе поселенцев, Анастасий собрался в Анакопу – жаловаться начальству и просить защиты. Комита в крепости по-прежнему не было, начальник гарнизона все сочувственно выслушал, опечалился, но что-либо предпринимать отказался, сославшись на строгий устав. Только пообещал отправить извещение в Себастополис. «Надо же было такому случиться?! – размышлял он. – Хорошо, что стены нас охраняют, не дай Господь оказаться в лесу, где только абазги знают невидимые тропы и на каждом шагу может поджидать ловушка».

ЛАША, СЫН АФЫРХАЦА СКЕПАРНЫ

А

ланский посланник вернулся с подарками из Абазии и предстал перед своим царем Багатаром.

— Царь, я выполнил твоё поручение, побывал в земле Пыса, увиделся с матерью царя абазов и ее братом дадалом. Они обрадовались рождению внука и настаивали, чтобы я задержался на некоторое время, но я последовал твоему приказу.

Наследника царя родственники нарекли Лашой, его бабушка передала люльку для новорожденного и тюк ткани для невестки. Остальное наследство, — как Псху дадал сказал, — будет ожидать его на родине.

— Что его может там ждать, кроме могил предков? — ухмыльнулся Багатар.

— Именно так и выразился дадал: «что его ждет прах отца». Но и это не все, пока я находился в гостях, со всех концов шли люди с подарками, на второй день был совершен многолюдный торжественный молебен, всем подаркам не уместиться в крепости, так много скота и коней привели с собой абазы.

«На что ему кони, если нет царства, если нет мужчин, способных оседлать их?!» — размышлял царь Багатар.

— Видел ли ты по пути или на месте вооруженные отряды абазов? Или они теперь все взялись за соху?

— В крепости на перевале слонялись без дела два десятка воинов, ну и в резиденции были вооруженные мужчины, они по-прежнему носят оружие, куда бы ни шли.

— Благодарю за службу, вели слуге, чтобы принес подарки в палату.

Посланник вышел выполнять поручение и за дверью чуть не сбил с ног молодую царевну Сатен. Она стояла без движения, прижавшись к стене, и едва переводила дыхание, ее широко раскрытые глаза выражали нестерпимую муку. Алан опешил и стал звать служанку. На голоса вышел Багатар.

Уже слышались шаги прислуги в конце коридора, когда царь поднял на руки обессилевшую дочь и положил на свою тахту.

– Что с тобой дочка, не уж-то подслушала наш разговор? Не стоило тебе этого делать, – сурово ворчал старик. Сатен смотрела в сторону и молчала, страшная новость лишила ее сил.

«Все это время они обманывали меня, как же это нечестно; так и я сомневалась, что он скрывается в Персии. Что ему было делать там? Какая я глупая. И этот Опсита, что бежал из Анакопы, оставил все, как есть, теперь где-то рядом прячется. Но ведь мой муж не такой, ведь я подозревала, что он погиб, но не хотела в это верить. Теперь я молодая вдова, а мой сын – сирота без царства».

– Сатен, мы не могли говорить правду, но теперь время пришло, и боги сами все устроили. Царь Абазии Скепарна ушел из жизни как мужчина, а базы говорят, что он оседлал молнию и вознесся на небеса, хотя я не верю в такое.

У женщины в голове все перепуталось, про такое она никогда не слыхала. Значит, его не убили, произошло что-то другое невероятное.

Багатар встал и направился к выходу.

– Проследите за ней, – обратился он к собравшимся в зале женщинам. Те сразу же принялись увещевать царевну, сочувствовать и успокаивать, а Сатен и без того была спокойна, и это было не кажущееся спокойствие, в ней проснулась сила и твердая уверенность, что она ни за что на свете не подведет свою вторую родину, она воспитает сына по законам Абазии, воспитает справедливым воином, похожим на отца. Тут она вспомнила свекровь и на ее щеку выкатилась слеза.

– Это хорошо, дочка, поплачь, тебе станет легче, – уверяла мать.

Сатен неожиданно для всех поднялась с ложа, смахнула слезы и вышла из палаты.

– Куда же ты, родненькая, – бежали за ней младшие сестры.

– Я к нему, к царевичу. Лаша должен узнать страшную правду, как когда-то узнал и его отец. Мое место там, – Сатен остановилась и махнула рукой в сторону хребта, – ря-

дом с несчастной женщиной, прошедшей этот путь раньше меня на много лет. И мне суждено пройти той же дорогой, только пусть, о боги, ни одна женщина после нас не будет обречена на такое.

— Доченька, зачем тебе куда-то ехать, ведь я же твоя мать, — глотая слезы, сквозь рыдания крикнула мать царицы.

— Да, ты моя мать, самая любимая, но оглянись — вокруг тебя большая семья, сыновья и дочери. А у нее никого кроме нас не осталось.

— Доченька, если эта женщина по-настоящему дорожит своим внуком, она не будет держать вас в Абазгии, отошлет обратно.

— Если я этого захочу.

— А как же твой отец, ты и его ослушаешься?

Сатен остановилась и задумалась: «Мы отправимся туда, когда позволит отец».

— О, боги, моя дочь лишилась рассудка, помогите ей. Ты молода и красива, жизнь не закончилась, она только в расцвете. Время залечит твою рану, и ты снова обретешь радость и счастье. Надо только подождать. Тебе же всего 16 лет. Что делать там, где голод и война, ведь у них ничего не осталось от прошлого величия.

— Величие было в человеке, которого с нами нет, возвращать и пронести во времени это величие сможет только его плоть и кровь, вот моя цель, — прошептала Сатен.

Конечно же, мать не услышала слов дочери, от отчаяния она развела руками и пошла прочь, в надежде найти мужа и убедить его помешать дочери.

Сатен шла по коридору к комнате малыша, ее прежняя уверенность с каждым шагом ослабевала. Все же она сумела дойти до лульки, где безмятежно спал Лаша, и рухнула на колени. Кормилица, потрясенная необычным зрелищем, вскочила и схватилась за голову, Сатен властно указала ей на дверь, женщина подчинилась, и тогда вдова предалась безутешному рыданию, переходящему в хриплые стоны. Иногда она вспоминала, что может разбудить малыша и заламывала до боли руки, чтобы приглушить свои рыдания. Так она про-

лежала на полу, пока здоровый плач проснувшегося ребенка не вывел ее из оцепенения. Она вскочила и взяла в трясущиеся руки младенца. Малыш перепугался от порывистых движений матери и залился еще большим криком.

– Что же ты кричишь, малыш? Это я – твоя мама, – старалась успокоить его Сатен. Лаша подозрительно оглядывалася и вскоре успокоился, распознав в женщине родное.

– Вот и хорошо. Ты у меня умник. Запомни, тебя зовут Лаша, сын Скепарны – царя абазов. Твоего дады нет с нами рядом, – по ее лицу покатились слезы. – Он ушел от нас до того, как ты появился на свет. Но с нами осталась память о нем. Когда вырастешь – все поймешь и будешь гордиться своими корнями. Скоро мы отправимся туда, где поконится его прах. Ты увидишь родину, бабушку и других многочисленных родственников. Абазия должна знать, что ее молодой царь рядом, – тут ее голос сорвался и перешел в рыдание. Малыш, долго не думая, тоже принялся рыдать, что было мочи. Такую сцену застала кормилица, прибежавшая в комнату.

– Ему нужно кормление и покой, дай мне малыша, – кормилица с трудом оторвала ребенка от груди Сатен и быстро его успокоила, ткнув к соску своей груди. Малыш жадно ел и сердито всхлипывал, обиженный за опоздание...

Угрюмый царь ходил по двору из угла в угол. Никто из близких не смел подходить к нему в такие минуты. Только что состоялся разговор супругов. Жена умоляла царя запретить Сатен совершать поспешные действия. «Ведь она и твоя дочь, прими хоть раз участие в ее судьбе. Неужели тебе все равно?» – повторял Багатар под нос полные упрека ее слова.

«Ишь, как женщина заговорила… Я однажды уже участвовал в ее судьбе, когда выдал замуж. Этого им мало. Эти женщины не поймут, что нашей судьбой правят боги, на то мы и правители и стоим выше других людей. Еще раз услышу подобное, продам в рабство, пусть узнает, что такое царский гнев», – размышлял Багатар. Погодя он остепенился и поднял взгляд на солнечный диск. «О, Божественное Светило,

старость моя близка, раз гнева моего не боятся даже женщины. Сжалься надо мной, дай мне сил и уверенности, это в твоей власти.» Молитва успокоила царя, он вспомнил, что не обедал и повернулся во дворец...

Сатен понемногу собралась с мыслями. Она выглянула в окно и увидела краски лета. «Еще три месяца будет открыта тропа через хребет, затем перевал закроет снегом, и ни один из смертных не в силах тогда пересечь Кавказ. А сейчас отправляться в путь с таким крохой – опасная затея. Видимо, боги решили отсрочить нашу встречу, муж мой, Скепарна. Придется подождать до начала следующего лета, когда вновь откроются тропы и соками наполнится листва. И сынок мой будет постарше, ему легче будет перенести трудный переход. Ну а я? Что мне мешает отправиться в путь и оплакать своего мужа, пока его тело не выветрилось и кости не преданы земле? Решено, я отправлюсь в путь, если даже мне предстоит разлука с сыном». Сатен позвала служанку, умылась и переоделась, чтобы предстать перед родными в подобающем виде. По поручению матери, ее сестры тайком присматривали за Сатен и поспешили сообщить, что она выглядит спокойной и рассудительной и вышла из своей комнаты. «Вот и хорошо», – обрадовалась мать и пошла ей навстречу.

– Доченька, – при виде Сатен снова расчувствовалась мать, – иди ко мне, я прижму тебя к сердцу». Сатен покорно выполнила просьбу матери.

– Я скорблю вместе с тобой, не представляешь, как не просто было скрывать от тебя страшную тайну, улыбаться, казаться веселой, когда такой груз лежал на сердце все это время.

– Мама, я сильная, я вынесла бы.

– Ты да, но мы заботились о чаде, которое ты носила под сердцем. Потом, когда ты успешно разродилась, я не находила случая, чтобы начать разговор.

– Не мучай себя, мама. Я с первого дня своего замужества знала, что он мне не принадлежит. Даже тогда, когда он был рядом, я не верила в свое счастье – настолько быстротечными были наши свидания. И он всегда предупреждал, – Сатен не сдержала слез, вспомнив разговор с мужем в ночь перед отъездом в Аланию. – Он обо всем меня предупредил заранее.

– Что поделать, наши мужья – правители своих земель, у них особый удел.

– Я должна, я обязана выполнить слова, сказанные им в ту ночь, я собираюсь туда, чтобы оплакать еще не истлевшее тело мужа, чтобы утешить его мать, потерявшую двух самых близких ей мужчин.

– Может не стоить спешить, пусть подрастет Лаша, чтобы мог верхом на коне преодолеть этот путь. И Абазия будет рада увидеть на коне своего наследника.

– Зачем тянуть время, наоборот, как можно скорее я должна туда отправиться.

– Раз ты непреклонна, то я помогу тебе в задуманном. И вообще, почему бы мне не сопровождать тебя? Ведь это и мой долг – принести соболезнование твоей свекрови.

– Да?! – обрадовалась дочь, – но отец не отпустит тебя в чужую страну.

– Это уже решено, разгневавшись на меня, он приказал не показываться ему на глаза ближайший месяц. Я все организую, ты не тревожься, занимайся собой и ребенком, – отвечала мать, воспарившая над собственным страхом. Она отправилась на двор, чтобы поручить слуге разыскать старшего сына. И он предстал перед матерью при первой возможности.

– Сынок, ты, конечно, знаешь о сегодняшних происшествиях, я решила сопроводить дочь в Абазгию.

– Ты? – удивился наследник.

– Потому, как наш царь не желает меня видеть, я хотела просить тебя о помощи, – продолжила женщина.

– Все, что пожелаешь, я выполню, – кротко отвечал сын.

– Нам понадобиться вооруженное сопровождение, кони и провизия на несколько дней. Пожалуй, это все.

– Когда вы намереваетесь выехать?

– Как только все будет готово.

– Думаю, завтра вы сможете отправиться в путь.

...Ранним утром следующего дня из резиденции аланского царя в сторону перевального пути выехал небольшой отряд. Спустя три дня всадники, перейдя через перевал, достигли крепости Пыса. Мать Скепарны, в окружении многочисленных родственниц, встретила почетных гостей. Пыса

Хыбх наблюдал со своего поста, как скорые приветствия родственников переросли в многоголосый женский плач и стечания. Его возмущению не было предела, только уважение к высоким посетителям сдерживало его справедливый гнев по поводу нарушения древнего обычая. «Она воспользовалась этим случаем, и попрала древнее правило. Что же поделать, как бы не накликать большую беду?» – ворчал под нос Хыбх. Его сестра, оперевшись на невестку, уводила траурную процессию к Поминальной Роще, где висело еще не истлевшее тело горячо любимого сына. Понемногу плач удалялся, а Псху дадал все не находил себе места. Он подозревал к себе жреца, оказавшегося в крепости.

– Хада, ты видишь, что происходит, я не в силах переспорить женщину, может тебе удастся их остановить, – дадал выразительно обвел рукой, – нельзя ведь причитать в Поминальной Роще, боги могут прогневаться и тогда потухнет его звезда на небосклоне, падет проклятие на род Бага и на всех абазов.

– Согласен с твоими доводами, дадал. Я пойду за ними и буду заклинать, чтобы не нарушили древний закон?! – не совсем уверенно пообещал жрец. Ему и вправду удалось настигнуть процессию и убедить под страхом божьего гнева не проливать слез в Поминальной Роще. Вскоре и прибывшие с севера гости поняли причину запрета, точнее им рассказали о смерти царя, об абазском обычайне не оплакивать убитого молнией, тем более, что афырхаца Скепарна вознесся на небеса, и находится там среди Небожителей. Сатен не обрадовалась этому известию, ее удивляло, что обычай требовал проявление радости, но подчинилась и перестала плакать. Глядя на нее, успокоились и абазские женщины. Они присели под деревом, на котором были развесены вещи покойного и принялись вспоминать о событиях прошлого. Время быстро протекало, отогревались женские сердца. Свекровь все также сильно прижимала к груди ладонь Сатен, ее опять переполняли чувства, надежда на счастливое будущее внука. Оглянувшись, она поняла, что другие женщины утомились, она попросила всех идти в крепость. «Ведь нам теперь никто не нужен», – с улыбкой на лице шепнула она невестке. Сатен понимающее кивнула головой.

Как только силуэты женщин скрылись за деревьями, свекровь обернулась к Сатен.

– Дочка, мы не успели сблизиться, может теперь память о дорогом человека скрепит нас духовно?

– Да, нана, я испытываю те же чувства и надежды. Как только сын начнет ходить, скорее всего, через год, мы приедем вместе и будем с вами рядом. Надеюсь, на то будет соизволение богов.

– Через год я увижу своего внука? – от волнения у женщины перекрыло дыхание. С трудом оправившись, она улыбнулась. – Тогда я обязательно проживу этот год, даже если Бага призовет меня, я выпрошу отсрочку по такому случаю.

– Не говори так, нана. Я надеюсь на твою помощь в воспитании, ведь я так мало знаю о муже. Кто же будет наставлять Лашу?

– Как я тебе благодарна, Сатен, что ты чтишь память мужа. Говорят, у внука лучезарные глаза, пусть благословят боги его судьбу, ведь это всего важнее. – Женщина немного расслабилась и прислонилась к дереву.

– Ой, – вскрикнула от боли она.

– Что такое, нана? – встревожилась Сатен.

– Не тревожься, пустяки, посмотри мою спину, кажется, я укололась колючкой, – женщина нагнулась вперед и напряглась.

– И вправду, какая-то большая паршивая колючка сквозь одежду вошла ей в спину. Я сейчас, – Сатен потянула за упругую ветвь венчозеленого кустарника, усеянного тысячами шипов, на месте укола показалось красное пятнышко.

– Не больно, нана? Вот она, – Сатен тянула за твердый побег, намереваясь вырвать или выломать его, а он все не поддавался ее усилиям. – Надо же, какой прочный, мне с ним не справиться.

– И не надо, дочка, оставь, ведь это сассапарель¹, – посоветовала женщина молодой невестке. – Это Священный дар, пусть растет, – добавила она.

¹ Сассапарель — род лиан или лазающих кустарников из семейства Смилаковые.

ЛЕГЕНДА О ДРЕВЕ ЖИЗНИ

Когда-то в древности предкам абазов было Свыше даровано Древо Жизни. Оно зимой и летом не сбрасывало листву, приносило чудесные плоды благодарным людям круглый год. Его вертикальный, по спирали закрученный могучий ствол подпирал небеса, крепкие ветви, словно ступени лестницы, уходили ввысь. По ним смелые молодые люди забирались на макушку, чтобы увидеть, как живет Творец на небесах. На самом деле эта затея была весьма опасной. Начав восхождение с первыми лучами, только к вечеру можно было добраться до вершины, и только следующим утром можно было спускаться вниз. Всевышний, горячо любя свой девственный народ, прощал ему младенческие выходки.

Это чудо-древо подобно оракулу вещало. Распознать его знаки мог только жрец – его хранитель.

Ранней весной под раскидистой кроной Древа Жизни собирались с жертвенными дарами абазы, молясь о мире, добром здравии и хорошем урожае. Сюда приходили помолиться озабоченные бедой или недугом, здесь клялись в верности, давали обеты. Древо Жизни все впитывало в себя, каждое слово и дело, помогало людям в их повседневной жизни. И каждый выполненный ими обет превращался в новый росток, становившийся со временем могучей веткой. Под сенью Его кроны была благодать – целый мир живых существ находил здесь кров и пищу. Здесь птицы вили гнезда, по утрам и вечерам их пленительное пение наслаждало слух нередкого слушателя. Благодарные абазы чтили свое Древо как главную святыню, оберегающую их родину Абсны.

Слух об этих чудесах далеко разошелся. Большинство чужеземцев не верило им, поднимая на смех рассказы пут-

ников. Алчные интересовались, не растут ли на его ветвях золотые монеты или драгоценные самоцветы. Получив отрицательный ответ, они затухали: не отправляться же в столь далекий и опасный путь, чтобы просто поглядеть на какое-то дерево? Тем более, что абазы не охотно продают и также плохо покупают, что же делать расчетливому торговцу в этой непонятной стране, где есть все, кроме золота.

...Как-то раз на рассвете едва проснувшиеся абазы увидели у своего берега чужеземную галеру. Очарованные ее красотой, они высыпали на берег, чтобы встретить необычных гостей: не посланцы ли самого Бога? Чем-то напуганные чужеземцы, поняв добрые намерения хозяев земли, окрепли духом, и вышли на сушу. Их усталые лица говорили о перенесенных тяготах дальнего пути. Они не понимали по-абазски, абазы по-ихнему, однако язык гостеприимства доступен без перевода. Осмелевшие гости приняли кров и пищу, каждый знатный род приглашал их к себе, посвящали им достойную жертву, вскрывали новые кувшины с лучшим вином. Со временем нежданные гости побывали везде, где проживал абазский народ, обошли всю страну от края до края. Понемногу им стала удаваться абазская речь, на которой они восхваляли душевность и гостеприимство хозяев.

Прошла и осень и зима. Приближался день весеннего молебна. По особым приготовлениям гости поняли, что их ждет нечто важное. То тут, то там разгорались споры между абазами. Не пришедшие к единому решению они отправились за советом к хранителю Древа Жизни. С непокрытыми головами, с глубоким почтением в сердцах они приблизились к Святыне и спросили жреца:

– Разреши наш спор, мудрый учитель, читающий мысли и предсказывающий будущее.

Приблизился день, когда мы должны предстать в этом месте для всеобщей молитвы, и мы не знаем, как правильно поступить... Имеем ли мы право пригласить на торжественный молебен приплывших к нам этим летом чужестранцев, которые уже научились понимать наш язык?

Хранитель, не задумываясь, дает отрицательный ответ. Тогда берет слово другая сторона.

— Как мы можем проявить подобное неуважение к гостям, словно собственных рабов оставил их дома одних, скажи учитель? Или не завещал нам Всевышний относиться к путнику, как к его личному посланнику?

— Да, вы с честью и достоинством выполняете этот закон. Ведь никто из вас не спросил у прибывших о времени их отъезда, о цели путешествия или дальнейших планах.

— Так-то оно так, но сейчас мы не знаем какой закон выбрать.

— Все законы, завещанные Богом, одинаково важны. Следуйте велению сердца.

Абазы еще более смущенные возвращались домой и все-цело отдались торжественным приготовлениям.

...В назначенный день у Древа Жизни собирались мужчины из ста родов. Они вели с собой сто жертвенных быков, несли на носилках сто огромных хлебов и сто кувшинов лучшего вина. Среди них были иноземные гости, прибывшие на галере.

Торжество, как и полагается в подобных случаях, началось со всеобщей молитвы Всевышнему. Чужеземцы не уставали удивляться увиденному и услышанному. В добром настроении они обходили Древо Жизни, обнимали и ласкали Его ствол, обращались с молитвами к своим богам на своем языке. Люди поднимали кубки с вином и ели сладкие плоды чудо Древа, восхваляя своего Бога за любовь и покровительство. Чужеземцы тоже пили вино, ели диковинные фрукты, восхваляя гостеприимных абазов и эту прекрасную землю. К ночи праздник закончился, уставшие люди спустились в долину для отдыха. Только хранитель Древа остался при нем...

Наступило тяжелое утро, потрясенное пронзительным криком горевестника.

«А-баа-псы¹, а-баа-псы», — многоголосным эхом раздавалось по округе. Абазы спешили на крик, собираясь у священного Дерева, которое срубленное лежало на боку.

— Мое время пришло, — прохрипел умирающий жрец, — догоните и умерщвите их

¹ Несчастье, беда (абх.).

Сто лучших сынов из ста родов поспешили к легким лодкам камарам, раскинутым на морском берегу, чтобы догнать осквернителей. Остальные горькими слезами оплакивали срубленное под корень дерево, не в силах поверить в произошедшее зло.

...Прошли годы, века... горе тех, кто потерял – не проходило. Опечаленный Бог сжался над горевавшими абазами и в том месте, где росло Древо Жизни, появился куст, который круглый год оставался зеленым. Он был утыкан длинными острыми иглами, твердыми и прочными. Раз в году он зацветал и давал круглые красные ягоды, сухие и горькие на вкус. Его ветви, подобно металлическому пруту, ни пиле, ни топору не поддавались. У этого дерева не было своего хранителя. Однажды проходивший мимо путник случайно ободрался его острыми колючками. Пострадавший, разгневанный вынул серповидный нож и с большим трудом вырезал кустарник, чтобы ничто живое впредь им не поранилось. С чувством выполненного долга он отправился дальше, а срезанный кустарник расползся корнями по всей Абазии...

С тех пор у каждого абаза в саду или огороде растет это диковинное растение сассапарель, напоминая далеким потомкам о печальной истории предков. Из его нежных весенних побегов абазы готовят салат с перетертым орехом и пряностями для почетных гостей. Наученные опытом, они не рассказывают чужакам о том, как появился сассапарель на их земле.

Затаив дыхание Сатен впитывала каждое слово, чтобы пронести, как положено абазской женщине, эту память дальше. Теперь она лучше понимала свое будущее, она непременно будет жить здесь и упокоиться на этой земле. После годовщины смерти мужа, она снимет траурные одежды и откроет лицо навстречу будущей жизни, как когда-то просил Скепарна. И если найдется достойный абаза, она станет ему верной супругой.

МАТЬ И МАЧЕХА

Вернувшись с острова друзья и, по воле случая, со-общники, разошлись по своим делам. Стефаний, опечаленный разговором с Рити, вознамерился забыть ее и заняться торговыми вопросами. Он вызвал своих приказчиков и углубился в расспросы, бывало высказывал недовольство и отдавал поручения.

Апсит же пошел домой к своему крестному Феофану, потому как больше ему идти было некуда. По дороге он обдумывал предстоящее дело и вдруг просветился, решив, что попечитель поможет ему все правильно уладить. Чем меньше шагов оставалось до привычной калитки, тем сильнее становилось волнение юноши: это был дом, теперь, пожалуй, единственный в мире, где его любили и ждали. Апсит тихо вошел во двор, затем по тенистой аллее приблизился к дому и отворил парадную дверь. Его накрыли веселые голоса из гостиной и звонкий смех малыша. Апсит понял: все семья собралась за ужином. Он немного задержался в прихожей, раздумывая над своим положением. Тут подвернулся и спасительный случай. Из гостиной вышла служанка-рабыня и радостно воскликнула: «Апсит вернулся!» В гостиной раздался шум раздвигаемых табуреток. Первыми выбежали Мария и ее младший братик, за ними подошли Феофан с супругой, последними пришли старшие девчонки. Апсит смутился от тепла и любви. С распростертыми объятиями его встретили все, даже слегка заносчивые старшие девчонки. Мария светилась от счастья, бесконечно повторяя одни и те же слова: «Мама, папа, я знала, что Апситушка вернется, я верила...»

У юноши потеплело на сердце, он, как и прежде, сидел на своем месте за общим столом, прислушивался к разговорам и с большим, чем когда-либо ранее, аппетитом насыщал-

ся вкусными блюдами. Мария следила за тарелкой Апсита, чтобы та не пустовала, и по-детски радовалась, если Апсит не протестовал.

— Твоя комната никем не занята, Пантелеймон, — обратился к нему глава семьи, не тревожа юношу расспросами.

— Мы поговорим о твоих делах утром, если время терпит. А теперь пора всем отдохнуть.

Поблагодарив Бога за хлеб насущный, они все разошлись по спальным комнатам.

Этим утром Апсит проснулся позже всех. Он успел скучиться по домашнему уюту и удобной кровати. Усилием воли заставил себя встать и быстро одеться. В дальнем углу коридора, укрывшись от посторонних глаз, Мария сторожила его дверь. Апсит вышел в коридор и случайно столкнулся с девочкой.

— Апситушка, как тебе спалось? — заботливо спросила она.

— Кажется, я проспал рассвет — так ласкова была моя кровать, — ответил он.

— Зачем обрекать себя на лишения, здесь есть все: и еда и кров?

— Да, здесь меня ждет семейный уют, — согласился Апсит.

— Однако...

Девушка от смущения покраснела. Борясь с волнением, она молча теребила золотистый локон.

— Отец наверно заждался, — заторопился Апсит.

Феофан повернулся навстречу шагам:

— Надеюсь, тебе хорошо спалось, сынок.

— Спаси Бог тебя и твое доброе семейство, отец, — кротко ответил благодарный юноша. — Извини, что заставил ждать. Посему я буду краток. Мне нужны твой совет и помощь.

Непрестанно думаю о том, чтобы наладить обучение грамоте и Божьему Слову для абазгских подростков. Это дело непростое, потому что столько человек не учатся ни в одной школе, где все налажено: много учителей, есть классы, книги, доски, угольки и прочее. Ко всему, они не владеют ни латынью, ни греческим.

— Твои затруднения понятны. На самом деле вопрос не из легких. А надо ли их всех образовывать? Ведь такого не бывало во всей империи. Не обижайся, Пантелеимон, но ты забыл, что они недавно чудом избежали рабства. Их несканно миловала судьба. Донеси до них слово Божье и этому возрадуйся.

— Отец, все равно понадобятся учителя, говорящие по-абазгски. Где же их взять?

— Хорошенько подумай. Неужели среди них нет никого, знающего наш язык? Или поищи среди тех абазгов, что осели в городе и служат василевсу.

— На острове есть одна женщина. Но она не подойдет. Рити — моя названная сестра, владеет грамотой, но она с утра до ночи ухаживает за маленьками. К тому же, она несет глубокий траур, избегает общения.

— Ты сказал названная сестра. Предполагаю, что значит это для абазга. Найдите местных женщин для ухода за детьми, а ей предоставьте возможность обучать сирот. С книгами я тебе помогу. Для начала тебе хватит и одной моей книги.

— Отец, я не посмею дотронуться до нее, она бесцenna.

— Сынок, Богу важнее, чтобы абазги приняли его учение, и если это зависит от моего переплета Евангелия — я не раздумывая, с христианской радостью им пожертвую.

— Спаси Бог, — только и промолвил Апсит. — Все же я схожу к начальнику семинарии и попрошу начальный курс латыни и греческого. Среди этих детей много смышленых. Думаю, науки полюбятся ими.

— Похоже, что ты не думаешь посещать семинарию. А почему бы тебе не взяться за их обучение? Ведь ты знаешь к тому же и абазгский. Ничто так не закрепляет знания, как преподавание их другим. Может тебе выпросить в семинарии и пропущенные уроки. Ты бы мог самостоятельно на досуге продолжить обучение. А то, что останется непонятным — помечай, будешь в городе — получишь разъяснение.

Апсит опустил голову и задумался.

— Видишь ли, сынок, я хочу быть уверенным, что выполнил просьбу твоего знаменитого деда, мечтавшего видеть тебя образованным.

– Спаси Бог, отец, я последую твоему совету. Буду статься изо всех сил, чтобы оправдать чаяния близких, – согласился Апсит и засобирался в семинарию.

…На этот раз Апсит обстоятельно подготовился к отъезду на остров. Составленный им список необходимых вещей включал до десяти предметов, которые он раздобыл в городе и упаковал для отправки. Он настроился стать преподавателем для своих земляков и запасся необходимыми книгами. А время все не шло. По каким-то причинам Стефаний откладывал день отъезда на неопределенное время. Наконец Апситу надоело слоняться без дела, он пошел на причал, нанял лодку и отплыл на остров с незнакомым извозчиком. Путь казался нескончаем, ему так нетерпелось увидеть земляков, словно плыл к своей семье в Абазию.

Завидев в море одинокую лодку, державшую курс к берегу, люди на острове оживились. Под предводительством Джата мальчишки высыпали на берег и напряженноглядывались в лица подплывающих, будто теперь решалась их судьба. Разглядев на лодке своего предводителя, они радостно зашумели. Апсит, окруженный детворой, направился в лагерь, десятки детских рук ухватились за его поклажу – каждый считал за честь оказаться посильную помощь. Встретить названного брата вышла во двор и Рити со своими детьми. Вежливо отказавшись передохнуть с дороги, Апсит призвал старших мальчиков принять участие в Совете.

Все вместе они переместились под тень раскидистого ореха. Рядом с Апситом встала Рити.

– Дорогие, абазы, – начал свою речь Апсит. – совсем недавно вам пришлось пережить много трудностей: вы потеряли свои дома и семьи, свою родину и свободу, были обречены на рабство и погибель. Однако милостивый Бог сжался над вами – выручил вас из обстоятельств, казавшихся непреодолимыми, и дал надежду на возвращение на родину. Спасибо Ему за все, слава Ему, Милосердному. Пережитые трудности вас закалили, потому я считаю возможным говорить с вами, как с равными. Знаю, что более всего вы мечтаете вернуться в родные места, возродить жизнь на опаленной и окропленной кровью земле. Знаю, что вы не спасете ни

перед какими трудностями ради заветной цели. В то же время считаю нужным поделиться с вами мыслями. Абазия уже не та страна, в которой вы росли. Ваших отцов убили, матерей отдали в рабство, дома ваши сожжены, нет Абазского царства и всего привычного из прошлого. Нас ждет осиротевшая, опустошенная земля. Там обживаются чужеродцы, посланные василевсом со всех концов империи. (Царившая тишина сменилась злобным шипением). Это цена, которую пришлось заплатить за наше стремление к свободе.

– И что, нам следует смириться с этим? – вспылил Джат. Мальчики зашипели на него, обвиняя в несдержанности.

– Есть в жизни обстоятельства, непреодолимые силой, но со временем усилием воли и разума человека, при Покрове Небесном, они разрешаются. Несколько днями ранее я увидел во сне Божественный Совет. Да, мне посчастливилось слышать и видеть Небожителей. Там были все почитаемые нами боги, возглавляемые «Еиха зымчу» – Всесильным, Всемогущим. Был и мой Бог – Иисус Христос. Каково же было мое удивление, когда Он оказался сыном Главного и Анцва, пусть нежный свет ее очей обнимет каждого. По воле Всемогущего появился Иисус среди людей и проповедовал им, а после казни вознесся на небо, к своим родителям. «Еиха зымчу» приказал всем на Небесах и на Земле чтить сына своего, выношенного в человеческом чреве. Когда громовержец Афы воспротивился приказу, не желая присягать рожденному женщиной, Главный рассмеялся и припомнил, что решение Высшего Разума обсуждению не подлежит. И еще он напомнил, что ему – Отцу новоявленного Бога – переживать за первенство смешно, так как его могущество беспредельно.

Когда наши святыни Аныхи заступились на Совете за абазов, «Еиха зымчу» не устоял и постановил, что не будет над абазами совершаться насилие, если мы не предадимся сребролюбию. Теперь я еще больше убежден, что мои действия предначертаны Свыше. Меня Господь Бог избрал для того, чтобы изменить вашу судьбу и будущее Абазии. (Апсит приглядывался к лицам собеседников. Казалось, его откровение тронуло слушателей за живое, но дело еще не было окончательно решенным, были и колебавшиеся.)

Завершая слово, я призываю вас обрести уверенность, поверить мне искренне. Искушение будет посещать ваши души, но вы обязаны, не колеблясь, отгонять от себя гнетущие сомнения.

Прежде чем отправиться в Абазию, мы должны пройти несколько новых для вас испытаний. Первое, мы должны просветиться Словом Божиим. Только так мы сможем выполнить завет «Еиха зымчу». Самые способные будут осваивать грамоту и науки. Мы должны стать умнее и образованнее наших противников, потому как числом и силой нам их не превозмочь. Вооружившись их религией и их знаниями, мы сможем установить свои правила и пользоваться их законами во благо. Для того, чтобы победить их, мы должны стать гражданами Рима и пользоваться равными с ними правами. Так мы сможем вернуть земли отцов, без опаски создавать семьи и открыто домогаться власти и в родной Абазии, и за ее пределами. Более мы не будем считаться варварами, низшими существами, а став с ними на одну ступень, окрепнув, мы сделаем Абазию свободной. Их сила будет оберегать нас от внешних и внутренних врагов, мы же шаг за шагом будем идти к своей цели.

– Да будет так! – воскликнули воспрянувшие духом участники Совета. «Пусть мы не напьемся их крови, если твердо будем знать, что придет возмездие», – шепнула Апситу Рити.

– Наш Совет завершен, после некоторых уточнений я объявлю вам о распорядке занятий, которые мы должны начать уже с завтрашнего дня.

Ребята, громко обсуждая новости, направились в лагерь. Рити взяла под руку Апсита и повела в дом, намереваясь вдали от посторонних глаз закидать его вопросами. Счастливая улыбка блуждала на его лице – он сделал первый шаг в будущее, предрешенное на небесах. А Рити не отпускала его от себя, вцепившись в рукав его туники. Убедившись, что никого нет рядом, она дерзко заглянула в глаза юноши:

– Апсит, ты действительно веришь в свой сон, может это наваждение? Тогда и выводы твои не верны. Какие доказательства ты можешь предъявить?

— Рити, когда Бог говорит с тобой, не нужны доказательства. Ты это чувствуешь каждой частичкой своей, ты становишься другим, я не могу тебе это передать...

— Твои перемены заметны, но не более того. Ты в ответе за всех нас: и перед душами мертвых, и перед памятью предков, и, в конце концов, перед лицом царя абазов Скепарны. Что скажет он, разузнав о твоих решениях?

— Увы, он ничего не скажет, Рити, его нет среди живых.

— Отчего ты так уверен, не во сне ли приснилось? — язвительно спросила женщина.

— Почему ты так недоверчива? Неужели я похож на лжеца?

Громовержец Афы поведал, что наш царь Скепарна, оседлав молнию, вознесся на небеса, стал ахана ихана афырхаца. Там на небосводе взошла его звезда, он счастлив и безмятежен, его трудности остались позади — там одно блаженство.

— Если бы я располагала подтверждением твоих слов?

— А если нет? — Апсит заглянул женщине в глаза.

— Ты мой званный брат, я последую за тобой из чувства долга, — нашлась с ответом Рити.

— Убедить тебя не просто, но все же один способ я вспомнил. Попроси Стефания собрать сведения о Скепарне. У него высокие связи, он скорее что-либо узнает, ведь Скепарна был его лучшим другом. Я же не сомневаюсь в этом. Мне не надо доказывать, что теперь ночь, а не ясный полдень. Давай обсудим другое, Рити. Я надеюсь на твою помощь, но не из чувства долга, а по убеждению. Мы с тобой должны распределить мальчиков по классам и заняться их обучением. Я буду посвящать их в христианскую веру, тебе надлежит обучать латыни и греческому.

— Ты просишь невозможное, я никогда не занималась с детьми, и мои знания не столь обширны, чтобы учить кого-то. К тому же на моем попечении большой дом и два десятка малышей, для которых я одна здесь нана.

— Твоя дилемму разрешить проще простого. Рити — ты давно не смотрелась в зеркало, взгляни на свои руки?!

Женщина окунула взглядом себя и разрыдалась:

– Ты говоришь, взгляни на свои руки, – захлебываясь слезами вымолвила она, – хорошо, что не каждый может заглянуть в мою душу, представить, что творится там. – Женщина спешно спрятала лицо, не так давно благоухавшее свежестью, покрытое легким румянцем, озаренное счастливой улыбкой.

– Не горюй, сестра, вспомни участь убиенных, тебе станет легче, – старался успокоить ее Апсит.

Рити разрыдалась еще больше, приглушенно всхлипывая и пряча лицо. Все что она намеревалась сказать, растворилось в потоке горьких слез... Апсит обнял Рити и беззвучно плакал, предавшись горестным воспоминаниям о своих близких. Перед его глазами проплывали образы братьев, матери, отца, деда, дяди, знакомых по Анухе людей, перешедших в иной невидимый мир.

Понемногу собеседники пришли в себя. Апсит, чтобы отвлечь Рити, принял вспоминать счастливые события из прошлого.

– Рити, – вдруг прервал себя Апсит, – я обещаю, что к тебе вернется прежняя красота, что ты вновь будешь счастлива, что к тебе вернутся былое положение, достаток и уважение. Твое лицо засияет вновь, а рукам вернется бархатная нежность. И этим я займусь сегодня же, не откладывая на потом.

– Что ты намерен делать? – с недоверчивой улыбкой спросила женщина.

– Начну с того, что найду прислугу для малышей. Этим может заниматься местная женщина. Она же будет готовить, стирать, убирать по дому. Ты же отдохнешь, займешься собой, отвлечешься мыслями. Главное настроиться.

– Я должна любоваться собой и бездельничать, когда вокруг такая беда?!

– Нет, Рити, бездельничать ты не будешь, ты посвятишь себя книгам, будешь и сама учиться и детей обучать. Хорошие книги врачают лучше любого лекаря.

– Раз уж ты настаиваешь, придется уступить. Но прежде самой надо кое-что вспомнить, – все еще колебалась Рити.

— И так, не будем откладывать на потом правильное решение. Вот тебе начальный курс по грамматике — в семинарии раздобыл, я же схожу в деревню, подыскать тебе замену. Постараюсь скоро вернуться, тогда и займемся составлением списков.

Поиски Апсита увенчались успехом. Новую служанку звали Марина. Женщина средних лет, рано овдовевшая и потерявшая по болезни единственного ребенка, с радостью согласилась прислуживать за абазскими детьми за сносную плату. Тем более, что родственники попрекали несчастную куском хлеба и кровом. Она собрала небольшой узелок и перешла в дом Стефания. Женщины нашли общий язык. «Будет дело», — отметил Апсит.

Оставшееся до темноты время названные брат и сестра потратили на организацию групп учеников и составление расписания занятий. Молодым абазам предстояло научиться жить по часам и осваивать знания. Количество учеников превысило семьдесят человек, их разбили по возрасту на четыре класса: два из них занимались один день, два других — на следующий, по три урока в день. Пока одни занимались учебой, другие присматривали за младшими. Барныку упросил Апсита не занимать его учебой, сославшись на свое обязательство ежедневно поставлять к столу свежую рыбу. Его доводы были столь рассудительны, что Апсит оставил артель рыбаков в покое до поры, пока они сами не изъявят желания учиться. Один из хозяйственных навесов во дворе Стефания был вычищен, пол посыпан морским песком, на стене Апсит закрепил деревянный щит, привезенный из города. Рядом со щитом поставили корыто с водой, возле него высыпали кучу угольков. Дети садились прямо на песчаный пол и брали в руки выструганные палочки. Когда приходилось что-либо изобразить или написать, они водили этими палочками по песку. Несколько дней занятий показали, что сразу два языка абазам не выучить. Остановились на греческом, как на более нужном, оттого кол-во уроков уменьшилось до двух, но часы на занятия остались прежними.

С большим удовольствием дети слушали рассказы из Ветхого Завета, рисуя в воображении его красочные сцены. После нескольких уроков, Апсит начал зачитывать на грече-

ском цитаты и переводить их на абазский. Успех превзошел его ожидания. Воодушевленные подростки подолгу после уроков обсуждали новые темы, учась выговаривать непривычные звуки. На занятия Апсита напросились малыши, они садились в сторонке и, не отводя взгляда, ловили каждое слово учителя.

Рити добивалась своих результатов. Ученики на память изучили греческий алфавит, не без трудностей, но освоили начертание букв. Преобразилась и сама Рити. К ней вернулись грация и аристократические манеры, ее тело и платье вновь засияли чистотой и свежестью, а в уголках глаз заискрился свет радости.

Перемены, произошедшие на острове, сильно удивили Стефания, когда он все же отвлекся от своих дел и прибыл на остров. Он не понимал одержимости, которой тут все были увлечены, но открыто радовался успехам друзей. Наконец заразившись общей идеей, он с удовольствием посещал уроки Апсита и Рити, часами высиживая на полу вместе с девстворой. В этом занятии он начал испытывать необходимость. Как только приближался урок греческого, Стефаний спешил, да так, что часто оказывался под навесом первым. Не отводя взгляда от Рити, он предавался блаженству, впитывая ее голос, умиляясь мимикой и жестами. А она все хорошила. К ней вернулось девичье кокетство. Новая прическа – собранные наверх волосы, повязанные яркими шнурами – оголяла шею и плечи, делая ее такой хрупкой и беззащитной. Стефаний каждый раз при встрече робел, но отвести свой взгляд был не в силах. Словно влюбленный юноша, не мог скрывать своих чувств, чем немного смущал Рити. Поняв, что Стефаний не заговорит первым, на этот шаг решилась она. Однажды после окончания очередного урока Рити осторожно позвала его по имени.

– Стефаний – благодетель и спаситель наш, твое усердие в греческом становится очевидным даже для малышей.

– У меня никогда не было такой желанной учительницы, – ответил мужчина и смущился.

– У меня никогда не было такого внимательного ученика, – нашлась с ответом женщина и, едва сдерживая волнение, повернулась к нему в профиль невзначай. – Я хотела сказать другое...

— Нет, я хотел по-другому высказаться, Рити, — перебил ее Стефаний. — Не гони меня, что плохого, если я посещаю твои уроки? Наверное, в детстве многое упустил.

— Я тебя не гоню. Мне даже нравится восхищение образованного человека, но мои заслуги не столь велики, какими кажутся.

— Нет, Рити, — перебил ее Стефаний. — Не сердись на меня, я говорю не то, что должен, я наверно, такой нелепый в твоих глазах.

Рити неожиданно смело взглянула на собеседника. А он еще более оробел и смущенный продолжал:

— Рити, я готовлюсь открыть свою душу, но боюсь получить суровый ответ. Я не хочу, чтобы ты решила, будто я способен воспользоваться своим положением или чьей-либо слабостью.

— То, что я знаю о тебе, — не располагает к таким мыслям. Потом же не забывай, я нахожусь под защитой брата и не чувствую себя слабой. Но твое пристальное внимание ко мне невозможно скрыть от других.

— Я не думал каким-то образом тебя скомпрометировать. На самом деле, ты мне нужна как женщина, как жена, как подруга. Вся моя прежняя жизнь была бессмысленной, только ты вдохнула в меня искру. — Стефаний продолжал говорить, она опомнилась, отвернулась от него и быстро пошла в дом. По обычаям родины, женщина не может столь долго оставаться наедине с мужчиной. Она шла, не оборачиваясь, и не видела, какое смятение выражало лицо Стефания.

«Его выходки глупы и раздражительны: часами сидит и смотрит на меня, иногда странно блуждает по парку, не ест и не спит, сам с собой разговаривает, уж не заболел он лихорадкой, или чем еще?» — Путались мысли взволнованной Рити. Она отказалась от обеда, хотя время было далеко за полдень, прошла в спальню и растянулась на постели прямо в вещах.

Стефаний растерянный быстро шагал в отдаленный конец острова, чтобы скрыться от глаз и предаться там грусти.

Все это время Апсит проводил в лагере с мальчиками, рассказывая им истории про Абазию, переплетенные мыслями о Боге и судьбе человека. Мальчики завороженные слу-

шли, изредка задавая вопросы. Довольный ходом дел Апсит не заметил, как приблизились сумерки. Он незаметно вышел из лагеря к морю, чтобы освежиться в морской воде. С темнотой он добрался домой и вошел в залу, едва освещенную тусклым отблеском свечи. Комната была пуста.

– Рити, ты где? – повысил голос юноша.

– Я у себя, сейчас выйду, – из-за стены откликнулась молодая женщина. Ее опередила служанка. Марина, заметив недоумение Апсита, многозначительно сказала: «Хозяйка вовсе не обедала, уж не заболела ли она?! Хозяин и того хуже: ни ест, ни спит, все бродит по острову, словно заколдованный».

– Понял. Иди, Марина, по своим делам, не отвлекайся попусту, – посоветовал ей Апсит. Служанка пожала плечами и вышла. Вскоре подошла Рити, бледная и взволнованная, с нездоровым блеском глаз.

– Я успел по тебе соскучиться, красавица, – улыбнулся сестре Апсит.

– Ты единственный, кто меня понимает, – с надеждой на поддержку ответила она.

– А как же иначе, сестра, думаю, нам надо поговорить, присядем, – Апсит указал рукой на место рядом.

– Апсит, этот человек сбивает меня с толку, – не в силах произнести имя Стефания, выпалила Рити. – Он подолгу разглядывает меня, как-то странно говорит со мной. Мне это не нравится... Ты ведь понимаешь меня, я мать троих детей, оказалась далеко на чужбине, все мои помыслы связаны с ними, со всеми вами, с родной Абазией. Мне и без того тяжело. Там на галере мне было легче, зачем это все, зачем меня мучить, я же слабая женщина? – с трудом выговорила она, едва сдерживая слезы.

– Разве стоит такое наговаривать, сестра. Стефаний один из нас, он даже значимее нас. И достойный спутник для любой женщины. Другое дело, он не знает всех тонкостей наших обычаяв, но ведь это поправимо. А ты ведь помнишь царский наказ?

Рити отмолчалась, она лишь спрятала глаза.

– По законам нашей земли овдовевшая женщина должна найти себе мужа из его рода, чтобы дети воспитывались в большой фамильной семье. Бедный Крита, цар-

ство ему небесное, тоже был греком, и вполне справедливо, если твои дети будут воспитываться в греческой семье, тем более, что он даст вам все, о чем может мечтать жена и любящая мать.

— Но он не говорит ничего об этом, какие-то загадочные фразы и намеки, а потом, я ... мы должны закончить начатое дело.

— Ну, уж в этом я не вижу помех. Наше дело пойдет еще быстрее, если вы сойдетесь и перестанете мучить друг друга. Доверься мне, сестра. Пусть я буду переговорщиком в этом деле.

Рити, вздрагивая плечами, упрямо смотрела в дальний угол.

— Иди к себе, отдохни, в твоей жизни все наладится, обещаю. Я хочу, чтобы ты выглядела как прежде. Ну, иди же, — Апсит подтолкнул ее к выходу, а сам вышел на улицу. Вышел, чтобы разыскать Стефания, успокоить душу старшего друга. Он уверенно шел по темной аллее к дальнему концу острова, где в свечении луны, отбрасываемом морем, разглядел по-никшего Стефания. Апсит положил руку на плечо друга, тот обернулся через плечо и обратно уставился в море.

— Друг, у меня есть хорошие новости, нам надо поговорить, — настоятельный тоном заговорил Апсит. Стефаний подчинился и последовал за юношем. Они добрались до ближайшей сосны и присели у ее подножья. Взгляд Стефания оживился, но он по-прежнему молчал.

— Друг и наставник, я знаю одну женщину, которая, как и ты, потеряла интерес ко всему окружающему, она лежит и рыдает, взволнованная и растерянная.

— Я причинил ей боль, но я не хотел, прости меня, Апсит.

— Да, ты причина ее страданий, но не в твоей воле предотвратить предопределенное на небесах. И если вам не в удовольствие мучить друг друга, сойдитесь, станьте мужем и женой по обычаям аbazгов и греков.

Стефаний оживился:

— Ты думаешь, она пойдет за меня?

— У нее много сомнений, если ты их развеешь, вы будете вместе.

– В чем я дал ей повод усомниться, Апсит? – взмолился Стефаний. – Открой мне тайну, я сделаю все, чтобы исправиться.

– Ну, во-первых, ты должен попросить ее руки. Это ты можешь сделать через меня. Потом поклясться на кресте, что будешь настоящим отцом ее детям. И последнее – что не будешь противиться абазским обычаям и уважать ее родственников.

– И это все препятствия? Так иди сейчас же и поклянись ей от моего имени, что я готов выполнить все условия и не по принуждению, а добровольно, потому как по-другому я не умею жить.

– Хорошо, только мы пойдем вместе. Сегодня уже поздно судьбоносными делами заниматься – перенесем на утро. Ты тоже должен подготовиться, привести себя в подобающий вид. Завтра утром все разрешиться, – уверил наставника Апсит. Стефаний шел с ним рядом к дому, только трудно было понять: счастлив ли он теперь, или мучим тревогами.

– Марина, выспишься потом, иди сюда, – окликнул служанку Апсит, поднявшись на крыльцо.

– А я не сплю. – Марина выбежала из подсобки.

– Душенька, для Стефания надо приготовить воду и парадное платье. А затем, – он приблизившись к ее уху, прошептал: Предупреди Рити, чтобы утром она выглядела, как невеста.

– Ну и дела, – хихикнула служанка и побежала выполнить указания.

Рано утром весь дом был на ногах, каким-то образом все от мала до велика прониклись таинством торжественного случая. Раньше других Апсит успел свидеться с молодой женщиной и Стефанием, удостоверится в правильном ходе дел и отправить в греческое селение за живностью, чтобы накрыть праздничный стол. Когда солнечный диск коснулся вершины самой большой сосны на острове, в котле доваривалось разделанное мясо, в большой печи доходили хлеба, подростки копошились в подвале дома, выволакивая на свет большие пифосы с вином. На всем острове царило веселое оживление. Довольный ходом дел Апсит прохаживался по двору, когда к нему подошел старший сын Рити.

— Брат, — с трудом скрывая волнение, обратился он к Апситу, — это правда, что моя нана выходит за Стефания?

— Да, Арт, сегодня у нас большой праздник. Но что тебя тревожит? Неужто ты не рад, что у матери появится надежный друг и опора?

— У нее есть мы, есть ты, зачем ей другая опора? — не отводя влажных глаз, продолжал мальчуган.

— Вскоре вы вырастите, и у вас будет своя жизнь и свои семьи, вы ее, конечно, не бросите, но ей все равно было бы одиноко, а так — рядом с ней будет надежный мужчина, внимательный и чуткий. У нее будет надлежащее положение в обществе, а вы получите достойное будущее. Может сложиться так, что повзрослев, вы захотите вернуться на родину или останься здесь на этой земле. Вы будете вольны поступить по велению сердца.

А теперь поспеши домой. Вы — ее дети — должны выглядеть опрятными и счастливыми. Так будет лучше. Мальчик хотел спросить: «что значит — будет лучше», но постеснялся и доверился названному брату матери.

— Я пойду, — неуверенно сказал он, — а то младшие растерялись, надо их приободрить.

— Иди, братик, будь уверен в моих словах! — Апсит потрепал Арта по волосам и направил его к дому.

Ближе к обеду из деревни пришел неопрятный священник, чтобы доложить, что в церквушке к венчанию все готово. Апсит протянул ему солид и уверил, что туда они прибудут вовремя.

Деревенский священник, путая молитвы, обвенчал Стефания и Рити, на шею которой муж заранее надел серебряный крестик. Предвидя вопрос Апсита, он его уверил, что для Бога неважно — крещеная она или нет, брак все равно свершается на небесах, ну а лишних вопросов лучше предустмотрительно избежать.

Вся деревня сошлась, чтобы полюбоваться женой хозяина. Они затеяли игры и танцы, веселя новобрачных и многочисленных свидетелей. Главное пиршество продолжилось

дома, где все угощались, восхваляя красоту невесты и достоинства жениха. Но и это не главное: на заднем углу большого двора абазские мальчики соорудили из ореховых веток амхару¹ для новобрачных. В ней было свежо и просторно, широкие нары были устелены свежей соломой и накрыты новой простыней. Абазы гордились своим подарком. Под занавес туда торжественно проводили молодых.

Как бы долго не вести пересказ, всех тонкостей и деталей свадебной церемонии не перечислить.

…Время шло, налаживалась другая жизнь на острове. На людях новобрачные вели себя так сдержанно, что казались чужими друг другу. Видимо, не престало показывать свое счастье, когда столько несчастных вокруг. Молодожены по-прежнему жили в амхаре, нисколько не высказывая законных прав на дом, где размещались Апсит и абазские дети. Апсит и Рити по-прежнему проводили по два урока в две смены. Большинство учеников теперь легко понимали по-гречески и могли самостоятельно писать простые слова. Божье слово давалось того легче, теперь они углубились в Евангелие от апостолов. Пришло время обдумывать дальнейшие действия. Апсит и Стефаний, посовещавшись, легко поняли друг друга и решили ехать в город. Стефанию предстояло организовать грандиозное торжество с приводом невесты в столичную резиденцию, Апситу – договориться о крещении молодых абазов в одном из кафедралов Константинополя. С ними напросился ехать Копт, обнадеженный отъездом на родину, в пески Африки. Троє мужчин попрощались с провожающими и на рыбакской лодке вышли в море, в сторону континента. Вскоре берег исчез из виду, Апсит вспомнил свое первое морское путешествие из Абазии в Константинополь и затосковал по родным. Копт затянул дикую мелодию своих пустынных берегов, а у Стефания странно смешались чувства, но больше всего он заскучал по жене, оставшейся на острове. Но как только издали показался Константинопольский причал, все трое мысленно вернулись к глав-

¹ Отдельная однокомнатная хижина для молодоженов (абх.).

ным вопросам своей поездки. А пока договорились, что Копт отправится со Стефанием домой, а Апсит навестит Феофана и Ефрата. Как только появятся свежие новости, им предстояло встретиться сообразно обстоятельствам. «Скорее я тебя найду», – пообещал Апсит, понимая, что у Стефания забот побольше.

Апсит направился по мостовой к дому Феофана, с каждым шагом в нем просыпалось чувство вины перед Марией – дочерью крестного отца, за то, что так редко вспоминал о ней, не заботился о ее чувствах и переживаниях. Он вспомнил все то, что сделала для него эта семья, и осознал, как многим им обязан. Апсит задумался над своими чувствами. «Я никого не люблю», – признался он себе и ужаснулся: «А может, я не умею любить, или мое чувство к Марии и есть любовь? – задал себе вопрос юноша. – Она не виновата, это я, наверное, такой дикий. По крайней мере, она считает меня диким. А может она права, я боюсь чего-то, или происхождение мешает мне любить дочь кормильца и попечителя. Но они же не такие, они не находят в чувствах дочери ко мне ничего предосудительного, значит в этом ничего плохого нет. Мне надо перемениться, надо стать чутким и нежным. Она ждет таких перемен. А если я не умею любить, какая мне разница на ком жениться? Она славная добрая девушка, готовая на все ради меня. Как несправедливо с моей стороны не замечать ее чувств. А что я могу ей дать? Поделить с ней свою надежду на будущее Абазии? Смешно, но я не строю никаких планов о своем будущем, я просто плыву на гребне судьбы, не загадывая наперед».

...Апсит перешагнул порог калитки, остановился, заметив в себе волнение: «Неужели я соскучился?..»

В этот субботний день вся семья Феофана была в сбore. Отец забавлялся с сыном в углу сада. Их звонкие, веселые голоса, заполняли все вокруг. Сквозь открытые ставни большого дома доносились звуки домашней суеты. Иногда прорывался и девичий смех. «Это ее голос», – насторожился Апсит и повернулся в сад к мужчинам.

– Мы рады тебе, – промолвил Феофан, открыто улыбаясь Апситу.

– Я тоже рад, – ответил Апсит и, посчитав свое приветствие скромным, добавил, – я очень сильно рад нашей встрече!

Они крепко обнялись, а малыш подошел к Апситу и обхватил его за ноги. «Какое счастье, когда тебя любят!», – потеплело на сердце юноши.

– Сынок, ты повзрослел, – заметил Феофан, внимательно оглядев гостя.

От мысли, что он долгие месяцы не смотрелся в зеркало и не ухаживал за волосами, Апсит смутился: «Какой я неряха, ведь она увидит меня таким». Теперь ему захотелось незаметно проскользнуть в свою комнату и хоть как-то исправить положение.

– Пойди, поздоровайся с домашними, мы уже собирались идти в дом, там и побеседуем, – предложил Феофан. Апсит воспользовался предложением, быстро прошел в парадную, окинул взглядом свое отражение в зеркале и успокоился. Тут его окликнул кто-то из прислуги. На миг всеобщая суета остановилась, и все началась вновь с еще большим азартом. Послышались шаги по лестницам дома. Хозяйка крикнула: «Кто пришел?» и, получив ответ, шумно оповещая весь дом, поспешила в гостиную. Вслед за ней торопились дочери. «Какие вы нерасторопные, пропустите же...», – раздался обиженный голос Марии позади всех. Родные посторонились. Мария сбежала по ступеням лестницы и прыгнула на шею Апсита.

– Апситушка, ты наконец вернулся! Как долго я тебя ждала, – лепетала по-детски Мария, не разнимая объятий.

– Корица¹, а ну посторонись, – зашипела на дочь подошедшая матrona.

– Ну, мама... – нехотя отпустила Апсита Мария. Пока домочадцы приветствовали его, Мария отошла в сторону, и вдруг неожиданно смутилась. В ней проснулась девичья стыдливость, она отвела глаза на миг, и снова взглянув на молодого мужчину, стремглав понеслась наверх, в свою комнату. Апсит видел все и про себя подметил, что Мария выросла, превратилась в девушку, скрывающую мечты... За эти

¹ Девиц (греч.).

месяцы она потеряла детскую припухлость тела, заметно вытянулась и постройнела. А какими стали ее глаза – неисчерпаемый кладезь чувств и света! «Все! Решено! – сказал себе твердо Апсит, – она будет моей».

Феофан пригласил Апсита на веранду, там они уселись на деревянные лавки, чтобы, наслаждаясь тенью и прохладой еще по-летнему жаркого дня, предаться разговору.

– Отец мой и попечитель, я вернулся, как только представилась возможность. За это время многое переменилось.

– Это легко заметить, сынок, – улыбнулся собеседник.

– Наконец-то наш друг Стефаний женился, взял абзгскую женщину с острова, по имени Рити, овдовевшую во время Трахейского сражения. Мы вместе вернулись в город. Сейчас Стефаний занят приготовлениями к свадьбе.

– Спасибо за новость, обрадовал. Надеюсь, он обрел свое счастье: абзгские женщины скромные и покладистые, не в пору местным. Ну, об их красоте я только слышал. Наверное, она божественно красива, раз такой завидный холостяк легко оказался в ее сетях.

– Нет слов, отец. Она еще и моя названная сестра. А посему главным подарком должен стать мой.

– Ты уже решил, что подарить ей?

– По нашим обычаям, я должен вручить невесте какую-нибудь ценность, как залог ее благополучия в случае, если по каким-то причинам она вдруг останется без средств существования в далекой стране. Но не хочется думать о плохом.

– Удивительный обычай придумали ваши предки, – заметил Феофан.

– Вырученных средств должно хватить, чтобы женщина смогла вернуться к родным. Ну а если она оказывается в другой стране – такой подарок может стать нелегким бременем для ее близких. Тогда складываются всем родом. Но у нее никого не осталось, только я один.

– Ну а что, если не соблюсти обычай, с учетом сложившихся обстоятельств? Ведь и Стефаний никогда не оставит ее в беде.

– Все это верно, по собственной воле он никогда не бросит ни ее, ни ее детей. Но ведь и обстоятельства складываются по-разному. Все же не соблюдать обычай – дурная примета, – колебался юноша. Собеседники задумались, Феофан продолжал удивляться про себя, а Апсит думал о подарке.

– Ну и как ты поступишь? – продолжил разговор попечитель.

– Пока не знаю, но от обычая не отступлюсь.

– Давай мы вместе соблюдем обычай, ведь мы твоя семья, Пантелеймон.

– Верно, вы моя семья, но здесь еще есть и абазги, надеюсь и на их участие.

– Ты думаешь об Ефрата?! Хорошо, я не против, сделаем, как посчитаешь правильным.

– Мне надо сходить во дворец – много дел накопилось. Главное – мы приблизились к цели: семьдесят мальчиков старшего возраста сносно понимают и читают по-гречески, прошли курс Богословия. Они готовы принять крещение и не дождутся возвращения на родину.

– Ты, конечно, отплывешь вместе со своими воспитанниками?!

– Да, отец, родина призывает нас, мы должны ее спасать. Трудно представить себе все, что там приключилось за последнее время.

– Но где вы будете жить, чем питаться? Что делать? Ведь это уже другая Абазгия.

– Не могли же они уничтожить всех, выжившие примут нас с радостью и приютят. А потом же мы рассчитываем на особые полномочия от василевса. Это должно снять препятствия со стороны ромейских чиновников, беззастенчиво грабящих нашу родину.

– Да... не проста задача... Ты все же знай – мы в тебя верим, мы тебя любим... Если там, на родине твои планы не сложатся, возвращайся к нам, пережди смутное время.

– Я последую твоему совету, – отвечал Апсит, уверенный в том, что никогда не вернется по собственному желанию.

– Мужчины, где вы? Обед остывает, поспешите... Феофан, не утомляй молодого человека, он наверняка голоден с дальней дороги. Не так ли Пантелеимон? – упрекнула мужа хозяйка дома.

– Отчасти, да, я немного проголодался, но ведь в том нет вины попечителя, это я разговорился.

– Пошли, без лишних слов, а то и женщины бывают суровыми. – Поднялся Феофан с лавки. Они прошли в гостиную и по-обычному расселились за столом. Скамья справа от Апсита пустовала. В его душу закралось волнение: «Где же Мария, обычно, веселая и живая, так она никогда не поступала?». Мысли юноши разделяли и родители девушки, не подавая виду, вяло принялись за еду. У Апсита пропал аппетит, он понимал, что невольно явился причиной ее самоотвода.

– Ешь, сынок, – обратился к нему Феофан, – у молодых девиц часто меняется настроение. Это не повод для голодовки, – пошутил он.

Апсит постарался скрыть тревогу, но пища не шла. Немного прогулявшись по тарелке, он свесил руки.

– Как жаль, такой вкусный обед, а вы почти не едите, – сокрушилась жена попечителя.

Старшие девчонки сблизили свои головы и о чем-то тайно перешептывались, только малыш – наследник дома – проявлял здоровый аппетит, всецело разделяя мнение матери. Дождавшись удобного момента, Апсит вышел из-за стола, смущенно буркнув под нос: «Спаси Бог», и побрел к роднику в конце аллеи парка, чтобы разобраться с самим собой. «Мне надо с ней объясниться», – метался он в мыслях, забыв, что промысел Божий все устроит.

– Как ты узнал, что я здесь, я же никому не сказала, – раздался знакомый голос у родника. Апсит ускорил шаг, он увидел ее, но это была уже не озорница Мария.

– Наверное, сам Бог направил меня сюда.

– Какая чушь, – попыталась отшутиться девушка, – неужели ты такой набожный?

– С каких-то пор меня посещают вещие сновидения, подсказывают, как вести себя и я подчиняюсь.

– Тогда ты должен знать свое будущее, предсказатель Апсит, – как то по-взрослому посмотрела на него Мария.

– Нам предназначено быть мужем и женой, – спокойно ответил он ей, повергнув ее в сильное волнение. Одолев слабость, девушка встала и выпрямилась, ее волосы волнами скатились по плечам, упругие груди вздымались под шелковой туникой, перехваченной в талии широким шнуром. Нет, сейчас ей было не до кокетства, в ней заиграло что-то оставшееся из детства и обольщение дарованное природой в избытке, которое обуревает женщин в определенные моменты жизни. Не находя слов от избытка чувств, задыхаясь, она смотрела на желанного, который так просто решил ее судьбу... их судьбу, потому как свыше им предназначено быть мужем и женой. Так радостно, и в то же время грустно, потому как не одна девица в мире не мечтает услышать от возлюбленного такие простые слова.

– Мария, это я понял сегодня, увидев тебя в гостиной, после стольких месяцев разлуки. – Апсит взял в руки ее ладони и нежно прикоснулся к ним влажными губами. О сколько чувства в первом невинном поцелуе! Прикосновения губ нареченного были обжигающе горячими, шелковистая щетина то колола, то нежила ее трепещущие ладони.

– Есть одно, в чем мне надо быть уверенным, Мария. Ты должна скрыть нашу помолвку от всех. Пусть это будет нашей тайной.

– Ты даже не спрашиваешь, согласна ли я?! Или у абазгов такой дикий обычай – не спрашивать у девушки согласия?

– Мария, в этих вопросах я не искушен, мне было страшно получить отказ, я проявил малодушие, прости меня.

Мария надула губы, вырвала свои ладони из его рук, сделала негодующую гримасу и гневно заговорила:

– Дикий абазг, выслушай меня и запомни. – Апсит опешил от такого начала.

– Тебе неведомо, что чувствует девушка, расставаясь с любимым на долгое время, не имея маленькой надежды, что ее чувства будут поняты или разделены; сколько горьких слез

пролито, сколько бессонных ночей проведено в молитвах... Я знаю, что мне еще больше предстоит выстрадать. Мой ответ будет да, – почти шепотом добавила она. – Потому что мне не жить без тебя, – девушка пошатнулась и сникла.

Апсит успел опустить ее к себе на колени. Глаза Марии были закрыты, голова опрокинулась назад, через плечо Апсита. Только теперь он понял, какой ценой далось ей это признание.

Юноша отнес бесчувственное тело к роднику, и принял ся смачивать ее лицо, волосы и плечи свежей водой, беспрестанно приговаривая: «Милая девочка, все будет хорошо, я с тобой рядом. Я тебя непременно спасу». Мария понемногу оправилась, открыла глаза. Ощущив себя в сильных руках Апсита, она успокоилась и счастливая улыбнулась.

– Только не оставляй меня надолго одну, – я слабая, могу лишиться чувств, ты же сам видел. Я согласна скрывать о нашей помолвке, наверное, тебе виднее, что делать. – Девушка окончательно пришла в себя, он усадил ее на скамью и присел рядом. Их ладони сомкнулись.

– Мария, мое желание держать все в тайне не прихоть, и не злое намерение, – заговорил первым Апсит.

– Я понимаю тебя, – неуверенно согласилась она.

– Дело в том, что скоро я отбуду в Абазгию, чтобы наладить тамошние дела.

– Почему тебе не живется здесь с нами? Ты опять собираешься бросить меня в одиночестве и неведении?!

– Это мой долг, залог нашей совместной счастливой жизни. Мое место там – в Абазгии, там моя семья, надеюсь, хоть кто-то уцелел, там мой народ, там наше будущее. Нет нигде земли прекраснее Абазгии, ты узнаешь это в свое время.

– Но ваш народ враждебен нашему, как я там буду жить?

– Это не так, Мария. Издревле греки живут среди абазгов целыми колониями, занимаясь ремеслом и торговлей. И живут, поверь мне, не хуже кого-то. Мы враждебны тем, кто приходит на нашу землю с мечом. Но я покончу с рабством, придуманным для абазгов.

– Как ты думаешь победить могущественного императора? – удивилась девушка.

– Его же собственным оружием. Он лишил мой народ прав на том основании, что абазги отвергают Христа, законы империи, не платят податей в казну. Одним словом, обвиненные в варварстве мы оказались бесправными перед чиновниками и войсками. Я отправляюсь в Абазгию с определенной миссией. С помощью своих верных учеников я приведу абазгов к крещению, на ромейское золото мы построим храмы и школы, обустроим дороги и крепости, соберем абазгов под знаменами империи и возьмем власть в руки в своей стране.

– Неужели василевс не разгадал твоих намерений. И за меньшие пригрешения он бросает в темницы своих врагов?

– Он, конечно, догадывается, но там ему положиться не на кого. Военачальники глупы и жадны, с их помощью ему не овладеть Абазгией. Сколько времени он будет держать там гарнизоны, отправлять туда оказию, пополнять ряды выбывающих? Поверь мне, это не просто даже для такой огромной страны, как Византия. Ему нужно сблизиться с абазгами, чтобы завершить дело их покорения, так он мыслит. Он надеется приручить абазгов при помощи религии, золота и прочих всевозможных благ. Мы сыграем в эту игру по его правилам. Он не знает, что абазги никогда не смирятся пусть и с сытым, но рабством. Может, его и не будет в живых, может и я не доживу до того дня, но Абазгия поднимется на ноги и освободится от чужого ига. По-другому просто не бывать.

– Чем больше узнаю тебя, я все больше убеждаюсь, что абазги не смирятся с сытым рабством. Хотя ты равный нам, и даже более – ты свободен от всяких повинностей перед василевсом, но все равно спешишь бежать отсюда. Для чего? Чтобы я была несчастной?!

– Нет, мы будем счастливы, мы будем свободны и вольны выполнять собственные решения, продиктованные просвещенным разумом и высоким духом. Поверь мне и доверься.

– Что мне остается делать, если все предназначено на небесах?! – смиренно вздохнула Мария.

— Мне надо торопиться, чтобы быстрее осуществить долгое и заняться нашим будущим. Теперь, когда ты знаешь мои планы, тебе легче будет ждать. Твои молитвы укрепят и меня, придадут сил, ведь легче жить, когда знаешь, что тебя где-то ждет любимая.

Мария обвила шею Апсита и спрятала лицо на его плече, слезы надежды и тревоги увлажнили тунику возлюбленного. В этих объятьях помолвленных сердец было больше чувств, чем в романтических письменах всего цивилизованного мира. Апсит снял нательный крестик и одел его на шею подруги. Мария сделала то же самое. Теперь они обручены.

* * *

Всадник скакал по мостовой в сторону палатина. Время стояло далеко за полдень: высокие деревья и дома отбрасывали длинные тени, обращенные на восток. Апсит подъехал с внутреннего хода ко дворцу, кинул поводья охраннику, стоявшему у калитки. Наученный Ефратой, он трижды ударил деревянным молотком по полотну двери. Вскоре она отворилась, и он скрылся в длинных коридорах дворца.

Перед дверью с вычеканенным золотым талионом¹ стояло несколько придворных чиновников. Они подозрительно осмотрели юношу, но посторонились, пропуская его к спальнючику.

Резкий запах свечей и ладана обволок Апсита в палатах Ефрата — здесь недавно прошло богослужение.

— Спаси Бог, Пантелеймон, — спальнючик живо подходил к посетителю.

— Спаси Бог, Ефрата, — направился навстречу Апсит.

Ефрата осенил крестным знамением себя и посетителя и увлек его к лавке, поближе к окну.

¹ Золотой ромб (греч.) — символ высшей власти в Византийской империи.

– Я молился за спасение твоей души все это время, Пантелеимон. Думаю, ты принес мне много хороших новостей, твои глаза говорят мне об этом.

– Спаси Бог за молитвенное слово, я и вправду принес радость, вернее, две хорошие новости. Наш друг Стефаний наконец женился. Его избранница – Рити – дочь бывшего коменданта Анакопы, выкупленная нами из рабства. Надо только видеть какая счастливая сложилась пара!

– Правда?! – Как-то с горечью порадовался Ефрата. Апсит долго рассказывал о венчании новобрачных и их планах на будущее, пока не заметил, что его собеседник равнодушно смотрит в сторону. Апсит смолк. Ефрата отвлекся от своих мыслей и повернулся к собеседнику. – Да благословит их Боже наш Иисусе Христе, не иначе как свадьбу играть будут.

– Да, Стефаний приехал в город, чтобы заняться приготовлениями. Да и у нас на одно дело прибавилось.

– Что такое? – заинтересовался спальничий.

– Ведь Рити – наша сестра, кроме нас у нее никого не осталось. Потому нам следует позаботиться о подарке для невесты, следя абазскому обычаяу.

– К чему это. Она ведь оказалась в цивилизованной стране, Стефаний богат и благороден, он обеспечит ее всем необходимым. Представляешь, сколько знатных людей соберется на торжестве, а ты со своими обычаями – просто засмеют, – заспорил Ефрата.

– Я встречался с Феофаном и поведал ему о том. Он заметил, что обычай мудрый – почти то же, что приданое у ромеев, только смысл немного иной. Обещал помочь в приобретении ценного подарка, так, чтобы невеста гордилась своей стороной.

– Ну, раз Феофан так считает, пусть будет по-вашему, только не занимай меня выбором подарка. Вот тебе золотой, – чиновник протянул Апситу монету.

– Спаси Господи, – поблагодарил юноша, пряча монету.

– Какие еще новости? – как бы между прочим спросил Ефрата.

— Хочу поделиться успехами наших земляков. Старшие уже понимают греческую речь, сносно читают и пишут, прониклись Божиим словом и готовы принять крещение.

— За каких-то три месяца? Василевс так долго внушал абазгам принятие Христа, а ничего не выходило, а ты за каких-то три месяца обратил их в новую веру? Просто немыслимо!

— Да, это так, Ефрата. Верь не верь: сегодня более ревнивых рабов Христа во всей империи не сыскать.

— Не откажутся ли они от своих убеждений по возвращению домой, когда окажутся среди сородичей?

— Невероятно, чтобы абазг, присягнувший Богу, отступил от клятвы. Более того, мы собираемся провести крещение в одном из кафедральных соборов Константинополя. Представляешь, как они будут впечатлены великолепием храма и его убранством, а эти живописные сцены из Писания?! К тому же, мы и сами собираемся выстроить великолепные храмы в Абазгии. Это еще более объединит и укрепит их.

— Где взять столько денег, тех же строителей, необходимые материалы, чтобы на окраине империи воплотить твою мечту?

Апсит удивился вопросу Ефрата:

— Разве Юстиниан не обещал взять расходы на себя, или что-то изменилось?

— Чего ты хочешь, Пантелеимон, на что надеешься? Откройся мне.

— Я помышляю о том, чтобы выполнить наш уговор, спасти души абазгов и просветить их.

— Какую роль ты отводишь себе во всем этом?

— Я раб Божий и с радостью выполню его волю.

— Как тебе дано распознать Его волю, не гордыня ли в тебе глаголет?

— Ему решать, кого избрать проводником своим. Разве случайность, что я находился в Константинополе, когда пала Анакопа? А будь я там, меня постигла бы участь ее защитников. Потом я принял крещение и познакомился с тобой, со мной говорил Кесарь Благочестивый. Мы вызволили из плена сотни молодых абазгов и просветили словом Божиим

тогда, как василевс долгие годы не мог сломить их упорство. Случайность ли, что мои мечты совпали с решением василевса выстроить абазам Божий храм, или то, что во сне мне являются наставления Бога? Не провидение ли Господа все это?

– Знать мне этого не дано! – стоял на своем Ефрат. – Но в твоих словах присутствует твердость, хотя сам я не уверен ни в чем. – Ефрат, напряженный некоторое время помолчал, но потом снова заговорил:

– Я встречусь с Кесарем, доложу о твоих действиях. Как только он вынесет решение, продолжим разговор... А сейчас отправляйся с Богом. На свадьбе Стефания, полагаю увидимся. Через декаду начинается пост.

– Спаси Господи, – ответил Апсит и покинул дворец.

Эту ночь Апсит решил провести у попечителя. Вернувшись с аудиенции, он пересказал Феофану все в мельчайших подробностях, не скрывая опасений по поводу подозрительности спальничего.

– Сынок, при встрече я постараюсь успокоить его, доверясь мне, я найду подходящие доводы. А сейчас поговорим о подарке для невесты. Вещь или предмет должен быть красивым, полезным и достойным невесте. На него должен быть всегда спрос, чтобы за недешево продался в случае острой нужды. Только драгоценное украшение подойдет для такого случая. Я посоветовался с женой, она вспомнила хорошего мастера ювелирных дел, выполнявшего не раз ее заказы. Для того, чтобы успеть к сроку, надо вовремя разместить заказ. Доверим это дело женскому вкусу, Пантелеймон.

– Только буду рад, отец, потому как ничего не смыслю в женских украшениях.

– Тогда договорились – утром она сходит к ювелиру.

– А я завтра зайду к Стефанию, узнаю день свадьбы и поскорее отправлюсь на остров, чтобы оповестить Рити и помочь ей подготовиться. Наверное, мы увидимся уже на торжестве, вот золотой, – Апсит положил монету на стол.

– Постарайся вернуться заранее, тебе не мешает сходить к цирюльнику, да в торговые ряды или к портному, обновить одежду. Ты, дорогой, брат невесты и друг Стефания, сотни глаз будут прикованы к тебе.

— Предпочитаю избегать любопытных и назойливых взглядов, но все же если Рити будет настаивать, придется уступить.

— Дело твое, решай, как знаешь. Только к Стефанию, давай, завтра вместе сходим?!

— Он будет польщен, — согласился Апсит.

Собеседники разошлись ко сну. Апситу не хотелось спать, его потянуло в глубь аллеи, к роднику. Он неторопливо шел, поглядывая на звездное небо и большие тени, отбрасываемые тусклым лунным светом. Он не был одиноким в парке. Прослышав его шаги, словно хищник, затаился в темноте другой человек, который почему-то оказался там в это позднее время. Апсит не ждал встречи, он мысленно блуждал повсюду и рассеянный приближался к роднику. Поэтому, наверное, был так напуган вышедшим из засады человеком. Его рука непроизвольно потянулась к месту на поясе, где обычно висит меч. Апсит растерялся, старался что-либо понять. Резкий голос вывел его из оцепенения.

— Юному абазгу следует быть всегда начеку, иначе его может одолеть даже невинная девушка. — Апсит узнал голос Марии и успокоился.

— Невеста моя, ты не боишься потерять жениха бесславно? Ты не подумала, что так и тебе придется оказаться вдовой, не вкусив прелестей замужества.

— Какие уж там прелести? — смутилась девица, — о них только в сказках и рассказывают.

— От чего же тогда девушки мечтают о замужестве, а парни о женитьбе?

— Наверное, для того, чтобы всегда быть рядом с любимым, не скрывать своих чувств, не стыдиться чужих разговоров, — застенчиво улыбнулась ответчица.

— Тайна нашего свидания вмещает в себя больше трепетных чувств, нежели откровенность законных супругов.

— Ты ждешь, что я соглашусь с тобой, потому что ты прав, как всегда. Но мне надоело соглашаться во всем. Я ...

— В этом ты права, милая, — он приблизился к Марии и прикрыл ее рот своими губами. Она покорно прижалась к его телу, удары юных сердец слились, смешались, позабыли обо всем...

С рассветом Феофан и Апсит выехали на колеснице к Стефанию. Двор его большой резиденции был переполнен людьми. С деловитым видом сновали приказчики, несколько известных торговцев томились в ожидании под галереей. Одни мальчишки на подхвате разносили письма по городу, другие приносили и сдавали их в канцелярию. Рабы и слуги не успевали открывать и закрывать ворота и парадные двери, встречать и провожать гостей, настолько быстро все происходило.

Знакомый слуга подбежал к колеснице и любезно спросил гостей об их намерениях.

— Мы к хозяину, на разговор, — коротко пояснил Феофан.

— Пожалуйте в галерею, я сейчас доложу, — слуга побежал в дом.

— Что за Вавилон? — с удивлением обратился Апсит к другому слуге, — я никогда такого не видел.

— Это все из-за долгого отсутствия хозяина, дела накопились, и вот уже начался сезон закупа хлеба и других продуктов. Теперь до зимы не будет нам отдыха, — пожаловался прислужник.

— Похоже, к нему не подступиться, — развел руками Феофан. — Вижу там знакомых, пойду, поприветствую, — Феофан отошел к галерее. Апсит остановился у крыльца и заскучал. Его отвлек голос знакомого слуги. Он шепотом пригласил друзей Стефания в малый кабинет. Апсит кивнул головой и, оглядываясь на попечителя, пошел. Феофан уловил движение и направился за ним.

В небольшой комнате с тяжелой дубовой мебелью, состоявшей из длинного стола и таких же длинных лавок, было пусто. Тихо вошел слуга с кувшином и стеклянными кубками, поставил их на стол, следом пришла служанка с подносом фруктов и также незаметно исчезла. Феофан разлил содержимое кувшина в кубки. «Уверен, что вино абазгское», — с нескрываемым удовольствием Феофан принюхался и улыбнулся.

— Правда? — обрадовался юноша и подошел к столу. Феофан протянул свой кубок и настоял, чтобы Апсит попробовал первым.

– Ты прав, отец. Я проникся ароматом своей родины, это настоящая награда.

– Стефаний знает толк в хорошем. Поди и Рити чудо, раз пленила его? – Феофан с заметным удовольствием осушил кубок.

– Почему скучают мои друзья, – шумно вошел в кабинет хозяин. Он поцеловался трижды с Феофаном и радостно кивнул Апситу.

– Мы попробовали твое угощение и расхваливали его.

– А не лучше ли его выпить?

– Верно, Стефаний, как можно не выпить такое вино?! – Апсит опередил старших и разлил вино в кубки.

– Это ты делаешь в моем присутствии последний раз, – пошутил Стефаний, – ведь теперь я твой зять, и, по вашим обычаям я должен тебя обхаживать. – Мужчины в ответ рассмеялись.

– И хотя главные тосты еще впереди, позволь мне, друг, выпить кубок за ваше семейное счастье, – попросил Феофан.

– Мне трудно передать словами, как я рад вас видеть. Есть один человек, которого так мне не хватает. После Скепарны – вы мои первые друзья. – Стефаний расчувствовался, в его глазах стояли слезы.

– Но потери непременно перемежаются с приобретениями, по-другому не бывает. Ты создал семью, породнился с абазгами, в жилах твоих потомков будет часть их крови.

– Спасибо Богу за все, – согласился Стефаний.

– Наши намерения скромны, друг. Мы хотели узнать о дне свадьбы и предложить свою помощь.

– Потому как мы уже повенчались, для свадьбы сгодится любой день до начала поста. Думается, лучше за три дня до поста. На этом и остановимся.

– Похоже, что тебе недостало времени распорядиться по случаю торжества. Поручи это дело нам, – предложил Феофан.

– Вы мои лучшие друзья, а не слуги. Здесь много людей, призванных по долгу службы выполнять мои поручения. Для вас я тоже придумаю задание, только дайте немного времени поразмыслять... Так вот: мою невесту, этого парня, – Стефа-

ний кивнул на Апсита, – и многих других следует преобразить. Прошу вас отправить на остров цирюльника и портного, чтобы он обновил их платья, а моя красавица Рити удивила бы своим нарядом столичных модниц.

– Идет, Апсит собирался сегодня вернуться на остров, но мы по такому случаю немного задержимся. Как только выполним поручение – обязательно сообщим, – ответил Феофан.

– Э, так дело не пойдет: без Рити не возвращайтесь! Мне нужна моя жена, – с серьезным видом пошутил Стефаний.

* * *

Большая галера отплыла к острову ранним утром. К поездке все было обстоятельно подготовлено. Феофан загодя отправил посыльного к себе на службу, чтобы уведомить начальника об отлучке. В одном из модных салонов города был нанят известный мастер по женским и мужским прическам вместе с помощником. Рассказ Феофана об обстоятельствах предстоявшей работы немного удручал его, однако он не подавал виду и держался бодро в надежде на хорошую компенсацию. Его помощник следовал за ним – бережно переносил багаж с инструментами и реквизитом. Другое дело портной: пожилой человек, выбившийся из нищеты благодаря умению ловко выполнять пожелания господ, ни в чем им не перечая. Он носил простое платье из грубого льна, ничем не показывая немалое состояние, накопленное за долгие годы исправной работы. Тюки различных тканей – от льна до шелков – он переносил сам, считая излишней роскошью нерасторопных помощников. Апсит смущался от присутствия на галере Марии, которая уже в последний миг сумела уговорить мужчин взять ее с собой. Ее счастливый взгляд разбегался повсюду, во всем она находила удивление и восторг. Девушка представляла встречу с Рити и вообще другими людьми. Она мысленно рисовала будущее платье невесты, ее прическу и украшения, все это примеряя прежде на себе. Для нее ведь это будет первый выход в свет в качестве подруги невесты...

Предначертанное сбывается. Благополучно осуществив переход, галера в полдень врезалась в прибрежный песок острова. Там уже ожидала гостей большая группа абазских мальчиков, завязавших споры о том, кто приплыл на остров. Увидев много незнакомых лиц, они почтительно замолчали.

Молодые люди подошли к корме, чтобы поприветствовать гостей и помочь им выгрузиться.

Апсит обратился к ним на греческом:

– Парни, со мной прибыли мой крестный отец Феофан с дочерью Марией, которая будет подругой Рити на свадьбе.

– Мы рады вам, – сносно по-гречески ответили абазы, вызвав удовлетворение и улыбки.

– А эти люди нас с вами будут обшивать и постригать, – Апсит указал на других незнакомцев, – помогите им. Мальчики наперебой хватали грузы и шумно понеслись в глубь острова.

Гостей у ворот усадьбы встретила Рити. Апсит, задержавшись подле нее, сообщил:

– Рити, это Феофан, мой крестный, я рассказывал о нем, а это – его дочь Мария. А те двое – столичные мастера – цирюльник и портной. Мы прибыли по поручению Стефания, чтобы как следует подготовиться к свадьбе.

– Проходите в дом, – тихо произнесла Рити, покрывшись стыдливой краской при упоминании свадьбы.

– Как мои братики и сестричка? – ласково спросил Апсит, ведя под руку Рити. – А вот и они, – не дождавшись ответа, восхликал он, и побежал навстречу подросткам. Поймав их в охапку, Апсит обнимал и тискал их, визжавших от удовольствия.

– Арт, Ака, Апка, как вы заметно изменились, кажется подросли! – воскликнул Апсит.

– Они скучали по тебе, – ответила за детей Рити.

– И я тоже сильно соскучился. Ну все, теперь мы будем вместе, – Апсит взял за руки мальчишек, дочка пошла к матери, и все вместе поднялись на крыльце дома. Мария с завистью наблюдала за чужим счастьем. Ей виделось, как она с такими же взрослыми детьми будет встречать любимого мужа, вернувшегося после непродолжительной разлуки, как он возьмет ее в свои сильные объятия, а рядом будут развеситься счастливые дети.

Вновь прибывшая группа разместилась в гостиной. Служанка Марина сновала, обслуживая усталых путников.

– Осталось несколько дней до свадебного торжества, – Феофан обратился к портному: – не стоит медлить, зайдитесь свадебным нарядом, Мария рада быть полезной. Она надеется быть подругой невесты.

– Такая милая девочка, конечно, я согласна, я буду только рада. Какие вы молодцы, что решили все сами. Мы обязательно подружимся, – Рити доверительно посмотрела на Марию. Девушка светилась от счастья. Она одобрительно кивнула головой и проследовала за Рити и портным в другую комнату.

– Ну и ты не останешься без дела, Иоанн, – загадочно посмотрел на цирюльника Феофан.

– Да уж, – с ухмылкой подтвердил Апсит. – Начнем с детей Рити. Арт, Ака, пойдите сюда. Этот человек подстрижет вам волосы, вы должны терпеливо выполнять его указания.

Иоанн высокомерно взглянул на своего помощника, тот заглянул в суму и принялся выкладывать инструменты. Вскоре дело заспорилось.

– Отец, я задумал сходить к мальчикам в лагерь, они ждут меня.

– Сходим вместе, – предложил Феофан.

– К вашему возвращению стол будет накрыт, – пообещала служанка Марина.

– Вы неплохо обустроились, – обратил внимание Феофан, разглядев в стороне крепкие навесы.

– Да, обжились настолько, что становится жаль покидать остров. А времени осталось немного. Через пару месяцев начнутся холодные штормы. Если сейчас не сложится, до поздней весны плавание в Абазгию будет рискованным.

Собеседники приблизились к лагерю, навстречу им вышли представители общин.

– Спаси, вас Бог, – обратился Феофан к ним.

– Спаси Бог, – ответили предводители, как учил их Апсит.

– Джат, Джыр, Барныку, Мыщ, Бага, как предводители общин и единокровцы вы приглашены на свадебное торжество Стефания и Рити. Через пару дней мы отплывем в Константинополь, будем сопровождать сестру, и по завершении

торжества вернемся на остров. Вы должны будете выглядеть соответственно статусу братьев невесты. К вам наведаются цирюльник и портной, на торжестве вы будете в центре внимания. И это не только из любопытства. Вы догадываетесь, что римляне насторожены к нам, из-за прошедших событий в Абазии. На свадьбе будут известные в империи мужи и высокие чиновники, от благоволения которых во многом зависит наше будущее.

— Что мы должны делать, чтобы загладить недоверие к абазам? — спросил Джат.

— Природное воспитание и обучение, проведенное на острове, направят вас по правильному пути. Особенно не переживайте. Ромеи, в общем-то, доброжелательные и не строгой морали люди, думаю, абазской скромностью и учтивостью вы сумеете их удивить.

— Апзыа¹, для нас большая честь сопровождать тебя и Рити в большом обществе. Не рассчитывая на приглашение, мы все же подготовили скромный подарок для невесты... Согласно абазскому обычаю, — поправился Джат.

— И что же вы сообразили? — с удивлением посмотрел на них Апсит.

Мальчики испытывающие смотрели на Барныкуа, жестами требуя, чтобы он продолжил разговор.

— Апсит, по твоему поручению я часто хожу в море за рыбой. Там я познакомился с рыболовами, которые ныряли за устрицами — это такая ракушка небольшого размера. Внутри раковин находится нежное мясо, но главное не это. В ней часто встречаются жемчужины разной формы и цвета. Я стал нырять и собирать устриц, вот мой трофеи, — Барныку вынул из-за пазухи сверток и раскрыл. В его ладони заиграли с десяток разных жемчужин. Апсит и Феофан удивленные переглянулись.

— Ай да молодец, — не сдержался Феофан. Барнук покраснел от удовольствия.

— Очень ценный подарок, — добавил Апсит. Он разглядел жемчужины в ладони Барныкуа и выбрал три самые крупные и правильной формы.

¹ Предводитель (абх.).

— Эти жемчужины мы можем вставить в набор, что заказали ювелиру, там они будут к месту, — предложил Феофан.

— Согласен, но прежде мы покажем их Рити и расскажем, чей это подарок.

— Верно, — согласился Феофан. Мальчики, довольные собой, перешептывались.

— А что делать с остальными? — спросил Барнук, все также держа раскрытую ладонь.

— Поступай, как знаешь, если станет тugo — их можно продать, или копить для каких-то других целей. Они сгодятся и на подарок, в общем, это твоя добыча, тебе и решать, — ответил Апсит, многозначительно посмотрев на собеседников. Они, в свою очередь, одобрительно закивали головами.

Ранним утром четверга на острове шли последние приготовления к отплытию. Большая группа людей, приготовившаяся к участию в свадебной церемонии выглядела нарядной и веселой. Эти перемены были настолько непривычны для юных абазов, что они боялись пошевелиться, а когда приходилось двигаться, вызывали насмешки со стороны.

— Еще есть время до свадьбы, так что привыкните, — успокаивал их Апсит, тайно посмеиваясь над их неуклюжими движениями. Женщины укладывали вещи в большие сумы. Апсит в ожидании слонялся по двору. Его разыскал Феофан, чем-то встревоженный.

— Пантелеймон, я вспомнил о нечто очень важном, — обратился он к Апситу.

— Что-то забыли? — встрепенулся юноша.

— Видишь ли, Стефанию не избежать пересудов, а, может, и осуждения пресвитеров, потому как в день свадьбы не будет венчания. Я-то знаю, что они повенчались здесь, на острове, но по нынешним обычаям, этот день и является главным торжеством. И то, что в Константинополе не состоится венчание разочарует многих. Найдутся недоброжелатели, которые станут утверждать, что Стефаний вступил в брак по языческому обычая. Может имеет смысл взять с собой местного иерея, чтобы он засвидетельствовал о состоявшемся обряде?

— Отец, иерей довольно-таки неопрятный и неграмотный. Его появление вызовет еще больше подозрений, — вы сказал сомнение Апсит и предложил взять выписку акта из церковной книги и в торжественной обстановке зачитать ее.

— Тоже верно, но ведь у этого священника наверняка и печати нет для скрепления таких актов. Вообще, была ли такая запись сделана?

— Это я сейчас разузнаю, — Апсит решительно направился в глубь острова, к дому иерея.

Тем временем женщины закончили сборы, и большая группа людей спустилась к морю. Началась погрузка на галеру. А Апсита все не было. Первой заволновалась Мария, она же так надеялась, что Апсит с нетерпением ждет ее выхода в праздничном наряде.

— Отец, тебе не кажется, что кого-то не хватает? — заговорщицки спросила она.

— Я знаю о ком ты, он выполняет мое поручение и скоро придет.

Мария недовольно отвела взгляд. «Почему у него всегда появляются какие-то дела в самое неподходящее время?» — злилась девушка про себя.

Пассажиры заняли места на галере, моряки поднимали и крепили парус, провожавшие с завистью оглядывали отъезжавших. Вскоре торопливой походкой подошел Апсит. Он легко запрыгнул в галеру и скомандовал: «В путь!» Судно заскрипело дубовым корпусом под напором потока ветра, наполнившего парус, хозяин взял курс и закрепил руль. Команда принялась скучать, базы с интересом наблюдали за плаванием и громко комментировали события.

— Все разрешилось благополучно, — поспешил успокоить Феофана Апсит. — Мы долго искали церковную печать, которой здесь очень давно не пользовались, еще со времен Захария...

У Константинопольского причала уже несколько дней дежурил приказчик Стефания. Разглядел на галере Апсита, он радостно восхликал. Возница, дремавший на козлах колесницы, очнулся и случайно дернулся за поводья — кони насторожились, перебирая копытами по песку.

Рити и Мария уселись в колесницу, их сопроводители наняли у причала телеги и шумной вереницей направились к резиденции.

…К дому Стефания стекались знатные гости из города и предместьев. В парке в больших прохладных шатрах суетились нарядные слуги, поодаль у помоста отрабатывали свои номера уличные музыканты и артисты. Молодые люди гуляли по парку, наслаждаясь праздничным настроением и возможностью покрасоваться своими нарядами. Высокие гости из палатина скрывались от посторонних глаз в гостиной дворца. Здесь встретились держатели монополий, сенаторы и первые купцы. Обсуждались цены на шелка и хлеб, последние новости политики и дворцовые сплетни. Равнодушный ко всей этой говорильне спальничий Ефрата присутствовал при этом. Он обдумывал последний разговор с Кесарем, Благочестивым Самодержцем Юстинианом Великим, подтвердившим намерение отправить его с миссией в Абазгию. Ефрате было неуютно в этом обществе, и будущее страшило его неизвестностью. Ему оставалось доверить этому решительному мальчишке свою судьбу…

Наконец распахнулись парадные двери гостиной, Стефаний с женой прошли в залу. Гости отвлеклись от частных разговоров, и приветствовали новобрачных.

– Дорогие мои, – обратился к гостям Стефаний, – я пригласил вас разделить радость по случаю моей свадьбы. Вы первые из приглашенных видите мою избранницу.

И без этих слов взоры гостей были прикованы к очаровательной невесте. И конечно, не без того, что кто-то из них вспомнил свою молодость и на миг опечалился, а кто-то позавидовал чужому счастью.

– Приглашаю всех пройти под шатер, объявляю начало праздника, – объявил жених. Во главе молодожен приглашенные высыпали на улицу и процессия направилась к застолью.

Еще долго не умолкали тосты за здоровье новобрачных, играла кифара и арфа, плясала молодежь. Абазские подростки, немного погодя, осмелев, слились с ромеями…

НЕОФИТЫ¹

3адуманное Свыше, даже если и с запозданием, разными путями исполненяется.

Семьдесят абазских мальчиков в новых одеждах по слухаю праздника стояли во дворе кафедрального собора Святых Апостолов, и с присущим молодости любопытством смотрели по сторонам, разглядывая величественное сооружение.

Как и в прежние времена, в первой декаде августа здесь сегодня собирались люди, чтобы отметить день Святого Пантелеймона Исцелителя. Год назад в этот день крестился Апсит, и сегодня предстояло абазским мальчикам пройти этот священный обряд. Конечно, первыми прибыли неофиты, а теперь сюда подъезжали колесницы с многочисленными прихожанами и участниками обряда крещения абазов. Рядом с Апситом стояли Стефаний с женой, Феофан и Мария, приехавшие с острова служанка Марина и смотритель дома Христо, готовые быть крестными. С Ефратой на колеснице прибыл комит Священных Палат, дабы засвидетельствовать государственным актом торжественное событие крещения абазов. Этот документ будет приложен к официальной хронике двора и к перечню благочестивых дел Юстиниана Великого.

Священник, специально назначенный Константинопольским патриархом, готовился в левом приделе к обряду – ему предстояло закончить действие до начала торжественной литургии в честь святого. Помощник священника пригласил абазов пройти через северный вход. Неофиты прошли в храм и еще более впечатленные застыли. На них смотрели со стен Иисус и его апостолы. Апсит напомнил мальчикам сюжеты из Священного Писания, показал лики апостолов

¹ Новоокрещенные (греч.).

Петра и Павла, Андрея Первозванного и Симона Кананита, приходивших на их родину с апостольской проповедью. В главном зале в свете зажженных свечей, сияла икона Пантелеймона-целителя. «Вы еще успеете наглядеться и свыкнуться – впереди божественная литургия, а теперь поторопимся в крещальню». – Апсит ступил первым, за ним последовали очарованные юноши.

Священник пропел нужные молитвы, смочил головы неофитов святой водой и дал им приложиться к кресту.

– Слава Богу! – поздравляли новоокрещенных свидетели обряда. Апсит дождался благословения священника и повел мальчиков в другие залы храма. Туда уже стеклось немало прихожан. С трудом протискиваясь, абазы обошли все святыни и расположились группой в ожидании начала. Ефрата проводил комита до колесницы и вернулся в храм к Апситу.

– Слава Богу за сегодняшний день, твоя мечта наконец осуществилась, не иначе, как промысел Божий, – заговорил Ефрата.

– Слава Господу нашему за то, что неустанно направляет, – ответил воодушевленный Апсит.

– Теперь мы можем думать об отплытии в Абазгию, не так ли?

– Не совсем, потому как самые маленькие из наших подопечных не обустроены к зиме. Их четыре с лишним сотни. Что-то необходимо предпринять. На этот раз мы не сможем их забрать с собой, их надо бы привезти в город, организовать пансион. И у Стефания дел невпроворот, не может он тянуть такую ораву.

– Что же ты предлагаешь? – колебался Ефрата.

– Хотелось бы надеяться на помощь василевса. Ведь ему ничего не стоит организовать пансион для абазгских мальчиков. Они подрастут и станут верными подданными. А как вернуться домой, будут служить в храмах и просвещать абазгов. Они смогут обучиться здесь разным специальностям, так необходимым на родной земле.

Ефрата был в приподнятом настроении и не хотел перечить Апситу, приводя доводы о нищете казны и прочих препятствиях, он просто отмолчался.

— Будет сегодня на литургии василевс? — озадачился Апсит. — Увидев своими глазами неофитов, он мог бы проникнуться важностью нашей идеи?

— Скорее, придет его духовник — монах-отшельник. Уж он сможет повлиять на василевса.

— Тогда по окончании литургии я попрошу его благословения и обращусь за советом.

— Мы можем подойти вместе. — поддержал Апсита Ефрату.

Все это время за алтарной преградой шла литургия посвященных (священников), готовивших себя для выхода к прихожанам. С алтарного придела доходили пение молитв и речь предстоятеля кафедрала. Неожиданно все стихло и к прихожанам степенно вышли служители. Начался молебен, закончившийся далеко за полдень крестным ходом вокруг храма. С натруженными ногами и в приподнятом настроении духа неторопливо расходились прихожане. Более упорные выстроились в ожидании очереди для получения благословения. Ефрат заметил, что к монаху-старцу нет никого, и потянулся за рукав Апсита.

— Святой отец, благослови нас грешных, — обратился к старцу Ефрату. Монах протянул ладонь, абазы по очереди приложились, старец осенил их крестом и произнес: «Благословляю».

— Святой отец, подай нам божий совет, укрепи нас словами праведными, — попросил Ефрату.

— Спаси Бог, Ефрату, — он, конечно, узнал спальничего, — на все есть ответ в Священном Писании, только в благочестии может путь быть праведным.

— И потому мы хотим твоего совета, видя веру неисчерпаемую и дела праведные, — осмелился вставить Апсит.

— Скажи, сын мой, о каком наставлении ты просишь?

— Сегодня, после многих молитв и трудов, к вере христианской приобщились семь десятков абазгских юношей, они и теперь стоят там, поодаль, — Апсит указал на группу неофитов, — готовые служить Господу нашему, не щадя ни сил, ни живота своего, нести слово божье в далекой от сих мест Абазгии.

– Спаси вас Господи в судный день, – пропел старец.

– Святой отец, но ни они, ни мы не можем спокойно предаться праведным замыслам, пока не решена судьба наших младших братьев, нуждающихся в обустройстве житейском и духовном, – продолжил Ефрата.

– Для решения такого рода вопросов есть много ревностных поборников, главный из которых Благочестивый Кесарь наш – Юстиниан Великий. Много добрых дел он поселял на земле, еще больше собирается сделать во славу истинной веры.

– Эти сироты и нуждаются в отеческой заботе, разве достанет времени и средств Кесарю нашему на абазгских сирот, когда столько бедствий из-за неверия людского?

– Как же не достанет? На то он и земной покровитель, чтобы протянуть милостыню каждому, укрепить дух колеблящегося, наставить на путь сомневающегося. С ним неотступно следует провидение Господнее, обустраивая дела, кажущиеся далеко безнадежными. Укрепитесь, откиньте сомнения, только он, милосердный, разрешит ваши трудности.

– Святой отец, прояви великодушие, замолви словечко праведное перед Отцом нашим земным, чтобы устроил пансион для абазгских детей с содержанием и духовным воспитанием. И Боже наш Всемилостивый возрадуется делам нашим в Абазгии. Верным служением отплатим мы милость царскую, – набрался смелости Ефрата.

– Кто, как не ты, Ефрата, ближе всех к василевсу? – ворпросил старец.

– Есть один старец монах-духовник василевса, которому он исповедуется, – ответил Ефрата. Монах улыбнулся в ответ.

– После вечерней исповеди иди к нам в палаты и веди разговор с василевсом, он тебя выслушает, – старец перекрестил себя и собеседников. Ефрата и Апсит еще раз приложились к сморщенной ладони и счастливые отправились к неофитам.

– Абазы, – обратился на родном языке Ефрата, – я поздравляю вас, как год назад поздравлял Апсита с таинством приобщения к вере Христовой. Теперь вы полноправные

граждане Рима, и мы вместе отправимся в Абазию и будем строить по христианскому обычаю и законам Юстиниана новую страну. Мальчики с воодушевлением смотрели на земляка, достигшего в этой стране очень высокого положения. Их лица выражали тихую радость, от того, что скоро отправятся на родину.

Ефрата отказался от возницы, и они все вместе отправились пешком к дому Стефания. Там готовилось праздничное застолье. Веселая Марина не удержалась и затянула чистым голосом любимую в народе песню о красивой девице с вплетенными в косы колосьями пшеницы, влюбленной в парня с соседнего починка.

*Девица чувств своих стыдится, юноша робко отводит глаза.
В отцовский дом пришли свататься с соседней улицы кумовья.
Выгодному родству родители обрадовались.
А девица просидела ночь – заплакала.*

*На рассвете голубь прилетел, опустился у окна.
Обо всем любимому чтобы сообщил, слезно молила она.
Выгодному родству родители обрадовались.
А девица просидела ночь – заплакала.*

*К обеду ворон спустился, роет клювом у окна.
Обо всем любимому чтобы сообщил, слезно молит его она.
Выгодному родству родители обрадовались.
А девица просидела ночь – заплакала.*

*В сумерках крикнула сова, усевшись на ветке у окна.
«Сообщи любимому, что слезы лью», – и его просила она.
Выгодному родству родители обрадовались.
А девица горюет – вся заплакала.*

*Выпрыгнула девица в окошко и в лес пошла.
В темноте на ощупь ступая, все рыдала она
Выгодному родству родители обрадовались
А девица горюет – вся заплакала.*

Шла на ощупь, на хищную змею не наступила едва.
Зашипела ядовитая на девушки, отрянула испуганная она.
«Разве смерти не боишься мучительной?» – пригрозила змея.
«Выдают меня за другого – нелюбимого, смерти себе желаю я».

Просила голубку слетать к любимому, не вернулась ко мне она,
Обещала ворону жизнь сътую, не послушал и он меня,
Отмолчалась на мои мольбы, не скалилась и лупоглазая сова,
Выдают меня за другого – нелюбимого, смерти себе желаю я».

«Ступай девица домой, не горюй не плачь.
Встретишься с тем, за кого слезы льешь.
Возьми цветок-дурман, вдохнешь его – лишишься дыхания.
Когда проснешься – исполниться твое желание.

Поспешу я в починок к твоему возлюбленному,
Научу его прийти и встать у тела твоего холодного.
Дам ему цветок живительный, и вернется твое дыхание.
Когда проснешься – исполниться твое желание.

Положит тебе на голову венок, возвратиться душа блудница.
Разомкнешь веки тяжелые, радостью сердце наполниться.
Обрадуются отец и мать благодати небесной.
И благословят жить счастливо жениха и невесту».

Вернулась домой девица, вдохнула цветок, улыбаясь радостно.
Запричитали родители над телом холодным, лютяя неистово.
Только не пришел к невесте жених сосватанный,
Поспешил с дружками на охоту – развлекается он.

Траурные одежды одели люди добрые.
Со всех концов идут к покойнице, рвут волосы,
Только не пришел к невесте жених сосватанный,
Поспешил с дружками на охоту – развлекается он.

Бежал, сломя голову, юноша, змейкой обученный.
Рвал полевые цветы и плел венок для возлюбленной,

А цветок живительный воллетал в цветы обычные.
Удивятся люди, не забудут увиденное.

Встал он над телом, опустил венок на голову покойницы.
Открывает веки девица, замерли плакальщицы.
Видит над собой любимого, встает с ложа черного.
Обрадовались родители, забыли жениха сосватанного.

Обрадовались отец и мать благодати небесной.
На счастье вечное благословили жениха и невесту.
Берет любимую юноша за руки, невестой хвалится.
Дивятся люди, их счастьем не нарадуются.

Буря страстей проносилась по лицу Марии. Она расчувствовалась, представив себя на месте той девицы, затем заулыбалась, обрадованная счастливым концом. Апсит скрытно поглядывал на девушку и тщательно скрывал свои переживания. Абазские подростки молча шли в ногу. Марина с задором посмотрела по сторонам и громко рассмеялась, вслед за ней не удержалась и Мария, мужчины сдержанно улыбнулись, разделяя чувства компании.

…По окончании праздничного застолья, Ефрата вызвался провести совещание. В отдельной комнате вновь встретились Феофан, Стефаний, Апсит и он.

– Мои друзья и союзники, – начал он, – империя не забудет ваших трудов. Теперь мы приблизились к своей цели. И главное – на то мы имеем благословение Бога – Господа нашего и его помазанника – благочестивого Кесаря нашего. Очень скоро мы отправимся в Абазгию с особыми полномочиями. Я полон надежды, что василевс благодушно определит судьбы малых, остающихся в Византии. Об этом вы сможете узнать завтра, а нам следует готовиться к отплытию. Для безопасности в пути, мы дождемся оказии для римского войска и отправимся в караване с ними. Наш путь будет следовать в Никопею, главную резиденцию Абазгии.

– Ефрата, вас отвезут туда военные или следует фрахтовать галеру? – спросил Феофан.

– Надеюсь на помощь василевса, тогда отплывем с военными, так будет надежнее. Провиант будем закупать сами, нам следует хорошо подготовиться, потому, как там нас никто не будет содержать. Доходят слухи, что Абазгия не оправилась от удара возмездия, там свирепствует голод и болезни.

– Где вы разместитесь в таком количестве? – Заинтересовался Феофан.

– Думаю в крепости, а там определимся на месте. Кто-то отправится в Питиунт, другие в Себастополис и Хашпста. В крупных поселениях мы будем проповедовать слово Божье, пояснить законы Рима, строить храмы и обучать грамоте.

– Не просто, однако, будет вам бороться против римских легатов, исполняющих там свою власть, словно в родовой вотчине, – заметил Стефаний.

– Тем более, когда они опираются на мечи своих воинов, а Юстиниан сидит далеко, там он помочь вам не сможет, – добавил Феофан.

– Как бы то ни было, только так мы сможем привести Абазгию к повиновению, – размышлял вслух Ефрата.

– С абазгами мы быстрее сладим, потому как закон на стороне ущемленных, они последуют за нами, если почувствуют справедливую силу римских законов. – Так думал Апсит.

Гости понемногу расходились. Первым уехал в палатин Ефрата, он надеялся на обещание монаха-духовника.

Апсит разыскал Рити, и они предались воспоминаниям о цветущей родине. У обоих на сердце лежала тревога. Апсит знал, что будет скучать по сестре и ее детям. Рити боялась потерять своих сыновей, которые рвались с Апситом на родину. Собеседники обходили стороной тему предстоявшей разлуки, пока к ним не присоединился старший сын – Арт.

– Артпшка¹, – в глазах матери стояли слезы, – я вижу твои намерения, мне будет очень тяжело, я истоскуюсь и могу умереть.

¹Ласкательное от имени Арт (абх.).

– Нана, ведь я уже взрослый и должен быть там, где решается судьба родины.

– Какой же ты взрослый? – сокрушилась женщина, – к тому же, ты, скорее римлянин, чем абаза, здесь твоя родина. А там не осталось никого из родных, здесь я, брат и сестра.

– Нана, там лежит в земле отец, дед и многие другие. Мое место там, но не во вражьем логове.

– Так и там теперь владычествует Рим, только здесь безопаснее.

– Когда все образуется, ты навестишь нас. Может, и вы предпочтете Абазию, ведь Стефаний всем сердцем любит нашу родину.

– Ты сказал нас? Ты и Аку собираешься забрать с собой?

– затряслась в испуге Рити.

– Нана, он не останется без меня, сжалась и благослови нас в путь.

– Рити, смирись с судьбой, ведь с тобой останется красавица Апка, частица прошлой счастливой жизни, – встал на сторону мальчишек Апсит. – Твои сыновья не станут римлянами, это их задушит при живом теле. – Рити смотрела умоляющими глазами на Апсита, юноша смущился и, нарушив паузу, продолжил, – но совсем не обязательно, чтобы поездка состоялась на этот раз. Мы пока не знаем, как разрешится судьба маленьких, а им ведь тоже нужно руководство и покровительство. А мне надо ехать, кому, как ни тебе – Арт я могу поручить попечительство над ними. Твой младший брат тоже способен выполнять отдельные поручения, ведь не справедливо, что Стефаний все свое время тратит на нас. Его надо освободить от этих забот. Мое последнее решение вы узнаете завтра, когда придут новости из дворца. – Апсит встал, на нем задержался благодарный взгляд Рити. Мальчишка, напротив, был удручен. Попрощавшись, Апсит удалился на ночь.

* * *

За несколько дней до отъезда, собрался Апсит в кафедральный Софийский собор. С особым чувством он отстоял молебен, исповедался и мысленно попрощался с храмом. На выходе его окликнула девица. Апсит не сразу понял, что обращалась она именно к нему. Оторвавшись от думы, он пригляделся к приставале.

— Благородный римлянин, подай обездоленной девушки милостыню, наш Бог милосердный озолотит щедрую руку, а я предскажу тебе будущее, сниму сглаз или порчу, поставлю защиту на удачу и счастье, — скороговоркой пропела она.

Апсит отвлекся от мыслей и пригляделся к ней. Перед ним стояла неопрятная девочка с очень приятным лицом. Пестрые платье и платок на голове выдавали в ней цыганку. «Отчего эти люди попрошайничают?» — Как и прежде, удивился Апсит и опустил руку за пазуху в поисках монеты. Девочка бесстыдно заглядывалась на парня, вызывая краску на его лице. Мечтая быстро уйти, он бросил ей в ладонь первую попавшуюся монету и ускорил шаг. Очень быстро он услышал за спиной поступь и тот же голос:

— Римлянин, ты так щедр и ничего не просишь взамен? Дай ладонь — погадаю.

Апсит растерялся. Он остановился, не зная, что предпринять. Девочка бесцеремонно взяла его руку и повернула к себе ладонь.

— Как это так? — только и успел сказать он. — Ведь это великий грех: гадание, ворожба и колдовство, да еще на виду у всех, у храма?

— Неужели? — засмеялась ему в лицо цыганка. — Ты необычный, я хочу для тебя что-нибудь сделать, — более кротко добавила она, — раз ты не пожалел этот солид, — она поиграла в руке серебряной монетой.

— Мне не жалко денег, — поспешил с ответом Апсит, а в душе испытал жалость к серебряному, случайно попавшемуся в ладонь.

– Ну, раз так, следуй за мной, мы уединимся и я поведаю твое будущее, ты всегда будешь помнить обо мне. От нее исходило столько уверенности, что Апсит, словно заговоренный, молча последовал за девочкой. Они шли незнакомыми закоулками и вскоре оказались в однокомнатной хибаре с одной дверью и одним окном. Обстановка внутри была также скучна: стоял стол, две табуретки, печь в углу и рядом нары. «Великоваты для одной», – заметил про себя Апсит. Земляной пол был недавно смочен и выметен.

– Римлянин, я сейчас вернусь, – обратилась к нему она и шмыгнула за занавешенный угол.

– Зачем я здесь? Спаси Господи и сохрани, что за нахождение на меня нашло? Может встать и уйти, от греха подальше? – проносилось в голове Апсита, и в то же время он оставался на месте. Любопытство, а может тайная симпатия возобладали над его рассудком?..

– Я готова, – кликнула цыганка и вышла из-за занавеси. Апсит обернулся на голос и в полутилаке напряг зрение: перед ним стояла другая девица в опрятном, но более открытом наряде, с расчесанными длинными волосами, словно Дзылан Джаккужв. Ее горящие глаза сверлили парня и сбивали с ног. «Когда она успела нарядиться?» – удивлялся Апсит. А она улыбалась довольная собой, довольная произведенным ей эффектом.

Апсит встал, согласно абазскому воспитанию.

– Ты куда римлянин? Или перепугался девчонки? – бесцеремонно заявила цыганка.

– Я поднялся поприветствовать тебя, – смущился Апсит.

– Первый раз такое вижу, неужели аристократ? Ну, раз поприветствовал – садись, – она подтянула табурет и села рядом. Апсит молча подчинился.

– Открой мне правую ладонь, – приказала ворожея и потянула его руку, не дожидаясь ответа. – Не знаю, как тебя зовут и сколько лет отроду, только вижу, что передо мной девственник с большими помыслами.

– И это тоже ты там увидела? – усомнился Апсит.

– Я говорю только то, что вижу, римлянин, попусту не перебивай. Если что-то из моих слов неверно, тогда говори, а так тебе лучше помолчать.

Скоро ты отправишься в далекую страну, – продолжила она, – где будет стоять твой дом. Здесь у тебя ничего нет, кроме одной девицы, страстно желающей сойтись с тобой. Скоро вы сойдетесь и окажетесь в далекой стране. Но недолго будете вместе. Там тебя ждет заточение и болезнь. Похоже, ты не простой римлянин, раз за тебя заступится большой человек. Через него ты обретешь большую силу, почет и власть. Но главной своей мечты добиться не сумеешь. Все что наживешь – отдашь другому, чужому по крови, сделаешь это добровольно, хотя будут у тебя свои дети. Вижу другую женщину, с которой ты будешь счастлив до конца жизни, – цыганка подняла глаза и посмотрела на Апсита.

– Почему я должен тебе верить? – возмутился Апсит.

– Римлянин, я вещаю твое будущее, раз ты такой упрямый, расскажу и о прошлом: – Ты потерял своих близких, и не надеешься увидеть кого-нибудь из них, – повысила голос цыганка. – Ты прав, их нет в живых, только один твой единокровник жив, но он умрет раньше, чем вы увидитесь. В этой жизни тебе суждено терять, но, как христианин, ты не должен роптать на Бога. Если будешь кротко принимать удары судьбы, твоя мечта может отчасти осуществиться: ты станешь царем, будешь властствовать над подданными.

«Это ужасно, я так и не увижу младшего брата», – затерзался Апсит. – Цыганка, что можно сделать, чтобы спасти брата? Помоги, он единственная моя надежда и отрада.

– Римлянин, судьбу тяжело изменить, хотя мне приходилось и это делать. Но человек должен быть рядом, в моей власти. Только так я смогу сказать, способна ли помочь.

– А как же быть мне, что делать? – взмолился Апсит.

– Римлянин, подумай лучше о себе. Я могу помочь тебе.

– К чему моя помощь? Зачем мне долгая жизнь, чтобы услышать о смерти младшего брата?

– Не смей так думать, от тебя зависят судьбы многих людей, ты можешь сделать их счастливыми. У тебя будет семья, дети – разве это не весомая причина бороться за жизненные блага? – Апсит промолчал. – Я могу избавить тебя от предначертанной болезни, по причине которой твоя жизнь может стать намного короче. Хотя это и непросто, но я смогу.

— Мне ничего от тебя не надо, — Апсит встал и направился к выходу.

— Погоди мой царь, я первая твоя подданная, не уходи так от меня. Сегодня ты лишишься девственности, чтобы в первую брачную ночь почувствовать себя настоящим мужчиной.

Апсит глянул на цыганку и заволновался. В нем взыграла мужская суть, разум едва не помутился, он видел только эти манящие глаза и трепет женской груди, слегка прикрытой кружевной каймой платья. — Подойди ко мне, — властно приказала цыганка. — Ты такой красивый и щедрый, будто из другого мира. Она провела рукой по его волосам, затем по лбу и губам, по шее и груди. От женской ласки свело юношу. Он сильно прижал к себе девушку и неуклюже обнял за талию. Она увлекла его к нарам и торопливо раздела, он сорвал тунику с ее разгоряченного тела...

Увлеченные страстью, они не заметили, как выгорела свеча, как день подошел к закату и обессиленные уснули...

Еще стояли предрассветные сумерки, когда проснулся Апсит. Он вспомнил о произошедшем и почувствовал стыдливость. Оглянулся по сторонам — никого не было рядом, в углу за ширмой горела свеча и раздавались приглушенные звуки. Апсит бесшумно оделся и украдкой заглянул за ширму. Там полунагая стояла его ночная подруга и шептала какие-то слова над глиняным сосудом. Он никогда ранее не видел колдовства, хотя эти таинства были не редкими. Смущенный он наблюдал за женщиной, в нем закипало негодование. Разве этому его учили духовные наставники? Как мог он — абаза — поддаться чарам колдуньи? Как он мог забыть о своих обязанностях и своих близких, которые непременно тревожатся по поводу его отсутствия? «Все это омерзительно», — решил он и занес руку, чтобы опрокинуть стол, заставленный всяческими штучками для магических ритуалов. Цыганка оглянулась и отпрянула испуганная.

— Неблагодарный, это твоя расплата за мою доброту? — бесстрашно возмутилась она. — Я ночь не сплю, чтобы перекупить твою судьбу, молю господа нашего Иисуса о благословении, Богородицу о помощи, а ты смеешь замахиваться?!

Апситу стало не по себе, он опустил руку и вышел из-за занавеса. Она догнала его у нар и усадила на ложе.

– Римлянин, в том, что ты видел – нет греха, не мучь себя. Мои клиенты – не простые люди, среди них много священников и даже представителей церкви, высоких чиновников и знатных купцов. Даже император и тот прибегает к таким услугам.

– Ты хочешь сказать, что василевс обращается к твоему колдовству? Не много ли вранья зараз?

– Нет, василевс ко мне не обращается, у него была своя помощница – старая цыганка. Но как-то раз он усомнился в ней и прислал ко мне доверителя, чтобы услышать мои предсказания. Этот человек больше не вернулся, а я по цыганской почте разузнала, что наши предсказания совпали. А главное – доверие к ней ненадолго вернулось, это было сразу после кончины василисы¹ Феодоры. Знаю, что Кесарь тяжело переживал потерю жены: замкнулся от всех, эту женщину все же прогнал – кто-то из придворных злословил, дескать, цыганка навела порчу, приведшую к смерти Феодору. А на самом деле все не так обстояло. Сама императрица, будучи незамужней, вела распутный образ жизни: переезжала с цирковой труппой из города в город, пока не подцепила будущего императора. Как ты думаешь, кто ей в этом помог? Все та же цыганка, которую вскоре после смерти василисы изгнал василевс. Она в угоду Феодоре чего только не делала. Она ее сделала императрицей, за что распутница ей щедро заплатила. Благодаря ей, их брак был настолько крепким, что василевс и слышать не хотел о разговорах вокруг. Он безропотно выполнял все ее прихоти, поклонялся, словно богине, хотя она делила постель одновременно с другими мужчинами.

Цыганка, заметив брезгливую маску на лице Апсита, добавила:

– Ты не думай, я плохого не делаю, исправляю то, что неумехи начудили. И это божий дар, перешедший ко мне от матери.

– Ты смеешь говорить о Боге?

¹ Императрица (греч.).

— Почему же нет? Вот посмотри, — цыганка показала ему нательный крестик, — я крещеная и искренне верю в Господа Бога нашего. Все, что ты считаешь за колдовство — это христианские молитвы, хорошо знакомые и тебе, римлянин.

— К чему мне твои молитвы, если я сам усердно молюсь и соблюдаю посты.

— Римлянин, неужели ты думаешь, что Бог услышит молитвы любого смертного? Если бы было так, не было бы на земле голодных, больных, несчастных, здесь был бы рай. За каждую просьбу-молитву я плачу Богу глубоким покаянием и воздержанием.

«И прошедшая ночь была тому ярким примером?!» — чуть было не сорвалось с уст юноши. Он вовремя сдержался и постыдился за себя.

— Я знаю, о чем ты подумал. Ты считаешь меня распутной и лживой, но это далеко не так. Вот уже три года, как я живу одна без мужа и ложе мое холодное все это время. Не считай за слабость прошедшую ночь, я хотела тебя уберечь от смерти, о которой не решилась сразу тебе сказать. И чтобы как-то удержать тебя и убедить последовать моему совету, решила отдаться, чтобы задержать подле себя.

Апсит взгляделся в лицо девушки, ее глаза были полны страдания и искренних слез. Юноша поневоле смягчился. Ему не ясен был до конца мотив ее поступка, но обвинять ее так грубо вдруг ему показалось нечестным. Перед ним сидела девчонка лет шестнадцати, успевшая познать многое за свою короткую жизнь.

— Расскажи про себя, — голосом полным прощения попросил он.

— Родилась я далеко — в степях Персии, где именно не знаю, потому что табор моего отца долго не задерживался на одном месте. У меня большая семья, все они остались там. С малолетства я ходила с матерью на базары и ярмарки. Знаешь, персы очень любят торговлю и золото? Их мужчины мнительны, но бывают щедры, а женщины завистливы и жадны. Наш табор останавливался за городскими стенами, в базарные дни мы направлялись в гущу толпы. Как рассказывала мать, однажды я настойчиво потребовала, чтобы мы

вернулись с полпути. Мать поначалу не соглашалась, потому как нам следовало заработать на еду оставшимся в таборе братьям и сестрам. Но я не унималась и закатила нездоровыЙ плач, да такой, что мать, сердясь и ругаясь, мне уступила. В тот день на базаре персидский чиновник устроил облаву на цыган вроде по подозрению в чем-то, а скорее всего, по злому умыслу. Персы захватили многих мужчин и женщин из нашего табора, среди них оказался и мой отец – предводитель нашего племени. Мать призадумалась и решила еще раз проверить мои способности – она сама была опытной ворожеей. Пообещав мне подарок, попросила ответить, когда вернется наш отец из персидского плена.

– Разве ты не знаешь? Через три дня с темнотой он придет, и мы тут же отправимся подальше от этого места, – ответила я.

Так и случилось, в ночь на третий день вернулся отец, и мы тотчас снялись с места. Убедившись в моих способностях, мать принялась за мое обучение. Она показала мне все, что знала и попросила действовать только во имя добра. Она предрекла мне большое будущее, настояла, чтобы я ушла за море, чтобы там использовать свои способности.

Когда мне исполнилось десять, меня выдали замуж за цыгана немногим старше меня. Я оказалась в другом таборе, в чужой для меня семье. Это племя занималось тайным провозом ценных грузов из Персии в Византию. Под покровом ночи персидские купцы передавали нагруженные караваны, которые наши мужчины незаметно переправляли на соседнюю сторону. В оговоренном месте их встречали компании с ромейской стороны, и грузы отправлялись дальше. Чиновники в таможнях выдавали поддельные печати и зарабатывали на этом хорошие деньги. Перед тем, как мой муж собрался в очередной поход, я распознала неладное, и стала умолять его отложить дело или выйти из него. Он стоял на своем и ушел, так и не попрощавшись. Больше мы не виделись. Их всех перерезали византийцы – видимо, чтобы не выплачивать обговоренную сумму. Так я стала вдовой в тринадцать лет и вернулась в отцовский табор. Какое-то время спустя моя мать продала меня за большие деньги купцам,

шедшим с караваном в Константинополь. Меня купил жалкий старики, мечтавший овладеть как можно быстрей моим телом. Но я была обучена матерью заранее. Спустя два дня пути, у ночного костра, я пообещала старику, что спасу его жизнь и богатства взамен на свою свободу. Он долго упирался, требуя объяснить причину моего поведения. Пришлось помучиться, прежде чем старики поклялся выполнить мое условие. Я ему тогда поведала, что нашему каравану следует отклониться с пути и пойти другим, потому что на этой дороге устроили засаду безжалостные налетчики. Он, конечно, посмеялся и даже задумал вернуть свою клятву. После долгих увещеваний я убедила его свернуть в сторону.

На этом привале стояли два других каравана с вооруженной охраной. Они посмеялись над нами, и пошли задуманным путем. Старики долго злился и проклинал меня, считая, что я его опозорила. Но я сумела успокоить его, убедив, что к вечеру все будет ясно, и в его власти будет сделать со мной, все что заблагорассудиться. Но если мое предсказание сбудется, он, конечно же, должен будет выполнить условие клятвы.

К вечеру мы едва добрались до почтовой станции, наш путь был труднее и длиннее. Старики все время ворчал, уверенный в своей победе. Как же он был удивлен, когда узнал, что на станцию так и не пришли те два каравана, которые презрели мое предупреждение. Он сильно переживал, даже задержался на целый день, чтобы хоть что-то узнать о пропавших караванах. Вскоре пришла и траурная весть. Почтовый курьер, следовавший по тому же пути, поведал, что наткнулся на десяток ограбленных трупов. По слухам была отправлена тревога в близлежащую крепость, до которой добираться на сменных лошадях три дня и ночи. «Чем это закончится», – спросил меня старики. Я ему ответила, что ничем, потому как «ищи ветра в поле».

После этого случая он всю дорогу не отходил от меня ни на шаг, почитая за богиню. Все не переставал удивляться и расспрашивать меня о своем будущем. Так мы добрались до Царьграда. Старики выполнил свое обещание, сверх того, он купил мне эту хибару. Так мы и расстались.

– Что же с ним стало? – почему-то захотелось узнать Апситу.

– Он застал с молодой женой другого мужчину и умер с горя, – безразличным голосом ответила цыганка.

– А ты ему, конечно же, напророчила много денег и долгих лет, – съехидничал Апсит.

– Не могла же я ему отсоветовать возвращаться в свой дом. Каждому свое, такова судьба, тут уж ничего не поделать.

– Ну и быстро же ты освоилась на чужбине, – не переставал удивляться Апсит.

– Где тепло и сытно – везде для цыгана дом родной, здесь мне спокойнее, чем в Персиде. Люди здесь мягче и щедрее. Здесь я получила крещение, дом, работу и уверенность в завтрашнем дне.

Я была с тобой честна, как на исповеди, а ты молчишь про себя, – для вида обиделась цыганка.

– Зачем же мне говорить, когда ты знаешь все наперед, – нашелся с ответом Апсит.

– Жаль, что ты не мой суженый, сделала бы тебя царем, – с сожалением добавила она. – И стала бы царицей – женой царя.

– Зачем тебе это? – удивился Апсит.

– Какой ты странный? Разве кому-нибудь взбредет в голову подобный вопрос?

– Поговорили и ладно, меня ждут, – Апсит решительно встал и повернулся лицом к выходу.

– Нет римлянин, так дело не пойдет, для того чтобы перекупить твою судьбу мне нужно время и твоя помощь.

– Что еще?

– Для начала скажи, как тебя зовут?

– Ты же угадала: меня зовут римлянин.

– Не смейся, не станет Бог спасать всех римлян. Мне нужно имя, чей сын, из какой земли? Что христианин – я сама знаю.

Апсит заколебался. Ему не хотелось доверять этой женщине даже частичку себя, а с другой стороны – слишком складно у нее все получалось.

– Меня зовут Апсит, сын Куда, внук Урыма, родом из Абазгии, из Анухи. – Решился он на ответ.

— Погоди, я же не запомню все это, — она встала и вернулась с пером и пергаментом. — Напиши сам здесь — будет вернее. Апсит подчинился цыганке и начеркал на пергаменте все, что требовалось.

— Апсит, ты будущий царь, или наместник. Тебе следует держать пост неделю. Сегодня же отправляйся в церковь, купи три свечи. Одну зажжешь перед святым образом Божьей Матери и поведаешь ей о своем прошлом, другую — зажжешь перед Святым Распятием и поведаешь о сегодняшнем дне, третью зажжешь у образа Святого Пантелеймона-целителя и попросишь его о своем будущем. И главное — никому не рассказывай об этом. Об остальном позабочусь я. — Цыганка подошла и обняла Апсита, прикоснулась губами к его щеке и показала на выход. Апсит покорно вышел.

— Римлянин, знай, если захочешь меня увидеть и отблагодарить, на этом месте я буду оставаться два года. Меня зовут Чава...

Слова женщины надолго вскружили голову юноши. Проходя по лабиринту переулков, он силился забыть обо всем. А в голове по-прежнему звенело: «Меня зовут Чава, римлянин». Неожиданно для себя он оказался у паперти, где днем ранее случайно познакомился с цыганкой. Долгое время он не решался зайти в храм, не смыв с себя свершившегося греха. Апсит раздумывал и колебался, затем обрезав свои размышления, перекрестился у входа и стремительно вошел. С тремя свечами в руке он торопился к Святым Образам, ощущая взгляды в спину сотен посетителей храма. «Как я грешен! Прости Господи, прости», — шептали его губы, и душа понемногу успокаивалась.

Апсит сделал все, как сказала цыганка. Выйдя из храма он, мучимый совестью, предпочел идти к Стефанию — принять там успокоительную ванну и отоспаться.

Новость о возвращении Апсита быстро обошла домочадцев Стефания. То, что он скрытно побывал в термах и теперь закрылся в своей комнате ни для кого не осталосьтайной. А Стефаний, к вечеру вернувшийся домой, посоветовал домашним не беспокоить юношу. Однако Рити не унималась: таинственное поведение так не свойственно ее названно-

му брату. Ей не терпелось рассказать последние новости от Ефрата, а тут, вернувшись, он опять исчезает за запертыми дверями. Если бы не семейные заботы, она так и осталась бы сторожить его дверь.

Исчезновением Апсита был обеспокоен и Ефрата, он боялся, что по какой-то причине не выполнит поручение васильевса, и тогда, хоть жизни лишайся.

Несмотря на приближавшиеся сумерки, Ефрата приказал снарядить колесницу и выехал к дому Стефания. Там его не ждали, потому, как только вчера насытились его присутствием.

Ефрата, плохо скрывая тревогу, осведомился у слуги по поводу Апсита. Слуга растерялся и дал невнятный ответ. Тут ему повстречалась Рити, она успокоила гостя, сообщив, что Апсит у себя в комнате. Больше ничего она не стала рассказывать, боясь навлечь на него гнев.

– Не попросишь ли его спуститься? – попросил Ефрата, усаживаясь на подушки в гостиной. Ей и самой не терпелось увидеться с Апситом. Она дала утвердительный ответ и спешила наверх по каменной лестнице. Только у самой двери женщина оробела, но затем решительно постучала в дверь.

– Сейчас выйду, – раздался голос изнутри, и тут же отворилась дверь. Апсит в нательной рубахе вышел за порог. Увидев Рити, он немного смутился, но быстро овладел собой.

– Апсит, тебя ждет в гостиной Ефрата, он и вчера засиделся допоздна... – многозначительно добавила она.

– Да? Какое настроение у него, не удручен?

– Не могу сказать, сам увидишь.

Апсит быстро приоделся и спустился в гостиную. Если бы Ефрата не был погружен в свои переживания, то разглядел бы перемены в юноше.

– Благослови Господи, – сказал спальничий, вставая с подушек.

– Спаси Бог, – ответил Апсит и подошел совсем близко.

– Вот и хорошо, – раздался позади веселый голос Стефания, только что вошедшего в гостиную, – хорошо, что мы снова вместе. – Мужчины обменялись приветствиями и уселись на подушки.

— Наши устремления получили благословение василевса, — торопился рассказать новость Ефрата. — Согласно уговору с духовником, я встретился с Юстинианом, у нас была долгая интересная беседа, я пожалел, что тебя не было рядом.

— Апсит сделал удивленное лицо. Прежде, чем он успел задать вопрос, Ефрата продолжил:

— Благочестивый Кесарь подписал поручение об открытии в Константинополе пансиона для аbazгских мальчиков с полным казенным содержанием. Уже выбрано здание, где они будут проживать и обучаться. Когда эти мальчики подрастут и покинут пансион, их место сможет занять следующее поколение наших соотечественников, но это будет через несколько лет.

— Монах заслуживает глубокого почтения и божьей благодати, — обрадовался Апсит.

— Мы можем, при желании, хоть завтра снарядить галеру и направить малышей в город. Представляешь, Апсит. — возрадовался Стефаний.

— Василевс сделал все, чтобы мы с благодарностью выполнили его важное задание.

— И не только, — добавил Апсит, — он прекрасно понимает, что весть о его милосердии распространится в Абазгии и подтолкнет аbazгов к добровольному подчинению римской власти.

Стефаний улыбнулся, разделяя мысли Апсита:

— И так, когда вы отплываете в Абазгию?

— У нас три дня на сборы, а затем в любое время из военного отдела может поступить сигнал, и галеры с оказией для гарнизонов отправляться в Лазику. С ними мы доберемся до Себастополиса и окажемся под защитой восстановленных городских стен.

«Наконец, мы скоро будем дома», — засиял Апсит.

— Это еще не все, — продолжил Ефрата, — Юстиниан вручил мне грамоту с указанием моих полномочий. Без моего участия даже комит не вправе издавать указы и отдавать устные распоряжения, касающиеся внутренней жизни Абазгии.

— Так это настоящая победа, — не удержался от восторга Апсит.

– Именно так. Это еще и огромная ответственность, – посчитал нужным подметить Ефрата.

– Что же так повлияло на Юстиниана, неужели благочестивый монах так убедителен? – теперь удивлялся Стефаний.

– Отчасти, да! К тому же произошло нечто, глубоко потрясшее его сознание. Со слов исповедника, теперь император каётся и всячески мечтает искупить вину перед абазгами.

– Не провидение ли Божье пришло нам на помощь, – искал ответ Апсит.

– Конечно, не без того. А произошло вот что:

Из Каппадокии в столицу дошел слух, что некий абазг преклонного возраста, проданный в рабство с тех самых галер, спас целую провинцию от страшной засухи.

– Ах вот оно что?! – не удержался Апсит, хватаясь за живот, он сразу догадался, о чем могла идти речь.

– В тех землях бывают засухи, что выгорают недозревшие хлеба, высыхают и фруктовые деревья, скот падает от жажды, много бедствий претерпевают люди. Отсюда и в казне убытки. Этот раб-абазг в силу преклонного возраста пас овец своего господина. И когда бедствие уже казалось неотвратимым, он предложил хозяину устроить молебен Богу. Римлянин возмутился и накинулся на раба, мол, уже месяц не прекращаются молебны во всей епархии, а тут еще раб суется со своими языческими богами. Вскоре во всей провинции начал гибнуть скот. Абазг по-прежнему настаивал на своем. Теперь его хозяин стал более терпелив и, внимательно выслушав абазга, отправился к епарху за благословением. Епископ проявил благородство и посчитал требования раба приемлемыми. Обратно хозяин возвращался с епархом, прихватившим с собой немало золотых. Абазг вновь подтвердил свое обещание дождя по завершению молебна. По его требованию епарх выкупил из рабства сто абазгов, было подобрано жертвенное животное без изъяна. Молельщикам предоставили муку, соль, вино, мед и другие затребованные принадлежности. Старик выбрал место, по его мнению, достойное молебна, и в назначенный день все сто абазгов сбились там. Епископ направил к ним своих агентов, кото-

рым было поручено все запоминать в мельчайших подробностях. Как сообщил монах, женщины приготовили священные хлеба, мужчины – мясо. В полдень, выйдя из жидкой тени редких деревьев, старик обнажил свою голову и вознес к небу левую руку с деревянной рогатиной, на которой были нанизаны сердце, печень и лопатка животного. В правой руке он держал кубок с вином и обращался к богам на непонятном для агентов языке. Затем все абазги мужского пола дружно произнесли «Аминь» и пустились в ритуальную пляску под аккомпанемент странной мелодии с невообразимыми горланными звуками. Все это продолжалось с полчаса. После пляски все участники молебна вкусили мясо посвященных частей и подняли по кубку вина. Молебен завершился трапезой из приношений.

Агенты сообщили, что не успели пересказать друг другу все увиденное, как бы что не напутать, как на их головы полился долгожданный дождь, который лил не переставая до следующего утра. Радостная весть обошла всю провинцию, затем дошла и до Царьграда. Говорят, что префект распорядился освободить эту сотню абазгов от любых повинностей и возложил на местных старшин обязательство принимать и обустраивать их за свой счет. И теперь, где бы они не оказались, их встречают, как самых почетных гостей, принимают на ночлег и обхаживают. По совету старца они обзавелись лошадьми и повозками и кочуют от селения к селению, словно цыгане. И, куда бы они не пришли, их встречают, словно божьих посланников.

Прослышиав об этой истории от Константинопольского Патриарха, Юстиниан Великий плакал, словно дитя, три дня он добровольно держал строгий пост во искупление грехов, а затем приказал освободить от рабства и других абазгов, попавших туда по воле римского оружия.

Монах рассказал мне, что этот старец-абазг родом из Анухи и зовут его Рисмаг. Может, ты знаешь, о ком идет речь? Говорят, он обратился с просьбой к префекту, чтобы его колонию отправили обратно в Абазгию, иначе уверяет, что «на Каппадокию падет Божий гнев». Что ты думаешь по этому поводу?

– Не может быть, – изменился в лице Апсит, – он жив? Он выжил! Какая радость, Ефрат. Твой отец жив! – Тут Апсит упал на колени и не найдя святого образа, принял просто молиться и взывать к Богу словами горячей благодарности. Ефрат на мгновение вскочил, затем сполз на подушки, бессильный и бледный, словно полотно. Он хотел поднять руку, чтобы перекреститься, но не смог. «Божье провидение, слава тебе, слава тебе...», – скороговоркой шептали его губы, пока не пересохло во рту. Еще долго он повторял эти слова про себя, пока обессиленный не склонился над полом. Только тогда все вышли из оцепенения и принялись обхаживать Ефрата. Со слезами на глазах бегала Рити с тряпицей и водой в потире, по требованию Стефания взад вперед засновали слуги, пришел в себя и Апсит. Он собрался с мыслями и твердо решил ехать в Каппадокию на розыски Рисмага. «А ведь ему сказали, что Рисмаг погиб. Как жестоки бывают людские уста? Может, и его мать жива и ждет встречи с сыновьями». Едва затеплилась надежда в сердце Апсита, как он вспомнил цыганку. «Тебе суждено терять близких», – всплыли в памяти ее слова.

Выразительные черты лица красивого мужчины преобразились, погас и теплый свет в его очах. О чем думал Ефрата, какие чувства он испытал в тот миг – неизвестно. Однако, очень скоро его разум, подчиненный воле, победил побуждения души. Все доводы Апсита, что ему надо ехать в Каппадокию, разыскать Рисмага, помочь ему выбраться в Абазгию, разбились о сухие объяснения Ефрата.

– Не забывай, Пантелеймон, у нас на сборы три дня, – оставался он непреклонным.

Видя отчаяние юноши, вызвался помочь Стефаний. Он твердо пообещал, что отправит на поиски Рисмага доверенного человека. На этот раз не устоял и Ефрат: – Пусть он его найдет, но обо мне ни слова. Я снова встречусь с монахом и выпрошу разрешения на их возвращение. Провидение Господне сведет нас дома в Абазгию.

Когда ушел Ефрат, Рити вцепилась в Апсита.

– Теперь ты должен выполнить свое слово, брат. Разве история с Рисмагом не доказательство тому, как тяжело переносить расставание с родными, не ведать о них ничего,

преждевременно хоронить и радоваться чудесному воскрешению. Коли пансион в черте города, то и мои дети смогут его посещать. Арт присмотрит здесь за младшими.

— Да сестра, я разделяю твою тревогу. Именно так я и предполагаю распорядиться.

Рити благодарная обняла названного брата. По особому светились ее счастливые глаза. Стефаний с виду безучастно смотрел в сторону — на самом деле он скрытно наслаждался материнской радостью.

— Я вот думал: кого отправить в провинцию? Так ничего и не надумал, потому как дело серьезное и затягивается не на один месяц.

— Почему так? — поинтересовался Апсит.

— Далеко добираться — сперва морем, затем на лошадях не меньше недели, если на почтовых. А там их еще надо разыскать, поговорить с местными чиновниками, чтобы не вызвать подозрений. Кому такое дело поручить? А может прав Ефрата, Господь Бог все устроит?

— Положимся на Бога, раз не получается на себя, — для приличия согласился Апсит.

* * *

Легкая волна подгоняла галеры, переполненные абазскими мыльчиками. Наполнявшиеся порывистым ветром паруса выталкивали суда рывками, их толкало из стороны в сторону, подбрасывала волна. Путешествие оказалось трудным, укачивало всех, особенно страдали маленькие. Абазгские дети плыли в Константинополь, их пребывание на острове неожиданно и бесповоротно завершилось. Да и о чем им было сожалеть? С надеждой на лучшее пустились они в это плавание. Так им внушили старшие, которым они искренне доверяют. На первой галере стоял на корме Арт — их новый предводитель, заменивший тех, кто собирался домой в Абазию. А там, в большом городе их ждал могущественный муж, который отнял у них дом и родню, а теперь раскаиваеться. Теперь он будет их главным попечителем.

У Константинопольского причала качалась галера покойного царя Скепарны. К ней подъезжали арбы с провизией и поклажей, Апсит с подопечными сносили груз в трюм, наполняли пифосы питьевой водой. Переговорив с военными, Ефрата все же решил плыть на абазской галере в конвойе с военными судами. По настоянию Апсита абазам было выдано военное снаряжение – обычные штатные мечи и копья. Молодые абазы от счастья летали на крыльях, им уже чудился морской бой с пиратским судном, которое они непременно возьмут на абордаж и разделят военные трофеи. К обеду галера прилично осела под грузом, присели на причале и уставшие абазы. Апсит оглянулся на горизонт: «Посмотрите, завиднелись паруса», – крикнул он товарищам. Мальчики растянулись по причалу и напряженно вгляделись в горизонт. Галеры быстро приближались. Всеобщее возбуждение охватило и пассажиров посудин. Временами ветер доносил обрывки фраз. Малыши визжали от радости и махали ручонками. На галерах спустили паруса, рулевые при помощи гребцов пришвартовывали суда. Первым на берег спустился Арт. Не дожидаясь команды, за ним вышли остальные, все еще пошатываясь после качки.

– Приветствую вас, – обратился на абазском Апсит. В ответ последовал невообразимый гул. Подельники Апсита захохотали. Поняв безнадежность подобного общения, Апсит поручил Арту вести толпу в город – к пансиону. Новый предводитель выстроил ребятню в шеренгу по трое и скомандовал шагать. Колонна медленно тронулась. Мимо Апсита проплывали детские лица, с любовью и надеждой глядевшие на него. Он же старался запомнить каждого, мысленно прощался с ними, а они – эти умные личики прощались с ним – с верным и надежным братом.

В АБАЗИЮ

Караван судов с военным охранением вступил в холдные воды Понтийского моря. Сильные порывы северных ветров сбивали суда с курса. Штурманы не покидали рулевой рубки, а гребцы бездельничали. Тайком от командира они глушили скуку большими глотками вина. Абазские мальчики с любопытством сновали по корме, вглядываясь в незнакомые берега. Щемящее волнительное чувство не покидало Апсита и его соратников. Через несколько дней им предстояло ступить на родную землю. Какая она теперь, после стольких утрат и пережитой горечи поражения?

Весть о прибытии в Себастополис нового чиновника с большими полномочиями опередила самого Ефрата. Комит в недоумении терзался догадками: «Кто этот человек, да еще из гражданских? Неужели кто-то из приближенных на него доносит?» Последнее время он потерял покой, стал подозрительно нервозен. Так или иначе, ему следует держать образцовый порядок во всем. С утра до позднего вечера подчиненные по его приказу убирали территорию крепости от мусора и недовольные ворчали. О набожности высокого гостя также распространилась молва. Городской священник вычищал крепостную церквушку от мха и плесени, повсюду царила битва за чистоту и порядок. Вечером, при свечах, настоятель брал в руки Свяченное Писание, пытаясь упорядочить в памяти последовательность молитв, необходимых для праздничной литургии. Последнее время у него прибавилось забот. Солдаты гарнизона, игнорировавшие прежде службы и исповедь, вдруг повалили в церковь. О, сколько тайн узнал священник за эти дни! Особенно мучительно было выслушивать больных лихорадкой, проклиниавших василевса, начальника гарнизона, эти места и весь божий свет за тяготы изнурительной болезни. При встрече с лихорадочными он с особым усердием молился, скрывая страх за свое здоровье.

В Анакопе все оставалось по-прежнему, тамошнее начальство было уверено, что посланник василевса не станет посещать крепость, овеянную бурной славой. Слух о посланнике каким-то образом проник и к абазам. «Ничего хорошего нам это не сулит», – были уверены в своем несчастье они.

В сумерках византийские галеры достигли устья большой судоходной реки. К удивлению Апсита, на кормах галер зажгли огни, и они двинулись на веслах вверх по течению. Через несколько стадий¹ носы галер уткнулись в песчаный вал, сооруженный вместо причала. Обрадованные концом путешествия, римляне высыпали на берег и разминались на твердой земле. Поблизости в темноте раздавались многочисленные голоса; то тут, то там вспыхивал свет переносимых факелов. Громко здоровались старые друзья и сослуживцы. Абазы не покидали своей галеры. Чего-то в нерешительности ждал Ефрата. Как-то неожиданно в полутьме притихли голоса. В сопровождении охраны к причалу подходил человек в красном плаще, расшитом золотом. Свита шла рядом, высоко задирав факелы и бряцая оружием.

– Где посланник василевса? – властным голосом спросил он, остановившись у кромки воды.

– Здесь, – ответил Ефрата, выступив на шаг вперед.

– Я – командующий войсками в Лазике, Бесса из Фракии. Приглашаю переночевать в крепости, думаю, ванны и отдых будут кстати.

– Благодарю Господа за удачное путешествие. Я – Ефрата, спальничий василевса, родом из Анухи, – отвечал посланник василевса. Бесса протянул руку, помогая гостю сойти на берег.

– Со мной пойдет доверенный человек, его зовут Пантеймон. – Бесса с безразличным видом склонил голову в знак согласия. Апсит легко спрыгнул на берег и оказался возле Ефрата. Свита освещала путь, начальники шли рядом, Апсит немного отставал. «Вот он и есть фракиец, блестяще выполнивший приказ Юстиниана, стяжавший славу в войне

¹ Римская мера длины, использовалась для измерения расстояний.

с готами и вандалами. Если бы не его несоразмерное корыстолюбие, был бы он во дворце, поближе к императору. Его имя хорошо помнили покоренные народы Европы, Африки и Азии. Безграничны его жестокость и жадность – под стать императору, хорошо знавшему слабые места своих полководцев.

А за что я его так ненавижу? – спросил себя Апсит. Мы оба слуги Рима, точнее, его рабы. Что в нем такого, о чем не мечтает любой раб? Кроме, конечно же, бесславной ссылки в Лазику. Его, возможно, ненавидят и боятся, но он неуязвим, пока угоден Риму. Он стоит на ее страже и империя его бережет. Такой путь для любого раба завидным будет», – усмехнулся он над собой.

Дорогу до крепости путники преодолели молча, по всему было видно, что Бесса не почитатель любезностей, кроме того, приезд любого чиновника из метрополии настороживает.

Караул у ворот узнал начальника, но согласно уставу караульный произнес пароль и, услышав правильный ответ, дал команду. Со скрипом отворилась тяжелая створка, и эскорт вошел во двор крепости.

Сквозь слабый свет факелов Апсит разглядывал стены и башни крепости Петра. То там, то тут проглядывались наспех заделанные пробоины, местами они были просто засыпаны камнями и обложены мешками с песком. Боевые мостки, прогнившие за давностью лет, скрипели под ногами караульных, грозясь обвалиться на головы проходящих внизу. Сточные каналы были забиты и отдавали зловонием. Влажный воздух, смешанный с испарениями, дышал смертоносной лихорадкой. Будто все это старательно придумано к нашему приезду, – подумал Апсит. То же самое подумал и Ефрата. На лице Бесса блуждала неопределенная гримаса: казалось он хотел показать, как не сладко бывает защищать окраины империи, в то время, как есть другая жизнь – яркая и веселая. Так или иначе, он добился своей цели. Ефрата успел пожалеть о том, что не остался на галере. «Уж как нибудь вытерпеть до утра, а там под любым предлогом надо бежать отсюда», – решил он про себя.

Бесса проводил гостей до дощатой двери жилой башни, толкнул ее. – Здесь вы можете переночевать, воздух, конечно, тяжеловат, но ничем лучшим не располагаем. Мой слуга поможет вам разместиться.

Слуга с факелом прошел внутрь и зажег свечи, а Бесса отправился на следующий ярус, видимо, в свои покои. Слуга осторожно осведомился, не желают ли гости помыться.

– Где у вас термы? – поинтересовался Ефрата.

– В пристройке корыто стоит, рядом на очаге нагревается котел с водой, можете пройти и помыться, – последовал ответ. – После некоторых раздумий Ефрата принял предложение, но от ужина отказался.

Ранним утром абазов разбудила перекличка караульных. Они почувствовали свои тела на твердых нарах и вспомнили, что находятся в Петра. Сон более не шел, хоть тела и просили неги в уютных постелях.

– Похоже, здесь нам не рады, – произнес Ефрата.

«То ли еще будет? – подумал Апсит, но предпочел отмолчаться.

– Не мудрено, что ежегодно империя здесь теряет половину войска. Похоже, что персы поняли размеры бедствий в крепостях, и отказались от овладения ими. Зачем их штурмовать, когда от них немного пользы. Эти гарнизоны едва способны защищать самих себя, а персидские отряды беспрепятственно передвигаются и устраивают кампании и в Лазике, и в Апсии. Этой войне не будет конца на поле брани»...

Шум за дверью оборвал его мысли, там кто-то топтался. Вскоре раздался голос:

– Господа, к завтраку приглашаем.

– Приглашение принимается, – откликнулся Ефрата. Абазы быстро оделись и направились к выходу.

– Трапезная у нас внизу, прошу за мной. – Услужливо склонил голову слуга и тут же стал спускаться по скрипучим ступеням. Гости не отставали. У самого входа в трапезную ударил в нос запах свежевыпеченного хлеба и яичницы. – Бесса попросил прощения, – по ходу докладывал слуга, – что

не сможет разделить с вами завтрак, рано утром он выехал в лагерь. – Ефрата одобрительно кивнул головой и принялся за еду. Завтрак показался абазам роскошным: было все, о чем может мечтать человек после длительного морского путешествия...

Теперь настало время выбираться из Лазики.

По ходу осмотрев крепость, с недобрым впечатлением от увиденного уже при дневном свете, Ефрата и Апсит пришли к галере. Абазские мальчики и команда галеры тоже успели перекусить, чем Бог послал, и ожидали распоряжений. Ефрата почему-то терялся, ему надлежало принять решение, а он медлил. Апсит понял сомнения старшего и предложил выйти в море. Ефрата поговорил с командиром военной галеры. Как выяснилось, он был готов к отплытию в Себастополис.

– В путь, с Богом, – скомандовал Ефрата. Течение реки быстро вынесло галеры в море, а там уже моряки подняли паруса и взяли курс на Себастополис. Мальчики пристально следили за берегом – им так сильно не терпелось увидеть родные берега!.. Время шло, день сменился ночью, самой светлой лунной ночью, какую приходилось видеть Ефрата. Опытный капитан уверенно вел судно в лунном свете. За ним следовала абазская галера. К обеду суда вышли на Себастопольский рейд. Очень скоро они оказались напротив крепости. На берег вышли защитники крепости и с радостью разглядывали приезжих. Немного в стороне стоял при параде комит римских войск в Абазии – Евстафий.

Ефрата первым сошел с галеры и направился к военачальнику, и тот в свою очередь вышел ему навстречу.

– Приветствую посланников Рима у северных владений империи, охраняемых мной по приказу Присночтимого Самодержца, Кесаря Юстиниана Великого.

– Спаси Господи раба божьего Евстафия, – без всякого пафоса ответствовал Ефрата. – Со мной прибыли помощник Пантелеймон и семь десятков абазских юношей – новоокрещенных и готовых служить Риму. Также с нами будет находиться экипаж галеры, приданной нам для выполнения особо важных заданий. В море будем выходить по необходимости, а в прочее время галеру следует укрывать в безопас-

ном месте. Капитан военного судна завтра отправиться в обратный путь, ну об этом он знает лучше. Мы несколько дней провели на море, а посему рассчитываем на горячие ванны и плотный обед.

— Добро пожаловать в крепость, места хватит для всех. Мы к вашим услугам, — отрапортовал Евстафий.

«Очень даже приятный человек, на первый взгляд», — шепотом поделился с Апситом Ефрат.

— На первый взгляд, да, — согласился Апсит.

Мальчики с неуемным возбуждением высыпали на берег и бросились обнимать прибрежную гальку. Были и такие, кто несдержавшись, прослезились. Ромеи настороженно приглядывались к этой необычной команде подростков, вооруженных штатными мечами и копьями, возглавляемой странным сановником, похожим больше на священника, нежели на военного.

Вскоре излив свои чувства, мальчики наперегонки прибежали в крепость. Здесь по приказу гарнизонного начальника в банный навес потянулась группа с дровами и водой. Разжигались новые костры, над которыми устанавливались котлы — чуть ли не до вечера вновь прибывшие поочередно купались под навесом. К тому времени, по поручению Апсита, из соседнего поселения пригнали быка. Далеко за полночь началась трапеза, затянувшаяся до утра. Ромеи и абазы сидели за одним столом и благодарили Бога за все.

Ефраты раньше других отошел к отдыху. Апсит последовал за ним — он добровольно возложил на себя ответственность за посланника василевса.

Утром в Себастопольской бухте толпились военные. К выходу галеры в море все было готово. Еще вчера галеру разгрузили, а утром занесли на нее два десятка гарнизонных солдат, больных лихорадкой. Если бы прибыла помочь раньше, может все они и выжили бы.

Матросы подняли паруса, и галера пошла по волнам на восток. На лицах ромеев, остававшихся на берегу, читалась неисчерпаемая тоска по родным очагам, даже на обреченных лихорадочных больных они смотрели с нескрываемой завистью.

Ефрата и Евстафий бок о бок возвращались в крепость.

– Расскажи, командир, что здесь происходило после Трахейской битвы?

– В то время, начальник, мы скрывались в Трапезунде, опасаясь нападения персов на Себастополис. Через месяц после падения абазгов, мы получили приказ вернуться сюда. Нелегко нам пришлось обосновываться в разрушенной крепости. Пришлось заново возводить стены, затем взялись за разрушенный храм. Совсем недавно закончили постройку казарм и конюшен. Мои люди мрут от лихорадки, словно мухи. Из двухсот осталось не более ста, да и те больны, едва на ногах держатся.

– Все же вы восстановили крепость, и скажу, неплохо, если сравнивать с Петрой.

– Теперь мы можем немного передохнуть, а вначале не успевали отбиваться от голодных собак, оставшихся без хозяев. Сбившись в огромные стаи с опустевших окрестностей, они нападали на скот, на лошадей и даже на людей. По сравнению с тем временем, мы, сейчас, считай, в раю. Появились новые поселения из ромеев, мы приходим друг другу на выручку, покупаем у них провизию. Чего стоит видеть рядом живых людей?

– А как же теперь абазги?

– Непримирившиеся ушли с насиженных мест в горы, немногие из них подчинились. Они приняли христианскую веру и слились с новыми поселенцами.

– Они знают законы Рима? – искренне усомнился Ефрата. – Скорее ты, комит, здесь главный закон?

Евстафию не понравился ход беседы. Он вынужденно поддерживал разговор.

– Откуда этим варварам знать наши законы, они и читать-то не умеют. То, что им необходимо – мы растолковываем. Мне приходиться разбирать немудреные дела, потому как споры между собой абазги решают по своим обычаям. Бывает, но очень редко, что не поделят что-то с ромеями, вот тогда судом правлю я.

– И чью сторону ты принимаешь?

– Чаще всего их претензии незаконны, потому как права колонистов неприкасаемы. Так постановил василевс, – неуклюже оправдывался комит.

– Так было с теми, кто отверг Христа и дерется с Римом. Но те, кто стали на нашу сторону, платят подати – словом, становятся гаражданами Рима, все равны перед законом. И неважно, судятся они с поселенцем или с самим комитом, закон на стороне ущемленного. – Ефрата пристально посмотрел в глаза собеседника. – По-другому быть не должно, именно за этим я прибыл в Абазгию. Все гражданские дела отныне буду разбирать я. Объявите через своих людей о приказе василевса. – На этом завершил беседу Ефрата и торопливо направился в сторону церкви. Евстафий же, опустошенный поворотом событий, остался стоять, провожая невинистным взглядом недавнего собеседника.

Предстоятель Себастопольской епархии епископ Петр копошился в нартексе церкви, когда раздался скрип отворяющейся двери.

– Спаси Господи, святой отец, – пропел Ефрата.

– Спаси Господи, раба своего, – ответил епарх.

Ефрата приложился к ладони священника, получил благословение, обнялся с ним трижды.

– Вижу печаль на твоем челе, сын мой, исповедайся.

– Да, святой отец.

Они прошли внутрь храма в исповедальню, и Ефрата, как на духу, открылся священнику о своих опасениях и сомнениях, о надежде обрести крепкую опору и получить всестороннюю поддержку местных священников в возложенном на него деле. Епископ не перебивал исповедь, пока Ефрата не обратился к нему с вопросом:

– Сколько приходов в твоей епархии, сколько служителей и прихожан?

– Не густо, сын мой, пожалуй, только три храма, да и их таковыми не назовешь, в конюшнях и то просторнее и светлее. А все от того, что не идут абазги в церкви, не сдают церковной десятины, а Константинопольский патриарх далеко, да и недосуг ему. Вот так-то и служим Господу, словно первые христиане-отшельники.

И без жалоб епарха было видно, в каком бедствии здесь находились церковные дела.

— Разве совсем не идут аbazги в церкви? Раньше, помнится, они с большим благоговением заходили в церкви.

— Может, так и было при Антиохийском Патриархе, только тех священников по указу василевса отзывали, теперь мы — к онстантинопольские служим в Абазгии. Только кому здесь служить.

— Чем же прежние отличались от нынешних, что аbazги отвернулись от церкви?

— Два с лишним века Антиохийские патриархи окормляли здесь паству, только что-то не понравилось василевсу. Ему в пику отвергают аbazги Христа, не понимая, что главное Господа Бога и веры в него нет предназначения на земле.

Ефрата недолго обдумывал слова епископа, затем продолжил разговор:

— Я призван тебе первому открыть благую весть, отче. Нам предстоит выбрать место для строительства храма, да такого красивого, светлого, чтоб мог поразить воображение любого человека. Помогать будут аbazгские парни, прибывшие со мной. Они будут ходить от поселения к поселению, нести слово апостольское на родном им языке. К тому времени, когда закончим храм, засветится вера в их сердцах, приведут аbazги принять крещение.

По лицу Петра потекли слезы умиления. Он встал со скамьи и нетвердо ступил к собеседнику. Ефрата поднялся навстречу и обнял священника. «Слава тебе Господи за все», — шептали уста епарха. «Слава тебе Господи за все», — повторял за ним Ефрата.

...Спустя день вышла в море галера из Себастополиса. Ее носовая корма смотрела на запад, со спинами лучи утреннего солнца жирными полосами сквозь облака ложились на морскую гладь. На корме стоял Ефрата, возвращавшийся домой тем же путем, как когда-то в детстве, похищенный из родного дома, был отправлен за море. Рядом с ним стояли мальчики, для которых это путешествие было новым.

Путь галеры перегородил мощный поток, выбрасываемый горной рекой в глубины моря. Галера закачалась, словно игрушка в руках морского великана. Пассажиры ухватились за борта судна, гребцы сильнее налегли на весла, рулевой с большим усердием держал курс.

– Что за река?! – со всех сторон раздавались голоса. – Ефрата оправился от своих мыслей. – Гумпсы, – откликнулся он.

Галера победила течение, абазы приутихли. Они завороженные разглядывали родные берега, такие величественные и красочные. Насладившись красками природы, Апсит сиился разглядеть струйки дыма, обычно исходившие от многочисленных абазских жилищ. Но, увы, никаких признаков жизни: ни пятнышка обработанной земли, ни одного расчищенного участка. За короткое время затянула раны разгулявшаяся буйная зелень.

Возвышенности, врезавшиеся в морские берега, понемногу расступались, открывая долину реки Псы. Вот закончилась Псырта и широкой панорамой открылась перед всеми природная пирамида – Апсарская гора со своей цитаделью. Галера миновала устье реки с устроенным в ней царем абазов судоходным каналом и вошла, в располагавшееся западнее, устье реки Агацапсы. На этом морское путешествие завершилось. Ефрата со спутниками, взволнованные, вышли на берег и быстрым шагом начали восхождение к нагорной крепости. Справа, через ущелье реки Псы зеленело плато – место, где когда-то стояла славная Трахея. И снова запустение, только буйство природы на всем пространстве некогда ухоженного лагеря абазов.

Сердце юноши бешено заклокоталось: здесь он впервые увидел абазского царя, был обласкан и удостоен чести, здесь он когда-то виделся с царевной и готовился к отплытию в Константинополь, здесь же была казнена его нана...

С вершины этой горы открываются просторы родной Анухи. Апсит спешил: он не замечал, что задыхается на крутых подъемах, не ощущал тяжести груза за спиной. Никто не посмел его окликнуть, а он опомнился, когда отставшие друзья скрылись из виду. Апсит остановился, захлебываясь

воздухом и задыхаясь от скорби. Кто он теперь? Римский воин, с нательным крестиком на груди? Куда и зачем ему спешить? Там не осталось никого, кто хотя бы понаслышке что-то помнил бы о нем. Только камни цитадели могли одарить его влажной прохладой по старой памяти...

У входа в цитадель, под взглядами Анакопского гарнизона Ефрата собрал группу, тихо помолился и вошел в калитку первым. Начальник гарнизона поспешил встретить высокого гостя, так и не сообразив снять с его плеч груз. Абазов мутила жажда, Апсит подошел к знакомому колодцу и набрал полный мешок воды. Долго пили свежую воду абазы. Мешок забрасывали вновь и вновь, пока усталость не одолела жажду. Все это время Апсит метался по цитадели, вглядываясь в родные силуэты окрестностей. «С возвращением, Апсит», – воскресли в памяти слова царевны, подаренные ему здесь три года назад. «С возвращением, Апсит», – с дуновением ветра шептала ему родная сторона материнским голосом, полным тоски и надежды.

– Ефрата, я должен отправиться в Ануху, на родные пепелища. Если к ночи не вернусь – не ищите.

– Как же так?! Мы проделали этот путь, чтобы здесь потерять тебя? Отправимся вместе на конях, чтобы вернуться к сумеркам.

Командир! – окликнул Ефрата начальника гарнизона, – нам нужны кони под седлами.

– Сколько, начальник? – растерялся было ромей.

– А сколько будет, – ответил Ефрата.

– Коней двадцать раздобудим, а вот седел не более пяти.

– Как-то не по уставу: кони без седел, – сделал замечание Ефрата.

– Так и кони не наши – от абазгов оставшиеся, и седла те, что здесь раздобыли. Коней иметь нам не положено, считает начальство из Себастополиса, – отрапортовал комендант.

– Ну, хорошо, показывай, что есть, – смягчил тон Ефрата, он про себя позабавился тому, как на окраине империи побаиваются посланников из столицы. Апсит последовал за комендантом к конюшням, скорее к навесам без приличного стойла и крыши. Там на самом деле томились два десятка

тощих коней, среди которых он разглядел парочку другую вполне приличных. Он углубился под навес, чтобы выбрать лучших для Ефрата и себя. Кони поворачивали морды и принююхивались к незнакомцу.

От чего-то защемило в сердце юноши. Срывая перевязь, к нему тянулся рослый вороной жеребец. Перебирая копытами, словно пританцовывая, конь подался вперед, храпом и налитыми кровью зрачками выдавая свое волнение.

– Анцва Ду¹, – воскликнул Апсит и прильнул к шее жеребца, – Ращ, мой милый малыш, ты меня узнал, – голос Апсита дрожал, – ты ждал меня все это время... Сколько тебе пришлось пережить?

Словно верный пес, конь терся головой об Апсита и тихонько ржал. Апсит огляделся и нашел седло – старое седло славного Урыма – их семейную реликвию. Дрожащими от волнения руками он оседлал жеребца и выехал из конюшни. Его пальцы теребили гриву, а голос шептал: «Теперь нас не разлучат никогда, мой Арашь. Мы снова вместе».

Ефрата строго поглядел на Апсита, допустившего грубое неуважение. Комендант же равнодушно смотрел на всадника, на всякий случай, показывая, что ему ничего не жаль.

Абазские юноши незамедлительно исправили оплошность Апсита – они вывели всех лошадей, подали Ефрата лучшего скакуна, и гурьбой направились в сторону Анухи. Апсит оглядывался на отстававшую группу и силился придерживать своего коня, который, почувствовав на себе безмерно родное, словно стрела неудержимо летел к родной усадьбе, где когда-то совсем молодым жеребцом нес на себе мальчишку с копьем в руке, метавшего его в заруб старого дуба. Ращ не ждал всадника, куда ему скакать, и Апсит не думал ему подсказывать. Чувствуя друг друга изнутри, человек и конь торопились в родную усадьбу. Вот и развилка: дорога направо ведет к дому Рисмага, налево – их родовое гнездо. Апсит свернул с дороги к разлому в скале, где по-прежнему был ключем чистый родник. Не спешиваясь, он подбирал капли воды, срывающиеся с выступа, а Ращ выщеживал воду из-под своих копыт.

¹ Великий Бог.

За следующей извилиной некогда начиналась длинная крепкая изгородь усадьбы Урыма. Теперь всадники проезжали заросший колючим кустарником и лианами огромный вал, сквозь который и взгляду не просочиться. Там, где когда-то были ворота – бурьян и колючка. Апсит перемахнул через препятствие, подъехал к пню, на месте которого росло огромное ореховое дерево, с горечью огляделся в поисках жилищ – ничего не напоминало о них, только пытливый взгляд мог различить округлые пятна дикой растительности, с особым удовольствием разросшихся на пепелищах. Память о живых была стерта, Апсит свернулся к родовому кладбищу, надеясь, что враги не стали бы тревожить мертвых.

Высокая каменная ограда выстояла тревожное время, Апсит спешился и перешагнул через перелаз. Там по-прежнему серели каменной выкладкой старые холмики, теперь прикрытые диким кустарником и лианой. Апсит обошел родовое кладбище и сосчитал могилы. Все как и прежде – тридцать семь, не нашли здесь упокоения мужчины из рода Урыма, убитые римлянами. Завершая свой обход, словно случайно, он уткнулся взглядом на небольшую провалину у самой изгороди. Он опустился на колено и прикоснулся к земле. Без сомнения – эта могила была свежей, но кого здесь могли захоронить не по обычая, словно раба? Апсит задумался и понял, что это место может быть могилой его матери, тайно захороненной здесь кем-то из старых соседей.

По разным причинам человек находит и теряет, творит и разрушает, растит и убивает, действует или отынивает. А цель, еще вчера казавшаяся незыблемой, бывает, становится ненужной или затмевается другой. Несколько часов назад по-другому представлял Апсит свои действия в Абазии. Теперь, оказавшись в Анакопе, после встречи с родным жеребцом, спустя три года признавшим хозяина, он ощущал себя неразрывной частью всего этого.

Встреча с Аращем стала добрым знаком, нитью, способной вернуть юношу к истокам своим, откуда вышел и пошел, чтобы обязательно вернуться. Следующим приобретением стало седло, такое бесконечно дорогое. Теперь эта провалившаяся могила давала надежду на обретение плоти матери,

пусть холодной и влажной, как сама земля, принявшая растворенное тело. Он задумал непременно отыскать хоть кого-нибудь, знающего историю своей матери. Ведь не могло быть так, чтобы никто из анухцев не остался в живых. А почему не предположить, что кто-либо из прежних многочисленных рабов теперь служит новым хозяевам? «Я объеду весь поселок, все уголки, и без устали буду собирать по крупицам трагическую историю семьи, рода, Анухи... А может, случится, что успею сделать что-то и для Абазии?» – теперь он знал, что не отступиться от собственного пути.

Ефрата находил бесцельным метание Апсита по опустошенной усадьбе. Он с тревогой наблюдал в юноше новые, ранее не известные ему черты и нравы. Для одного дня слишком много неприятных наблюдений накопилось в нем, но он сдерживался от высказываний, относя перемены к обостренной чувствительности молодого человека.

– Пантелеимон, мы не можем здесь находиться бесконечно, – недовольно окликнул Ефрата его. Парень отмолчался, он вскочил в седло и подъехал к группе.

– Не хотел бы увидеть свое родовое гнездо? – спросил Апсит у наставника.

– Если это недалеко, – ответил Ефрата, стараясь скрыть преображение, частично постигшее и его на родной земле.

– Поезжайте за мной, – Апсит припустил коня, не вдаваясь в объяснения. Ему казалось странным не гореть душой за отчий дом или скрывать настоящие чувства.

Мальчики давно разъехались бы по своим дворам, если бы имели на то позволение. Апсит читал их желание по горящим взглядам. На очередном перекрестке дорог он придерживал коня, и, указав на одну из дорог, сказал: «Езжайте по ней. Проедите два изгиба, увидете подъем на бугор – там когда-то были ваши родовые поместья. – Немного обождав, добавил:

– Встретимся на закате у большого родника». Счастливые парни повернули в свою сторону, им не надо было указывать дорогу, они никогда не сбились бы с пути. Ефрата наступился еще больше. «Негоже так... словно варвары, быть одержимыми в желаниях», – негодовал он, едва поспевая за Апситом на измученном от плохого ухода коне.

— Вот переулок, который в прежние времена был заселен древним родом Рисмага. — крикнул Апсит, не сбавляя хода. — Когда-то здесь были ухоженные дворы и сады, теперь все заросло бурьяном и дикими деревьями. — Всего-то три года, а усадьбы не узнать, — сокрушался Апсит, подъезжая к покосившемуся перелазу.

Оба всадника перемахнули изгородь и углубились в заросли, туда, где им привиделась струйка дыма. Кони с трудом подминали высокие колючки и бурьян. Всадники двигались вперед к очертанию кое-как сбитого неопрятного домишкы, над которым вился дымок. Им на встречу откуда-то выбежала тощая собака. Залаяла и, на всякий случай, завиляла хвостом. Отворилась косая дверь, из жилища вышла женщина средних лет в грязном подоле.

— Ты кто будешь? — властно спросил у нее Ефрата.

— Почему я должна отвечать? — выпятила грудь женщина. — Это я хочу спросить, что вы здесь делаете? — уставив кулаки в широкие бока, она бросала гневные взгляды.

— Я Ефрата — посланник Кесаря, Самодержца Юстиниана Великого.

— Я жена Иоанна, — смущенно огляделась женщина по сторонам, в поисках поддержки. — Проходите в дом, высокие гости, посмотрите, как мы бедно живем... Пусть знает наш василевс, как тяжко приходится поселенцам в Абазии.

Ефрата вопрошающе оглянулся на Апсита.

— Что с ней говорить? Лучше проедем на кладбище, если и его не заняли они, — пробормотал Апсит.

Ефрата не стал возражать. Они повернули в сторону, и скоро косое строение пропало из виду.

Всадники въехали в светлую грабовую рощу на окрестной возвышенности — это и было кладбище большого рода. Всадники спешились и осторожно продвигались меж могильных каменных оград.

— Здесь покоится твоя мать, — указал Апсит на старую могилу, — там дальше дед и бабушка, дядья и их жены.

Ефрата склонился над могилой матери и застыл. На его затылке зашевелились ухоженные волосы. Затем очнувшись, он отрешенно молился, погрузившись в детские воспоминания.

Апсит забрался на высокое дерево и оттуда оглядывал окрестности. Кое-где над густыми зарослями взвивались струйки дыма, он насчитал их до сорока. И это приходилось на огромное селище – царское село, выставлявшее в свое время две тысячи воинов. Стада анухской живности не умелись в окрестных лесах, богатых питательным подлеском, а табуны лошадей подчистую выбивали луга и поляны на огромном протяжении – куда достанет глаз до самой далекой точки. «А там была Аныха и Священная Роща». – Апсит силился разглядеть огромные Дубы, подпиравшие ранее своей кроной грозовые облака. Но их не было видно. Юноша засомневался, неверя своим глазам. Он вновь и вновь вглядывался в знакомое место, а там сомкнулась крона ольховой молоди, опутанная дикими лианами, выбивавшимися над макушками деревьев в поисках солнца. Апсит быстро спустился с дерева и запрыгнул в седло.

– Нам надо туда, – вымолвил он, указывая рукой на какое-то место. – Ефрата последовал за Апситом. Всадники быстро спустились к загадочно живописному ущелью реки Агацапсы. Долго ехали по правому берегу, по едва видимой дорожке, еще дольше они забирались по усыпанной камнями извилистой тропе на макушку горы, где находилась Священная Аныха. Издали Апсит заметил сиротливо торчащие пни спиленных дубов. Прорываясь сквозь молодой ольховник, Апсит с трудом разыскал расколотый каменный алтарь и осколки Часи, в которую абазы опускали свои приношения.

– Им было мало загубленных жизней, – Апсит обернулся к Ефрата, – они покусились на святыни и память. Простит их Господь, Бог, Ефрата? – Юноша в отчаянии ползал на коленях вокруг алтаря. Он выдергивал с коренями траву и мелкие кустарники, обнажая черную землю от признаков нового времени. – Здесь даже скотина не паслась, сюда не входил человек с дурными мыслями, – продолжал возмущаться Апсит.

– Почему скотина не паслась? – спокойным голосом спросил Ефрата.

Апсит удивленный обернулся: «Она ведь тоже живая и чувствует Божью силу, думаю я». Апсит продолжал очищать святое место и вдруг наткнулся на какой-то предмет в земле.

— Посмотри, это ритуальный нож. Какое счастье! — радостно воскликнул Апсит. — Ведь он служил с незапамятных времен!

Апсит встал с колен, протянул для обозрения потускневший бронзовый нож, издревле принадлежавший Аныхе, и заплакал от счастья. Излившись чувствами, Апсит принялся за гневные речи: «Еще не все потеряно, пройдет время, вернутся в Ануху абазы, возродят твою Священную Рошь, соберут твой каменный алтарь. О, Аныха! Не одну жертву прирежет этот нож во славу тебя. О, Аныха! И Чаша даров твоих, во искупление грехов, переполнится приношениями. Те, кто разграбил и обесчестил Святыню, будут и сами и потомками на веки вечные прокляты. О, Аныха»...

Ефрата, безучастный ко всему, выслушал гневные речи и призвал к возвращению в Анакопу. Всадники выехали в обратный путь, в оговоренном месте их ждали спутники. До темноты группа добралась до крепости. Здесь их ждал и скромный ужин, и лежанки под навесом.

* * *

Раннее утро Апсит встретил у истоков Псы, где он обмылся в горном потоке. Река, рожденная ледниками Большого Кавказа, не просто истекала в море. Промыв множество тропинок и подземных дорог, просверлив скалы и подземелья прежде всего, она затем выходила на поверхность, чтобы раствориться в соленых морских водах.

Своим утренним просветлением был обязан Апсит именно реке. Он торопился в цитадель, чтобы открыться наставнику, поделиться с товарищами озарением, вошедшим в него с брызгами священного источника. Он выглядел таким возбужденным, что его сразу же окружили и закидали вопросами.

— Ефрата, на меня нашло озарение, выслушай, сам убедишься. — Надеясь на понимание, прежде всего, кинулся Апсит к наставнику. Ефрата оторвался от безмолвной молитвы.

– Наше нахождение здесь бессмысленно, здесь мы словно моряки, выброшенные штормом на необитаемый остров. Жизнь не прекратилась, она продолжается, но не здесь. Нам надо идти в разные стороны, чтобы отыскать людей, бежавших от римского ига. Здесь мы попусту проедим все запасы и ничего не добьемся.

– Что ты предлагаешь? Не разыскать ли нам бунтовщиков, чтобы влиться в их отряды? – неудачно пошутил Ефрата.

– Нет, же, нет. Мы должны найти их, чтобы узнать, сколько несправедливости пришлось им пережить, чтобы дать им надежду на возрождение и донести им слово Божье. Нам надо разбить отряд на малые группы. И отправиться во все абазские селения, чтобы своими глазами увидеть, как живут наши люди, что думают, на что смеют надеяться. Разговаривая с ними, мы будем знать, что делать дальше. И только после этого мы сможем принять правильное решение.

Ефрата колебался, Апсит продолжил: – Семьдесят юношей, прибывших с нами, составят двадцать групп. Мы пойдем на розыски своих односельчан и родственников. Там мы поведаем о своей жизни, услышим ответный рассказ. Затем соберем Советы, и будем обсуждать завтрашний день Абазии. Так поступали наши предки испокон веков.

Наше ответное послание василевсу будет скреплено решением народа. Что может быть важнее этого для выполнения нашей миссии?

– Что предлагаешь делать мне? – угрюмо спросил Ефрата.

Апсит задумался: – Тебе же, думаю, следует безотлагательно хлопотать о возвращении Рисмага. Дело не столько в том, что он твой отец. Его слову поверит каждый абаза – не забывай, что он возглавлял Совет Старейшин при царе Скепарне. Рисмаг стоит всех нас.

– Отчего ты решил, что отец захочет призывать к повиновению римлянам? Он же неисправимый язычник.

– Он тот язычник, чье слово к Богу оказалось ближе молитв всех христиан Каппадокии. Язычник, снискавший благоволение первосвященников Рима и самого императора. Он человек, познавший Бога, пусть и в своей вере. А разве Бог не един, как бы мы его не называли?

— Твои слова не убедительны, и нет уверенности, что отец станет призывать абазов к истинной вере, что он неожиданно еще более и не жаждет мести, — упирался Ефрата.

— Рисмаг — мудрец. Испытав на себе боль утрат, оказавшись в рабской неволе в чужой стране, он не упал духом. Все, что он пережил и увидел в ромейской империи, уверен, открыло ему глаза. Верни отца в Абазию, на родине он незаменим, и, наконец, когда придет час, он упокоится в родной земле, на родовом кладбище.

Ефрата постыдился отпираться дальше. Он покорно склонил голову и вымолвил в сердцах: «Пусть будет по-твоему. Ответ перед Богом тебе нести», — и вновь углубился в длительные беззвучные молитвы, скрывая ими свою расстерянность и неведение.

…Апсит объявил сборы, чтобы провести Совет. Его предложение безоговорочно поддержали абазы, они живо определили группы и направления пути. Когда обсуждение поутихло, снова выступил Апсит. Он убедительно наставлял, как следует действовать: Первым делом найти соплеменников, поведать им все про себя, выслушать их слово. Открыть им правду о ромейской империи, которую здесь не знают. От имени василевса поведать о духовных муках, переживаемых им за абазов, передать его призыв обрести права, прописанные гуманными ромейскими законами. Поведать, что на страже справедливости стоит их соплеменник Ефрата, сын Рисмага, которого василевс тоже отправляет в родную Абазию. «Встречаемся в Анакопе через месяц, берите с собой припасы на три дня пути, и расходимся по оговоренным направлениям», — сказал напоследок он.

Сам Апсит решил отправиться в земли деда Пыса, через урочище Лашпсы. Там он надеялся заручиться поддержкой и узнать все о судьбе своей семьи и царя Скепарны. С собой он взял троих ребят из разных Анухских кланов. Другая группа отправилась в Иашкыт и Гумскую общину, далее на запад, вплоть до прежних границ Абазии вышли другие группы. Ефрата же согласился отплыть в Питиунт и пробыть там какое-то время в молитвах и миссионерских трудах.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Группа абазов, возглавляемая Апситом, продвигалась по подгорной дороге через Ануху в земли Пыса. По этому древнему пути, соединяющему центр Абазии с окраинами, можно было попасть в любой конец страны и на горные перевалы. В стороне от дороги сиротливо ютились жилища переселенцев, изредка тощие собаки подавали голос, обнаруживая скрытые от глаза жилища. Но на всем отрезке этого пути никто не повстречался. Ромеи прятались, узнавая в путниках абазов, наделенных особыми полномочиями. «Нам здесь не доверяют, – поделился мыслью Апсит. – И не мудрено, эти несчастные ромеи оказались на чужбине в заложниках имперских желаний, когда любое напоминание об истинных хозяевах этой земли приводит их в трепет от страха расплаты за свои и чужие грехи».

Дорога извивалась по живописнейшим местам, расписанным сочными красками увядающей к осени природы и насыщенным легким горным воздухом, спешившим к морю, чтобы раствориться в его теплых испарениях. Всадники проезжали рощи вековых самшитов, покрытых бархатом зеленоватых мхов; светлые дубовые и грабовые рощи с густым колючим подлеском, заросли кустарников под огромными каштанами и липами. Севернее начинались буковые леса со своими многочисленными наследниками. С недавних пор заброшенная людьми дорога местами походила на дикую тропу. Множество звериных следов вызывали ощущение, будто тысячи диких глаз с опаской наблюдают из укрытий. Всадники, не щадя коней, поднялись на перевал, за которым открывалась огромная некогда заселенная долина.

Среди густой растительности могут скрываться жилища абазов, предположил Апсит. Кто-то из его спутников обнаружил старый след неподкованного коня. С особым трепетом

абазы спускались в долину. Неожиданно из лесу донесся собачий лай. Не разбирая дороги, Апсит поскакал на звук. Лай быстро стих и не повторился. Зажатый непроходимым подлеском, Апсит расстроенный повернул коня назад. Всадники, прислушиваясь к звукам, медленно продвигались. Завиднелся огромный обломок скалы, преграждавший здесь дорогу испокон веков. Абазы свернули влево, чтобы обехать препятствие, и неожиданно для себя уткнулись в завал.

— Стойте, не смейте двигаться, — раздался властный голос откуда-то сверху. Десяток вооруженных копьями и мечами людей окружили всадников...

* * *

Вокруг костра в большом шалаше на низких лавках восседали люди. Слезы радости успели высохнуть, громкие возгласы благодарности Богу поутихи.

Ссохшийся стариk Жи Сит держал слово, долго рассказывал недавним «пленникам» о пережитом. Как бы сильно не хотелось Апситу перебить рассказчика, он смиренно слушал, зная, что Жи Сит ответит и на его вопросы.

Шаг за шагом рассказчик передавал события, аж с тех времен, когда Апсит покинул Ануху.

— Значит, мои родные здесь похоронены?! — улучив минутку, когда рассказчик утолял жажду, не удержался и спросил Апсит.

— Мы привезли тела славного Урыма, твоего отца и дяди, и маленького Алымса с отсеченными главами и похоронили в одном месте. Твоя нана, потеряв рассудок от горя, сбежала от нас. Спустя время дошел слух, что она проникла в Анакопу, задумав отмщение, и была сброшена по приказу Иоанна с отвесного обрыва. Мы снарядили небольшой отряд. У подножья обрыва на окраине Анухи припрятали коней и ночью выкрали ее тело. Той же ночью мы скоронили ее на вашем родовом кладбище.

– Я так и думал, – только и смог выговорить Апсит, пересилив комок в горле. Он стремительно встал, намереваясь посетить могилы защитников Трахеи.

Дорога пролегала по грабовому лесу и упиралась в большой холм, очищенный абазами от растительности на сотни шагов по кругу. По краям кладбища проглядывалась насухо сложенная каменная ограда, слегка прикрытая живыми деревовидными колючками. Большая группа абазов теснилась в узком проходе, пропуская вперед старейшин и женщин – плакальщиц.

– Здесь покоятся твои, – указал Жи Сит на едва узнаваемые холмики. Плакальщицы окружили несколько родственных могил и завели траурное причитание, перемежающееся ритуальными душераздирающими криками. Плакальщицы поминали героический род воинов, остановившийся теперь на молодом Апсите. Были перечислены все подвиги славного Урыма – да возрадуется его душа на небесах!

«Разве так Абазия хоронила своих героев?» – повысила голос пожилая плакальщица, взвывая к глухим небесам. Ее сменила другая женщина – она продолжила рассказ о достоинствах сыновей Урыма. «Разве так хоронила Абазия своих героев?» – обращалась женщина к Высшим Силам. Следующая плакальщица рассказала о маленьком Алыме, не успевшем стать апсуа ахаца, потому как жестокая рука врага, не дрогнув, прервала жизнь молодца. «Разве так хоронила Абазия своих героев?» Слова и возгласы женщин вонзались в сердце Апсита, и он рухнул на могилу младшего брата. Группой плакальщицы обходили многочисленные захоронения. В разных концах кладбища раздавались их вопли и проклятия; трое спутников Апсита, сотрясались в безутешных рыданиях, склонившись у могил своих отцов и братьев...

Наутро продолжился Совет. Апсит в окружении нескольких десятков мужчин и женщин, вел рассказ-исповедь о своей жизни в империи. Долго говорил Апсит, выказывая своим красноречием традиции родной земли. Изредка иная женщина, не выдергивая, громко вздыхала...

– Дад, Апсит, – обратился к нему Жи Сит после небольшого перерыва, – ты подаешь нам надежду на возвращение к прежней жизни. Прими нашу благодарность. Только мне неясно: что требует взамен от нас кровопийца?

– Он мечтает видеть абазов христолюбивыми, признающими человеколюбивые законы империи.

– Если я тебя правильно понял, мы должны отказаться от веры предков и, словно рабы, трудиться в поте лица, чтобы он становился богаче и могущественнее?! – суроно произнес Жи Сит, недоуменно оглядев соплеменников.

– Дада, я – христианин, вернувшиеся ваши сыны, подобно мне, тоже христиане. Разве кто-то решится сказать, что мы не абазы... или мы плохие абазы?.. Ведь Бог один, как бы мы его не называли по своему неведению. Священное писание призывает людей к тому, чему нас учили вы – наши старшие наставники. Империя объединила сотни народов и племен, говорящих на разных языках, но слово Божие не разделяет людей по происхождению. Перед Богом все равны: и кесарь и нищий. Разве не то же самое говорят законы наших предков. Мы – абазы, не ведая Христа, ближе к нему, чем многие его служители. Будь по иному, молитва Рисмага, совершенная во враждебной христианской стране не достигла бы своей цели. Одно то, что абазский молебен, совершенный по нашим обычаям, был услышен Богом, и от Него снизошла благодать, подтверждает мои размышления. Что же касается рабского труда, то вот мои наблюдения: никто в империи не работает так мало, как абазы и не пользуется столькими свободами. И теперь, вернувшись на свои прежние места, мы не окажемся в неволе. Десятина, выплачиваемая крестьянами, останется здесь, на строительство поселений, храмов и дорог, на внутреннее обустройство страны, на укрепление порядка. Чтобы крестьянин без опаски за свою жизнь мог трудиться, а воин честно нести службу, чтобы священник служил Богу, а судья выносил справедливые решения. Ведь и раньше, при царе Скепарне собирались те же подати для поддержания царской власти...

– Дад, Апсит, с тех пор многое изменилось. Посмотри на нас, – Жи Сит убедительно развел руками. – Те, кто когда-то принимали решения, покоятся в земле: нет старейшин, нет

дадалов, не осталось воинов. Мы – чудом уцелевшие осколки. Разве могу я принять решение и навязать его остальным только потому, что я единственный уцелевший старик? Иди в другие земли, разыщи первых людей Абазии, чьи совесть и мужество непререкаемы для соотечественников. Их решение мы примем, не считаясь с собственным мнением. Так было у абазов испокон веку.

Слушавшие оратора мужчины и женщины одобрительно кивали головами.

Апсит подчинился Совету и засобирался в дорогу.

Ранним утром группа всадников выехала в направлении малого перевала. К основной группе присоединились мальчишки – родственники попутчиков Апсита, кое-как одетые и наспех вооруженные, но мечтающие о походах и славе. После полудневного перехода ребята решили остановиться на привал. Вот и удобное место подвернулось! Когда-то, будучи подростком, в этом месте Апсит и Псху дадал встретились с группой анухских охотников, возвращавшихся с пленными аланами. Здесь же, как недавно узнал Апсит, был из засады смертельно ранен царь Скепарна. А родник все также изливался, спускаясь порогами в долину реки Аапсы, на всем своем протяжении радуя жаждущих людей и животных. Здесь и тысячи лет спустя, припав на колено, пьют воду путники, а их кони, потомки прежних с примешанной кровью, цедят губами живительную влагу. Поблизости всегда много дичи и зверья, кормящихся под присмотром бдительного царя леса Ажвейпшaa. На этом привале охотники всегда обращаются к нему с мольбой об удачной охоте и неизменно возвращаются с добычей. Здесь в большом дупле столетнего граба несчетное число костей животных – остатки подношений наивных абазов. И на этот раз группа парней вернулась с подстреленной косулей, оглашая округу ритуальной песней-молитвой. Молодые анухцы подкрепились жареными внутренностями дичи, а мясо сложили в кожаные мешки и выехали, чтобы до темноты пересечь перевал. Кто-то из юнцов предусмотрительно развернул абазский флаг, чудом спасенный в Трахейской битве. А кто-то затянул походную песню, ободряя уставших лошадей.

Маленький отряд спустился в долину реки Арвеиш без особых происшествий. Юнцы безмерно радовались первому в их жизни дальнему походу. Апсит не сетовал, потому что сам разделял их восторг. У самой переправы через реку, не успевших опомниться парней стремительно окружила с лаем стая собак. Вскоре из лесу вышли вооруженные люди, издали следившие за шумной группой. Анухцы насторожились, собираясь дать вооруженный отпор. Апсит молча выжидал. Они повторили выражение лица Апсита, украдкой поглядывая на него.

– Кто вы, откуда? – раздался властный голос, собаки притихли.

– Мы абазы, из Анухи, – доброжелательно отвечал Апсит.

– Из Анухи, которой три года, как нет?! – недоверчиво спросил хозяин властного голоса.

– Как видишь, не все вымерли. С тобой говорит внук славного Урыма – Апсит, прибыл навестить деда – Псху дадала.

– Подойди ко мне, Апсит, я твоя материнская кровь. – Мужчина в войлочной шапке ускорил шаг. Апсит сошел с коня и поторопился к знакомому силуэту...

У большого очага на низких лавках восседали седовласые старики. Гостей из Анухи усадили среди них. Псху дадал украдкой поглядывал влажными глазами на повзрослевшего внука, сдерживая чувства при посторонних. Женщины и девицы издали разглядывали парней, не смея приблизиться, закидать вопросами.

О, как подходил статному юноше с волосами цвета спелого каштана до плеч, добытый им когда-то в бою с аланами меч. Все это время верил Псху дадал, что припрятанное им оружие внука дождется хозяина.

– Дад, я благодарен Анцва Ду, за то, что даровал мне эту встречу. Сколько раз я мечтал о смерти, вступал в спор с Всесильным, убеждая Его в ненужности моего существования. О, Аныха, принимаю с великой благодарностью твою награду. Уж, и мечты мои притупились. Ты обрадовала меня

вестью о рождении Лаши – сына Скепарны, а теперь из далеких земель возвращается мой внук – память дочерней крови. О, боги, склоняю перед вами покорно голову и прошу вернуть мне прежние силы, чтобы стать опорой отпрыскам нашим.

Жрец, восседавший рядом, заразившись молитвенным словом, вознес хвалу Всеышнему и попросил покровительства над сынами Абазии.

Из беседы с родственниками Апсит узнал о подробностях из жизни царя Скепарны и его семейства, о быте современных абазов, вытесненных непреодолимой силой в укромные уголки страны. Несмотря на позднее время, никто не расходился, надеясь услышать новости о своих пропавших родственниках.

Наконец надежда слушателей сбылась. Апсит выступил в круг и заговорил. Долгим был его рассказ, начинавшийся со времен его приезда в Константинополь. Не скрыл Апсит свои сомнения, пережитые им по поводу собственных крестин; рассказал о неожиданных знаках судьбы, давших силы спасти пять сотен абазгских пленников, о событиях в Каппадокии, связанных с именем Рисмага, об открывшемся благоволении императора к абазам и особой миссии, порученной спальничему Ефрату и ему – Апситу.

– В этом я вижу надежду на возрождении нашей земли, – сказал, завершая выступление, Апсит.

После небольшой передышки, когда поутихли вздохи и стенания женщин, прекратились реплики мужей, Псху дадал обратился к внуку:

– Дад, готов ли ты дать мне правдивый ответ?

– Обещаю быть искренним, – ответил Апсит.

– Признайся, по своей ли воле или по принуждению обстоятельств ты принял ромейскую веру?

– Когда я готовился к обряду крещения, разные чувства мучали меня. С одной стороны, я полагал, что следует подчиниться судьбе, чтобы оправдать надежды, возложенные на меня царем Абазии и тобой, даду. С другой стороны, я помышлял, что христианская религия враждебна нашим древним обычаям. Я приглядевшись к людям, окружавшим меня, и

вскоре понял, что религия не несет ненависти и вражды – все это козни алчных правителей и их приспешников. Это и дало мне силы стать одним из них, следовать клятве, данной Богу без какого-либо принуждения.

– Какие пути открыла тебе новая вера? – вновь вопрошал Псеху дадал.

– Главное и неожиданное, и в то же время всепоглощающее чувство близости с Богом. Мне являются веющие сны, в которых я говорю с богами. В одном из них я очутился на небесах и наблюдал за Божьим советом, проводимом «Ейха зымчу». Там были все божества, которым поклоняются абазы. Аныхи с душевным трепетом просили своего грозного Отца покровительствовать абазам. Также и Щацвы, и Афы и другие. И в самый ответственный момент, когда некоторые боги зароптали, «Ейха зымчу» разомкнул свои веки на миг и вверг в ужас строптивых помощников. Тут же среди богов воцарилось спокойствие. Только Громовержец Афы посмеивался над своими собратьями, не признающими его первенства после главного, потому как все, кроме него – зловещего на небесах, спрятали свои глаза от гнева «Ейха зымчу».

– Когда это было, сынок? – дрожащим от волнения голосом перебил Апсита жрец.

– В то время ромейские галеры с плененными абазами стояли на Константинопольском рейде, приближался конец лета. Думаю, что тогда и произошло несчастье с моей наной, сама Анцва поведала мне об этом во сне. А Громовержец Афы в своем рассказе упомянул событие, в которое и мне поверились с трудом. Защищая абазов, он напомнил «Ейха зымчу», что царь Скепарна вознесся на небеса, оседлав молнию, и находится на седьмом небе для очищения, прежде чем предстать перед Небожителями.

– Не говори более, сынок, – трепеща попросил жрец, поднявшись с лавки. – Божий сон не предназначен для пересказа. Иначе благодать отвернется от тебя. Верю! В каждое твое слово верю! Вспомните, – жрец обернулся к сородичам, – в тот день «Солнце упало на землю», вмиг высохли посевы, даже многие деревья-великаны зачахли. Птицы испускали дух на лету, змеи и лягушки во множестве валялись дохлые.

– Как ни помнить, с трудом пережили тот год, – соглашались абазы.

– И после божественного видения, ты остался верным своей новой религии? – проницательно посмотрел на Апсита жрец.

– Да, предстоятель. Главное, что, не пересказывая сна, я могу открыть: Иаса¹ – есть сын и посланник «Ейха Зымчу». Разве можно отвергать Божьего сына, посланного Им, из-за упрямства или по невежеству.

Впечатлительные абазы молча смотрели на Апсита, веря и не веря его словам. В них шла великая борьба между вещами им понятными и находившимися за пределами понимания. И самым страшным доводом становилось то, что жертвы и страшные бедствия, перенесенные за веру отцов были напрасными.

С рассветом к нерасходившимся базам подошла нана царя Скепарны, обняла внука брата. Она оглядела толпившихся в дверях людей и гневно на них обрушилась:

– Абазы, я всегда знала, что смерть наших близких бесмысленна, мы впустую потеряли и свое благоденствие. Вы же слышали, что поведал вам этот юноша? А ведь самое страшное, что потерянное не вернуть, – женщина горько разрыдалась. – Этот юноша мудрее вас, – сквозь слезы укоряла старцев она, – прислушайтесь к нему и следуйте за ним, теперь он ваш спаситель.

– Сынок, сними с себя оружие, твои слова не нуждаются в защите, ты безоружный исправишь то, что разрушили они, полагаясь на силу. Ты потерял семью. Ты сирота. Не отвергай меня, я буду тебе матерью. – С раскрытыми объятиями нана Скепарны направилась к Апситу. Он, вскипая от волнения, скинул меч и, пошатываясь, подошел и упал перед ней на колени. Нана ласково гладила Апсита по волосам, принуждая подняться. Апсит осмелел, он приложился к иссохшемуся соку женской груди и растаял в материнских объятиях...

– А теперь вспомните, что наши гости утомлены с дороги, предложите им пищу и постель, – пристыдила хозяев просветлевшая женщина.

¹ Иисус Христос (абх.).

— Спасибо за заботу, нана, — благодарили анухцы.

— Да и нам отдых не помешает, — обратился к своим Псху дадал, вставая с лавки и направляясь к выходу.

* * *

Пройдет много дней, весть о возвращении абазов из Константинополя обойдет все общинны Абазии. Люди разнесут и слова царицы, объявившей Апсита своим сыном и спасителем.

У Абазии новый вождь! В надежде на славные времена, юноши будут мечтать встать под значок, расшитый царицей для приемного сына.

«Пусть живет среди нас новый Бог, если Ему здесь нравится», — абазы будут трепетно передавать из уст в уста слова жреца Священной Псху-ныхи.

ПОД БОЖЬИМ ПОКРОВОМ

К встрече с соратниками в цитадели Апсит готовился с особой тщательностью.

После утренней молитвы, абазы прошли к широкой поляне и расположились под сенью единственного дерева – свидетеля многих судьбоносных решений.

– Вот мы снова вместе, – добрым взглядом оглядел Ефрата собравшихся, открывая Совет. – За время разлуки в уединении я накопил много светлых мыслей. И вам, не сомневаюсь, пришлось многое повидать и услышать. Сегодня мы обсудим, какими путями будем осуществлять нашу миссию. Приблизились ли мы к своей заветной цели, или может, наши пути ведут в разные стороны?! Прежде, чем Рисмаг окажется среди нас, на что я получил благословение Кесаря, без какого-либо давления более влиятельного мнения, выскажитесь, абазы. – Засмущавшиеся юноши поглядывали друг на друга, не решаясь быть первыми.

– Я хотел бы поведать о наших делах в землях Пыса, – вызвался Апсит, подбодряя замешкавшихся союзников. – За истекший месяц мы обрели то, что, казалось, безвозвратно потеряли. Мы оплакали близких у их могил и приняли сочувствие свидетелей прошедших событий. Наша боль поутихла, потому, как обрести прах родных с некоторых пор стало для нас заветной целью. Чужая, на первый взгляд, страна оказалась нам Матерью, рассеянные в труднодоступных местах абазы, встретили нас подобающее, и, главное, доверились. В нас они видят опору и надежду на возвращение к мирной жизни, – более не распространяясь для начала, Апсит сел на место.

– Я был в Гуме и Абжакве. Там скрываются многие наши родичи из Иашкыт, Псырты и других поселений, – докладывал Барныку. – Мы говорили с абазами, встретили и некоторых дадалов. Абазы готовы вернуться на родные места и жить мирным трудом, если василевс защитит их исконные права.

– Они полагают, что им будет дозволено вернуться без покаяния? И что они будут, как и прежде, поклоняться деревьям и камням, отвергать Иисуса и посмеиваться над истинной верой? – возвысил голос Ефрата.

– Зачем же им посмеиваться над нашей верой, если они прониклись нашими доводами и приняли Христа, – застутился за докладчика Апсит.

– Вы сумели их обратить в христиан за столь короткое время? – уверенный в отрицательном ответе, перебил его Ефрата.

– Абазы приняли истинного Бога, признав его сыном «Ейха зымчу». «Пусть живет среди нас, если Иасе тут нравится», – постановил главный жрец Псху-ныхи. Его слова обошли весь край и приняты абазами. И это первая победа. Потому как злоба и ненависть к Христу, именем которого сеяли смерть римляне, в прошлом. Они признали, что Бог не повинен в людских грехах, и устыдились своих прежних взглядов. Следующий шаг за нами. Мы должны убедить старейшин и дадалов, что римляне, как истинные христиане, не станут преследовать их за прошлое и согласятся не разрушать устав, по которому издревле живет абазское общество.

– Что это за правила, которые они чтут выше своего благоденствия?

– Их обычай просты, словно из Древнего Завета. Они хотят жить в почитании седин и в уважении доблести и справедливости. Они полагают, что выносить суд над сородичами – права дадалов и Совета Старейшин, что только так можно будет удержаться от взаимного истребления по праву кровной мести, от которого они не думают отступаться. Они убеждены, что устоявшийся веками внутренний порядок не способен навредить василевсу и империи.

– Что же ты думаешь об этом?

– Полагаю, правда на их стороне. Одними красивыми словами и длительными разбирательствами, присущими римскому праву, не приблизить истину, когда она очевидна для всех. Здесь еще важно, чтобы вершащие суд обладали незапятнанной честью. Разве достаточно быть военачальником или чиновником, чтобы судить других? Много притеснений приходилось им повидать от таких судей, потому и тревожатся.

– Не наберусь смелости, возвращать права дадалам – главным виновникам вооруженного противостояния, – сопротивлялся Ефрат.

– В то же время, они – честь и доблесть народа, лучшие из лучших, кому со времен Скепарны, по зову совести подчинялись абазы. Разве Риму не нужны люди чести, несущие на себе тяжкое бремя защиты и покровительства над слабыми? Присягнувшие Риму дадалы станут ему надежной опорой.

Ефрат задумался над словами Аксита. Он готов был соглашаться с любыми твердыми доводами, вызывающими надежду на свершение задания, невзирая даже на противоречия. К тому же, он понимал, что невозможно в одночасье изменить уклад жизни целого народа, который не знает, как можно жить иначе.

– Как только абазы двинутся на родные земли, где уже проживает немалое число переселенцев, начнутся новые притеснения. Возможно, прольется и невинная кровь, и падет тогда на нас гнев василевса.

– Среди абазов достаточно мудрых людей, которые не допустят таких событий. Возьмем тех же дадалов: им мы поручим заранее разрешить все возможные претензии и споры. А ведь абазы издревле соседствовали с чужеземцами и не питали к ним ненависти. Пусть и они живут среди нас, если им тут нравится.

Ответы Аксита понравились участникам Совета, они не скрывали свою радость. «Если к ним присовокупить Рисмага, то я окажусь лишним, настолько единодушны они в своих стремлениях», – признался себе Ефрат.

– Василевс простил абазгов за прошлое, наша миссия – донести о его благоволении и строгом предупреждении на будущее. Не думаю, что Самодержцу понадобиться помочь дадалов. Пусть общинами, по ромейскому обычаяу, управляют старшины, военную власть здесь будут отправлять легионеры, как и в любой провинции империи. Скорее, абазов следует разоружить, чем наделять воинскими полномочиями. Тогда мир и благоденствие установятся в Абазии.

В голове Апсита роились тысячи доводов против Ефрата. Он переполнялся возмущением, и кричал сам себе: «Абазы горды, они никогда не смирятся с присутствием чужеземных войск в своих крепостях, потому как сей факт будет восприниматься, как недоверие к ним. Для них очевидно, что лучше их самих никто не сможет защитить родную землю. А империи разве не лучше поддерживать местные отряды, нежели терять здесь от болезней сотни воинов, собранных из разных концов империи, нетерпимых друг к другу и не способных защищать даже себя. Разве абазы сдадут добровольно свое оружие? И кто, в этом случае, сможет гарантировать их безопасное существование? Неуж-то василевс, или Ефрата своими рассуждениями смогут противостоять злу? Организованная сила и та не всегда может исключать подобные опасности». Он скрытно глянул на Ефрата и решил молчать, пока не выпадет удобный случай. Абазские юноши растерянные смотрели друг на друга, надеясь, что кто-нибудь разобьет доводы наставника...

– Более всего мне не дает покоя мысль о строительстве главного храма для абазов, – продолжил Ефрата. – Мне кажется, что новый храм должен смотреться издалека: нести радость христолюбивым и страх Божьей кары противникам веры. Он должен быть виден из морских просторов и дальних окрестностей, дабы внушать людям благочестивые мысли. Вы хорошо знаете Абазию. Где такое место можно усмотреть? – Абазы молчали, все еще размышляя над предыдущими высказываниями наставника.

– Знаю одно место, видное в хорошую погоду даже из Анакопы. Это гора, возвышающаяся над Акуя (Себастополисом). Макушка этой горы издревле почитается за святыню, по ней скользит ласковый взор Создателя, ублажаясь собственным творением. Там никогда не селились люди, и скот не пасся. Золоченые кресты куполов будут заглядывать далеко и в морскую даль, и в разные стороны света. Будут радовать Бога отца и его сына – Бога, даря всему миру весть о победе истинной веры... Другим местом может быть цитадель.

– Я думал об Анакопе, – перебил Апсита Ефрата, – но здесь тесно, даже если снести все постройки. А что дальше на западе?

– На западе немногих крупных поселений, нуждающихся в большом храме для молитв, хотя примечательных мест там множество. В Питиунте стоит храм, но это не возвышенное место и число людей не столь велико. Ты там все своими глазами видел. Хашпста стоит в диковинном месте, словно повторяет Анакопу. Там и места поболее и окрестности богаты поселениями. На берегу моря у устья Хашпсы когда-то ранее Юстиниан построил просторный храм и учредил кафедру. Все это было при прежних царях. Они ради выгоды не противились василевсу. Судьба этого храма нам не известна. Никто из нас там не бывал, – завершил рассказ Апсит.

– Отправляйся на запад, Апсит, осмотри те края, я же поеду в Себастополис – там оглядеться. Возьми галеру – так будет быстрее.

Апситу понравилась идея морского путешествия, но скрывать тревогу он не стал:

– Так тебе придется добираться в Себастополис по суше. Не опасна ли затея для посланника василевса?

– Что со мной случится? Мы все под Покровом Божиим! Отправляйтесь в путь, вот вам мое благословение, – Ефрата трижды перекрестил Апсита.

– Посоветуй, наставник, что передать им от василевса?

– Мы об этом только что говорили, – неопределенно ответил наставник.

– Не все из сказанного будет добрым посылом для них.

– Разве? Тогда говори, что знаешь, – Ефрата нервно прищурил глаза, его губы зашептали молитву.

* * *

Ранним утром две большие группы вышли из Анакопы. Группу всадников возглавлял Ефрата, они направились в Ануху к подгорной дороге. Апсит с двумя десятками угрюмых юнцов спускались к морю, обдумывая предстоявшие встречи на западе Абазии. От него теперь более всего зависело положение грядущих дел. Настроение попутчиков не давало ему покоя.

Галера устало вышла по безветренной морской глади.

– Хайт, амарджакуа, иауазеи?¹ – окликнул товарищей Апсит. – Его громкий призыв был услышан и подхвачен. А-ха-хай, амарджакуа.., – затянул запевала. «А-ха-хай...» – дружно подхватили припев его товарищи. Тяжелые весла галеры заходили быстрее, передавая веселый настрой воде, пенными брызгами заигравшей в такт. Всемогущий Хайт, повелитель морских пучин, вышел из дремоты и вдохнул ветер в безвольно свисавший парус. Путешествие обещало быть недолгим и веселым.

Галера проходила вдоль берега, широким клином раскрывавшегося в устьях рек и замыкавшегося непреступным барьером скал, закаленных под ударами волн, напоминая людям, как нелегко дается победа.

Апсит оглядывал окрестности и наполнялся радостью при виде узких столбиков дыма, восходящих над жилищами его соплеменников. Сюда не проник карающий меч римлян. На открытых полянах паслись стада живности и табуны полутихих коней, многие из которых так и не дождутся участи быть объезженными. Попадались участки пахотной земли серовато желтого цвета. Кое-где в глубине подлеска просматривались виноградники с гроздьями спелых ягод, и деревья с опущенными ветвями под тяжестью обильного урожая. В устьях рек, с береговой гальки выглядывали боками рыболовные лодки на четыре, шесть и более весел. Рядом с ними сновали подростки, разбирая и укладывая снасти. Обычные картины жизни, столь редкие для восточной Абазии, здесь радовали взор доброго человека. Апсит заметил, как при виде незнакомой галеры, плавно скользящей вдоль берега, женщины скрывались в зарослях леса. Он чувствовал на себе сотни зорких взглядов, с чуткостью хищника наблюдавших из укрытий. «И он полагает, что этих людей можно лишить права защищать себя, когда сам Всеышний доверил им защищать честь свою и своих близких от недобрых посягательств? Они с легкостью бросят все земные богатства и прелести мир-

¹ В чем заминка, мореходы?(абх.).

ной жизни перед угрозой лишиться оружия. Для них оружие – средство защиты и выживания, сохранения места под солнцем: оно обеспечивает им свободу, утверждает их хозяевами своей страны и своего будущего. Видимо, он не догадывается, что только предложение об изъятии оружия способно привести к страшному возмущению. Империя, сокрушающая лучшие армии в мире, больно споткнется о неповиновение свободолюбивых людей. Никакая сила не сможет противостоять народу, каким бы малым, а потому и ничтожным он ни казался с высоты золоченого трона. Я знаю, что делать, да простит меня Бог», – утвердился в своем решении Апсит.

– Поднимите на мачту значок, привезенный из Пыса, – попросил Апсит соратников. Те с большим удовольствием полезли на мачту, бережно передавая друг другу полотнище красной шелковой ткани с вышитой золотом тамгой¹ царя Скепарны. Значок затрепетал в потоках воздуха, вызывая слезы умиления на лицах свидетелей. Непонятно откуда высыпал люд на прибрежную полосу – их становилось все больше и больше. Обрывки восторженных голосов доносились до галеры. Вооруженные мужчины, растянувшись в цепочку, принялись стучать мечами по умбонам щитов. Апсит оглянулся на своих. Два десятка юнцов с копьями в руках, поняв старшего без слов, растянулись на палубе шеренгой. Апсит поднял правую руку, приветствуя тех, кто стоял на берегу. Тут же юноши принялись стучать по настилу галеры тупыми концами своих копий. Так когда-то встречали воинов-победителей на абазской земле. И хотя главные победы в надеждах абазов были где-то там, в будущем, царская галера с незнакомым юным предводителем небольшого отряда выглядела обнадеживающе, укрепляла дух свободолюбивых людей.

Галера шла на запад, а небольшой отряд стоял на палубе лицом к берегу, пока сумерки не запеленали округу...

¹ Знак собственности, принадлежности к определенному роду или семье.

Глубокой ночью галера вошла в Питиунтскую бухту, отряд высадился, намереваясь остановиться в обители. Несколько неопрятных монахов, скрывая недовольство, вышли путешественникам навстречу. Им пришлось потесниться в грязных лачугах, выстроенных наспех в разоренном монастыре.

Ранним утром, бормоча молитву, подергивая за ногу, будил Апсита перепуганный монах. «Спаси Господи, грешных, убереги от варваров, защити Матерь Божья», – услышал Апсит, едва разомкнул веки.

– Что случилось, отче? – удивился Апсит. – Да не бормочи ты, вразуми.

– Беда, там беда, – монах указывал в сторону моря и взывал к Богу о спасении.

– Что за беда? Что приключилось? – Апсит решил, что быстрее самому все выяснить, нежели что-то понять из слов монаха. Он выскочил во двор и глянул на причал. Десятка два вооруженных всадников вывели моряков на берег и вели допрос. Не мешкая, он дал знак своим и бросился к галере...

– Кто вы? – на правах хозяина окликнул он вооруженных людей, занятых своим делом. – Те обернулись на дерзкий оклик и сурово оглядели полуодетого юнца, прервавшего их занятие. Некто, помоложе, замахнулся копьем, другой – постарше отвел руку с мечом.

– Я Лыдза дадал, это мои братья, – нехотя ответил он.

– Разве так встречают абазы гостей? – прервал дадала возмущенный юноша.

Взгляды братьев дадала стали еще свирепей, кони заходили под ними, закусывая удила.

– Юноша не гневись, гостям мы рады, а эти чужеземцы не гости, они братья тех, кто, насытившись нашим гостеприимством, захотели сделать из нас рабов.

– Эти люди – мои слуги.

На подмогу к Апситу вовремя подоспели вооруженные товарищи. Возмутители спокойствия засмутились, когда обнаружили, что теперь оказались в меньшинстве.

– Кто же ты, хозяин галеры и этих людей, с какими намерениями здесь появился? – более миролюбиво произнес дадал. Взгляды братьев Лыдза заметно смягчились, их кони потянулись языками к соленой гальке.

– Мое имя Апсит, я внук Ануха дадала и молочный сын наны царя Скепарны. Взгляните, – Апсит указал на царский значок, трепыхавший на мачте галеры. Лыдзаа оглянулись и оторопели. Дадал первым соскочил с седла, его примеру последовали младшие.

– Пусть все беды твои и твоего рода упадут на наши головы, – извинительно произнес дадал, намереваясь поцеловать Апсита в грудь.

– К чему это, старец? – Апсит отвел руку дадала и первым поцеловал его в грудь.

– Для нас будет большой честью принять тебя, отведай нашу хлеб-соль.

Конфликт был улажен, стороны повеселились. Украдкой выглядывавшие монахи усердно крестились, благодаря Богородицу за спасение.

– Мы с удовольствием примем приглашение. Дадал, оставь своих людей у галеры, пусть гребцы пойдут со мной.

Дадал быстро распорядился.

– Эти монахи давно мечтают отведать вашу хлеб-соль, – Апсит указал на десяток тощих, запуганных служителей Бога, высывавших за перекошенную ограду церкви.

Дадал с показным радушием закивал головой. Его люди, оставшиеся у галеры, предложили своих коней.

Апсит вернулся в церковь, вышел оттуда с епископом и усадил неуклюжего старца на коня. Тот все дорогу молился, дабы не вывалиться из седла, посмешная следовавших следом пеших абазов.

Большая поляна, окаймленная Священными дубами, быстро наполнялась людьми. Знатного гостя окружили старцы, возглавляемые жрецом Лыдза-ныхи¹. Другие сновали,

¹ Святилище общинны Лыдза.

занятые приготовлениями. Подростки несли с ближних домов низенькие столики, девушки – посуду и еду. Ни на шаг не отходил от Апсита епископ, а сам юноша с особым почтением времена обращался к нему.

– Дад, Апсит, люди говорят, что ты вызволил из плена тысячу наших мальчиков, что ты близок с василевсом, и что он назначил тебя правителем над абазами.

– Я вернулся в Абазию по благословлению василевса, это правда. Но спасти от рабства удалось лишь пятьсот с небольшим мальчиков. И это, прежде всего, заслуга нашего царя, афырхаца Скепарны.

– Неужели? – засомневались слушатели.

– Да, это именно так. Незадолго до Трахейской битвы царь отправил в Константинополь две галеры с товарами, поручив своему другу Стефанию их там продать. На вырученные деньги мы и выкупили пленников. Не обошлось без помощи некоторых знатных лиц, приближенных к василевсу. Один из них Ефрата, сын Рисмага, спальничий василевса, добился благословения на эту сделку. Затем он возглавил наше возвращение в Абазию в статусе посланника василевса. Неделей ранее Ефрата вернулся из Питиунта и выехал в Себастополис. Об этом вы должны знать. А меня отправил на запад с особым поручением от императора.

Услышав имя ненавистного императора, словно рой загудели абазы. «Теперь уже вовремя», – подумал Апсит и добавил:

– Наш бывший противник и каратель – василевс каётся теперь перед Господом Богом за то зло, совершенное против абазов. Он готов все искупить, при условии, что абазы повернуться лицом к империи. На этот раз в Абазию вернулись семьдесят бывших пленников Улигага. Младших мы оставили в Константинополе на попечении самого императора. Он определил их в пансион, где они живут, воспитываются и обучаются за его счет. Когда они подрастут и окрепнут, василевс намерен отправить их на родину, а их место смогут занять ваши дети, если того пожелаете.

И это не все: по его поручению скоро будет возвращен в Абазию Рисмаг – бывший глава Совета при царе Скепарне с сотней других абазов, оказавшихся в рабстве в Каппадокии.

– Ропот удивления прокатился по Священной поляне. Последние новости, словно на крыльях ветра разнеслись среди соседних общин.

– Чего он хочет взамен? – недоверчиво спросил жрец Лыдза-ныхи.

– Хранитель святыни, он требует от абазов благочестия и праведной жизни: почитание Христа Господом Богом, а Божьего храма – священным местом.

– Он требует от нас измены, – гневно прошипел жрец.

– Отнюдь, нет, – смело ответил Апсит и оглядел замершую толпу. – Мы издревле почитаем «Ейха зымчу» и все его божественное семейство, особо чтим Анцва и их дочерей – Аныхи, его братьев Щашвы, Ажвейпшаа, Афы, Аергь и других. Почему же нам следует отвергать его сына – Иаса, посланного к людям для проповеди среди смертных? И если на большей части земли люди предпочли Его, призывая в молитве и Бога отца, и Святой Дух нести покровительство над всем земным и небесным, в праве ли мы обвинять кого-то в предпочтении, ниспосланном по воле «Ейха зымчу»? Следует ли нам, стремящимся к праведности и благочестию, отвергать ниспосланное во имя нашего спасения?

«Пусть живет среди нас, если Ему здесь нравится», – постановил жрец Псху-ныхи, первой среди равных. То же самое утвердили в древности наши далекие предки, выслушав первые проповеди учеников Христа.

Воцарилось глубокое молчание, обнажая мучительные переживания, проявившиеся на лицах слушателей.

– Так пусть и живет среди нас, если Ему тут нравится, – нарушил тишину властный голос Лыдза дадала.

– Пусть живет среди нас, – неуверенно повторил жрец. – Лица людей просветлели, они смотрели друг на друга и повторяли эти простые, всем понятные слова. Епископ усердно молился, осеняя себя крестным знамением, слезы радости и упоения светились на его старческом челе. Плотным кольцом окружили Апсита старейшины, забросали вопросами... Лыдза дадал разомкнул их круг, чтобы оградить почетного гостя от назойливых вопросов.

— Да, это одна из галер царя Скепарны и на мачте — царский значок, — доносился сквозь шум голос Апсита. Толпа понемногу стихала, желая и дальше слушать юношу...

— По возвращении в Абазию мы посетили Акуа — славный город наших предков. Мы остановились в Себастопольской крепости, восстановленной вернувшимися туда римлянами. Спустя время мы прибыли в Анакопу — посетили родные пепелища и могилы. Затем, разбившись на небольшие отряды, разошлись в разные стороны, надеясь разыскать родственников, если кто уцелел. Я со своей группой пошел в земли Пыса, надеясь застать живыми Псху дадала и братьев матери, узнать подробности о последних днях царя и его семьи. Мои надежды сбылись. Я вновь обрел материинскую родню. Мы долго беседовали с первыми людьми общин, наутро к нам зашла нана царя. Она прижала меня к своей груди и попросила быть ей сыном. Не смея отказаться от великой чести, я прикоснулся губами к ее соску. Нана подняла меня с колена и объявила перед старейшинами меня наследником царя. Она взяла с меня слово, что я безоружный буду исправлять то, что разрушили мужи, полагаясь на грубую силу. В знак повиновения, я оставил оружие и пошел в абазские общинны. С тех пор я не только посланник василевса, но и исполнитель царской воли.

Объединившись вновь, мы бескровно вернем себе право жить на родной земле без опаски, мы построим Божьи храмы и будем идти к благоденствию, используя мощь огромной империи на свое благо.

— Неуж-то василевс вновь доверится абазам?

— Да, когда мы признаем законы Рима добровольно, осознавая, что для нас это лучший выбор из всего.

— По-правде, среди нас всегда мирно жили ромеи, занимаясь торговлей и ремеслом. И мы извлекали из этого выгоду, — вслух подметил Лыдза дадал.

— Так было раньше, пока василевс не задумал превратить Абазию в обычную провинцию. Если и на этот раз утвердит над нами правителя из чужаков — все вернется к прежнему.

— Не думаю, что Юстиниан того желает. Иначе, здесь не оказались бы мы. Он ждет от абазов ответа на его предложения. Там будет видно, что он задумал делать дальше.

– Дад, Апсит, если наше скоропалительное решение может быть полезным, – заговорил глава старейшин, – мы тебя поддержим. В то же время имей в виду, что наше слово не может быть всеобщим решением. Для этого надлежит собрать представителей родов и держать Совет. Полагаю, что ты об этом знаешь не хуже нашего.

– Я принимаю ваше слово, как большую честь и награду. Особую радость мне доставит одна услуга с вашей стороны.

– Старейшины напрягли свое внимание. – Думаю, абазам не подобает содержать Божий дом в таком запустении, а Его слуг в нищете и бедствии.

– Ты прав, Апсит, – устыдились старцы, поняв о чем речь.

– Вот вам солид, – Апсит протянул серебряную монету, – надо бы починить крышу храма и изгородь. На все, конечно, этого не хватит, но окружить теплом и вниманием Божье место нам следует во имя собственного спасения.

– Твое замечание справедливо, мы винили в наших бедах и этих несчастных, по одному только праву, что наши враги пришли с мечом и крестом. А ведь Бог не в ответе за человеческие подлости. Ты открыл нам глаза, мы исправим свои ошибки, – старец протянул обратно серебряник.

– Благочестивые старцы, это пожертвование внесите от себя, на такое дело денег много не бывает. – Апсит настоял на своем и довольный обернулся на призыв дадала: хозяева пригласили почетных гостей к торжественному застолью...

* * *

На морском берегу сквозь утренний туман проглядывались подвижные силуэты. Апсит с товарищами поднимались на галеру, намереваясь продолжить путь на запад. Первые мужи общины Лыдза стояли на берегу, провожая почетных гостей. Среди отъезжавших были и их сыновья, добровольно отправившиеся в морское путешествие с Апситом.

«Миамш»¹, – скомандовал Апсит и весла шумно врезались в воду. «Миамш», – отвечали с берега, с надеждой на лучшее будущее. Галера бодро шла на запад, огибая стремительное течение реки Бзы, извечно беспокоящее своими бурными водами морское течение. За широкими просторами берега возвышалась величественная гряда, непрерывной цепью тянувшаяся на запад вплоть до самой кромки моря в землях Гага дадала. Далее, понемногу уступая пространство морским ветрам, эта цепь поворачивала в глубь суши, защищая с севера низину, намытую рекой Хашпсы.

Еще издалека Апсит приметил величественную трехнефную базилику², игравшую в солнечном свете отражением мраморных колонн и наличников. Опомнившись от первого восторга, он перекрестился. Неподалеку лежала небольшая бухта с пологими песчаными берегами. Не дожидалась приказа, рулевой направил судно к причалу...

Абазы высыпали на сушу, и, легко преодолев небольшой уступ, подошли к стенам храма. Апсит осторожно постучал в окованные медью двери. Никто не отозвался. Спутники разошлись по двору. Одни черпали воду из церковного колодца, другие разыскивали в деревянной лачуге церковного смотрителя. Тяжело прихрамывая, шел старец, помутненным взглядом осматривая возмутителей спокойствия. «Какая нечистая вас сюда привела, разбойники», – громко возмущался и чертыхался смотритель.

– Не гневись, отец, мы с радостной вестью пришли, отвори двери церкви, не откажи христианам помолиться у Священного алтаря, – вежливо попросил Апсит.

– Здесь давно нет ни священника, ни паствы; одни разбойники гуляют, – смягчился старец. – Коль так, сейчас я вернусь с ключом...

¹ Доброй дороги (абх.).

² Базилика - вытянутое, прямоугольное в плане строение, разделенное внутри продольными рядами колонн (столбов) на три части (нефа) (греч.).

Из разговора со смотрителем Апсит понял, что бывший священник умер пару лет назад, с тех пор здесь запустение. Только разбойники изредка приносят дары от своего незаконного промысла. Апсит протянул смотрителю серебряную монету и пообещал, что скоро все переменится в лучшую сторону.

РЕЗИДЕНЦИЯ ЦАРЕЙ

Крепость Хашпста была выстроена, согласно преданию, во времена правления римского императора Адриана. Царь абазов Рисмаг, утвержденный во власти императором, смог убедить своего патрона в необходимости защиты перевального шелкового пути, и получил субсидии на строительство. Эта крепость стала западной резиденцией царя, где он оставался, покидая на время Анакопу. Несмотря на значительную удаленность от моря, во всем остальном она была ее неким подобием. С трех сторон неприступная гора возвышается над широкой долиной Хашпсы и окрестными горами. От нее едва заметные горные дороги ведут на запад, и восток, к морю и через перевал на северные склоны Кавказа. За крепостью открывается широкое пространство, пересеченное ущельями и оврагами, удобное для многочисленных поселений, земледелия и выпаса скота. Воздух здесь чист и здоров. Говорят, когда Адриану сообщили римские чиновники, что фас крепости повернут к морю и защищает Абазию, скорее от римского владычества, нежели от диких кочевников, он долго сокрушался, но портить отношения с царем абазов не стал. Он удвоил вознаграждение Рисмагу, предварительно испросив от него клятву в верности, и получив затребованных аманатов¹.

Путь в крепость тянулся на десятки стадиев по извилистой долине реки. Группа подростков, возглавляемая Апситом, не теряя мер предосторожности, медленно двигалась по незнакомым местам, восхищаясь местными красотами. Казалось ни единой души во всей округе, однако, наученный опытом, Апсит был уверен, что неожиданная встреча уже

¹ Заложники - гаранты исполнения договора.

близка. Погруженный в мысли о состоянии дел, он все же взглядался в пределы, убранные увядающей растительностью уходящей осени. По сведениям, которыми он располагал, правитель Опсита скрывался у гуннов, Хашпста избежала карающего меча ромеев, побоявшихся удалиться от берега морского.

Команда подростков прилежно следовала за Апситом, не жалуясь на усталость и голод. Уже несколько часов кряду они наблюдали верхушку горы, укрепленную стенами и башнями, которая неожиданно для них меняла свое местоположение: оказывалась то справа, то за спиной, то слева. Теперь она казалась совсем близко, а прибрежный вал увеличивался, грозя вырасти в неприступную твердыню. Апсит задумался и повернул свой отряд назад. Вскоре он распознал дорогу, ведущую в крепость. Группа выбралась из галечных берегов на земляную тропу и, вскоре уперлась в высокий завал. По ту сторону завала раздался пронзительный свист – юноши остановились. Свист повторился! Тогда Апсит поднял голову и громко крикнул по-абазски:

– А-ха-хай¹! Если вы абазы, выйдите навстречу!

На той стороне завала, похоже, совещались.

– Кто вы? Откуда и зачем пришли? – последовал вопрос.

– Я Апсит, внук Урыма – Ануха дадала, отошедшего в мир иной в Трахейской битве. Мы вышли из Анакопы, чтобы встретиться и поговорить с дадалами о будущем Абазии.

– Арпыс², если бы вы шли из Анакопы, то стояли бы на другой тропе, говори правду.

– Правда в том, что мы вышли из Анакопы на царской галере, которую оставили на берегу у храма и отправились пешими сюда по долине реки.

По ту сторону установилась тишина, только шорох ссыпающихся камней приближался к уставшим путникам.

– Оглянись! – раздался властный голос откуда-то сбоку. С высокого уступа, подобного пьедесталу, их окликнул крупный мужчина с сединой в бороде.

¹ Традиционный клич, призыв абазов.

² Юный предводитель (абх.).

— Я тебя вижу, — невозмутимо ответил Апсит.

— Впереди дороги нет, вернитесь на десять шагов назад и сверните влево, там скрывается крутая тропинка, которая приведет вас к нам.

Апсит последовал совету. Отряд, выбиваясь из последних сил, начал восхождение по узкой извилистой тропе, разбивая ноги об острые камни. Казалось, этот адский путь нескончаем.

— Конец подъема уже близок, — приободрил уставших путников мужчина с уступа.

Наконец на извороте открылась широкая терраса. Здесь встретил путников хозяин крепости. Суровый на вид мужчина протянул Апситу руку:

— Я — Хаш дадал, мои предки издревле защищали эту крепость. И хотя теперь никто не оплачивает мой труд, в память о прошлом стою я на страже.

— Кто я — ты уже знаешь, об остальном предстоит долгий разговор. Мои люди устали, мы готовы принять ваше гостеприимство, — отвечал Апсит, крепко пожимая протянутую ладонь.

— Видно не сладко пришлось в Трахейской битве, раз в столь дальний путь из Анакопы отправляют юнцов, — не скрыл свое удивление дадал, — осталось немного, за тем поворотом горят в жилищах очаги. — Измотанный отряд с нескрываемой радостью прибавил шагу. Их группу замкнули вооруженные люди Хаш дадала, с любопытством разглядывавшие путников со спины.

Там, где, по словам дадала, должны были находиться жилища, открылась обширная поляна, окруженная могучими дубами и вязами. Не дожидаясь приглашения, юноши расположились под деревьями, осматривая свои израненные ноги. Где-то поблизости журчал ручей, приглашая насладиться прохладой. Откуда ни возьмись появились юноши с большими кувшинами. Хаш дадал обмыл ноги и умыл лицо. Гости с удовольствием последовали его примеру. Затем их обнесли кубком с вином, ободрившим путников.

— Не простое у вас дело, надо полагать, раз потрудились разыскать нас в этой глупши, — осторожно затянул разговор дадал.

– С некоторых пор земли вокруг Анакопы запустели, царские дороги заросли, только дикого зверя повстречашь... Слава Богу, беда обошла стороной ваши места, хоть многие в свои дома так и не вернулись, – издалека начал Апсит.

Дадал понял, куда клонит гость.

– С тех самых пор сюда пришла нищета, торговые пути закрылись. Ни в горах, ни на море – нигде спокойствия нет. Если бы не соседи зухи, которые из жалости поставляют нам соль, не знаю, что с нами было бы. Ни один купец не отважиться идти в наши земли.

– Потому что здесь его ждет смерть или рабство, – поддержал дадала Апсит.

– И как бороться с этим злом? Хоть и в сыны мне годишься, вижу, не простой ты человек, потому и спрашиваю?

– Об этом поговорим позже, когда соберутся все дадалы. Будь добр: отправь глашатаев к соседям. Пусть собираются. И зухов не забудь. Скажи им, что с ними будет говорить посланник василевса и царской династии в одном лице.

Дадал окликнул своих людей и роздал им поручения. Откуда-то из глубины леса потянулись запахи просяной абысты и жареного мяса. Не без удовольствия отозвались гости на приглашение потрапезничать.

Совет дадалов ожидался через пять дней. Апсит и его люди не тратили время впустую. Они ходили по окрестным поселениям, общались с жителями и с некоторыми успели сдружиться. Их встречали с интересом и уважением, подобающим слушаю. В свободное время Апсит предавался размышлениям, дабы направить предстоящий Совет в нужное русло, не испортить столь важного дела неосторожным словом или действием. Ведь издревле так повелось, что не доверятся абазы тому, кто не умеет держать стройную речь. Опытный слушатель ухищряется раскусить истинные намерения оратора, сбить с толку, если слова его надуманы, не от сердца. Апсит обдумывал речь, переходил на монолог, чтобы рассеять смятение мыслей.

«Можно ли быть уверенным в исполнении договора, заключенного под влиянием непреодолимой силы, пусть даже закрепленного клятвами, но связанного с определенными лишениями и ограничениями? Достанет ли доброй воли сторонам не нарушать своего слова, когда над ними не довлеет кара, в случае отступничества. Ведь для выполнения договора необходимы серьезные усилия и даже средства. Полагаю недостаточным простой приказ не покушаться на чужое имущество, когда к этому толкает нужда. В каждом человеке заложены от природы силы, созидающие и разрушающие, а он прибегает к ним по обстоятельствам, исходя из необходимости собственного спасения. Значит, страх за нарушение договора должен подавлять неудобства нужды настолько, чтобы они казались более предпочтительными. Но ведь я всего лишь посланник, выполняющий чуждое им задание. Я посланник императора, разрушившего их прежний мир. В то же время я посланник царского дома, отстаивающего прежние порядки. Я принужден говорить с дадалами, объявленными вне законов Рима, дабы склонить их волю к созиданию, потому как это единственный путь, способный спасти их и Абазию. Я принужден склонить их к подчинению, в надежде на их разумный выбор под гнетом условий высшего порядка, не зависящих от меня. По сути, от меня требуется малое: сказать то, что они сами понимают. И непосильно многое: потребовать исполнения обязательств, которые они признают благими. Зачем, почему я занимаюсь этим? «Чего ты хочешь? – всплыли в памяти слова Ефрата».

– Стать местным миссией и обрести ореол святости? – Апсит серьезно задумался.

– Пожалуй, нет, я люблю Бога, но меня он любит больше.

– Тогда, может богатства и благоденствия?

– Точно нет! Тогда я остался бы там, женился на Марии, сделал бы карьеру, и не вспоминал о разрушенном очаге.

– Может, желание мести движет мной? – Апсит невольно призадумался.

– Ради мести не стоило ехать сюда. Я мог бы умерщвить Юстиниана в его же дворце, искупив кровь Абазии и многих других народов. Остался бы в черной летописи веков, обрел нерушимую черную славу.

– Может жажда власти и тщеславие привели меня сюда?
– Апсит застыл: он понял, что не случайно этот первый во всех делах мотив, в его списке оказался последним.

– Я честолюбив, это во мне по праву рождения. Оно сильнее меня, потому что струится в моих сосудах.

Я пленник, я раб, мечтающий о гибели своего хозяина. Я готов разбить скорлупу, бывшую мне домом, разрушить самое большое, на что может посягнуть человек. Это великий Рим, блестящий и смердящий. Разрушить, чтобы возвыситься, чтобы мысль о мести никогда не тревожила меня после этого. Разрушить, чтобы без угрозы извне создать свой мир на родных пепелищах. Вот о чем думали Скепарна и Ануха дадал, отправляя меня на учебу. Они не сомневались, что во мне заговорит кровь раньше, чем я буду готов ее услышать. Да возрадоваться вашим душам в мире ином. Я выполню все, как вы хотели. Я буду хищным и мудрым, дабы прийти к цели. А вас молю о Высшем покрове, и успокоится кровь отомщенная...

Как мне легко теперь, когда я скинул с себя чужое бремя».

...В назначенное время на поляне у стен крепости, окруженной дубами и вязами, собрались приглашенные. Их оказалось больше, чем рассчитывал Апсит. Помимо дадалов, окруженных оруженосцами, собрание возглавили жрецы и старейшины, пожелавшие из первых уст услышать послание. Апсит обратил свой взор к солнечному диску, по-осеннему ласково пригревавшему землю, и прошептал слова молитвы. Вслед за этим арпыс вышел к собравшимся. Умолки пересуды на площади, старцы внимательно изучали посланника, отыскивая по-особым известным им приметам человека, способного принести пользу. К удивлению дадалов, юноша оказался безоружным, противопоставив себя общепринятому правилу. Они смущались и потупили взоры.

– Да упадут ваши беды на мою голову, первые из равных,

– традиционно на правах хозяина начал собрание Хаш дадал.

– По первому призыву, как и прежде, вы пришли, готовые исполнить долг перед народом, если даже ценой трудам будет жизнь, отданная за благо. Мы собрались в этом Священном

месте, потому как, невзирая на трудности пути, к нам прибыл посланник издалека, пожелавший говорить о делах абазов. Его имя Апсит, он внук славного Урыма – Ануха дадала, племянник царя Скепарны по материнской линии, да не погаснет его звезда на небосводе. Об остальном он скажет сам. Тебе, Апсит, предоставляется слово.

Апсит вышел из окружения на шаг и внимательно оглядел собравшихся. В этих суровых лицах он не увидел ни симпатии к себе, ни ненависти. Где-то в глубине их глаз искарилась хорошо припрятанная надежда, ее и следовало ему оседлать.

– В те времена, когда всепожирающий огонь вражды не касался земли нашей, юнцам, подобным мне, не полагалось даже слышать, о чем совещаются мужи, подобные вам. Не посчитайте дерзостью мои слова, потому что по принуждению обстоятельств высшего порядка, я оказался перед вами.

– Нет в том твоей вины, говори, – раздались голоса старейшин.

– Мое слово обременено двумя поручениями, если вы доверитесь, после всего я выскажу и свое мнение, – юноша осмелился, поймав на себе добрый взгляд старейшины. – За год до Трахейской битвы меня отправил в Константинополь царь Скепарна для обучения грамотам и военному делу. Там меня застала весть о гибели Трахеи, царя и всего моего рода, там я встретил плененных римлянами абазов, там я познакомился со спальничим Ефратом и Самодержцем Юстинианом. Благодаря их содействию мы спасли от рабства пять сотен абазских мальчиков.

– Мы слышали об этом, Апсит, да упадут твои беды на наши головы, – отвечали удовлетворенные старцы.

– Затем мы оказались в Абазии на родных пепелищах, оплакали родных и справили поминальные тризны. Все это время мы обдумывали, как донести до народа обращение императора, глубоко раскаявшегося за то зло, что причинило абазам римское оружие. Он ищет пути для искупления грехов. Поэтому он освободил из рабства главу старейшин Рисмага с сотней других абазов, открыл пансион для абазских мальчиков. Там смогут обучаться и ваши дети.

Его слово к абазам просто: быть равными другим гражданам империи, уверовать в Христа, как в истинного Бога, жить по писанным законам Рима, охраняющим жизнь, имущество и семейные узы, несущим больше прав, нежели обязанностей.

– Неужели? А поднять из могил наших братьев он не хочет? – выкрикнул кто-то из дадалов.

– Я потерял всю семью, но понимаю, что с ненавистью всю жизнь не проживешь. – Апсит немного сбился, но быстро собрался с мыслями: – Я все же продолжу свой рассказ. Поведаю о том, как получил благословение наны царя Скепарны.

В поисках родни, я оказался в земле Пыса. Там я увиделся с Псху дадалом и наной Скепарны, с избежавшими плена абазами из наших мест. Я им открылся и рассказал о своих приключениях. Затем я услышал их истории и получил ответ на обращение императора. Нана царя приняла меня всем сердцем и усыновила. Она призвала меня идти к людям и созворить словом то, чего не сумел сделать ее сын – царь Скепарна, полагаясь на грубую силу. Перед вами стоит человек, несущий в себе и этот обет. С тех пор я не ношу при себе оружия, а моей защитой стал этот царский значок. – Апсит развернул шелковый стяг с вышитой на нем царской тамгой.

– Не велика у тебя защита, – съязвил кто-то из дадалов, и тут же замолчал, пристыженный другими.

– Чего же хочет царская семья? – обратился к Апситу один из старцев.

– Возрождения Абазии, мирной жизни по справедливости, благоденствия и почестей по достоинству. Всему этому служат и римские законы. Так почему нам отвергать то, что способно сделать нас сильными и счастливыми?!

– Разве может раб хвалиться своей силой и выдавать за счастье сытое существование? – не унимался тот же дадал.

– Человек, разделяющий подобные мысли, не мог выжить в битве, в которой погибли все мои родичи. – разгневанный Апсит разыскивал взглядом перебившего. Его слова прозвучали как вызов. Дадал не заставил долго ждать.

– Я тот, кто тебе нужен, – из толпы вышел здоровяк, покрытый доспехом с ног до головы, – меня зовут Нут Нар-ипа.

— Здесь не место испытывать доблесть, — обратился к спорщикам старейшина. — Вернись на свое место Нут, а ты, Апсит, продолжай, если не закончил слово. Завтра вы встретитесь по установленным правилам. И тебе, юноша, придется взять в руки меч, чтобы отстоять свою правоту.

— Зачем терять сегодняшний день, если завтра не будет виновника сегодняшнего беспокойства? — выкрикнул Нут.

— Еще слово, и ты будешь лишен права поединка. — предупредил старейшина. Нут предпочел уступить, он вернулся к своим телохранителям. Вскоре и Апсит собрался с мыслями.

— Настоящее рабство и позор наступит тогда, — продолжил он, — когда мы, разобщенные процветающей несправедливостью, станем добычей менее сильных племен, кого и за противников не считаем. Посудите сами, достойный противник не станет унижать проигравшую сторону, подчиняясь чувству собственного достоинства. Самое страшное — оказаться побитым людьми бесчестными и трусливыми, потому как следствием крайней трусости является беспринципная жестокость.

Со мной прибыли те, кому посчастливилось избежать рабства на чужбине, но мы видели это рабство и знаем ему цену. Те, кто в силу своей недальновидности или личной заинтересованности противостоят главенству мудрых законов или не способны им следовать, оказываются рано или поздно противниками общества.

Пока был жив царь Скепарна, он добивался защиты имущества и жизни каждого, полагаясь, прежде всего, не на силу, а на осознанное подчинение. Потому в стране царил мир, и порядок, процветали торговля и ремесла, казна пополнялась, не было нищеты. Царь Скепарна обязал дадалов следить за тем, чтобы нужда не побуждала кого-либо нарушать закон, и нести ответственность, в случае его нарушения. Если бы он успел добиться задуманного, не развалилась бы наша страна за столь короткое время.

Кто те люди, что ставят собственное благо, основанное на насилии, выше блага общества? Так ли смелы и открыты, как Нут, сын Нара? Или кто молчаливые пособники первых? Может безвольная старость смирилась со всем, дабы не лишиться последних эфемерных почестей?

Кое-кто из вас считает, что мне не надлежало, словно землепашцу или ремесленнику, стоять перед вами безоружным. Я с трудом сываюсь с тем, что не ношу дорогой мне меч, захваченный в бою с аланами. Разве мог бы я держать слово от царской семьи, если бы возвысился над пожеланием царицы, призвавшей меня спасти Абазию твердым словом. Я подчинился судьбе, потому что понимаю, в каком мире мы живем. Здесь, на земле, где свободно гуляют ветра, не бывает абсолютной силы. И враг, разоривший мечом нашу землю, подает нам пример благой и мудрый.

Абазы, осознанно примите то, что для вас станет благом, с чем бороться у вас сил достанет. И царица-мать призывает к благоразумию сыновей, и Всеышний является мне во сне, укрепляя в правильности мыслей.

Если не так, то ждет нас погибель, самая страшная, какую способен представить себе человек. Гибель от руки брата и соседа, считайте от собственных рук, потому как зло, ученнное абазом другому абазу, не будет предано забвению.

– Сынок, остановись, сжался над нами, – старейшина сделал шаг вперед и прижал Апсита к сердцу. – Этот отрок, достойный рода своего и возложенного на него дела, поведал то, что мы знаем и обсуждаем в частных беседах. Прежний путь ведет нас к бесславию и погибели, – говорим мы друг другу.

Как нет на земле абсолютной силы, так не бывает и абсолютной правды, и добродетель изменяет благому. То, что прежде казалось полезным, сегодня становится вредным, потому как главное для абазов: спасти жизнь и честь свою, не запятнать имя свое злыми делами, ибо страшнейшей клятвой было во все времена: «Да падет на голову мою и моих потомков всеобщее людское презрение».

Не пора ли одуматься, пока презренные нами, окрепнув, не возвысятся над нашим прахом?..

– Что будем делать мы – дадалы, какое место нам ты уговорил в этом мире? – задался вопросом Зуха дадал.

– По-моему разумению, дадалы должны стать опорой новому времени, потому как вы следуете клятве не из страха, а по праву чести. Я буду говорить при встрече с Самодержцем Юстинианом, чтобы узаконить права дадалов. Ваши дети

смогут учиться в Константинополе, чтобы, затем, вернувшись домой, вершить правосудие, управлять по-сраведливости, в общем, строить новую жизнь. Рано или поздно у Абазии появится архонт, которому нужны будут верные помощники. Сбор налогов, благоустройство дорог, мостов и площадей, возведение крепостей и храмов, служение в них – всем этим должны заниматься ваши потомки.

– Какая роль достанется тебе, дад? Кем ты себя представляешь? – спросил Апсита жрец.

– Моя судьба определена господом Богом, дада. Мне об этом знать не дано...

– Богом, рожденным от женщины?

– Богом – сыном «Ейха зымчу» и Анцва, обретшим плоть в чреве женщины, посланном Всевышним на землю людям в назидание. Потому как нет в мире никого, милосерднее Иаса из Иудеи.

– Тогда постараися назвать имя того, кто зло сотворяет: болезни, войны, воровство, прелюбодеяния. Чей покров, чья заслуга?

– Его имя Сатана, он первый враг всего живого...

– День и ночь, сменяющие друг друга со дня сотворения мира, также противостоят друг другу. То одно, то другое отнимает друг у друга силу. И великое светило, дающее всему жизнь, способно уничтожить свое творение. Как ты различаешь противоположные части целого, когда в природе они по отдельности не встречаются?

– Такова и борьба двух Богов: Христа и Антихриста. «Ейха зымчу» разделил их, дабы научить нас высшей добродетели. И покуда живет человек на земле, он останется по своей природе и добрым и злым. Только те, кто поверили в Иасу, с его помощью смогут получить прощение и очиститься.

– Даже если всю свою жизнь будут творить несправедливости?

– Не могу судить за Него, в Его праве прощать и миловать.

– Что вынес жрец Псху-ныхи на твои суждения? – с надеждой в голосе спросил жрец.

«Пусть живет среди нас, если Ему тут нравится», – таково было его решение. – На том порешил и жрец Лыдза ныхи.

– Если твоего Бога благословили «Ейха-зымчу» и Анцва, как мы можем противиться? Только где доказательства твоей правды, юноша?

– Когда речь идет о Высших силах, какое доказательство могу предоставить я – простой смертный? Или есть кто из смертных способный доказать обратное? Уверен – такого человека не сыскать во всей Абазии.

– Так что же получается – мы должны забыть наши Священные места, предать забвению богов, давших нам свою землю, покровительствующих абазам во всех земных начинаниях? И, наконец, поклоняться чужому греческому Богу?

– Зачем же предавать забвению святыни. Полагаю, что храмы надо строить именно в этих Священных местах, почитая тем самым и прошлое и настоящее. В эти храмы будет стекаться народ, чтобы просветляться, очищаться, укреплять дух перед земными трудностями, просить о здравии, упокоении душ умерших.

– Старейшины, – попросил слово Зуха дадал, – я могу не понимать всего в суждениях о Высших силах, однако думаю, что не стоит нам проявлять неучтивость к идущему к нам с добрыми намерениями. Когда речь идет о Боге, эта неучтивость может обернуться для нас наказанием. Потому предлагаю присоединиться к словам жреца Псху ныхи.

Собравшиеся, глядя друг на друга, повторяли простые слова: «Пусть живет среди нас Иаса, если Ему тут нравится». Смущение покинуло их, уступило улыбкам и тихой радости. Накал страстей спал. Апсит вновь обратился к собравшимся:

– Первые из равных, чье решение всегда верховенство-вало в Абазии, потому как не находилось никого, смевшего ослушаться, если вы считаете мои предложения полезными, воспользуйтесь вновь своим правом выносить решения и требовать безусловного их выполнения. И тогда вернется благодать на землю нашу. Тревога сменится спокойствием, разруху сменит созидание, достаток, а с ним радость и счастье вернутся в ваши семьи. Для достижения благой цели не нужно проливать кровь и разорять чужое имущество,

мстить и множить врагов, испытывать судьбу и тяготы военного времени. Оружие тут бессильно. Примите по разумению человеколюбивые законы, почитайте Иасу и Божьи храмы, как свободу свою, и станете свободными. Отвергните возможность для воцарения невежества и жадности, злой силы и собственного бессилия, страха за сегодняшний день и будущее... – Старцы, потрясенные силой прозвучавших слов, прятали глаза, другие с радостью и надеждой взирали на юношу.

– Да будет так, – вышел из оцепенения глава старейшин.
– Мы обязуемся принять разумные законы, способные справедливо вершить суд, почитать Бога и храмы его на нашей земле, не противостоять оружием римскому владычеству, покуда оно само не прибегнет к силе. Теперь каждый из дадалов, согласный с постановлением, должен пройти между мной и Апситом.

Дело сдвинулось, дадалы чинно подходили и словом «Аминь» свидетельствовали свое согласие. Их лица выражали исключительную важность принятого решения. Шли друг за другом, только остался в одиночестве Нут сын Нара. Его взгляд извергал ненависть и злобу, он топтался на месте, не желая идти за всеми и не смея уйти с площади. Он пошатывался и грозно рычал, словно зверь раненый.

– Решение принято всеми, только Нут противопоставил себя, – продолжил старейшина. – Оно вступает в силу теперь же, завтра мы разойдемся по общинам, и огласим его на поместных советах. Требуйте безукоснительного исполнения его под угрозой изгнания или смертной казни. И если кто-то из ваших людей осмелится его нарушить, правьте суд, иначе будете судимы сами.

– Аминь! – раздались одобрительные возгласы.

– А что касается Нута, мы отправим в его общину вестников и потребуем переизбрания. Одна община не должна противопоставлять себя всей Абазии, – постановил старейшина.

– Прежде, он ответит на мои справедливые требования, – угрожающе раздался голос Бруха дадала. Все обернулись на него. – Я требую от тебя, Нут, удовлетворения за ущерб, нанесенный моему роду.

– Какой еще ущерб?! – вспылил ответчик.

– В пути на сегодняшний Совет, меня догнал посыльный и сообщил, что твои люди угнали с пастбищ наш родовой скот, убив при этом пастухов – единокровников наших. Я требую получить удовлетворение здесь и сейчас: за имущество – имущество и кровь за кровь.

– Ты хочешь получить деньги и пролить мою кровь, словно перед тобой не равный тебе дадал, а некий раб без рода, без племени? Пусть сила моего оружия вразумит твою глупую голову. – Нут выхватил оружие и кинулся на Бруха дадала.

– Вижу, что тебя не убедить словом, только твердая рука способна свершить справедливое возмездие, – ответил истец и, в мгновение ока, обнажил свой меч.

Участники собрания встали кругом. Апсит не успел слова вставить, так быстро противники схлестнулись. Посыпались искры от скрещенных клинков, заскрипели щиты под мощными ударами, рычал Нут, тихо улыбался Брух, в равной силе не было победы. Спокойствие противника ввергло в ярость обидчика – он откинул свой щит и обрушился на щит противника, надеясь выбить его или проломить одним ударом. Брух принял сокрушающий удар стальным умбоном щита. Каленый клинок Нута откололся и поранил руку хозяина. Дадал замер от неожиданности и досады. Быстрым выпадом Брух отсек руку противника, отлетевшую в сторону с зажатой в ней рукоятью меча. Нут яростно огляделся по сторонам и безрассудно прыгнул на Бруха, опрокинул его на спину. Всей массой он прижал его к земле, хватаясь левой рукой за горло, обрезком правой тыча в лицо, окропил Бруха струями горячей крови. Такого неистовства не доводилось видеть онемевшим свидетелям страшного поединка. Наконец Брух опомнился, резким толчком скинул скользкое тело противника и встал с трудом, вытирая лицо и глаза от грязи и крови. Встал и Нут, пошатываясь от слабости и боли. Брух подобрал меч и занес руку. Нут бесстрашно смотрел в глаза своему палачу, пока его тяжелая волосатая голова не издала глухой звук от удара о землю. Еще мгновение – и тело его рухнуло на землю, разбрызгивая по сторонам струи крови.

– Победа за тобой Бруха дадал, будешь ли ты требовать компенсации имуществом? – спросил старейшина, надеясь на снисхождение победителя.

Бруха дадал немного задумался и твердо заявил:

– Я воспользуюсь своим правом и требую удвоенной платы за понесенный ущерб.

– Твое требование справедливо, но как его выполнить, если главный виновник погиб от твоей руки? – засомневался старейшина.

– Если кто-либо из вас, уважаемые, не возьмет на себя поручительство за решение дела в мою пользу, то его телохранители станут залогом справедливой расплаты.

– Бруха дадал, но ведь ты знаешь, что на этом не остановится кровь, к чему тебе имущество, если кровь требует крови?

– Если во всей Абазии не найдется разумной силы, способной рассудить нас справедливо, то будем решать по-старинке, воевать до последнего мужчины в роду.

Апсит отчаянно оглядывался, силясь придумать достойное решение. Тем временем, спутники Бруха дадала взяли под конвой телохранителей Нута, Старейшина в замешательстве смотрел на товарищей. Они же смотрели на него.

– Послушайте, – повысил голос Апсит, – вы полагаете, что можно жить, не следя за решению, еще не развеявшемуся в воздухе над нами? От кого мы вправе требовать его исполнения, если сами об этом так быстро позабыли.

– Говори, что думаешь, – поддержал Апсита жрец.

– Я не осуждаю убийство, произошедшее на наших глазах, потому что пал обидчик, кинувшийся с мечом на истца. Справедливость восторжествовала. А если бы случилось иначе? Если бы победителем оказался Нут, на один грех было бы больше. И как тогда? Мы, что, смирились бы с правом силы? Разве об этом мы договорились только что? Давайте доведем решение до справедливого конца, покажем пример тем, кто следует за нами. Жизнь дадала, бесспорно выдающегося воина, вождя своего племени, не может быть равной жизни простого пастуха.

– Правду говоришь, арпыс, – раздались одобрительные голоса. В то же время удвоенная выплата за имущественный ущерб, нанесенный брухам – справедливое требование. Одна часть восполнит убыток, другая же – будет распределена семьям погибших, чтобы они не терпели нужды по причине отсутствия кормильца. А защиту семей возьмут на себя родичи по древнему праву абазов.

– Что думаешь Бруха дадал? – обратился старейшина.

– Каждый мужчина в моем роду и воин, и землепашец, и пастух. Эти обязанности мы выполняем по очереди, чтобы не было поводов для упреков или насмешек одних над другими. Пастухи, нашедшие смерть в неравной схватке, а скорее убитые из засады, – настоящие воины, достойные звания предводителя и вождя. Налетчики должны будут выдать нам троих участников преступления, только после этого мы готовы принять компенсацию.

– Что скажешь Апсит? – едва слышно спросил старейшина.

– Бруха дадал, по воле милостивого Бога ты одержал справедливую победу. Ты положил того, кто являлся главной причиной раздора. Как бы не были справедливы твои требования, среди нас нет стороны обвиняемой, с которой полагается требовать ответа. Из четверых оруженосцев Нула отпусти старшего домой с телом дадала и нашим решением. Другие останутся при тебе до получения ответа. Представители Совета отправятся на переговоры, чтобы осуществить правосудие и избежать уничтожения двух славных родов.

А если ответ будет в твою пользу, поднимется ли твоя рука на троих безоружных людей, только из необходимости кровной мести?

– Без всякого удовольствия, но вынужден буду лишить жизни тех, кто учинил убийство, – ответил Бруха дадал. – Голова Нула будет доказательством частичного исполнения мести, ее я забираю с собой.

– Бруха дадал, дай слово, что вернешь голову, если твои требования будут приняты противной стороной, – потребовал старейшина.

– Обязуюсь! – последовал твердый ответ.

Собрание завершилось. Брухи отправились домой с тремя пленниками и головой Нута. Отпущенный телохранитель-горевестник закрепил тело дадала к седлу и выехал к морю. На следующее утро следом выехали Апсит, старейшина, жрец и Зуха дадал, чтобы примирить враждующие стороны. Апсит решил во чтобы то ни стало не допустить убийства еще трех абазов. Он надеялся, что убедит Бруха дадала продать обреченных в рабство, чтобы избежать кровопролития. И в прежние и последующие времена эта мера наказания принимается равноценной казни.

ОСЕННИЙ ЛИСТОПАД

Над Себастопольской бухтой сгустились осенние сумерки. Причал мирно принял абазскую галеру. С легким сердцем Апсит спешил встретиться с наставником, окрыленный полученной клятвой дадалов западной Абазии. Он шел на ощупь, угадывая дорогу по отблескам редких факелов и голосам гарнизонных воинов. Дойдя до крепостной площади, он повернулся к храму, уверенный, что там застанет Ефрата.

На каменных ступенях в потемках сидели абазские парни из сопровождения Ефрата и о чем-то вполголоса говорили.

– А-ха-хай! – окликнул их Апсит.

Парни вскочили на знакомый голос.

– Храни вас Господи, – коротко поприветствовал их Апсит.

– Храни тебя Бог, – отвечали абазы. Союзники тепло обнялись, обрадованные неожиданной встречей.

– Какие новости меня здесь ожидают? – поинтересовался Апсит.

– Думаю, будешь доволен, вождь, – поспешил ответить Барныку. – Недавно прибыл из Ромеи транспорт, доставивший в Акуя Рисмага и сотню абазов. Сейчас они в храме совещаются.

– Рисмаг, Ефрата и священник? – голос Апсита задрожал. – Ну и мне туда следует.

Барныку успел кивнуть головой, когда Апсит перешагнул порог церкви.

В южном приделе, в углу светила лампада, отбрасывая мягкий свет на мужчин, сидевших вокруг низенького столика. Они оглянулись на приближавшиеся шаги и узнали юношу. Скрывая волнение, Апсит подошел к седовласому старцу и поцеловал его в грудь. Рисмаг притянул юношу к сердцу и крепко обнял. Из полузакрытых век его выкатилась скучая старческая слеза, украдкой слетевшая в затемненную сторону.

— Спасибо Богу за все, — бормотал священник. Ефрата молча стоял и ждал своей очереди.

— Дад, Апсит, словно ожили мои сыновья, да не покинуть тебе этот свет, пока они не воскреснут.

У Апсита перекрыло дыхание, он затрясся в нервном исступлении — так дорог был ему этот голос. Рисмаг строго взглянул на юношу, заставив его сбраться с чувствами...

Вскоре Апсит опомнился, сделал шаг к Петру и приложился к ладони старца. «Во имя Отца и Сына, и Святаго духа, благословляю», — пропел епарх в ответ.

— Приветствую тебя, наставник. Я вернулся, чтобы доложить о выполненном задании, — сказал Апсит, приложив правую ладонь к сердцу, и скромно глянул на Ефрата.

— Спаси тебя Господи, Апсит, присаживайся, нам есть о чем поговорить, — Ефрата указал на место за столом.

— Сколько воды утекло с тех времен, когда мы счастливо жили. Не берет мою душу Апсцваха¹, — сетовал Рисмаг, — пока не сниму с себя бремя, возложенное свыше на мою судьбу. Теперь мне не так одиноко — нежданно я обрел потерянную кровь и плоть свою, и тебя, Апсит, — надежду на лучшее время. Воистину всемогущ Создатель, коль вразумил Юстиниана, мечом покорившего Абазию, проявить сострадание к нашим делам. Значит, не угодно Ему, чтобы вымерла Абазия растерзанная, чтоб не взошло семя наше затоптанное. И если слово мое еще сгодиться, считайте меня вашим сообщником.

— Имя того Бога — Иисусе Христе, — вставил слово Ефрата. — Его единственного надлежит нам свято чтить, чтобы возродить Абазию, но уже христолюбивую.

— Аминь, Ефрата, — отвечал отец сыну.

— В таком содружестве нам все по силам, и я прибыл в Акуа с добрыми вестями, — согласился Апсит.

— Ну, что ж, поведай, не темни, — приободрился Ефрата. Рисмаг и Петр вопрошающие пригляделись к юноше.

— Дело было так. Две луны назад мы вышли на галере к западным абазам. Посетили Питиунт — древнюю обитель Христову. Там мы обнаружили базилику, священника и не-

¹ Ангел смерти (абх.).

сколько монахов, ютящихся в перекошенных лачугах. Там же мы встретились с Лыдза дадалом и его людьми. После долгих речей мы получили благочестивый ответ. Теперь они мучимы прежним невежеством, готовы всячески помогать в обустройстве божьего храма и его служителей.

В земле на западе мы разыскали храм, построенный Юстинианом еще при прежних царях. Базилика цела, при ней имеется смотритель, двери храма заперты – года два, как священник представился. Мы помолились у алтаря, оставили подаяние старцу и отправились дальше к Хашпасту.

У стен древней крепости мы провели Совет, куда прибыли все дадалы, жрецы и старейшины общин, когда-то объединенных под началом Опсита. Прибыли на совет зухи и брухи, ближайшие соседи и союзники царя Скепарны. После долгого обсуждения дел, поклялись все до единого принять Христа и следовать законам Рима, Юстинианом писанным. И хотя теперь у них нет никого, кто мог бы правильно вершить суд, мы разрешили одно дело, вспыхнувшее на совете меж Бруха дадалом и покойным ныне Нутом – сыном Нара. Затем мы отплыли в Себастополис, и вот, мы здесь.

– Ответ абазов донести до Юстиниана надлежит тому, кто его добился. Не так ли, дада? – Ефрата глянул на Рисмага, скрывая непроницаемой маской свои истинные чувства.

– Решение за вами, только не спешите, пусть все окончательно определится.

– Согласен, – ответил Апсит. – В Константинополь следует отправляться, будучи готовыми к ответу на любой вопрос.

– Утро вечера мудренее, пожалуй, мне пора на отдых. Дад, проводи меня до ночлега, – Рисмаг встал и притянул Апсита, намереваясь опереться на его плечо...

– Нам нужно время, чтобы поведать друг другу о том, что пришлось пережить – кого потеряли и что нашли... Не покидай меня так быстро, будь мне собеседником, – попросил старик юношу, укладываясь на лежанку. – Теперь мы все сироты: кто-то потерял детей, а кто родителей. Не посчитай за старческую слабость – будь мне сыном, Апсит.

— Памятью погибших родичей клянусь с честью и радостью почитать тебя за отца, дада.

— Верю, сынок, как самому себе верю... Расскажи мне подробно, с кем из дадалов тебе привелось видеться, при каких обстоятельствах и как ты сломил их упорство...

До предрассветной дымки Апсит отвечал на вопросы старика, как на исповеди. Изредка Рисмаг подавал знаки движением головы и рук, разделяя радость или сомнения юноши.

— Перед отплытием в Абазию, — поделился с Апситом дада, — меня разыскал префект. Вскоре я понял, что он выполнял поручение Юстиниана. Василевсу пришло видение, как Божья Матерь распростерлась над горами Кавказа и взяла нас всех под свой Покров. Он укрепился в стремлении построить храм Богородицы и наладить прочный мир с Абазией. На свою задумку не пожалеет ни средств, ни усилий. Ему лишь надо убедиться в лояльности абазов. Он поверит и приблизит каждого, кто сможет убедительными речами подкрепить его самовнушение. Он будет снисходителен ко всякого рода отступлениям, не затрагивающим главное: базы должны принять Христа.

Видение устрашило Юстиниана настолько, что он впредь опасается прибегать к силе по отношению к землям, взятым Ею под свой Покров.

Апсит, не простую ношу тебе приходится нести, но ты справишься, небесные покровители тобой движут... Ты правильно поступил, что доверился дадалам и старейшинам. Только с их всеобщего согласия можно повернуть Абазию лицом к ромеям. И в том прав, что даешь им надежду на сохранение старинных прав и привилегий. Не может быть крестьянин или ремесленник ровней предводителю. Если убедишь Юстиниана сохранить им права, то легко добьешься согласия. На таких условиях тебе присягнут, как вождю. Не вздумай тогда отказываться, прими с достоинством и честью, ты нечата другим.

— А как же наставник — Ефрат? Без его помощи мы бы не обошлись.

– Знаю, не бери его в расчет. Для светской власти он не сгодиться, пусть строит храм и становится епископом. Это по нему. Пока вы действуете сообща – не страшны козни врагов, а их будет немало с ромейской стороны, да и некоторые абазы поднимут голову. Ну, это будет позже. Сейчас поторопись выбрать место для новой церкви и предстать перед императором, пока ветер дует в твои паруса.

– Я? Да разве станет он говорить со мной, когда дело поручалось Ефрата, я всего лишь его помощник.

– А что из того, если, по поручению Ефрата, ты поедешь в Константинополь? В специальном послании можно все подробно описать и заверить печатью. Ты лишь постараися правильно отвечать, если василевс будет задавать вопросы. – На этот раз Апсит отмолчался. Разглядев усталость на лице собеседника, Рисмаг отпустил юношу.

Ефрата, возбужденный последними событиями, долго не мог справиться с бессонницей. Он истерично молился, дабы заглушить в себе приливы уязвленного самолюбия по причине успехов Апсита, которого и винить то не в чем. «Он выполнял мое поручение и справился блестяще... Перед ним открываются любые «двери», можно подумать пророк. Даже отец с ним теплее, нежели со мной – единственным оставшимся в живых отпрыском. И эти юнцы – его свита, смотрят, словно он царь над всеми нами...»

...Солнце по-летнему припекало, когда разбитый бессонницей Ефрата вышел из своего жилища. Он посмотрел по сторонам, никого из абазов рядом не было. Вдруг, его посетило неистребимое желание разыскать их и уличить в тайном сговоре. Он решительно направился в дальний угол крепости, уверенный, что там Апсит проводит совещание, не посчитавшись с необходимостью спросить на то его мнения. Предположение оказалось верным. В окружении абазов, застывших в разных позах, Апсит держал речь, не замечая приближения наставника, и тем более, его гнева. Ефрате стало не по себе. Он уже был совсем рядом, а его не замечали. Вот, он вступил в круг, оратор отвлекся и скромно глянул на него.

– Дад, Ефрата, иди к нам, – прозвучал голос старца, – мы не стали тревожить твой сон, а твое мнение нам важно услышать.

Ефрата устыдился своего гнева, распознав голос отца, притупил взор и не сразу нашелся с ответом. – Дад, этот молодой человек уверен, что нет в Абазии лучшего места для храма, чем вершина, возвышающаяся над крепостью, – Рисмаг показал рукой на север.

– Возможно, он прав, – холодно ответил Ефрата.

– Я тоже думаю, что лучшего места не сыскать. Однако последнее слово за тобой, это место должно полюбиться тебе. Дад, тебе предназначено быть первосвященником Абазии. Никто другой не справится с этой высокой миссией. – На него с надеждой смотрели сотни глаз. Ефрата растерянный молчал. Он подозревал этих людей в измене и предательстве, а все обернулось совсем иначе.

– Дада, я грешен, страшно грешен, Богу не угодно будет мое служение, – скорбное выражение застыло на его лице.

– Служение Господу Богу и станет твоим искуплением, дад. Не спеши отказывать, хорошо подумай.

Ефрата слегка кивнул головой, развернулся и вялым шагом поплелся обратно. Абазы провожали непонимающим взглядом сиротливо удалявшуюся фигуру. Апсит помрачнел и умолк, далее беседа не клеилась. «Я причина его душевного расстройства. Мне следовало догадаться, предупредить такой исход», – упрекал он в душе себя и тревожился. Рисмаг попытался завести новый разговор, но все зря... Словно разорванные нити паутины, повисли его мысли и слова.

– Дад, пойдите, прогуляйтесь, молодым на одном месте трудно усидеть, – посоветовал Рисмаг, уступая новым обстоятельствам. Молодежь разошлась, а он сам погрузился в раздумья, не замечая одиночества. Теперь он думал о сыне, которого очень давно потерял. Этот моложавый статный мужчина с проседью в волосах был частичкой его плоти, но не более. Духовные нити, оборванные безжалостным замыслом разбойников, не сроскались. Слишком много воды утекло с тех пор, чтобы так просто почувствовать в нем что-то свое, родное. Мог ли он винить сына, потерявшего семью и родину в раннем детстве, в преображениях? Проще во всем обвинить себя и заставить преодолеть то невидимое препятствие под названием недоверие, которое они испытывали взаимно.

И хотя Рисмаг прекрасно осознавал глубокий драматизм их взаимоотношений с сыном, не мог, а может, и не хотел испытывать себя – все же девятый десяток нелегкая ноша для потрепанной временем старческой души.

Ефраты удалялся, чтобы не пришлось ему – ромейскому чиновнику – чинить прорехи в своем сердце, опасаясь заглянуть дальше положенного, попасть в бурелом, наткнуться на неведомые рифы чувств и помыслов.

Апсит подозвал Барныку и попросил неотступно следовать за наставником, чтобы кто-то из своих был всегда рядом. Ефраты же прошел в свою келью и замкнулся на несколько дней.

* * *

Стояла необычайно ясная поздняя осень. Горы, возывающиеся над прибрежными долинами, обнажились, открывая взору серые скальные обрывы и землистого цвета подмытые склоны. Местами, особенно на дне многочисленных ущелий, просматривались темнозеленые пятна венчозеленого подлеска.

Крестьянские закрома уже заполнены дарами земли, изредка эхом отдается стук топоров запоздавших дровосеков. Приморские долины выкармливают стада домашних животных, согнанных с горных пастбищ первым снегом. Закрыты северные перевалы. В крепких хозяйствах обновлены соломенные кровли, утеплены жилища и скотные дворы. Принесены жертвы по случаю праздника урожая, отслужены молебны в Священных рощах, заполнены амфоры молодым вином. Абазия готова зимовать. Это лучшая пора для свадебных торжеств и дальних неспешных поездок.

Ежегодно, согласно воинскому уставу, в это время комитет ромейских войск обезжает гарнизоны, расположенные в Абазии. В Себастополисе Евстафий снаряжал отряд для инспекционной поездки на запад. Его уныние вполне объяснимо: за ним неотступно будут следовать «чужие»

глаза и уши – спальничий Ефрата со своими спутниками. Засобирался в дорогу и Рисмаг, упросивший сына взять его с собой. В последний месяц старик сильно сдал, он замкнулся и редко выходил на двор. Он теперь нуждался в посторонней помощи. Только Апситу позволял старик ухаживать за собой.

С появлением в Абазии посланников Юстиниана, спал накал страстей. Абазы держали слово и ничем не возмущали спокойствие гарнизонов и иноземных поселенцев, казалось, воцарился долгожданный мир на этой земле. Изредка возникавшие споры разбирал Ефрата, чем снискал себе доброе имя беспристрастного судьи. Прослышавшие об этом ромеи «добровольно» отказались от привилегий. Их уступчивость объяснялась еще и тем, что самые ярые зачинщики обидных действий неожиданно пропали, словно провалились сквозь землю.

Прохладным утром назначенного дня выехал из крепости пестрый отряд всадников в сторону подгорной дороги. Их путь следовал по древней тропе, связывавшей Абазию невидимыми с берега дорогами. Смешанный многочисленный отряд медленно двигался на запад, останавливался по просьбе Рисмага у многочисленных родников на привал. Апсит ссаживал старца с коня и подводил к источникам напиться. Этот каприз старца раздражал и Евстафия, и Ефрата, только перечить воле старика они не решались. А Рисмаг жадно глотал живительную влагу и всякий раз тихо говорил: «Проходит пора осеннего листопада».

Наконец отряд достиг Анухи, Рисмаг, сославшись на усталость, попросил оставить его здесь, на родных пепелищах. Начальники согласились, поручив старика Апситу. Основной отряд направился в Анакопу, где стоял римский гарнизон. Апсит же в спаленной усадьбе соорудил из ветвей шатер и усадил под него старейшину.

– Проходит пора осеннего листопада, – тихо заговорил Рисмаг. – Когда-то в этой усадьбе не стихали голоса многочисленных обитателей и гостей. Исполни мою просьбу, сын, передай моим бывшим соседям, пусть придут навестить старика.

Апсит задумался. Он вспомнил, что Рисмаг собирался посетить могилы защитников Трахеи, где покоится прах и его родичей. Почему передумал? Недобрый знак.

— Хорошо, дада. Я сообщу в Лашпсы, абазы будут рады встрече.

— Сын мой, в этой усадьбе умели встречать гостей. Не сочти за старческий каприз, вели соорудить столы и накрыть их по-нашему.

— Хорошо, дада, — согласился Апсит и поручил своей свите организовать все, да побыстрей.

— Сходите в Священную рощу к Аныхе, доставте вино из закопанных там ахапща¹. — сказал Рисмаг.

Апситу стало не по себе. Заметив замешательство юноши, старец добавил: «Не удивляйся, сынок. Просто выполни мою просьбу».

— Я сам схожу, дада. Сколько вина нам понадобиться?

— Сколько разыщешь. Мы помянем нашу опустошенную землю, оскверненные святыни наши. То будут проводы богов, покрытые сумерками.

Апсит собрал группу помощников и отправился выполнить наказ Рисмага.

Абазы отыскали нетронутые амфоры, посвященные Аныхе. Апсит черпал дрожащими руками вино и приговаривал: «Черпает не тот, кто заливал; черпает не тот, кто заливал, — потом сбивался и добавлял, — черпает другой, не тот, кто заливал»...

Когда меха, взятые с собой, были заполнены, оставалась нетронутой последняя ахапща. Ее Апсит вновь присыпал землей...

Обширный двор вокруг шалаша был расчищен и обустроен для приема гостей. В сторонке варилось мясо зарезанного по случаю быка, поодаль на огне дозревала просяная мамалыга. Разными дорогами во двор стекались люди, знаявшие Рисмага — последнего главу старейшин Абазии. Уже близились сумерки, а люди все шли и шли, быстро заполняя пространство усадьбы. Плотным кольцом окружили старца почтенные гости, другие, что помоложе, стояли поодаль.

¹ Глиняный сосуд для хранения вина (абх.). Амфора.

— Анухaa!¹ — дрожащим голосом обратился Рисмаг к приглашенным. — Я благодарен всем, кто уважил мою просьбу. Здесь вижу всех, кто дорог моему сердцу. Спасибо за то, что не презрели. И ты здесь — славный Урым во главе своего воинства. — Рисмаг оглядывался по сторонам и улыбался, Апсита колотила дрожь по всему телу, а старец смахивал дрожащей рукой набегавшие счастливые слезы. Анухцы растерянно смотрели друг на друга и оглядывались по сторонам.

— Сынки мои, не стесняйтесь, подойдите к отцу. — Люди, словно по команде, расступились, открывая дорогу призрачным «гостям». Рисмаг обращался в пустоту, кидая взгляды в разные стороны. — Где же Скепарна? Уж не удостоился я встречи с ним. — Голос старика задрожал от обиды. — Сегодня вы у меня в гостях, и я уйду с вами... Рассаживайтесь, это застолье возглавлю я.

Апсит поспешил к Рисмагу, чтобы помочь старцу, а он, словно юноша, поднялся на ноги и бодро направился к столу. Уселись и приглашенные, но не было веселья. Скованные необъяснимым поведением старейшины, гости глядели под ноги и молчали.

— Анухaa, — повысил дрожащий голос Рисмаг. — Вы словно не рады долгожданной встрече. Я вернулся к вам, пройдя много дорог, и принес добрые вести. — Люди оживились, за столом прошелся шепоток. — Для начала, я хочу видеть, с каким удовольствием вы вкушиете угощения, восхваляя Все-могущего Создателя нашего, как умиротворение и радость проникают в ваши сердца. Я слишком стар, чтобы высидеть застолье до конца. Вы же обещайте, что ничего из съестного не останется на завтра.

— Аминь, — раздались в ответ голоса, и люди приступили к трапезе. Апсит со своей командой обслуживал застолье. Одни разливали в кубки вино, другие подкладывали мясо и мамалыгу... Ничто не могло ускользнуть от внимательных ахадзгыла².

Сквозь тусклый свет зажженных фонарей Рисмаг пристально всматривался в лица гостей.

¹ Жители Анухи (абх.).

² Обслуживающие застолье (абх.).

Абазы поднимали кубки во здравие, за светлый день и добрые ночи, за хороший приплод и богатый урожай зерна; желали друг другу благоденствия, возносили благодарение Всемогущему и просили Егозаступничества. Все громче раздавались голоса подвыпивших мужчин, кое-где зажигалось веселье.

– Время пришло, – вновь обратился к пирующим Рисмаг. Люди замолчали и прислушались. – Я за долгую жизнь свою увидел многое. Потому позволю себе держать перед вами слово. Беда, наконец, отступила от нашей земли: можете радоваться, жить и трудиться спокойно и множиться. Чтобы только старцев вам приходилось провожать в последний путь.

Анухаа, пришло время возвращаться на родные пепелища. Стройтесь заново, возделывайте землю, размножайте скот. С недавних пор Абазию взял под защиту новый Бог, имя которого вы знаете. Его именем возродиться слава новой Абазии. Находясь в рабстве в чужой стране, я обращался с молитвой к «Ейха зымчу» и получал благословение. На земле Абазии я обращался с молитвенным словом к Иасе и получал благословение. Испытайте мое слово, и вы тоже получите свои знамения.

Идите к нашим святым местам, ухаживайте за Священными рощами и Аныхами, обустраивайте их каменными храмами, обителями новой Священной Силы.

Другая светлая новость для нас, что Абазия имеет земного вождя. Того, кто поведет вас к возрождению и справедливому благоденствию. Он стоит над вами и обслуживает, потому как отдает долги молодости. – Анухцы распознали о ком речь, и оглянулись на Апсита. – Следуйте за ним, потому как служение Абазии для него священный долг. Он вернулся домой с вашими сынами, вызволенными из плена и моим сыном, похищенным в детстве и нареченным в Риме именем Ефрата. Им всем суждено быть предводителями. Посланник Юстиниана Ефрата станет предстоятелем всех церквей, которые вы построите с ним вместе. Кто-то, из освоивших грамоту в Риме, будет править справедливым судом, другие высчитывать и собирать налоги, а кто-то будет служить в Бо-

жьих храмах. Пройдет много лет, прежде чем вновь в Абазии вспыхнет война. Никого из вас, и детей и внуков ваших не застигнет это тяжкое бремя. Живите счастливо и процветайте многие лета, страшное позади, трудное вам по силам.

– Рисмаг перевел дыхание и освежился большими глотками родниковой воды.

– Теперь, когда вы знаете свое будущее, поднимем кубки во славу тех, кто приблизил это время. Абазское воинство, возглавляемое афырхаца Скепарной, да упокоятся души ваши и отворятся вам двери в блаженный мир. Царствия вам небесного...

Рисмаг извинился перед гостями и перешел в шалаш, откуда скрытно наблюдал за гостями. Временами он удовлетворенно шептал: «Прошла пора осеннего листопада»...

Спустя три дня так и не разошедшиеся по домам гости хоронили Рисмага, согласно его завещания, на родовом кладбище, по христианскому обычаю.

Кончина последнего предводителя старейшин глубоко тронула абазов. Вместе с ним уходила эпоха свободной Абазии. Потому так печально звучал в его устах приговор прошлому, архитектором которого он всеми признавался. Никто из абазов не усомнился в искренности его прощального слова.

Пророчество Рисмага быстро разнесла человеческая молва. Его с воодушевлением передавали друг другу абазы и с удивлением пересказывали ромеи. «На все воля Господа, спасибо ему за то, что за нас все устраивает» – отвечал Ефрат на пересказ Апсита и еще больше замкнулся.

Ефрат громко рыдал в одиночестве и сухо держался при людях. Его печаль не могла быть скрытой от тех, кто по долгу находился рядом. Он оплакивал участь непринятого сына и непринятого отца, невозможность теперь каких-либо перемен. Горькие слезы не смягчали его несчастья, потому что он оплакивал и свои греховные слабости, не умея поступать так, как его знаменитый предок. Горячие молитвы, обращенные к Господу, отражались в нем самом приговором его недоверчивости к людям. «А ведь он все понимал, но поверил, умирал с надеждой, что я не опозорюсь перед своими соплеменниками. Он оставил слово, обошедшее всю Абазию, и умер, не дав

возможности мне что-либо обдумать или изменить. Теперь я, словно соучастник, скорее даже раб, не властен считаться с собой, или другими более могущественными мнениями. Я должен следовать его последнему слову. Что это: наказание или награда?» – мучался и тревожился Ефрата...

Из окрестных лесов потянулись в Ануху арбы, груженые домашним скарбом. Люди возвращались на свои пепелища... Те, кому были дарованы абазские земли, собирали свои поклажи и, не ропща, переходили на ничейные территории, заросшие лесом и кустарником. Абазы и ромеи общались, принимая происходящее, как неизбежность, предрешенную на небесах. Оставалось немного времени до первых холодов. Бывшие противники собирались в артели и сообща рубили лес и строили жилища: все вместе для каждого. Апсит со своими друзьями расчищали Священную Рошку, выполняя завещание покойного. Ефрата наблюдал за всем и дивился, как преображалась его страна. Приближался день Рождества Христова, на небе ни тучки, лишь прозрачная синь небесного покрывала...

Ефрата задумал отметить светлый праздник всей общиной, в сомнениях он обратился к Апситу.

– Рисмаг перед смертью завещал оберегать Священные Роши, выстраивать там божьи храмы и совершать в них молебны, – размышлял вслух Апсит.

– Но ведь это противоречит правилу, установленному в империи, – сокрушался Ефрата.

– В чем? Можно подумать, это правило не люди придумали. В их стране храмы строят в поселениях. Абазы же издревле почитают возвышенные живописные места и никогда там не селятся, оставляя их для Бога. Совершение молебна в чистом неоскверненном месте, посвященном Богу, не может противоречить уставу церкви.

– Пожалуй, ты прав, – соглашался Ефрата и все же колебался из опасения быть обвиненным в отступничестве.

– Посуди сам, наставник, они давно собирались строить церковь, и камень заготовили, а дело дальше не сдвинулось. Не потому ли, что Бог не благословлял. Давай остановимся на нашем решении, а там и знамение будет, – настаивал Апсит.

Знамения не случилось, если не считать, что на праздник Рождества Христова в Священной Роще собрались все жители Анухи, от мала до велика. Под открытым небом Ефрата провел богослужение, христиане усердно молились, абызы же с любопытством наблюдали и обращались к небу со своими молитвами на родном языке...

Ночью в Анухе выпал первый снег.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПОСЫЛ

Отшумели зимние шторма. В Абазии вновь наступила весна – пора труда и новых надежд. Плуг крестьянина порезал отдохнувшую землю, готовую к новым родам. Каждый житель имел свое дело, только незначительные отряды Себастополиса и Анакопы унывали от безделья.

Апсит ожидал римский транспорт, чтобы отбыть с ним в Константинополь на аудиенцию к императору Юстиниану. Разноречивые мысли терзали юношу. Письменный доклад, составленный Ефрата, он помнил наизусть. Там он увидится с подросшими абазскими мальчиками, там его ждут Стефаний и Рити, предстоит встреча с семейством Феофана и его дочерью Марией. Судьба тихонько нашептывала: «Эта поездка изменит твой мир...»

Транспорт, как обычно, прибыл с опозданием и долго болтался в море, прежде чем причалить к берегу Константинополя. Апсит ступил на береговую гальку и чуть не упал, закачавшись на твердой земле. Жаркий сухой воздух, слегка отдающий запахом моря, обжигал и дурманил. Собравшись с силами, он направился к дому Стефания...

– Нана, нана, смотри кто пришел, – радостно кричали дети, разыскивая Рити по всему дому. Апсит потрепал их по головкам, поднял на руки девочку. На призывы прибежала радостная Рити.

– Рити, ты какая-то необычная, – Апсит обнял сестру, радуясь переменам в ее внешности. – Редкую, однако, красавицу подобрал себе Стефаний, – шутил он, вгоняя в краску молодую женщину. – Где он – оплот семейства и наш большой друг?

– Стефаний на службе, мы сейчас отправим за ним посыльного, – ответил вместо матери Ака и выбежал, торопясь выполнить обещание.

— А ты, вон каков, братец? — разглядывала Апсита Рити. — Возмужал и в добром здравии — хороший посып для всех нас, — тоскливые нотки проскользнули в ее голосе.

— Да, Рити, нам есть, чему радоваться. В Абазии мир и созидание, добный ответ я привез в Константинополь, — поспешил успокоить он материнскую тревогу.

— Для начала, тебе следует помыться с дороги, а я пойду на кухню готовить праздничный обед. Ты не представляешь, как я рада!

— Да, Рити, — ответил Апсит и отправился в бани, там всегда курился пар над чанами с водой, бассейны сияли чистотой и наготове был банщик. Апсит забрался в чан и разморенный придремал. Беззвучно вошла служанка с чистым бельем, а старое забрала на стирку.

— Где ты, уж не запарился ли?! — раздался звонкий голос Стефания, пробудивший гостя. — Я с цирюльником прибыл, выбирайся.

Апсит засмущался своей наготе и пообещал, что скоро завершит все процедуры...

— Что будем делать с волосами, господин? — услужливо крутился цирюльник вокруг Апсита. — И борода нынче не в моде, молодежь из патрициев бреются начисто.

— Не знаю, тебе виднее, — Апсит проявил безразличие: его беспокоили другие мысли. «Для похода в палатин надо настроиться, но ведь император спросит, когда прибыл из Абазии? И как объяснять задержку с визитом? Сегодня есть полдня на настрой, завтра иду просить аудиенции. Феофана навещу завтра, после всего».

— Господин, все готово, — прервал его размышления цирюльник. — Погляди на себя, — он протянул полированное зеркало, Апсит огляделся и остался доволен своим преображением.

— Пожалуй, я пойду? — вопрошающе обратился брадобрей.

— Храни тебя Господь, благодарствую, — ответил Апсит и окунулся в бассейне.

В просторной зале восседали на подушках у накрытого яствами стола Апсит и Стефаний. К вечеру вернулся из пансиона Арт, поведавший гостю об успехах абазских мальчиков. Из них три десятка проявляли недюжинные способности к знаниям. Апсит записал их имена, намереваясь усилить обучение.

– У тебя серьезное дело, – перешел к главным вопросам Стефаний.

– Да, мне не помешает твой подсказ. Когда лучше по-пасть к василевсу?

– М, да, и не знаю, что сказать?! Юстиниан ввязался в богословские диспуты, рвет и мечет, словно одержим. Он объявил Вселенский собор, прибудут предстоятели всех церквей для обсуждения новелл и осуждения отступничества. Выдастся ли ему время на встречу с тобой? Обманывать не буду. Но ты сходи, оставь комиту доклад и жди, пока не позовут.

– Вселенский собор?! – удивился Апсит, – жаль, с Абазгии никого не позвали, ведь ни так часто созываются соборы.

– На этот раз все может затянуться дольше обычного. Папа¹ со своей свитой, долгое время обитающий в палатине под присмотром василевса, не принял новеллы, а открыто осудить их не осмеливается. Близится развязка – головы полетят.

– Сколько жертв готов принять Господь во имя свое?! – восхлинул абазг. – Или это искушение от дьявола?

– Мне до этого нет дела, и тебе не советую влезать. Уж сколько столетий позади, а все нет единого вероопределения. Нет и не будет, помяни мое слово.

…Апсит долго обивал пороги дворца, пока не удалось ему случайно встретиться с комитом Священных палат. Он разъяснил чиновнику свою цель, оставил доклад Ефрата и записку, в которой значился адрес Стефания, на случай, если он понадобится.

¹ Папа Римский – предстоятель Римской церкви.

После всего, Апсит в некотором смятении направился к своему бывшему попечителю, решившись выполнить сыновний долг. Он повернулся через квартал, туда, где стоял величественный Софийский Собор, желая заглянуть в обитель, где когда-то принял крещение. Площадь была забита людьми. Не сумев пробраться сквозь плотные ряды усталых прихожан, он остановился и осмотрелся – двери собора были заперты изнутри. Из-под сводов через окна пробивались звуки божественной литургии, предназначеннной для избранных. Он шепотом повторял слова молитвы и крестился, когда пение становилось отчетливым. «Третий день молятся взаперти, а о нас никто не вспоминает», – раздавались озлобленные голоса в толпе.

– Почему же так? – с удивлением обронил Апсит.

– Никак не вымолят божественного благословения на открытие собора. Василевс начинать не велит, вот и служат денно и нощно представители поместных церквей во главе со стольным патриархом ...

Апсит с трудом выбрался из толпы и окольными путями продолжил путь к Феофану.

* * *

Пятого мая 553 года в обширной зале, связывающей собор и патриаршие палаты, открылся Вселенский собор под председательством патриарха Константинопольского Евтихия. Рядом с ним восседали патриархи Александрийский и Антиохийский, заместители патриарха Иерусалимского. Помимо них, прибыли 145 епископов из провинций и шесть покорных епископов из непокорной Африки. На собор не явилась латинская сторона во главе с Папой Римским

Открылся собор слушанием обращения василевса, прочитанного силенциарием¹. Под видом истории вопроса в обращении прозвучала полная программа для суждений собора и в довольно требовательном тоне указаны ожидаемые

¹ Секретарь канцелярии.

от него постановления, как, якобы, самоочевидные и немогущие вызвать никаких сомнений. За главную задачу собора выдавалось искоренение последних остатков несторианской ереси. Предыдущее же привлечение епископата к подписке "Омологии" Юстиниана, вызвавшее серьезные разнотечения, объяснялось теперь лишь как консультация и подготовка соборного церковного мнения к настоящему Вселенскому собору.

"Мы, – писал Юстиниан в 6-й новелле, – озабочиваемся и о хранении православной веры, и о благоустройстве священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и соблюсти твердый порядок в государстве". "Те, кто еще не крещен, – декретировал Юстиниан, – да идут с детьми и женами и со всеми домочадцами во святые церкви. Они немедленно должны крестить своих малолетних детей. А взрослые должны заранее поучаться писаниям, согласно с церковными правилами. Если они не будут креститься, ссылаясь на военную службу или должность, или дела имущественные, и своих детей, жен, слуг и всех при них находящихся оставят в заблуждении и таким образом окажутся небрежными в этом деле, то описывать их имение и изгонять их из государства".

Постановления собора, принятые под нажимом васи-левса, не прекратили богословских споров, но легли в основу церковных законов и подлежали к исполнению для всех поместных церквей, несмотря на их оппозиционность. Наиболее упрямых епископов и даже патриархов усмиряли угрозами и изгоняли. Создалась временная видимость церковного единения, которая растворялась при новых обстоятельствах, часто менявшихся в пределах огромной империи.

На протяжении месяца была парализована светская власть столицы. Чиновники не рассматривали новые дела в силу особой занятости васи-левса, отдававшего все свои силы на разрешение главного церковного вопроса.

Апсит нашел семейство Феофана в добром здравии и скуче. Старшие возможно не изменились, а вот девчонки превратились в грациозных девушек с чертами столичных кокеток. Не уступала сестрам и Мария – изменились ее взгляд,

походка. Возвращение Апсита несомненно обрадовало девицу, ее чувства выражались в блеске больших глаз, передававшем порой нездоровье тревожные оттенки. Вроде бы всего несколько месяцев прошло, а что-то незримое встало между ними, мешало сблизиться и обняться, как в совсем недавнем прошлом.

Мария украдкой из-под приспущеных ресниц наблюдала за парнем, он же робко отводил взгляд в сторону, не находя прежних слов, делавших их искренними друзьями. Смущение, охватившее Апсита, не проходило. Он предпочел как можно быстрее покинуть дом Феофана, пообещав заглянуть при первой же возможности. Девушка сдержанно проводила его до калитки и долго смотрела в след, надеясь еще раз уловить долгожданный взгляд, если он обернется. А он не оборачивался, опасаясь встретиться с ней взглядом и еще больше смузиться. Он торопил свой шаг, чтоб не увидеть девичьих слез, особо горьких, от того, что сокрыты.

Апсит старался занять себя делом. Каждое утро он отправлялся в пансион и высиживал с абазскими мальчиками на занятиях, а потом подолгу рассказывал им о будущем Абазии и роли каждого из них в том времени. Его горячие речи распаляли воображение слушателей, вдохновляя на большее старание тех, кто не отличался прилежанием. Эти наивные, поначалу робкие, существа всесело доверяли ему – своему спасителю и благодетелю. Потраченные силы он с лихвой восполнял их доверием и любовью, и счастливый возвращался домой. Иногда он погружался в сладкие мечты и с удивлением обнаруживал себя на квартале, где располагался дом крестного. Он замедлял шаг, мог и вовсе остановиться, глубоко задумавшись. Вроде ничего не было предосудительного пройти мимо. Но тогда Апсит уличал себя в неблагодарности к семейству, принявшему и обогревшему его в трудное для него время.

«А если повернуть к дому и переступить порог? – тут он заливался краской и терял дар речи. – Ведь, придется встретить ее волнующий взгляд, полный смешения буйных чувств – от насмешки до упрека». Эти оттенки, почему-то бросались ему в глаза раньше других. А что если пересилить себя

и заглянуть поглубже? Почему не может быть, что откроется другое: страстная любовь и трепет девичьего сердца». Он набирался храбрости и направлялся к калитке, но почему-то, не останавливаясь, проходил мимо и оглядывался, пристыженный мыслью, что кто-то из домашних мог увидеть его.

Мария по-прежнему ходила в семинарию. Бывало, идет отрешенная, потом, спохватившись, оглядывается по сторонам, словно опасаясь упустить что-то важное. Ее глаза, на мгновение вспыхивавшие, затухали, кутаясь в пелену безразличия. Иногда ей нестерпимо сильно хотелось оглянуться, но она удерживала себя, пылая надеждой услышать знакомый голос, зовущий ее по имени. Тогда она замедляла шаг и напрягала слух, а потом уличенная самой собой впадала в краску и торопливо удалялась с места, засвидетельствовавшего ее девичью тайну. На помошь молодым пришел Феофан. Он распорядился посетить запретные холмы в ближайшее воскресение, предварительно пригласив туда и Апсита.

Юноша, не смея отказать и в тоже время смущенный приглашением, уговорил Стефания и Рити составить ему компанию. Дети Рити, прослышиав о походе, уговорили старших и тогда решили ехать все вместе.

Мужская половина скучала во дворе, ожидая женщин, занятых приготовлениями. Рити несколько раз присыпала служанку, чтобы передать извинения за задержку. Стефаний предвкушал радость по поводу выхода в свет любимой женщины и рассеянно блуждал взглядом по сторонам. Очарование свершилось внезапно, когда к ним бесшумно подошли мать и дочь, облаченные в новые одеяния. Мужчины восторженно загляделись на Рити, умело прикрывшую платьем свое особое положение, и ее дочь, впервые выходившую в общество, от того наверное чрезмерно возбужденную.

– Как я счастлив, что вы моя семья, – не сдержался Стефаний.

– Как я горд, что вы моя родня, – восхищенно добавил Апсит. Апка засмутилась и спряталась за спиной Апсита. Арт и Ака окружили мать и повели ее к колеснице, одним взглядом отметая желание смотреть в ее сторону.

— Какая у меня охрана, поглядите, — засмеялась Рити, указывая на своих сыновей.

— Чувствую, зададим мы тему для пересудов, тьфу, чтоб не сглазить, — обратился Апсит к Стефанию.

— Пусть, — гордо ответил он.

Нарядная кавалькада добралась на холмы, привлекая внимание знакомых и случайных прохожих. Семейство Феофана прибыло раньше, с его слов: «чтобы избежать жары в пути». Женщины и девицы здоровались, даря друг другу комплименты и принимая восторженные ответы. Мужчины сдержанно поздоровались и отошли в сторонку. Мария потянулась к Рити, вспоминая свадебное торжество, в котором она играла роль подруги невесты. Женщина обняла девицу и придержала подле себя. Мария с нескрываемой завистью разглядывала наставницу, отмечая про себя, что уступает ей в красоте и обаянии. От этой мысли у нее портилось настроение, она с ревностью смотрела на Апсита, затем на Рити и злилась на себя за свое несовершенство. Даже эта девчонка, намереваясь превзойти красоту матери, негласно спорила с ней за первенство. Распознав девичьи мысли, Рити увлекла Марию, дабы укрепить в ней уверенность.

— Девочка моя, — ворковала Рити, — как ты повзросла и расцвела, тебя ждет большое счастье. — Мария не сдержалась и проронила слезу. Рити прижала ее и расцеловала. — Не терзайся, родная, у тебя все будет лучше, чем у других, я в это верю.

— Как же? — сквозь слезы выдавила из себя Мария, он так переменился с тех пор, словно неродной. И не глядит на меня, и не заговаривает, будто мы чужие.

— Разве это просто заглядываться на такую красавицу? По-моему, он смущен, потому и нарочито сдержан.

— Думаешь, Рити? — с надеждой прозвучал ее голос. — Ах, как я по тебе скучала, — осмелилась сказать повеселевшая Мария.

— Отчего же не заходите к нам. Я всегда дома и дочь со мной. Давай исправляться, мы же через Апсита теперь все родные?! — Мария покраснела, услышав его имя. Рити притворилась, что не заметила, чтобы еще больше не смущать девицу.

– А и вправду, почему мы не ходим друг к другу? Надо спросить отца. – Мария, заговорщики посмотрев на собеседницу, сорвалась к мужчинам.

– Отец, отец... вот Рити спрашивает, почему мы не ходим к ним в гости, а я не знаю, что ответить. – Мужчина обернулся к дочери и улыбнулся.

– Родная, ты вольна поступать, как задумаешь. Это мы люди занятые, не всегда и часок можем найти.

Стефаний понимающе кивнул головой. Мария повернула назад, радуясь, что смогла поймать тайный взгляд, предназначенный только ей одной. Теперь она так благодарна Рити и зла на себя, что увидела в ее красоте соперничество.

Феофан и Стефаний заговорили о политике и торговле, Апситу показалось, что он лишний.

– Апсит, может, присоединишься к нам?! – окликнула Рити брата, словно распознав его мысли. Тот с надеждой посмотрел в ее сторону, откланялся мужчинам, на миг прервавший свой диалог, и подошел к женской половине.

– Помнишь, когда ты сбежал от нас на том жеребце? – с задором завелась Мария.

– Когда ты в пыли разыскивала меня по аллеям парка?! – продолжил Апсит.

– И нашла тебя говорящим с каким-то важным чиновником.

– Которого зовут Ефратा.

– Родом из Абазгии, и к нам захаживает. А еще: когда ты не вернулся из семинарии, какой был переполох. – Рити потихоньку отошла, оставив молодых одних.

– Ты пошла на мои поиски в кромешной темноте...

– Ты нашел меня первый и защищал от злых намерений...

– Устранил врага, которого выдумал...

– Ты не виноват ни в чем, это я...

– Нет, ты не виновата, все из-за меня приключилось.

– А помнишь, когда в парке у родника мы неожиданно встретились, как я перепугалась. – Апсит улыбнулся, согретый воспоминаниями, – ты тогда обнял меня, чтобы успокоить, а я вся дрожала.

- Твои глаза светились нежностью...
- А твои – заботой... Я не забуду, как мне стало спокойно и уютно в твоих объятиях...
- Это было больше, чем дружба, Мария.
- Ты не забыл свои обещания? – немножко смущаясь, но сдержалась Мария.
- Я вспоминаю все это каждый раз, как только выпадает свободное время.
- А теперь у тебя свободы больше, чем прежде, правда?
- Ты угадала, меня занимают две вещи. Ожидание ответа василевса и мысли о тебе, Мария.
- Ты не представляешь, какое счастье, когда о тебе кто-то думает, думает как ты, – поправилась она, опешив.
- Равноценное уверенности, что тебя ждут, хоть между нами моря и большое расстояние.
- Я девица, Апсит. И мое время не бесконечно, ждать я могу, но это мучительно. Я наверно подурнела от переживаний?
- О, что ты, я боюсь глядеть на тебя, чтобы не ослепнуть от исходящего от тебя света!
- Правда? – еще больше затрепетала Мария.
- А ты думаешь, что со мной?
- Надо видеться чаще, мы просто отвыкли друг от друга, оттого и глупые опасения.
- Ты права, теперь я думаю иначе, мне не так «страшно» быть рядом с тобой.
- Расскажи про Абазгию, про родную Ануху, мне кажется, что я полюбила твои края, словно родные.
- Хорошо! Рассказ будет долгим, давай пройдемся. – Они взялись за руки, и пошли по аллее. – Все поменялось, – начал Апсит, – я нашел другую страну, недоверчивую и застывшуюся. Там, куда пришелся удар римского оружия, едва затянулись пепелища и могильные холмики. Славная Ануха – царское село – заросло буйной зеленью неузнаваемо. Бывших жителей я разыскал далеко за его пределами в труднодоступных местах. Там я стоял над могилами защитников Трахеи, среди которых моя родня. (В глазах девицы навернулись слезы.)

Пользуясь особыми полномочиями, я объездил всю Абазгию от Себастополиса до Хашпста, куда прибыли и западные союзники на устроенное мной совещание. Я встречался с абазгами и беседовал с ними о будущем. Видишь ли, обстоятельства оказались выше их возможностей, потому, наверное, моя задача стала выполнимой. Дадалы поклялись, что не будут отвергать Господа нашего Христа и противопоставлять себя Риму. Теперь они ждут ответа Юстиниана, надеясь на лучшее будущее.

– Теперь на твоей земле мир и спокойствие?! – с радостным волнением спросила Мария.

– Мир и хрупкое спокойствие теперь зависят от васильеса, от его постановления.

– Я буду молиться денно и нощно, чтобы его ответ понравился абазгам, вы не должны больше страдать. Полученный урон не так легко восполнить. Но я вижу, какой ты, если все базы такие же, все у вас получится... Я слушала, когда ты говорил с Рити, у вас такой красивый говор. Научишь меня чему-нибудь? – Апсит утвердительно кивнул головой. – Как будет по-вашему Абазгия?

– Абазны, – ответил Апсит.

– Абазны, – легко повторила Мария и засмеялась.

– Как будет отец, мать, брат, сестра?

– Дада, нана, аища, аиахща...

– Я смогу, – Мария легко повторила незнакомые слова и загляделась на Апсита в ожидании похвалы.

– Быстахуп¹, – произнес он по-абазски и застыл, устыдившись признания.

– Я согласна, – ответила ромейка, словно признание прозвучало на родном ей языке. – Я твоя, – добавила она, – с того мгновения, как увидела тебя у нас дома. – Я буду ждать, сколько потребуется, только развей мои дурные сны, это придаст мне силы.

– Ты о чем? – удивился он, заключая девицу в объятия.

– Мне часто снится жуткий сон, что прождала тебя всю жизнь, чтобы оплакать бездыханное тело твое и возлечь с тобой на траурном одре...

¹ Ты мне нужна (дословно с абхаз.).

— Все будет по-другому, — прошептал Апсит и прикрыл ее дыхание поцелуем.

Встреча на запретных холмах вновь сблизила любящие сердца. Мария часто гостила у Рити, и тогда Апсит откладывал дела и оставался дома. Подобно костру, подкормленному сухими дровами, вспыхивал в их душах огонь, обжигая языками пламени неискушенные сердца. После каждой встречи крепло намерение Апсита жениться. Она же молилась, чтобы василевса посыпал открыл дорогу на возрождение Абазгии, что означало бы, что сбудутся ее девичьи мечты. Считал дни и Апсит, собирая новости о ходе Вселенского собора. Он все не завершался, словно специально, чтобы отсрочить его возвращение в Абазию. «Самое счастливое время, — будет когда-то вспоминать он, оглядываясь в прошлое».

В один из будних дней начала июня ко двору Стефания прибыл посланник с депешей для Апсита.

— Когда? — спросил Апсит, приняв депешу. Посланник отмолчался, всем видом показывая непричастность к порученному делу. Апсит сорвал печать и прочел послание.

— Завтра в назначенное время буду на месте.

Посланник кивнул головой и уехал со двора. Апсит засобирался на прием, перебарывая свою тревогу.

...В назначенное время отворился служебный вход палатина. Слуга подал знак Апситу, и они прошли в мрачную прохладу галереи. Апсит утикал холодный пот с лица и поспевал за слугой, который быстро вывел посетителя к двери с золотым талионом. Едва он постучался, как дверь беззвучно отворилась, приглашая Апсита в запретные покои.

— Помню, помню, раба Божьего, Пантелеимона, — раздался властный голос где-то вдалеке. Апсит растерялся, очутившись в большой зале, залитой множеством огней, слепивших его. Слуга подтолкнул посетителя, и он неуверенно шагнул вперед, все еще не видя хозяина голоса. Немного приблизившись, Апсит понял свой промах и поторопился к портику под золоченым куполом, в полумраке которого на богато украшенном троне восседал властелин. Неискушен-

ный высокими приемами Апсит вновь замешкался у самого трона и как-то невольно приложил правую руку к сердцу на абазский лад. Юстиниан прищурился и протянул ладонь для поцелуя.

– Спаси Господи, Отец наш, – понял свою ошибку абазг и приложился к припухлой ладони. Теперь он вспомнил, что должен был пасть ниц, и исступленно молиться за здравие венценосной особы...

– Присаживайся, юноша, нам предстоит долгий разговор, – повелел василевс, указывая на скамью для посетителей. Апсит неуверенно присел с краю и скромно опустил глаза, уступая любопытному взгляду хозяина.

– Абазг, ты принес добрые вести, подтверждая мое видение, – император не скрывал хорошего настроения, вызванного победой в церковном вопросе. – Сожалею, что пришлось вразумлять абазгов силой оружия, но раз теперь они поняли греховность своего падения – милость Божия вернется в их края.

– Абазги каются и ждут слова Кесаря, надеясь на милость и любовь вашу, – простодушно ответил Апсит.

– Будет моя милость, проси Пантелеймон.

– Я обошел всю Абазгию, во исполнение воли вашей, встретился с предводителями, управляющими народом. Они признали неправедность поступков и помыслов, направленных против Господа и римского владычества. Ждут они всемилостивого прощения, клянутся верно служить Вашему могуществу, а Веру Христову, по собственному рвению, они уже принимают крещением Ефраты, вами посланного. Они готовы строить храмы в местах, почитаемых ими за священные, если будет высочайшее благословение.

– Благословляю, раб Божий. Я несу обет, что построю абазгам храм Пресвятой Богородицы. Тот, кто поможет справить богоугодное дело, будет осыпан нашими щедротами, – василевс выжидающе остановился.

– Есть место достойное над Себастополисом, где с возвышенности открываются морские просторы и низины прибрежные. Это место видно и с кораблей, проплы-

вающих мимо или в гавань заходящих. Самое подходящее, чтобы выстроить храм во славу Веры Христовой. И Ефрата загорелся этой мыслью, полагая, что лучшего места не сыскать.

— Какой удел уготован моему спальничему, что разумеешь?

— Полагаю, быть ему крестителем и первосвященником Абазии новой, Христолюбивой. — Василевс задумался над ответом юноши, а затем одобрительно кивнул головой.

— Быть ему крестителем и первосвященником, патриарху Константинопольскому Евтихию в подчинении и окормлении быть.

Величайшие дары Божие, дарованные Высшим человеческим колюбием — священство и царство: одно служит вещам Божественным, другое управляет и заботится о вещах человеческих; и то, и другое происходит от одного и того же начала и благоукрашает человеческую жизнь...

Если священство будет во всем безупречно и причастно дерзновения к Богу, а царство будет правильно упорядочивать врученное ему общество, то будет благая симфония. Для того и писаны мной законы, утвержденные во всех уголках Римской империи.

— Я привез с собой клятву предводителей жить по законам справедливым, правящим во всей империи, только нет среди них никого, кто знал бы и правильно истолковывал бы положения кодекса. Потому просим Вашей милости направить в Абазгию людей обученных, знающих язык наш и обычай местные.

— Где ж их взять? Пусть обучаются греческому и латыни, во всей империи лишь два языка правят, а народов, объединенных под венцом, больше сотни будет. А те из варваров, кого положение обязывает, пусть отправляют отпрысков своих в школы для освоения правильных языков и грамоты, — император испытующе глядел на собеседника.

— Для обустройства школ понадобятся и средства, и наставники — ни того ни другого нет в Абазгии разоренной и обездоленной.

– А те юнцы, что состоят на моем попечении, задарма едят мой хлеб? Да надобно помнить тебе, Пантелеймон, что во всем виновны сами аbazги, потому как не платят в казну ничего, от того и немилость к ним. А ведь первая обязанность подданных и лучшее для них средство благодарения императору – уплачивать с безусловным самоотвержением общественные подати.

Станут аbazги подати платить – безмерной будет и помощь наша.

– Благочестивый Кесарь, прочный мир – залог процветания и порядка – никак не придет в Абазгию. Тридцать лет отдается там эхо войны, рождая смерть и насилие. Прикажите зачать светскую власть, установите архонта над аbazгами, доверьте ему властные полномочия, тогда воцарится благоденствие и порядок. И отроки, осыпанные вашей милостью, что проживают в пансионе, с ревностью будут служить. Одни смогут служить в храмах, другие высчитывать подати, третьи станут стратегами или учителями в родной стороне. Все, как один будут восхвалять имя Кесаря Присносущего и Благочестивого и Господа Бога, над всеми стоящего. Поступят подати в казну, будут средства на мосты и дороги, на крепости и школы, на церкви и монастыри.

Юстиниан, прищурившись, слушал Апсита, мысленно продолжая его речитатив.

– Пантелеймон, попросим Господа об освобождении Лазики от варваров. Как только уберутся они, настанут новые времена и для Абазгии. А пока распоряжайся отроками, отбери способных в семинарию, через пару лет будут тебе и судьи и священники. Первым делом отправлю с тобой строителей для закладки храма и укрепления крепости Себастополиса. Пусть аbazги отдают должное церкви, и тогда с Божественного Благословения все остальное устроится.

Судом пусть правят грамотные из ромеев – таков мой наказ. Подгадаем и время отплытия в Себастополис. Мои слуги свяжутся с тобой. – Юстиниан позвонил в колокольчик, из неоткуда объявился чиновник, сопроводивший посетителя в другую комнату. Теперь комит Священных палат расспрашивал все подробно и составлял запись, под кото-

рой понадобилось заверение Апсита. Далее они сговорились поддерживать тесное общение для уточнения разных обстоятельств, обычно возникающих при решении государственных дел. И хотя оставались неясными сроки возвращения домой, чиновник намекнул, что все может разрешиться самым неожиданным образом. Апсит заволновался, проницательный чиновник почувствовал неладное и осведомился о причинах замешательства. Юноша не находил слов, сгорая от стыда, а чиновник требовал ответа.

— Уменя осталось одно личное дело неразрешенным, — начал издалека Апсит.

Комит выжидательно молчал, не сводя глаз, словно охотник с жертвой.

— Разве могут быть у раба дела важнее поручения господина? — угрожающе прозвучало его замечание.

— Мое дело не противоречит и не мешает исполнению поручения. Я всего лишь задумал жениться, — запинаясь и краснея вымолвил Апсит.

— Кто она — из римлянок?

— Да. Она дочь патриция Феофана, состоящего на службе у Кесаря.

— Ах, так!..

Собеседник и не спеша вышел из комнаты.

Апсит тревожно оглядывался в одиночестве, уж не сказал ли чего лишнего, что могло бы навредить попечителю или его дочери. Он не успел обдумать все возможные последствия своего откровения, как вернулся комит в сопровождении монаха-священника. Апсит вскочил и приложился к бледной сморщенной ладони.

— Благословляю, — пробормотал он.

— Пантелеймон, — подсказал свое имя Апсит.

— Раб Божий Пантелеймон, благословляю тебя, — произнес монах. — Как зовут твою избранницу, знают ли родители о твоих намерениях?

— Ее зовут Мария, святой отец, мы вместе росли и полюбили друг друга. Это не могло остаться незамеченным для ее родителей, ставших моими крестными два года назад.

– Полагаю, тебе следует попросить у них благословения, вижу – чисты твои помыслы, – смягчился священник. – Если все по согласию, веди невесту под венец.

И тут же священник обратился к комиту:

– Не будет их союз помехой делам государственным, потому, как и государство, и церковь заботятся о крепкой семье.

– На все воля Господа нашего, – комит поспешил согласиться.

– Ступай, Пантелеимон, я помолюсь за тебя, – распорядился священник.

– Спаси Господи, как ваше имя, мой благодетель, за кого мне молиться Господу нашему.

– Раб божий Феодор, Феодор Аскида, – последовал ответ от удалявшейся монаха.

Просветленный и счастливый несся Апсит по многолюдным улицам города, чтобы открыться ей и всему миру о своем твердом решении...

В первое субботнее утро из дома Стефания выехала нарядная кампания с намерением сватать невесту. Всю дорогу шутил и громко смеялся Стефаний. Звонким эхом вторила ему Рити, вызывая блуждающую улыбку на лице жениха. Кавалькада двигалась медленно с подчеркнутой торжественностью. Кони под повозками и всадниками, украшенные разноцветными тканями, часто мотали головами, вздергивая разноцветные ленточки. Изредко подымался ветерок, по-своему заигрывая с цветными лоскутами. Замыкали колонну две повозки, груженные сундуками с подарками.

В доме Феофана ждали гостей. Мария трепетно разглядывала себя в зеркала и удовлетворенная, на время успокаивалась. Сестры держались в стороне, солидарные в смешении чувств радости и ревности к чужому счастью. Младший братишко – наивная душа – радовался своим фантазиям. Мать то и дело смахивала слезу и улыбалась, вспоминая свое замужество. Феофан скрылся в кабинете, где перекладывал исписанные папирусы, дабы убить время и успокоиться. Слуги сновали по дому, переполненные чувством уверенности, что в такой день не подведут хозяев.

В договоренное время во двор въехала повозка нанятых по случаю лицедеев, обязанных украсить торжество своей игрой и весельем. Ряженые в дешевые костюмы они вызывали смешки у прислуги. Самый старший, с седой бородой, одетый в римскую тунику с лавровым венком из мишуры, предполагавшийся в роли распорядителя сватовства, походил то ли на греческого божка, то ли на императоров первого Рима. Он ходил вокруг повозки, опираясь на «царский посох», изредка покрикивал на участников труппы или бормотал слова из заготовленного сценария. Пара полунагих девиц, игравших роль гетер, сально похихикивали и подначивали «божка-императора». Их озорная перебранка смешала ребятню, разглядывавшую лицедеев сквозь щели изгороди. Некоторые из подростков удобно устроились на деревьях, надеясь весело провести время.

Опустевшую повозку актеры задрапировали, предполагая, что теперь она послужит пещерой. В нее они спрятали от посторонних глаз Марию.

Скоро стали подъезжать гости – друзья и приятели хозяина дома, затем подъехала и кавалькада жениха. «Божок» оживился и призывал публику к тишине. На его призыв проснулась большая собака, прикованная цепью к повозке, и обляяла неугомонных. Похоже, ей была отведена роль Цербера, хранителя врат в подземное царство Аида. Как только свита жениха расположилась во дворе, распорядитель начал свое незамысловатое действие. Он поведал присутствующим легенду о том, как некий юноша, влюбленный в девицу необычайной красоты, обнадеженный на успех, отверг страстные желания гетер, полюбивших статного юношу.

Тут вступили в роль девицы-гетеры, воспевшие гимн мужской красоте и силе, своей страсти к молодому красивому телу. Апсит вошел в роль и презрел несчастных. Те же, оскорбленные отказом, поклялись разыскать девицу, полюбившуюся герою и спрятать ее далеко, в подземном царстве Аида. Затем они с показной покорностью протянули потир Апситу, наполненный заговоренной жидкостью. Апсит отпил глоток и вернул потир гетерам.

– И юноша заснул беспробудным сном на три дня и три ночи, – продекламировал распорядитель. Ничего не оставалось Апситу как растянуться на траве, изображая глубокий сон.

Тем временем, гетеры призвали злых духов и уговорили их на преступление, напомнив об услугах, которые оказывали они им в прошлом. Когда рассказ распорядителя о характере услуг не действовал, гетеры принялись изображать, как некогда они ублажали духов, уступая их просьбе, против собственного желания. И вот духи сломлены, хотя и опасаются мести богов, которые запрещают забирать в подземное царство тех, кто не испил чашу судьбы сполна. В диалог врываются распорядители судеб, случайно подслушавшие разговор. Они призывают духов к благоразумию, отговаривают совершать дурное дело. Но гетеры прибегают к колдовству и ссорят меж собой распорядителей судеб. Они рассказывают злому ангелу, что когда девица только родилась, злой распорядитель крепко спал, а добрый наделил ее судьбой самочинно, чем и нарушил древнейшее правило «давать всего в меру». Для убедительности откуда-то появилась молодая женщина с грудным младенцем на руках. Женщина светилась счастьем, а ребенок сосал грудь и мирно подремывал. Воспользовавшись спором распорядителей судеб, перешедшим в драку, злые духи разыскали девицу, полюбившуюся гордому юноше, и передали ее в царство Аида. (Двоих мужчин приволокли большой сверток из ковра и уложили в повозку). До того лежавший мирно пес поднялся и грозно оскалил зубы, подтверждая, что никому не выйти на белый свет.

– Но вот проходит трое суток и просыпается околдованный юноша, – повествует ведущий. – Он с трудом припоминает прошедшие события и опечаленный идет на поиски возлюбленной.

Апсит, подчиняясь сценарию, приближается к повозке, возле которой видит двух покалеченных распорядителей судеб и огромного пса на цепи.

– Что здесь приключилось? – спрашивает юноша.

Злобно шипя и перебивая друг друга, распорядители судеб рассказывают, как околдованные не смогли противостоять злонамерениям злых духов, выполнивших просьбу отверженных гетер.

— И теперь твоя возлюбленная, рожденная для счастья и радости, находится в подземном царстве, откуда никто еще не выходил на белый свет, потому что злобный Цербер охраняет врата Аида, — поведали страшную тайну комедианты.

Апсит подошел к псу, тот еще больше оскалил клыки, подтверждая верность прозвучавших слов. Апсит схватился за голову, и, казалось, вот-вот заплачет. Но ему на выручку пришел распорядитель, поведавший, что знает, как следует сладить с Цербером. Апсит сделал удивленную гримасу, распорядитель продолжил роль.

— Юноша, это страшное животное, состоит из сплавов разных металлов, не подвержено ни горению, ни гниению. Только изредка ему дают вкусить серебряных монет, чтобы насытить его утробу и сделать добрее. Так, укладывая покойника в могилу, наши предки снабжали его несколькими монетами серебром, предназначеными для его ненасытного брюха. Угадай герой, сколько монет и какого достоинства необходимо, чтобы задобрить Цербера?

Апсит задумался, у него ни гроша не было с собой.

— Пусть забирает все, мне ничего не жалко, — сказал жених, надеясь на завершение действия.

— Похвально, герой, так докажи свое великодушие, — возвал распорядитель.

К Апситу подбежал Арт и вручил ему кучу монет.

— Хорошо, приступим. Вот, забирай Цербер мои дары, мне ничего не жаль, только отпусти мою невесту. Пес потянул морду к ладони и аккуратно слизал серебро, вызвав бурю аплодисментов удивленных зрителей. В ладони остались медяки, Апсит, удивленный, улыбнулся: «Ну что сторговались псины?» — последовал его вопрос. Пес виновато огляделся и мирно разлегся у повозки.

— Твоя взяла, забирай свою невесту, — постановил распорядитель.

Апсит заглянул в повозку, к нему протянулась рука. Жених взялся нежно за протянутую ладонь и осторожно вывел невесту во двор. Раздались громкие аплодисменты. Мария мило улыбалась под пристальными взглядами собравшихся людей. К ней выбежал из толпы братишко, едва справивший-

ся со слезами, и обнял за ноги. Подошел Феофан и поцеловал жениха и невесту. Затем подходили другие и поздравляли молодых. Распорядитель, предполагавший продолжение действия с объявлением сватов и перечислением подарков, смекнул, что обойдется и без него. Лицедеи быстро побросали свои пожитки на повозку и уволокли ее со двора, впряженных в оглобли, вместо лошади.

...Слуги выгружали сундуки с подарками и заносили их в дом, вокруг подарков крутились женщины и девицы, обсуждая новую моду и дары. Мужчины прятались от солнца в парке, там же стояли накрытые столы. В большой гостиной беседовали старые знакомые. Апсит вручил невесте драгоценный перстень с камнем. Мария клялась в любви и верности, Апсит тайком повторял ее слова. И хотя обе стороны разделяли радость и согласие, Мария оставалась в родительском доме до обряда венчания. Сваты назначили свадьбу на следующую субботу.

«Ничего не должно стрястись», – успокаивала себя Мария.

«Все будет хорошо», – укреплялся духом Апсит.

Высшие силы оставались верны молодым. Через неделю пышно отпраздновав венчание, Апсит и Мария стали мужем и женой. По настоянию Рити, молодожены остановились в отдельном крыле их большого дома. Неделю они не выходили на люди, по абазскому обычаю, скрываясь от глаз. Может это продолжалось бы вечно, если не подвернулся бы случай.

В будний день в дом Стефания прибыл вестовой. Он оставил наказ явиться Апситу во дворец, как можно скорее. Объятая волнением, Мария побежала к Рити вся в слезах, Апсит быстро собрался.

Во дворце абаза встретил комит Священных палат и вручил послание Юстиниана, выведенное красивым почерком канцелярского писаря. Директива была составлена на двух языках и состояла из краткого списка полномочий и обязанностей.

Из указа василевса следовало, что Ефрате назначается епископом Абазским и настоятелем нового собора, который надлежит выстроить за короткие сроки в окрестностях Себастополиса.

Пантелеимон назначается помощником комита римских войск в Абазгии. Пантелеимону надлежит доносить абазам суть указов и постановлений императора, а также испрашивать их выполнения, на что он волен распоряжаться военными силами, размещенными в Абазгии. Далее следовало, что как только установится прочный мир с персами, указ будет пересмотрен и заменен последующим. А пока следует всем миром молиться Господу Богу за приобщение абазгов к православной церкви и спасение их душ, за изгнание варваров из христианских земель, издревле империи подчиненных.

— Твое высокое положение, Пантелеимон, прими как свадебный подарок, — сказал и сухо улыбнулся чиновник, — и ревностной службой отплати Кесарю за его великую милость. И еще: ты волен распоряжаться по своему усмотрению судьбами отроков, остающихся здесь, в пансионе.

— Спаси Господи, за все, я могу попросить об услуге?

— Испрашивай...

— Мне надобно взять с собой тексты новелл Юстиниана Великого, дабы справедливость не толковалась кем-либо по личному усмотрению.

— Что ж, и то верно, получишь перед отплытием.

— Когда нам следует отплыть в Абазию?

— Скоро, совсем скоро. Будь готов со дня на день. Сейчас транспорт загружается мрамором с Проконнеса¹ и провизией для гарнизона. Тебе поручено доставить груз и строителей в Себастополис. И еще: ты отвезешь деньги и передашь их комиту под расписку. Только смотри, не растеряй ничего.

Молодая супруга едет с тобой?

— Да, мы отываем вместе, — смутившись, отвечал Апсит.

— Вот и хорошо, ступай с Богом...

¹ Остров в Мраморном море.

ХРАМ ВО ИМЯ БОГОРОДИЦЫ

Большой римский транспорт медленно шел к Себастополису, опаляемый жарким июньским солнцем. Мария, укрываясь в тени парусов мечтала о новой жизни в неведомой, но уже полюбившейся ей стране. Апсит жил прошлым, переживая расставание с Рити, ее детьми и тревогой за возложенные на него обязанности. Ни днем, ни ночью он не расставался с деньгами и папирусом, спрятанными под одеждами. Перед отъездом он успел распорядиться о переводе 30-ти мальчишек в семинарию, наказав им быть лучшими в послушании и учебе. Арт и Ака были зачислены в юридический колледж, что и послужило очередной отсрочкой их отплытия в Абазию. «Это ваше последнее и главное испытание перед возвращением домой», – был наказ Апсита. Отроки расстроились, однако не посмели ослушаться. Они все же боялись, что нескоро Апсит вернется в Константинополь, и выпросили разрешения отправиться в Абазию самим, по окончанию курса.

«Там, на другом конце Понта, где лежит родная земля, предстоит заложить камень своего дома-крепости, где взрастет мое семя – начало рода, погребенного обломками Абазского царства». – Апсит украдкой поглядывал на счастливую молодую жену и становился мрачным: «Она не предполагает, что ничего ей привычного, там не будет. Благо, хоть верная служанка рядом».

Охваченная надеждами Абазия ждала своего посланника, а ему нечего было им сказать, кроме того, что следует ждать великой милости, до тех времен, когда персы уберутся восвояси. А теперь абазам следует признать Христа и главного архиастыря – Юстиниана Великого. А ведь василевсу неведомо, что такое Абазия и Кавказ, насколько разнятся взгляды на вещи, видимые с разной высоты. «Остается толь-

ко обнадеживать своих сторонников, приумножая их число словом и делом. Молодец Стефаний, что помог снарядить приличный запас соли, сейчас абазам такая помощь убедительнее любой грамоты».

Ромейский транспорт прибыл в Себастополис, там хозяйничала лихорадка, пробужденная июньской жарой. Немногие из гарнизонных воинов, еще державшиеся на ногах, принялись разгружать судно. Грузный комит с лицом землянистого цвета, обливаясь десятым потом, отдавал приказания из-под жидкой тени молодой акации, оставленной на берегу для таких случаев. Никого из абазов в крепости не оказалось. Отправленный за ними вестовой быстро вернулся, встретившись на полпути с Ефрата и другими абазами, спускавшимися с горы, чтобы услышать новости. Они, дабы избежать лихорадку, предусмотрительно обосновались в нагорном лагере, заложенном еще царем Скепарной.

– Спаси и сохрани, Господи, – воскликнул Ефрата, повстречав Апсита, и обнял его с несвойственной ему теплотой. Апсит поздоровался со всеми и повеселел. Столько тепла и надежды излучали их лики! Юноша быстро сообразил, что лучше им сказать от имени василевса.

Завидев на берегу двух молодых женщин, Ефрата приглядился и воскликнул:

– Ба, так ты, похоже, с молодой женой, ну и дела, – не дожидаясь ответа, он поспешил к ним, чтобы принять на себя все заботы. Новость в мгновение разошлась – абазы поздравляли Апсита, а он смущенно принимал поздравления, не зная, что и ответить. Тут подоспел Ефрата, ведший Марию к группе абазов.

– Раба Божия Мария, дочь Феофана, запоминай эти лица, – шутливо заговорил Ефрата, – теперь мы все твоя семья.

– Я очень рада, отец, – приветливо улыбалась Мария. – Только не называйте ваши первые имена, я их все равно не запомню, они необычны для моего слуха.

– Как тебе запомнить, если я по сей день путаюсь? Да и пора им перемениться.

Абазы, привыкайте к именам, данным во время крещения, следуйте ромейскому закону...

Наделенные полномочиями мужи отошли в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз. Только им понадобился свидетель. Призвали они и священника Петра. Апсит развернул свиток и прочел Юстинианово послание вслух. После каждого пункта он выдерживал паузу, священник усердно молился и выразительно вздыхал, показывая одобрение. Комит безразлично смотрел в сторону, скрывая искренние мысли и желания.

— Благослови, Ефрата, раба божьего, — приложился к ладони новоявленного епископа Петр и смиленно склонил голову.

Ефрата смутился, потому как сам недавно просил у Петра благословения. Комит огляделся на нового помощника. Апсит поспешил передать деньги начальнику при свидетелях и отрапортовал, что прибыл в его подчинение.

— Ну, и слава Богу, — безразлично ответил комит и удалился к себе. Вроде ничего не угрожало его положению и интересам. «Себастопольский воздух быстро развеет их сладкие мечты, — злорадствовал он, имея в виду Апсита и его молодую супругу».

Комит все же проявил великодушие, предоставив новобрачным отдельную ветхую хибару с одним окном на две комнатушки под соломенной крышей, протекающей в непогоду. Но никто не заподозрил чиновника в недружелюбии, потому как в крепости ничего лучшего и не было. Апсит снес небольшие пожитки в хижину и огляделся на стены. Мария обняла любимого, чтобы успокоиться. А его не покидала тревога за молодую жену, которой суждено было пройти через все невзгоды лагеря, пропитанного лихорадкой.

— Я сильная, я справлюсь, — ворковала ему в ухо Мария. — Мы же не вечно будем здесь — перетерпим, не правда ли? — женщина доверчиво заглядывала мужу в глаза, выпрашивая одобрение через поцелуй.

— Нам было бы лучше в родной Анухе или Анакопе, но теперь я не волен самостоятельно действовать.

— Я буду молиться и за тебя, и за себя, дорогой, Господь Бог не покинет нас.

— Верно, милая, — успокаивал молодую жену Апсит.

Ежедневно с раннего утра Апсит вставал и обходил крепость, стараясь занять себя каким-либо полезным делом. Комит поглядывал на помощника, понимая юношеские устремления, но не разделял их. Он узнавал себя в молодости и ехидно посмеивался, выжидая время, когда в Апсите перегорит никому ненужное рвение. Слух о возвращении Апсита с особым посланием быстро обошел Абазию, дадалы недоумевали в ожидании визита посланника, а время шло, дополняя вопросы тревожными догадками. На горе, возвышающейся над Себастополисом, развернулась кипучая деятельность. Там заспорились земляные работы, на склонах каменотесы добывали камень и рубили блоки, а Апсит унывал без дела, злясь на себя, на комита, на Юстиниана, выбравшего ему никчемную роль помощника главного бездельника страны. Десяток абазов, поначалу оставленных им при себе, вернулись в лагерь на горе. Быстро проходили короткие, жаркие летние дни, сменявшиеся душными томительными ночами. В одну из таких ночей он проснулся от толчка в бок и услышал рядом тихий стон. Это была Мария. Она была не в себе, то бредила в жару, то стонала. Апсит перепугался и позвал на помощь служанку. Они, сменяя друг друга до рассвета, прикладывали холодные примочки к голове и груди больной. Терпение Апсита к рассвету истощилось. Он метался по двору крепости в ожидании пробуждения комита. А тот, словно нарочно тянул время, чтобы продлить мучения Марии. Все же дождался Апсит, когда комит вышел во двор.

— Позволь обратиться, начальник, — подбежал к нему Апсит, не скрывая раздражения.

— Что-то важное случилось, раз ты дожидаешься у порога?

— недоброжелательно спросил ромей, — говори, чего желаешь?

— Стратег, — немного поостыл Апсит, — у меня случилась беда, жену лихорадит.

— Ну, уж никуда от этого не денешься! — невозмутимым тоном ответил ромей.

— Отправь меня в Анакопу, или Ануху, там все же другой воздух, или отпусти на гору к строителям. Нам ничего не надо: ни жилища, ни довольствия. Мы обустроимся сами, лишь бы ее спасти ...

– Ты не можешь жить как частное лицо, ты на службе. Думаешь, мне тут сладко, мы – воины, службу не выбираем, а ее отправляй, куда находишь полезным.

– Как же ее одну отправить, она не знает никого, здесь ей все чужие, – в голосе Апсита прозвучала мольба.

– И то верно, – призадумался ромей, выстраивая в голове возможные комбинации. – В Анакопу, говоришь? А что? И в самом деле, отправляйся в Анакопу. Только смотри: двум петухам в одном курятнике тесно будет, там ведь свое гарнизонное начальство – новичку рады не будут.

Апсит радостно кивнул, хоть и понял, что комит проговорился.

– А чем я им помеха? Пусть живут, как знают. Ее я смогу разместить в Анухе, все же недалеко от Анакопы, буду на ведываться.

– Смотри не горячись, не лезь со своим уставом. Знаю я вас молодых – сначала делаете, а потом думаете.

– Возьму с собой несколько человек, отправимся на галере, как можно скорее, – Апсит пропустил мимо ушей наставления начальника. Сейчас это было не важно.

– Ну, ну, действуй, скажешь гарнизонному, что я прислал, пусть будет поступчивей, а то у него дрянной характер, не уживается ни с кем.

Прежде позови лекаря, пусть осмотрит молодую, хотя не верю я в его порошки, все одно кладбище растет, – он махнул рукой на север, указывая на некрополь, разросшийся прямо за крепостной стеной. Апсит вздрогнул от неприкрытой простоты начальника и пошел для вида вызывать лекаря, которому тоже не доверял. Абазы издревле знали способы борьбы с лихорадкой. Там, в родной Анухе ей непременно поможет старая знахарка Гуагуа. Он придумает как уговорить ее приготовить снадобье, несмотря на запрет ромейского начальства, подозревающих старуху в колдовстве. Скольким жизнь спасла старуха, поставила на ноги!

Апсит окрыленный твердой решимостью, как можно быстрее уехать из крепости, свернул с тропинки, ведущей к хижине лекаря, и побежал в гору к своим, чтобы собрать группу для отплытия в родную Ануху.

* * *

На западе Абазии собирались дадалы, чтобы обсудить свои дела. Обеспокоенные неведением, мужи громко возмущались, подозревая Апсита в словоре с ромеями.

– Хоть бы просто навестил, поведал о нашем положении, – негодовали дадалы, не зная, что предпринять.

– Не будем оговаривать человека, – предложил старейшина, – лучше отправить гонцов, а там рассудим, как быть. Не похож он на лгунा и притвору.

– Это и мы знаем, скорее он впustую нас обнадеживал, выдавая свои мысли за чьи-то решения: поспешность – главный грех молодых, а теперь скрывается, не зная, что сказать, – выдвигали доводы несколько дадалов.

– Так или иначе, надо собираться в дорогу, – рассудил спор жрец. – Я готов идти в Себастополис, чтобы повидаться с ним.

– Почему в Себастополис? Может, он остановился в Анакопе или Анухе, а может и вовсе сбежал в Константинополь? Тогда наши труды окажутся напрасными, – сомневались скептики.

– Путь в Акуа лежит через Ануху – доберемся до нее, а там решим, что дальше делать, – постановил старейшина.

– И то верно, – поддержал его жрец, – что попусту воздух сотрясать, когда собираешься в дорогу надо.

– Вы и отправляйтесь, раз доверяете Апситу, – предлагали скептики.

– И так, утром выходим в путь, – посмотрели друг на друга старейшина и жрец. – Но только не кажется вам молодым, полным сил мужам, что стыдно старииков одних отправлять в дальнюю дорогу, пусть хоть один из вас разделит с нами тяготы пути и будет свидетелем разговора.

Совещавшиеся посмотрели на скептика, как на самую прочную гарантию достоверности пересказа. Тот поначалу затерялся за спинами, кто-то выкрикнул его имя. Дадалу стало стыдно, он нехотя вышел и потупил взор.

– Завтра на рассвете встречаемся у трех дорог, – постановил старейшина, и шум поутих.

Дадалы неспешно расходились, удовлетворенные принятым постановлением.

* * *

В крепости Акуя¹ царило оживление, провожать Апсита и Марии пришли все абазы, во главе с епископом Ефратом. Соль, привезенная из Константинополя лежала в трюме галеры, команда проверяла канаты. Обессилевшая Мария с трудом ступала по гальке, поддерживаемая верной служанкой и долговязым Барнуком. Ефрат со слезами на глазах благословил в дорогу молодых, обещая неустанно молиться за выздоровление больной. Десять абазов поднялись на корому с немногими пожитками, свернутыми в узлы, вооруженные штатным оружием.

– Апсит, как быть с твоим конем? Может доставить его в Анакопу? – спросил Джат.

Апсит засиял и благодарно кивнул в ответ.

– Будет сделано, вождь. Твой конь встретит тебя там сегодня вечером.

– Примите мою благодарность, – обратился к остававшимся на берегу Апсит, и подал команду к отплытию.

– Ну, с Богом, – Ефрат перекрестил отплывающих, галера тронулась на веслах, рулевой выбирал курс, а провожатые с тоской на сердце медленно возвращались на гору.

Мария лежала в тени паруса на палубе, подложив под голову узелок с пожитками. Галера неспешно разрезала водную гладь, изредка покачиваясь от толчков подводного течения. Мария держалась, чтобы не показывать своего дурного самочувствия и не впасть в забытье. Она разыскала взглядом Апсита, стоявшего на носу, и не сводила с него глаз, словно мечтая приковать к какой-то точке. Временами Апсит оглядывался на жену и успокаивался, ловя на себе ее застывший взгляд.

¹ Себастополис

Там на удалявшейся стороне еще можно было различить фигуры людей, занятых строительством храма. Вершина горы, обнаженная от растительности, проглядывалась земляным валом – площадкой под фундамент. Апсит перекрестился, представив храм с медным куполом и золоченым крестом на вершине. «А ведь правильное место мы выбрали, – порадовался он. – Бог не может покинуть нас в такое важное время».

* * *

Начальник Анакопского гарнизона разглядывал с цитадели силуэт галеры, вошедшей в русло Псы и нервно почесывал правую ладонь. Вопреки его ожиданиям немногочисленный отряд не спешил идти в гору. Ему не за что было переживать, там внизу у причала стояли на посту его воины, которые смелы и смекалисты. «Не враги, и не друзья; то ли абазги, то ли ромеи, а что у них на уме, не угадаешь», – размышлял он, теребя спутанную бороду.

Неспокойным взглядом он оглядел бескрайние морские просторы и вспомнил свое родное селение и дом родной. Тоска поглотила ромея. Временами колышащаяся под порывами полуденка морская гладь ему напомнила родные нивы колоссящейся пшеницы. Он вспомнил жену, которую не видел десять лет. «Каково ей там?» – впервые встревожился ромей. Все эти годы он старался ее не вспоминать. Случилось так, что поссорившись с женой, он оставил крестьянский труд и подался в войско. «Ждет ли она мужа, или давно похоронив его в своем сердце, с другим нашла любовь и утеху?» Ромей задумался о своей жизни и в сердцах выругался. Уходил он из дома молодым – удалой красавец, полный надежды поправить семейные дела. С него требовали приказчики выплату долгов перед казной. Поэтому он завербовался в армию, сменил неблагодарный крестьянский труд на невзгоды военной судьбы. Все это время он отправлял половину жалования семье на содержание. Многие из его знакомых добились боль-

шего на военном поприще. Ему же суждено коротать свои годы в этой далекой стране, где золотой большая редкость. Здесь за каждым кустом поджидает опасность, а тишина обманчиво убаюкивает зазевавшегося в саван. С недавних пор аbazги не берут римлян в плен и не оставляют улик в преступлениях. Только стоит кому-нибудь зазеваться в ночи или сбиться с дороги, как он просто без вести пропадает. Много раз он лично отправлялся на поиски пропавших. Розыски не давали результатов, на все вопросы аbazги отрицательно покачивали головами и закатывали глаза к небу.

– Командир! – раздался резкий голос из-за спины. Он вздрогнул и обернулся. – Из Себастополиса прибыла группа аbazгов, в подчинении Пантелеимона, просят коней или повозку.

– А зачем им повозка? – удивился Лука.

– Не могу знать, посыльный здесь, может, он прояснит?

– Воин показал рукой на ворота, у которых стоял долговязый Барныку, переминаясь с ноги на ногу.

– Пойди сюда, – приказал командир посыльному.

Барныку большими шагами приблизился к начальнику.

– Так зачем вам кони или повозка понабодились?

– Мой командир, Пантелеимон – помощник комита Евстафия – любезно просит помощи, – отвечал Барныку, притупив взгляд.

– Какой-то ты непонятливый, отрок. Отвечай на мой вопрос, не темни.

– Помощник комита Пантелеимон просит коней, – повторил Барныку.

– Помощник комита, помощник комита... – возмутился Лука. – Передай помощнику комита, что в крепости коней не осталось. Не вы ли опустошили конюшню не так давно? А повозку можешь забрать, если утянешь на себе, – ромей обидно оскалился, на лицах слушавших заиграла язвительная улыбка.

– Я передам твое слово помощнику комита, Пантелеимону, – едва сдержался Барныку и быстро удалился из цитадели. Он шел, не оглядываясь, чтобы скрыть обиду и не ответить также резко и не ввязаться в драку.

«Недобитые сынки униженных отцов, – грозно шипел Лука, – моя бы воля, ух, я бы вам устроил! Притворились ромеями, чтобы избежать плачевной участи пращуров. Вы еще скинете свои лживые маски, тогда и схлестнемся. Меня вам не провести. Будете биты всегда, пока не приучитесь к покорному услужению». Его гнев вызвал удивление подчиненных, они поспешили разойтись, чтобы не попасть под горячую руку начальника.

– Так для чего им повозка понадобилась, может, знает кто? – спустя время принял расспрашивать Лука. Подчиненные отрицательно качали головами. – Тогда сходите к берегу и узнайте, зачем пожаловал этот новоиспеченный ромей...

... В преддверии сумерек по подгорной тропе спускался Джат верхом на Араще. За ним следовал другой конь, заневоленный уздой. «Какое удовольствие восседать на тебе!» – мысленно обращался он к Аращу, передавая животному свое превосходное настроение. На развилке дорог Джат немного задержался, наугад выбирая путь. Однако конь, не привыкший долго раздумывать, сам свернул к Псырте, оставив ущелье и дорогу в Ануху справа. Джат подчинился, потому как выбор был не велик. Все же легче будет разузнать новости об Апсите на берегу, нежели наугад ходить по горным тропам. Конь двигался быстрым шагом, переходя на бег на покатостях. Временами он оглядывался, тараща глазищами, и, раздувая ноздри, принюхивался.

– Скоро, родной, скоро ты окажешься с хозяином. По мне – не кончался бы путь. – Конь дружелюбно вздергивал головой и прибавлял шаг, удивляя всадника своей мягкой поступью.

На берегу Псы, поблизости от галеры, горел костер. Языки пламени, подкидываемые жаром от сухих дров, смеяло вздымались ввысь и падали назад, чтобы, набравшись сил, вновь вспыхнуть и осветить скрытую во тьме округу. На жидких подушках головой к кострищу лежала Мария, натянув на себя козью шкуру. Она виновато оглядывалась на Апсита после каждого приступа лихорадки, вызывавшего сильный озноб. В эти тяжелые минуты ее зубы стучали,

она с трудом стискивала их, чтобы не показать свое жуткое состояние любимому. Тогда стук зубов сменялся скрежетом сомкнутых челюстей. Служанка, обливаясь потом от жары, крутилась рядом, меняя холодные примочки и разминая суставы больной.

– Как я выгляжу, ужасающе? – тревожным шепотом спрашивала служанку Мария. Та спешла успокоить госпожу, она скрывала свой страх и твердым голосом убеждала больную в обратном.

– Почему же он не подойдет и не посмотрит на меня? Мне так не хватает его тепла и заботы?

– Разве не знаешь, дорогая, мужчины какие? Он скрывает свои чувства. А самому, видно, нелегко, тревожится он сильно за тебя. А не подходит, чтобы не выдать свои переживания. Не знаешь, что-ли этих абазгов? – прошептала служанка в ухо Марии, всем видом подтверждая правильность своих доводов.

Вокруг Апсита на ветках молодой ольхи восседали юноши и вели неторопливый разговор. Команда моряков лежала на корме и считала далекие звезды, иногда с галеры доносился легкий смешок, но быстро угасал, не получив поддержки.

– Как рассветет, тронемся в Ануху, зря мы потеряли время на увещевание этого толстокожего, – сокрушался Апсит.

– Вождь, позволь мне сходить в Ануху, до рассвета вернуться с лошадьми, обещаю, – просился Барныку, а Апсит отмалчивался, надеясь и веря в чудо. Подростки снова и снова теребили Апсита, требуя от него ответа, а он все отрицательно качал головой.

– Чего нам здесь ждать, наставник? – Не унимался Барныку. – Рассветет, а что дальше? Не придут нам на помощь ромеи, а наши не спускаются сюда, чтобы не повздорить с пришлыми.

– Джат с утра в пути, он разыщет нас, и мы отправимся вместе.

– Как долго он будет нас искать, никто не знает. Возможно, он выехал в Ануху.

— Думаю, все не так, не будем спорить: утро вечера мудренее, — Апсит встал и направился к Марии.

— Братья, этого ромея следует урезонить, — шепотом выговаривал Барныку своим сообщникам так, чтобы не услышал Апсит.

— Ты уже придумал что-нибудь достойное? — поинтересовался Джыр.

— Пока нет, должен пройти мой гнев, чтобы месть стала неотвратимой.

— А ты бы смог вынуть сердце человеку?

— Не знаю, — удивился вопросу Барныку, — может, бездыханное тело обидчика остынет мое желание идти до конца, в силу уже свершившегося правосудия.

— Возьми меня с собой, когда решишь... — попросил Джыр.

— А мы что, чужие? — возмутились остальные, — будто ромей оскорбил не всех нас вместе взятых.

— Правильно рассуждаешь. Мы должны быть всегда вместе, только старшему об этом ни слова, это наше дело.

— Договорились. — Свое решение подростки скрепили рукопожатием и улеглись спать, кто на чем.

На левом берегу Псы, в темноте пошевелился кустарник. Медленно расправлялись стебли примятой травы. Соглядатаи тихо уходили, уверенные, что останутся незамеченными...

...Безлунная ночь накрыла путника, только Араш не сбавлял поступи, он уверенно шел по едва различимой тропе в сторону бывшего лагеря абазов — Трахеи. Смятение зашло в сердце Джата, он уже сто раз пожалел, что доверился коню, а поворачивать было поздно — повсюду темень, хоть глаз выколи, и места незнакомые. Всадник поник и отпустил поводья, вскоре конь вышел на ровную площадку и замер без движения.

— Что нам теперь делать? — заговорил Джат сам с собой, недоумевая.

Конь мотнул головой вверх и уперся в землю передними ногами.

– Так и быть, сойду, не ночевать же мне в седле, – бормоча под нос, всадник спрыгнул на землю и привязал узду к первому попавшемуся кустарнику. Потоптался на месте, привыкая к темноте, и пошел на поиски удобного места для ночлега. Где-то совсем рядом завыли шакалы, Джат вздрогнул от неожиданности и прибавил шаг, спотыкаясь там, где только что шел без помехи. Вроде бы вот он – силуэт коня, а нога зацепилась за что-то, торчащее в земле и он, не удержавшись, грохнулся на какие-то предметы. Джат крикнул от злости и боли. Конь отозвался громким храпом.

– Это ты меня сюда завел, можешь порадоваться, – закричал с обидой Джат, размахивая руками, и тут же обомлев, присел на землю от боли. Прямо под собой он обнаружил истлевавшие остатки деревянных строений и понял, что находится в Трахее.

– О, мои благородные предки, простите, если потревожил ваши души в ночи, все это по незнанию! Прими прощение земля, пропитанная кровью, если из моих уст сорвалось грубое слово. – Джат, сидя на корточках, забыв о боли от ушибов, собрал в кучу деревянные обломки и дрожащими руками высек огонь, надеясь при свете костра оглядеться в разрушенном лагере царя Скепарны.

Языки пламени костра у берега моря еще ярче засветились, когда в нескольких стадиях выше возгорелся еще один костер. Джат обливался потом, но старательно подпитывал огонь, все глубже заглядываясь по сторонам и удивляясь. Сидевшее в засаде зверье, почуяв запах паленого, разбежалось. Джат успокоился, довольный своей работой, и уселся в черте света, отбрасываемого огненными лучами. Тогда душевная буря охватила его. Ему привиделась битва абазов с ромеями. Он слышал голоса воинов, стоны раненых, проклятия умиравших, он видел воинов, штурмовавших крепостные ворота с копьями наперевес. Страшный крик горевестника «Абаа псит¹! Абаа псит!» эхом отдавался в его ушах, переходил в клич «Абаапсы», который заглушили стенания женщин, оплакивающих своих сыновей...

¹ Крепость пала (абх.).

— Поглядите, там наверху лес горит, — кинулась служанка к дремавшему Апситу. Она указывала на гору и повторяла без умолку: «Спаси Господи, спаси Господи».

— Да не кричи, мы, больную разбудишь, — негромко выругался Апсит и посмотрел на север. — Так это костер горит, а ты всех переполошила, — успокоил девицу Апсит. А сам подумал: «С чего бы там быть костру? Ромеи все в крепости, а базы далеко в Анухе. Только путник, застигнутый темнотой, мог устроить привал. Не кто иной, как Джат с лошадьми остановился на ночлег». Обрадованный своей догадкой Апсит заулыбался и шепотом поблагодарил Бога за то, что все устраивает. Его окружили юноши, кому-то не терпелось сходить в Трахею и убедиться, верно ли предположение Апсита.

— Господь Бог, приведший нас сюда, не бросит на полпути, зачем попусту суетиться? — удерживал друзей Апсит.

Никто не решился спорить, все уселись и принялись ждать. Далеко за полночь из-за гор выполз край лунного диска, поливая жидким светом открытые участки.

Джат наконец-то пришел в себя, освободившись от страшного видения. Он вспомнил, куда шел, и принялся обыскивать местность, надеясь увидеть заброшенную дорогу, воспользовавшись той малой надеждой, что посыпала ему луна. Определившись с положением моря и Анакопы, он уверенней подошел к обрыву и заглянул в долину реки Псы, амфитеатром окруженную с трех сторон горами. Непросто представить его удивление, когда он выхватил глазом подвижное свечение, отбрасываемое костром у берега реки. Ему показалось, что можно прочесть силуэты людей, расположившихся вокруг кострища. Луна уверенней засветила, открывшись своей большей частью — Джат разглядел серую корму на искрящейся водной поверхности. «Ну и ну, так рядом», — Джат тут же побежал к коню распутывать перевязь, мечтая удивить союзников своим неожиданным появлением...

* * *

В маленькой темной хижине на закопченном сундуке лежала Мария. Над ней суетилась сморщенная горбатая ста-руха и бормотала какое-то заклинание. Крючковатые руки ее прочерчивали по воздуху ритмичные движения, отбрасывая причудливые тени от зажженных свечей на плетеные стены хижины. Служанка, замершая от страха, безудержно крестилась и шептала молитву, надеясь укрепиться духом перед встречей с самим сатаной. Причем в реальности предстоявшей встречи она нисколько не сомневалась. Гуагуа не обращала внимания на всякие глупости, поглощенная исцелением. Апсит стоял у стены с улицы и напряженно прислушивался, выжиная, когда его позовут.

Двор был полон людей, обсуждавших возвращение Апсита в Ануху. Здесь его давно ждали. И то, что «вождь» вернулся с молодой женой, прибавляло им уверенности в большей степени, чем обычное слово. Представители кланов томились в ожидании, соперничая в желании принять гостя у себя. Одни из них заранее пробовали склонить попутчиков Апсита принять их гостеприимство, другие недовольные поглядывали на первых. Лишь в одной усадьбе закололи быка, и готовилось угощение. Сам хозяин прибыл с опозданием, толпившиеся сельчане поприветствовали старика, а он задержался лишь, чтобы поздороваться, и прошел дальше, разглядев силуэт Апсита у покошенной лачуги.

– Да увидеть тебе все хорошее, что не довелось увидеть твоим предкам, – мелодично произнес Жи Сит и обнял юношу.

– Да спасет тебя Бог от невзгод и недугов, – ответил Апсит, обрадованный встрече.

– Ануха полнится слухами, неужели молодая жена захворала? Чтоб мне оказаться на месте больной, – искренне сокрушался Жи Сит.

— «Иауазеи¹, дада», — возразил Апсит, — нет в том твоей вины, живи сто лет в здравии и почете.

— Эх, эх, нехорошо. И слов не подобрать... а ведь вы устали с дороги. В моей усадьбе молодежь готовит прием, вкуси мое гостеприимство, дад, по старой памяти.

— Будет так, и нам гостить у тебя в радость. Как только Гуагуа «отшепчет», — Апсит усмехнулся своим словам, — направимся к твоему очагу. Если верить моему чутью — скоро свидемся.

— Дад, Апсит, благодарю тебя за добрую душу, да падут на мою голову все беды твои...

Жи Сит уверенной походкой выходил со двора. Представители кланов, слышавшие разговор, скрывая недовольство, вышли следом.

Знахарка Гуагуа, славившаяся своими способностями далеко за пределами Анухи, быстро сняла с Марии приступы лихорадки и пообещала вылечить в течение месяца. Больная встала на ноги и принялась помогать добрым людям, выделившим молодоженам акуацв и небольшое домашнее хозяйство. Служанка, так и не дождавшаяся встречи с сатаной, успокоилась и терпеливо осваивалась на новом месте, еще больше уверившись, что молитва действует и вдалеке от дома.

В Анакопской крепости царило беспокойство. Начальник гарнизона домысливал полученное сообщение. Отсюда также наблюдали костища: и в Тракее, и внизу в пойме реки. Изредка Лука злился на себя за вспыльчивость и еще больше грубил подчиненным. «Надо идти до конца, а то они опередят меня», — решил он и принялся суммировать сведения.

Моряки с галеры, одолеваемые скукой, оказались болтливы, кувшин вина развязал их языки, они поведали землякам о причинах появления абазов. С Анухи прибыло донесение, что Пантелеймон прибег к помощи старой ведьмы Гуагуа, а затем собрал представителей абазских кланов и о чем-то с ними совещался.

¹ Ни к чему (абх.) — уважительная разговорная форма.

«Попахивает заговором, он сам себя выдаст неосторожными действиями, надо немного подождать, но не бездействовать». – Лука попросил письменные принадлежности и принялся собственноручно составлять донесение.

Комиту римских войск в Абазгии, благочестивому Евстафию.

Абазг, известный тебе по имени Пантелеймон, которого абазги именуют не иначе, как Апсит, прибыл в Псируту несколькими днями ранее. Не соизволив ознакомить нас с целью своего визита, провел ночь на берегу реки в окружении сообщников. При этом наблюдался костер в бывшем лагере абазгов, понимаемый нами, как сигнал к каким-то, скорее враждебным, действиям. Далее вышеупомянутый муж самовольно отправился в Ануху, к отверженной святой церковью знахарке и провел там несколько дней. По прибытию его в Ануху, под видом традиционного застолья, собрались представители кланов и долго о чем-то беседовали. Возникает вопрос: откуда у принимающей стороны мог появиться бык, заколотый по этому случаю. Предполагаю, что бык украден или отнят у ромейских поселенцев. По этому поводу еще предстоит расследование, хотя надежды на раскрытие преступления невелики. Переселенцы, запуганные абазгами, неохотно говорят о своих притеснениях, не доверяя власти и ее представителям в Абазгии.

Начальник Анакопского гарнизона Лукреций.

…Апсит и его помощники предстали перед старшинами во дворе Жи Сита. Апсит решил начать с главного и взял слово.

– Дорогие ануххаа, мои земляки, гляжу с большой надеждой на возрождение наших пепелищ, потому как первые шаги вами уже пройдены. Открою вам большее, я вернулся по поручению кесаря Юстиниана, чтобы донести до вас его послание. С недавних пор Ефрата, сын Рисмага утвержден епископом Абазским под Константинопольским патриархом. Он занят строительством храма на горе близ Акуа, где и будет основана епископская кафедра.

Я назначен первым помощником комита византийских войск Евстафия, а абазги, в числе семидесяти, отданы под мое начало. Те юнцы, что продолжают обучение в Византии, также под моим руководством, три десятка из них я перевел в семинарию и через два года они смогут вернуться в Абазию, чтобы вершить правосудие.

Я вернулся к вам не с пустыми руками, – среди слушавших прошелся шумок, – привез с собой свод законов Юстиниана – теперь главного защитника ваших интересов от притеснений. – Апсит вынул из походной сумы толстую книгу в кожаном переплете, предусмотрительно завернутую им в козью шкуру. Люди зашумели еще громче, да так, что Апсит не смог разобрать, довольны они или разочарованы.

И это не все, на галере, стоящей в Псырте, лежат тюки с солью, великолушно дарованной вам им же. – Люди шумно радовались по случаю подарка.

– Василевс призывает абазгов к истинной вере во Христа, обещает, что посыплются великие блага на ваши головы. Он призывает вас к христианскому смирению и следованию законам империи, призванным защищать верховную власть вседержителя и ваши законные права, описанные в этом своде. – Апсит поднял книгу над головой.

– Дад, Апсит, – заговорил Жи Сит, – навряд ли доживу до того времени, о котором ты свидетельствуешь, но все же большая для меня радость спокойно дожить остаток лет, надеясь на лучшую долю будущих поколений.

– На что нам пустые слова, – выкрикнул из толпы кто-то, надеявшийся на большее. На него набросились стоявшие рядом: «Разве думал ты о том, что вернешься на свою землю, что сам василевс будет одаривать тебя милостью, помолчи, не гневи Всевышнего». Недовольный замолчал, не решившись выступать против всех.

– Анухаа, – призвал к тишине Жи Сит. – Мы с благодарностью принимаем твои слова, Апсит, понимая, что с твоих уст не прозвучало большего, чем нам следовало услышать. И наши мысли, рожденные твоим словом, обнадеживают. Уважим друг друга, и продолжим беседу за трапезой...

Уже утром Апсит отправил к галере Барныкуа с анухаа, чтобы привезти обещанную соль, а сам засобирался в Анакопу, чтобы засвидетельствовать перед начальником гарнизона.

Он уже был в седле, когда заметил силуэт Жи Сита, торопливо приближавшегося к его временному жилищу. Апсит предусмотрительно спешился и вышел навстречу.

– Дад, Апсит, – окликнул Жи Сит, – вижу, что собрался в дорогу, не хочу быть помехой, однако, обязан сообщить тебе новость: прибыло посольство из западных земель, тебя разыскивают.

– Спаси тебя Бог, Сит. Мой путь не столь важен, как встреча с посланниками, где они остановились?

– Они приняли приглашение и заехали в мой двор.

– Возьми моего коня, дада, – предложил Апсит.

– Хорош твой конь, да я в седле не удержусь, сосчитай мои годы, всех ровесников пережил, – отшутился Сит...

...В большом дворе Жи Сита на привязи стоял десяток коней, под ветвистым ореховым деревом восседали на лавках почетные гости. Соседи и домочадцы сутились на заднем дворе, разжигая костры для приготовления угощений.

Молодые воины, сопровождавшие почетных представителей западных общин, стояли за их спинами. Старейшина, жрец и дадал обменялись приветствиями с Апситом, затем присели в круг, и завязалась беседа. Апсит рассказывал новости. Посланники уже прослышали от анухцев кое-что, но держали вид, подобающий слушаю. Затем посыпались вопросы. Первым не сдержался скептик.

– Посланник Юстиниана, – подал голос он, – ничего обнадеживающего мы не услышали, похоже, трудности пути были испытаны нами впустую. Я готов не задерживаться в этих краях и хоть сегодня отправиться в обратную дорогу. – Он окинул взглядом своих спутников, надеясь заручиться их поддержкой.

– Отчего такая спешка, дадал, – включился старейшина. – Мы услышали обещание ходатайствовать за наши права перед императором, нам следует бытьдержаннее, и тогда поймем, что получили все возможное.

— Я понял и другое, «ацвмш»¹, — заговорил дадал, — теперь мы знаем, что Пантелеимон властен над нами, а мы все его многочисленные подданные.

— Твои слова разумны, дадал, но не глубоки. Разве есть где-нибудь страна, чтобы одни не подчинялись другим либо добровольно, либо по принуждению. Почему бы нам не принять добровольное подчинение соплеменнику, дабы избежать насилия над собой в пользу ромея? Юстиниан, того не ведая, подтвердил желание и семьи Скепарны видеть в Апсите наследника власти, что меня убеждает в несомненных достоинствах этого юноши.

— Если выбросить из головы, что царей мы избирали сами, не считаясь с правом наследования или же пожеланиями из-за моря, — вставил дадал, — тогда можно считать, что все идет в правильном русле.

— Не стоит забывать и то, — продолжил старейшина, — что совсем недавно мы были лишены всех прав на своей земле, ущемлялись по закону победителя. И если сегодня победитель показал милость, не следует забывать заслуги тех, кто этому способствовал. — Дадалу трудно было владеть собой, он вынужденно умолк, нервно теребя украшение, свисавшее с рукояти меча. Старейшина мельком взглянул на Апсита, чтобы распознать его настроение.

— Уважаемые посланники, — включился в спор Апсит, — разделяю ваши тревоги о судьбе каждого из нас, потому как наше будущее менее определенно, нежели судьба Абазии. И тяжелее других приходится тем, кто берет на себя всю ответственность. Неопределенность моего будущего не влияет на мои заботы о судьбе родины. И здесь не столь важно благоволение василевса, насколько поддержка с вашей стороны. Как только я окажусь лишенным вашей поддержки, буду оклеветан, отстранен и осужден. Мое место займут другие, полагающиеся не на благо, а на силу ромейской власти. Судьба Абазии в ваших руках. И не было моих устремлений в том, чтобы мать Скепарны приняла меня как сына и возложила свой обет. Представьте, каково мне быть наследником дина-

¹ Старейшина, предводитель (абх.).

стии и ромейским чиновником в одном лице. В первом качестве я стремлюсь к укреплению силы нашей страны. Как ромейский чиновник полагаю быть защитником чести и прав базов на родной земле и за ее пределами. От возложенной на меня Богом миссии добровольно не откажусь, какие бы препятствия не чинились с разных сторон.

– Да сопутствует тебе благословение наших богов, и помощь духов, дад, – пропел жрец.

– Да сопутствует тебе успех, – добавил старейшина.

– Апсит, не держи на меня зла, – устыдился своих замечаний дадал, – не зря же мое прозвище ворчун. – Сидевшие в кругу мужи спрятали свои улыбки.

– Есть одно препятствие в продвижении к нашей цели, – решил открыться Апсит. – Дело в том, что не воцарился мир между ромеями и персами. Сражения идут с переменным успехом. Василевс больше уповаает на милость Божию, нежели на ромейское оружие. И как только он окончательно утвердится в Лазике, будут большие перемены и здесь в Абазии. Полагаю, он боится вновь довериться дадалам, поднявшим оружие, пока не установиться мир через согласие воюющих сторон. В дальнейшем, чтобы править успешно, ему придется полагаться на лучших из вас – предводителей базов...

И теперь, несмотря на большую нужду, царящую в войсках, он отправил в Абазию несколько весов соли, так необходимой в быту. Ваша доля лежит на галере, я собирался плыть к вам, потому и захватил соль с собой. После того, как насладитесь гостеприимством в Анухе, отправиться домой можете на галере (Апсит согнал, объявив, что соль прислана василевсом).

– Это большая честь для нас, – восхликал жрец. – Мы донесем до своего народа дух твоих слов и мыслей. Подождем, если того требует время...

Гости не скрывали, что были польщены оказанным вниманием.

В этот день Апсит так и не попал в Анакопу.

Ближе к ночи начальник гарнизона принялся составлять новое донесение.

Комиту римских войск в Абазгии, благочестивому Евстафию.

Со времени, как мое первое письмо осталось без ответа, прошло три дня. И враги, скрытые под личиной ромеев, не заставили себя долго ждать, словно окончательно убедились в безнаказанности со стороны настоящей власти. Этим днем к заговорщикам прибавились представители западных земель. Они тайно прибыли в Ануху, где провели совет с юнцом, по имени Апсит. Он же до сего времени не соизволил явиться в Анакопу, чтобы приступить к своим обязанностям.

Считаю, что его приказ бесплатно раздать соль жителям Анухи действием, не лишенным умысла. В числе одаренных оказались и римские переселенцы, на чем особо настаивал новоиспеченный римлянин. И это не случайно!

Начальник гарнизона Лукреций.

С рассветом вновь Апсит засобирался в Анакопу. Уже в пути его догнал Барныку с пятью всадниками и высказал свои опасения.

– Зря наговариваешь, Барныку, – отводил обвинения Апсит. – Разве посмеет вредить гарнизонный своему начальнику, я ведь в таком качестве предстану перед ним?

– Именно поэтому и будет вредить, побоится, что ты станешь лезть в его дела и распоряжения.

– Поглядим... Да кто ему поверит?

– А, Евстафий? Полагаешь, он в восторге, что сыновья защитников Трахеи, берут верх в ромейских делах?

– Да что может Евстафий, когда я – посланник василевса.

– У него тоже найдутся покровители из дворцового окружения. Вспомни того же Бесса. Как он встретил нас в Петре?

– В провинциях всегда не любят посланников из центра, но кто решится погубить доверенных лиц самого императора?

– Сообща они могут обставить любое дельце и преподнести по-своему. Тебель не знать тайны имперского двора?

– Ты меня удивляешь! – был последний ответ Апсита. Он все же перестал спорить и сосредоточился на своих мыслях.

…В Анакопе не были рады прибывшему отряду. Начальник гарнизона выслушал помощника комита и, не скрывая раздражения, задал вопрос:

– Так в чем твоя задача и мои обязанности теперь?

– Твои обязанности прежние: держать в строгости гарнизон, блюсти законы церкви и Юстинианов Свод. Пока я здесь, править судом буду сам. Коли понадобишься, дам знать.

– Небезопасно ли римскому чиновнику находится в Анухе, когда мы все за крепостными стенами лишь находим покой? – язвительно спросил Лука.

– Я не полагаю, что чиновники должны опасаться людей, которым в помощь посланы. А если кто задумает недобро, со мной всегда верные воины, да и гарнизон недалеко – придет на выручку.

Лукреций опешил, получив такой определенный ответ.

– Так-то оно так, начальник, – бросил реплику Лука, – только бы наша помощь не оказалась запоздалой.

– Спаси тебя Господи, Лукреций.

– Спаси тебя Господи, Апсит, все под Богом ходим.

Абаза сделал вид, словно не заметил, что собеседник назвал его именем Апсит, вместо положенного Пантелеимон.

– Я об одном тебя прошу, Лукреций, не как старший по положению, а как младший по возрасту: не чини препятствия моим действиям, не противоречь моим решениям. А если кто-либо, совершая действие, сошлеется на мой приказ, прими это, как должное.

– Зачем же столько слов, начальник: я служу десяток лет и умею выполнять приказы.

– Я о другом, – расстроился в душе Апсит, – ну да ладно, пусть так будет. – Большего понимания от гарнизонного он не добивался, попросил удобное место для своего отряда, и абазы слились с ромеями.

Барныку не старался скрывать своей ненависти к начальнику гарнизона. Настолько откровенны были отпускаемые им взгляды, что и Апситу становилось не по себе.

– Я убежден, что он задумал недобroе, – говорил шепотом Барныку наставнику, – а иначе он не стал бы скрывать своего отношения к нам.

– Может и так, но мы не можем привлекать к суду человека за его мысли, это удел Бога, – отвечал Апсит.

– Да и меня ему тоже не обмануть, – все не успокаивался абаза, намереваясь оберегать и неотступно следовать за своим вождем...

* * *

«Комит римских войск в Абазии, благочестивый Евстафий», – повторял про себя чиновник первую строку из двух донесений, лежавших перед ним на столе. Он ненавистным взглядом оглядывал опостылевшие стены своего жилища в Себастопольской крепости, затем вновь возвращался к текстам, исписанным на пергаменте так безграмотно и коряво, что подделать руку Лукреция во всей империи никому бы не удалось. Затем он мысленно возвращался к себе и радовался своим способностям распознавать человеческие слабости и пользоваться ими во благо себе. Но что-то, а что именно, не давало покоя Евстафию, он не мог сам себе объяснить. Вновь перечитывал донесения и возвращался к себе, чтобы найти объяснения своей нерешительности. Затем принимался размышлять вслух:

«Я могу отправить доносы командующему, приложив свои сомнения относительно верности Пантелеймона». При этой мысли у него сильно зачесалась правая ладонь. «Не к добрю это, – остановил он себя. – А что, если просто забыть про эти доносы? Взять и забыть на время. Когда его партия ослабнет, я пущу дело в ход. Но ведь тогда не избежать обвинения в сокрытии враждебных действий. Не дай Господь, полетит и моя голова. Этот писака может и выше донести. Вон как он составил, погляди только: «Со времени, как мое первое письмо осталось без ответа, прошло три дня». Здесь не без намека на мое бездействие. Потому мне следует что-то срочно пред-

принять. Но открыто стать на противную сторону посланника императора не менее опасно. Кто знает, что у того на уме? Может, они здесь, чтобы доносить о наших делишках? Тогда выступление против будет доказывать мою причастность к коррупции...

Безопаснее всего действовать по уставу. Призову обе стороны к ответу, и будем разбираться. Если следствие зайдет в тупик, можно отписать командующему – пусть присыпает своих дознавателей. Так даже лучше, оба участника процесса будут отстранены от своих обязанностей. И чем дольше потянемся тяжба, тем лучше для меня».

Тук, тук, – раздался стук в отворенную дверь. Евстахий вскочил от неожиданности. На пороге стоял Ефрата в монашеском одеянии и проницательно взглядался в комита. «Он мог меня услышать», – промелькнула мысль в голове Евстафия.

– Заходи, Ефрата, благослови раба Божьего, – комит потянулся за ладонью вошедшего. Тот, не подав руки, перекрестил просителя: «Да будут чисты помыслы и дела наши», – пропел он и застыл в ожидании. «Придется открыться», – решил Евстахий. Он попросил присесть первосвященнику. Не зная с чего начать, он сослался на важное дело и приединул к Ефрату исписанные пергаменты.

– И что это значит? – перечитав каракули, Ефрата поднял на собеседника тяжелый взгляд.

– Клевета, полагаю, обычная клевета, – смутился чиновник.

– Ты давно не исповедывался, раб Божий. Без исповеди не будет благодати. Вижу, как томится твоя душа между правдой и искущением.

– Да нет же, Отче, – воспротивился комит. – Я полагал не придавать значения этим донесениям, если их составитель успокоится.

– А если нет?

– Тогда придется действовать по уставу: проведу следствие. Будем допрашивать стороны, чтобы во всем разобраться. Это не то, чтобы я не доверяю Пантелеимону, я обязан буду действовать – привлечь виновного к ответственно-

сти. Если вина обвиняемого не будет доказана, в чем я почти не сомневаюсь, – ответчик лукаво глянул на епископа, – получит соответствующее наказание доносчик.

– И каким будет наказание за клевету?

– Он лишится права занимать военные, общественные или государственные посты, будет изгнан из войска без денежной компенсации.

– Довольно, Евстафий, полагаю, ты последуешь велению христианской души и прибегнешь к доброму слову, дабы исчерпать конфликт без всякого следственного разбирательства.

– Я сам склоняюсь к такому приему, но вокруг столько недоброжелателей. Как истолкуют они мои поступки? Об этом также не следует забывать.

– Я буду твоим союзником, ведь Высший суд – на небесах, предоставим это дело Богу.

– Аминь...

– Аминь... – Ефрат направился из хижины в сторону крепостной церкви, чтобы навестить священника Петра. Только ради этого он и спустился с горы, а оказался свидетелем гнусного доноса.

* * *

Молодая женщина быстро выздоравливала и хорошила день ото дня. Вернувшиеся силы возбуждали в ней желания. Бывало, что несколько дней кряду муж не возвращался домой. Она же садилась у порога и часами смотрела на дорогу в ожидании знакомого топота копыт. Мария представляла, как Апсит подойдет легкой поступью, окинет ее нежным взглядом. А его крепкие объятия приведут в трепет каждую частичку ее тела. На этот раз ожидание ей казалось несбыточным. Пять дней назад он выехал в крепость и с тех пор ни слуху, ни духу. Марию охватила тревога, усиливавшаяся с каждым днем. Она ничего не могла с собой поделать. Бес-

сонные ночи вновь ослабили женщину. Иногда от усталости она теряла рассудок, а уснуть не могла. Ее слух был прикован к дороге: жила одним слухом, не в силах разомкнуть свинцовые веки.

В сумерках на дороге раздался цокот копыт, Мария ожидалась и позвала служанку, во дворе враждебно залаяли собаки. «Значит не Апсит».

– Сходи, родная, погляди, кто пришел, слабым голосом попросила она.

Девица, превозмогая страх, покорно вышла во двор.

– Кто там, отзовитесь? – подняла голос служанка, стараясь перекричать обезумевших собак.

– Не псы, а дьяволы, – на греческом выругался всадник, – мне нужен наставник, я от Ефрата, – пояснил он.

– Псы меня не слушают, не справиться мне с этими дикарями.

– А где мужчины? Где Апсит?

– Мужчин нет. Вот уже несколько дней, как Апсит уехал в Анакопу. А что там стряслось, не знаем, испереживались все.

– Спаси, Господи, вижу, не узнала ты меня, я Бага, – перекричал собак ночной гость. – Так и передай хозяину, если увидишь раньше меня, а теперь иди в дом, я же последую дальше.

– Куда же ты ночью пойдешь? Заходи, пережди до утра. Только теперь я узнала тебя по голосу. Ух, эти псы, не перекричать.

– И то правда, немного передохну с дороги, и вам моя помощь может сгодиться, раз мужчин столько дней нет. – Бага сошел с коня. – Неси свет из дома, я пока с псами договорюсь, – пошутил Бага, расстегивая походную суму. Служанка побежала в дом предупредить хозяйку и вынести горящую головешку с костра, чтобы встретить гостя. Юноша оказался расторопным: он помирился с собаками, расседлал коня и пустил пастьись во двор. Девица вновь столкнулась с гостем почти у порога.

– Как Мария? Мы же ничего не знаем с тех пор, как вы уехали.

— Хозяйка оправилась с помощью местной знахарки...

— Ты про Гуагуа говоришь?! — рассмеялся Бага. — Кто же не знает старую колдунью.

Девица встрепенулась от воспоминаний.

— Чего испугалась? Я же пошутил, она старая знахарка, а колдовство так, для отвода глаз, для убедительности.

— Мария немного занемогла, но то не от болезни, скорее от переживаний, — продолжила рассказ девица.

— Что такое? — насторожился посланник.

— Уж которые сутки не спит, бессонница все силы ее забрала.

— Так чего ждете? Бегом к знахарке, это она вмиг исправит, — воскликнул Бага.

— А как? На дворе ночь, а я ее даже при дневном свете боюсь.

— Хорошо, ты приготовь мне еду, в сумке кое-что есть

— разберешься. А я тем временем туда и обратно, доставлю снадобье.

Девица не успела сообразить, как походная сумка оказалась в ее руках, а самого Баги след простыл в ночи.

— Кто там и зачем? — еле слышно прозвучал голос Марии.

— Не тревожься, хозяйка, посланник от Ефрата, Бага — друг Пантелеймона, веселый такой.

— Что за вести он привез? — забеспокоилась Мария.

— Вот не знаю: похоже, разыскивает господина, справлялся о твоем здоровье. Я едва пожаловалась на твою бессонницу, так он помчался к старухе — легок на подъем и веселый такой...

Служанка прошла внутрь и принялась выкладывать еду из сумы.

— А он запасливый, молодчик этот, тут столько всего и так вкусно пахнет. Просил приготовить ужин — обещал скоро вернуться со снадобьем.

— Ну и ты пролезла в его суму, можно подумать и угостить нам гостя нечем, — упрекнула служанку Мария. Она медленно сползла с лежанки, провела рукой по волосам и присела на лавку, намереваясь расспросить посланника о новостях.

– Я просто выполнила его просьбу, если надо – все сложу обратно, – девица по-прежнему сжимала суму и принюхивалась к необычным запахам. Если раньше это занятие она посчитала бы за глупость, теперь, влекомая необъяснимым любопытством, она не выпускала пропахшую потом и дымом суму...

– Есть кто, не заснули? – раздался задорный голос у порога.

– Это он, такой быстрый и веселый, – обрадовалась служанка и поспешила отворить дверь.

– Спаси Господи, Мария, – с порога крикнул Бага и пронесся к ней с протянутым кубком в руке. – Выпей и все пройдет, так Гуагуа велела, – Бага рассмеялся своим словам. Мария, разомкнув свинцовые веки, оглядела пришельца и, не задумываясь, опустила сосуд. – Все будет хорошо, только ложись поскорей. – Он помог ей встать со скамьи и добраться до постели. – Как проснешься, поговорим, – Бага отклонил вопросы, которые едва не сорвались с уст женщины...

Быстро перекусив стряпню служанки, Бага благодарно кивнул головой и крикнул у порога: – Встретимся утром.

– Куда же ты? – не успела спросить она, а он уже отвечал со двора: – Место для ночлега приглядел у конюшни под на-весом, потороплюсь, пока не занял его мой конь...

«Какой веселый и быстрый, словно ветер...», – думала девица и ворочалась в постели, удивляясь себе, что не может уснуть.

В Анакопе словно время остановилось. Присутствие не-прошеных гостей привнесло в обыденное безделье воинов некую озабоченность, читавшуюся на их лицах. Любителей попьяниствовать отрезвили переживаемые лишения, командиры не кричали на нерадивых подчиненных, а те перестали отлынивать от обязанностей.

Абазы разместились среди ромеев и неспешно коротали дни и ночи, всем видом подтверждая, что обосновались в крепости надолго. Лукреций потерял сон и аппетит, он не мог смириться с мыслью, что абазы останутся навсегда, что не дадут повода для раскрытия своих недобрых планов.

...Неожиданно для всех Апсит засобирался в дорогу. Он и раньше, бывало, выезжал из цитадели, отдавал поручения относительно галеры или разъезжал вдоль берега, чтобы предусмотреть возможные угрозы для гарнизона. На этот раз Апсит намеревался ехать в Ануху, дабы развеять тревогу, оставшуюся после ночного сновидения. Барныку внимательно следил за командиром. Улучив минуту, он попросил наставника взять его с собой. Апсит отклонил предложение, приказав быть начальником в крепости, вместо себя. В дорогу он взял с собой двоих самых молодых...

Ни свет, ни заря в усадьбе Марии застучал топор, затем Бага принес воды из родника, очистил двор от конского навоза, искупался в ручье после трудов и пошел к хижине – разжечь огонь в очаге. На стук в дверь вышла розовощекая Мария, улыбаясь рассвету и своему доброму настроению.

– Храни тебя Господь, Бага, – бодро приветствовала она юношу.

– Спаси тебя... Мария, – растерялся от неожиданности Бага, – Я намеревался разжечь костер, хорошо, что вы проснулись.

– Я проснулась, только девица наша что-то дремлет еще. Постарайся не шуметь, пусть выспится.

– Постараюсь, – улыбнулся Бага, – и прошел в закопченное жилище.

Мария вспомнила, что давно не ходила к ручью. Захватив полотенце, она вышла на тропу, змейкой спускавшуюся к небольшому оврагу. Она обычно ходила туда со служанкой. Теперь ей захотелось пойти самой, чтобы, не испытывая стыда, разглядеть свое тело, не спеша вымыть волосы мягкой глиной и вернуться к завтраку свежей и бодрой.

В очаге тем временем разгорался веселый огонь. Бага разгреб жар и установил каменную сковороду на раскаленные угли, замесил просянную муку с молодым сыром из своих походных запасов... Когда запах жареного амгъала¹ проник в спальный угол, девица спросонья слотнула слону и, пробуждаясь, всем телом потянулась.

¹ Хлеб из просянной муки (абх.).

– Ну и дела, – удивилась она, проснувшись. Влекомая на запах, она вышла из-за занавеси и увидела юношу, склонившегося над костром.

– Ай, – воскликнула девица, – вспомнив про свою настороженность, прикрытую тонкой рубашкой. Бага вскинул голову, так и застыл полусогнутый с широко открытыми глазами. Девица растерялась еще больше, не смея повернуться к мужчине спиной, она визжала, заслоняясь руками. Наконец Бага пришел в себя и выскочил во двор. Он долго ходил кругами, взволнованный и задумчивый. Со струйками дыма изнутри доносились запахи горелого амгъала, а он не мог совладать с собой – готовый разбить себе голову.

– Абазг, где же ты? – наконец раздался голос изнутри. – Я не знаю, что с этим делать.

Тут Бага вспомнил про подгоравший амгъал.

– Сними с углей, больше ничего! – прохрипел он в ответ и прислушался. Там у очага что-то задвигалось, зашуршало.

– Ай! Ай! – неподдельно закричала девица. – Бага не выдержал и ворвался внутрь. Девица стояла у очага на коленях и стонала, помахивая правой рукой, на ее глазах стояли слезы.

– Что я натворил! – схватился за голову юноша. – Пожалуйста, сильно обожглась? – Бага схватил девичью ладонь, принял дуть на красное пятнышко, словно кузнецкий мех. Девица глотала слезы и обиженно смотрела на юношу.

– Где у вас жир? – оторвался Бага на мгновение.

– Что? Жир? Где-то там, на полке, – превозмогая боль, отвечала она.

– Я сейчас, – он оторвался от ладони и быстро добрался до горшков, в одном из которых лежало топленое сало...

Когда боль от ожога немного поутихла, Бага приподнял девушку с колен и вывел на свежий воздух. Он разглядел измазанное копотью растерянное лицо и рассмеялся. Девица надула губы, а потом не удержавшись, заразилась его смехом. Бага встал и мигом принес бронзовое зеркальце, – девушка взглянула на себя и пуще прежнего захохотала.

– Если понадобится, я отведу тебя к Гуагу.

– К старой колдунье? Смилуйся, только не это.

— Она не колдунья, но любит впечатлять новичков. Вот ты и попалась, а с ожогами справляется легко. — Девушка доверчиво поглядела на юношу и отрицательно покачала головой:

— Думаю, не понадобится, само собой заживет. «Какой милый и веселый», — промелькнула мысль, ее сердце застучало быстрее...

Бага пошел в хижину, снял сковороду с углей и вернулся с кувшином воды. Он помог девушке отмыться от сажи, нежно вытер ей обожженную ладонь и авторитетно заявил:

— Все страшное позади, теперь нас ждет завтрак.

— Завтрак, по-абазгски, — улыбнулась девушка в ответ. — А где же Мария? — наконец вспомнила она про хозяйку.

— Мария пошла к ручью, полагаю, скоро вернется.

— Пошла одна? Как она там управится?

— Сказала, что не хочет тебя будить, и попросила меня о том же, я тихонько разжег костер, замесил тесто. — осекся Бага.

— А мне приснилось, будто в доме Феофана пир горой, а меня разыскивают хозяева. Едва проснулась, как чудный запах опьянил, и я вышла, не подумав, что могу встретить мужчину.

— Прости меня, — опустил глаза Бага.

— Нет, это ты меня прости, готовить завтрак — моя обязанность...

* * *

На горе, возвышающейся над Акуа, кипела работа. Пока римские мастера вытесывали белокаменные блоки, абазгские юноши, под началом Ефрата, вырыли траншеи и залили фундамент известью с бутовым камнем. Освободившиеся руки принялись за добычу камня в близлежащем карьере. Повсюду спорилась работа. Одни группы тружеников расширяли подъездную дорогу, другие — выравнивали храмовый двор, третьи — сооружали подземную цистерну для

сбора и хранения воды. Люди, соскучившиеся по работе, объединенные важностью начатого дела, весело трудились, порой забывая об еде. Абазы из окрестных поселений бывало приходили подивиться. Одним нравилось, других удивляло, как их соплеменники отдаются всецело строительству храма. С особым любопытством они наблюдали за молениями, которые возглавлял епископ Абазии. Ефрат находит время и для частных бесед. Отложив книжные проповеди для просвещенных, он повествовал любопытным о силе огромной империи, объединившей сотни племен и народов, среди которых абазы по численности в последнем десятке состоят. «Все эти народы извлекают благоденствие из такого сожительства благодаря закону Божьему и единым мирским законам, не различающим стороны по происхождению», – с упоением убеждал он.

– Тогда почему император не установил в Абазии такой порядок? – спрашивали сомневающиеся.

– Так вы сами отвергаете римское владычество и правильную веру. Внутри империи с недоброжелателями разговор жестокий. Вам повезло более, чем другим отступникам, – ответствовал Ефрат.

– По твоим суждениям, мы сами виноваты, что ромеи нарушают закон? – для вида озлоблялись некоторые.

– Отчасти да, чиновники доносят, что абазы не заслуживают доверия. Вы и вправду не исполняете обязанности граждан. Не платите налоги в казну, не несете воинской повинности, не желаете строить храмы и поклоняться Христу. Василевс прислал нас сюда, дабы разобраться в существующем положении вещей и помочь выйти заблудшим с нашей помощью на правильный путь.

Абазы не удовлетворялись ответами, спустя время они вновь направлялись к епископу с лучшими ораторами из своих. Станут ораторы перед Ефратом полукругом, народ за ними на три шага и начинают забрасывать епископа заранее заготовленными вопросами. Ефрату приходилось тяжко – аргументы противной стороны, порой, казались нерушимыми. И когда он затруднялся с ответом, противная сторона, предвкушая близкую победу, воодушевлялась.

Даже когда Ефрата, как ему казалось, подбирал удачный ответ, противники соглашательски кивали головами, словно заранее все предвидели, и неожиданно ответной речью заводили его в тупик.

Ефрата терял терпение и говорил примерно следующее:

– Что с того, что вы меня переспорили? Разве ваше плачевное положение не является абсолютным доказательством моей правоты?

– Ясное дело, если миром правит сила, а не разум, – отвечал кто-нибудь из риторов. – И тогда выходит, что наша неправда вытекает лишь из положения проигравшей стороны. Неправда слабого порождена правдой силы, а не справедливости, о которой в огромной империи и слухом не слыхали.

Из этого следует, что любые притеснения проигравшей стороны, обеспечены законом победителя, через его силу. Так к чему же наши рассуждения о, якобы, справедливых законах империи, соответствующих Божьему писанию, которое ты призываешь нас принять?

– Притеснения со стороны ромейских чиновников не являются делом, утвержденным василевсом, – оправдывался Ефрата. – Скорее – это произвол местного начальства. С этим, конечно, надо бороться и этот порок можно победить, если следовать закону, – снова включался в прения Ефрата, полагая, что на этот раз отстоит свою правоту.

– Положим все это так, Ефрата, ну вот уже более двадцати лет, из года в год притеснения ромеев становятся невыносимее. Прежде, чем отойти от ромеев, мы сполна испытали их лживое слово. Сначала терпели тиранию царей, утвержденных Его императорской властью. Мы неоднократно отправляли донесения в Константинополь. Но там было не до нас, словно мучения наши – дело обыденное и необходимое.

Когда в Абазии началась смута против этих деспотов, василевс делал вид, что поддерживает нашу сторону, полагая, что обезглавленных абазов легче будет закабалить. Вместо обещанного справедливого управления, над нами были поставлены жадные чиновники, многократно увеличившие подати и установившие торговую монополию. Не такое ли отношение Константинополя привело абазов в противный лагерь?

– То, как вы рассуждаете, – возмущался Ефрата, – уже противно устоям Рима, потому как любой христианин принимает с радостью всякую участь от отца – предстоятеля веры и государства. И когда участь тягостна, христианин принимает ее, как отцовское наказание и божественное испытание, не вдаваясь в далекие рассуждения, подобные вашим.

– Хорошо, если наказание в пределах дозволенного в отношениях отца и сына. Но когда «защитник справедливости» обрекает на рабство «любимых сыновей», его чувства любой признает притворными. Разве будет любящий отец превращать в рабов сынов, ради удовлетворения своих нужд? Не противно ли это сущности отцовства, в которой природой заложено пожертвование отцов во благо потомков?

– Любовь и гнев отца несоизмеримы с другими чувствами. Разве не в обычаях абазов изгонять из семьи неблагодарного сына иль даже лишать жизни в случае оскорбления чести и достоинства родителей? – стоял на своем Ефрата.

– У абазов есть такой закон, но и сын имеет право требовать защиты, если притеснения родителей унизительны или не совместимы с жизнью последнего. Сын имеет право уйти из дома, если плоды его трудов безвозмездно отбираются родителем, если ему мешают обзавестись собственным хозяйством, привести жену, воспитывать потомство. Отец не имеет права распоряжаться ни жизнью, ни имуществом своих сыновей без их согласия. А уж тем более лишать крова или куска хлеба – никому не дозволено. И не станет истинный отец искать выгоду в ущерб сыну – ицасым¹, не станет отец лживым словом толкать сына не преступление – ицасым, не посмеет отец отнимать доходы сына, ради того, чтобы испытывать сыновнее чувство – ицасым.

– Вы о несправедливой монополии тут рассуждаете? – возмутился Ефрата. – Так вот, внимайте: много издержек понес василевс для защиты Абазии от внешних врагов, на содержание гарнизонов и строительство крепостей. А ведь вы и не думали возмещать хотя бы тысячную долю из них, полагая, что отец всегда должен. Несправедливая торговля – это, пре-

¹ Не по обычаяу (абх.).

жде всего, наказание отцом отрекшихся от него детей, и только потом – извлечение выгоды. Поглядите на себя! Только испытав жизненные лишения, вы становитесь понятливыми. Когда ваши сыры, мясо, шкуры начинают гнить из-за нехватки соли, вам легче понять, что выплата лишь десятой доли понесенного ущерба – есть необходимое благо. То, на чем держится огромная держава, оберегая от посягательств устои цивилизованного общества, его духовные и мирские знания.

– Твои рассуждения, Ефрата применимы к самим римлям, но не к нашему народу? Наши предки заключили с римлянами союз сразу после падения династии Митридата¹. Дорого обошелся римлянам этот союз, ежегодно они отправляли в Абазию корабли, груженные подарками и денежными субсидиями. Они научили нас извлекать доход из перевальных путей на север, а базы сами избирали царей и дадалов. Мы крепли и богатели, имея в виду собственные интересы. Воспользовавшись старым договором, на нашу землю спустя время пришли другие римляне. Их царь Юстин начал с того, что отдал нас, словно своих рабов, царям лазов, за их покорность и подчинение. Он отдал то, что никогда ему не принадлежало, и взял чужое – лазов, принадлежавших ранее персам, чем и вызвал, с одной стороны, лютую ненависть заклятых врагов и, с другой – добрых союзников в прошлом, поклявшихся мстить римлянам при удобном случае. Оттуда и пошли наши беды и страдания. Алчность, несоразмерная со способностью пищеварения, приводит к жутким болям и заканчивается очистительной клизмой...

На смену бездарному Юстину пришел коварный Юстиниан, называющий себя Благочестивым, и с завидным упорством продолжил дела предшественника. Он изгнал абазов из Акуа и заселил его военным и торговым людом, о том, что за этим последовало, мы говорили ранее.

Теперь же вы идете к нам с крестом, предлагая добровольно согласиться на рабство вечное: с рождения до смерти и после смерти – в мире ином, предлагая взамен съятое бесправие и утешение – спасение души после смерти...

¹ Митридат VI Евпатор – царь Понта, правивший в 121 – 63 до н. э.

Абазы, стоявшие за спиной риторов, единодушно поднимали гул. Ефрата терялся, понимая, что потерпел поражение. Теперь он догадывался, что действие могло кончиться, едва начавшись, что он вслепую шел на поводу собравшихся. Ему просто дали возможность высказаться, дабы еще более унизить. Унизить без обидных слов, собственной же глупостью...

— Абазы, — поднял голос главный из риторов, когда с Ефратом было покончено, — вы должны помнить: проданное за деньги, лишь большой кровью можно вернуть, лживое слово не исцеляет. Все, что начинается серебром — заканчивается рабством. И потому настало время, в котором мы теперь стоим. Сохраните свои жизни хотя бы для того, чтобы передать потомкам эту истину...

На этом прения закончились. Собрание расходилось. Ефрата усердно молился, чтобы заглушить смущение. Его подчиненные растерянным взглядом провожали ликующую толпу. Ефрата с горечью оглянулся на них:

— Не поддавайтесь искушению — великое дело дожидается нас, пока мы никчемно тратим время.

Молодые абазы подавленные шли к строительным участкам...

* * *

В Ануху пришла маленькая радость, тому причиной стал Апсит, наконец вернувшийся домой. Он терпеливо выслушивал милую женскую болтовню, не выдавая тревоги, и виновато поглядывал на Бага, который остройми шутками всех веселил.

— Девочки, пора приняться за обед, — призывал Апсит, указывая на высоко поднявшееся солнце, — гляньте, сколько гостей на дворе. Женщины тут же принялись за дело, мужчины вышли во двор.

— Выкладывай, Бага, что там стряслось? — спросил Апсит, когда они остались наедине.

– Пока вроде ничего, но готовится нехорошее дело. Ефрата передает, что оказался свидетелем того, как комит Евстафий зачитывался двумя доносами против тебя, составленными начальником гарнизона.

– И в чем меня подозревает этот самодур?

– Он обвиняет тебя в недобрых помыслах против римской власти, правда опираясь лишь на догадки.

Во-первых, в день прибытия в Псырту, ты не поднялся в Анакопу. А ночью он наблюдал огни, горевшие внизу у причала и наверху, в бывшем лагере абазов. Объясняет их, как некие сигналы, недружелюбные по смыслу.

Во-вторых, он утверждает, что ты организуешь среди абазов партию, подкупая дарами и убеждением, что в Анухе прошли две тайные встречи, суть которых неизвестна, что все это было замаскировано под традиционную встречу гостей. Полагаю, что за время моего отсутствия последовало и третье письмо, в котором будет описано, как галера, по твоему приказу, отплыла на запад с делегатами, участвовавшими на совете в Анухе. Лука все это преподнесет, как налаживание связей против римского владычества, потому как дадалы не являлись с повинной к римскому начальству, а значит, числятся во врагах.

– Но ведь все его обвинения ложные, я легко опровергну их при дознании, – улыбнулся Апсит.

– Обвинения, построенные на догадках, не дойдут до суда, если дознаватели будут честными. Со слов Ефрата, комит выжидает: если доносы не прекратятся, он вынужден будет призвать обе стороны к ответу. Если доносчик будет упорствовать, ему придется передать дело командующему войск Бесса. Как думаешь, примет ли комадующий твою сторону?

– Они все едины в своих чувствах к нам, лишь особые полномочия, возложенные на меня императором, могут остановить их желания.

– Ефрата встревожен, он настаивает, чтобы Евстафий решил дело полюбовно, убедив Лукреция в необъективности его домыслов. Он должен прекратить писать доносы, иначе будет тяжба нешуточная...

Все может обернуться против нас, ведь и у этих сатрапов есть покровители наверху, они смогут опорочить твое имя перед василевсом.

– А Ефрата, самый близкий ему человек?

– С тех пор прошло время, место спальничего занял другой, который мечтает оставаться при должности пожизненно. Ты же понимаешь, о чем я?

– Да, понимаю, но когда грешное дело задумывается на земле, остается уповать на небеса, Господь Бог не потерпит несправедливости.

– Оставь это для Ефрата, пусть он молится и просит Божьего покрова, тебе же надо действовать.

– Не забывай, на мне обет, я могу воздействовать только словом и убеждением.

– И я о том же. У этого негодяя должны быть слабые места, он ведь небезгрешен, надо выследить его на преступлении. Тогда он будет сковорчивым.

– Это не по мне, – повел плечами Апсит, – уж лучше быть осужденным по доносу, нежели торговаться с клеветником.

– Ладно, Апсит, все разрешится, оставайся дня на два в Анухе, – лукаво улыбнулся Бага. Мне нужна будет в помощницы служанка – всего на один день, не откажи в просьбе.

Апсит сурово поглядел на юношу.

– Ты не то подумал, наставник: я вместе с ней отправлюсь по селению, чтобы выведать у ромеев всю правду о комендантке. Вот и все.

– Было бы лучше обойтись без нее.

– Посуди сам, женщины болтливы, они любят обсуждать всякие сокрытые дела, о которых нам мужчинам никогда не услышать.

– Похоже, с ней ты обо всем уже договорился.

Бага покраснел от стыда и замахал отрицательно ручищами.

– Все не так, я даже не знаю ее имени, но думаю, что она не откажет в просьбе, ведь речь идет о будущем ее любимой хозяйки.

– Ладно, пойдем обедать, я вас познакомлю, – Апсит улыбнулся своим подозрениям и ускорил шаг.

Вскоре после обеда Бага собрал в походную суму много съестного, бурдюк наполнил вином и вышел к главной дороге со служанкой Марии. Девица робко ступала, доверяя спутнику и в то же время, опасаясь разоблачения. У первого же родника Бага отпил несколько глотков вина.

— Ужас, какая жара, промочи горло, — он протянул меха девице, она испуганно замахала руками.

— Я же пить не умею, зачем ты принуждаешь? — взмолилась Малантина.

— Отпей немного, забудешь жажду и немного расслабишься, а то зазря силы растратим, нам надо соответствовать легенде, что мы с тобой муж и жена, ищем место, чтобы закрепиться.

— А откуда мы приехали, если спросит кто?

— Как откуда? Из Царьграда. Мы с тобой там обвенчались, а затем приехали в Себастополис, имея в виду обосноваться где-нибудь в Абазгии на красивом месте. Меня зовут Петр, ты что, позабыла все?

— Давай, Петр, — она протянула руку и приложилась к мехам. Первый глоток удался с трудом, а потом все легче и легче. Бага выхватил меха, не дожидаясь, пока Малантина охмелеет.

— Мы говорим только по-гречески, никого из абазгов не упоминай, а то себя выдадим. Я разузнаю, где здесь живет самая болтливая вдова, мы направимся к ней, попросим ночлега. Ты ей предложишь серебряный, она, разумеется, согласится нас принять. Затем накроем стол и будем сидеть до поздна, попивая вино и беседуя...

— Обними меня, раз мы муж и жена, — пошутила Малантина.

— Пока рано, — засмущался Бага и пошел быстрее, не оглядываясь. Он заглядывал за высокие изгороди и отрицательно качал головой.

— Что же ты растерялся муженек, все плутаем и плутаем, конца краю нет.

— Не шути Малантина, дело серьезное. За такими заботами вдовы не живут, давай-ка я к Гуагу наведаюсь, она тут всех знает.

– Ты как знаешь, а я к ней не пойду, страшно очень.

– Храни тебя Господь от болезней, а то, придется, еще как пойдешь.

– Не хочу про это слышать, иди и быстрее возвращайся,

– девица руками зажала уши. Бага ушел и быстро вернулся.

– Иди ко мне, женушка, – услышала девица его голос за спиной. Он взял ее за талию и повел по едва заметной тропе к косогору, густо поросшему лесом и кустарником.

– Что, уже? – спросила она.

– Ты, про что?

– Уже можно меня обнимать без спросу?

Бага оторвал руку и остановился.

– Мы почти пришли, ты устала, потому что мы идем из Себастополиса, а я тебя поддерживаю. Поняла?

– А я и вправду устала, словно день и ночь в пути. Хорошо, поддерживай, муженек.

Так они добрали до покосившегося перелаза и присели на его ступени. Откуда-то прибежала старая косоглазая собака и хрюплю залаяла.

– Чтоб тебя волки загрызли, коли впустую шумишь. Или кого-то унюхал?! – донесся ворчливый женский голос. Бага подтолкнул подругу. С минуту она думала, затем крикнула:

– Добрая хозяйка, уж больше сил нет, и жажды замучала, спаси тебя Господи, помоги нам.

Из-за деревьев показался силуэт неопрятной женщины.

– Кому это помочь понадобилась, ни тебе ли молодуха, а мужик твой на что? Была бы я при муже, не голосила так. Не гневи Бога глупышка.

Малантина обернулась к Баге и фыркнула со смеху.

– Мать, Помилуй тебя Господи, – вмешался Бага, – идем издалека, устали, жажды мучит, позволь передохнуть. Будет щедрой наша благодарность.

– На что мне ваша благодарность, когда Господь покинул меня, соседи и те меня чураются. А ты симпатичный, не буду ругать за то, что матерью назвал. Просто знай: я молодая вдова... и родить не довелось.

– Прости Господи, если обидел, я же по-хорошему, – оправдывался Бага.

— Ладно, это я так... шагайте через перелаз, ежели сломается — вам и чинить.

— Я и без того починю, мне это не трудно, — ответил Бага.

— Сегодня гостем будь, а, ежели до завтрага останешься много чего делать придется, — отшутилась хозяйка.

Молодые перемахнули через подгнивший перелаз и пошли навстречу женщине.

— Кто и откуда, докладывайте, — уставив руки в бока, допрашивала женщина.

— Я — Петр, она — моя жена Малантина, идем из Себастополиса в поисках хорошей земли, чтобы обосноваться на всегда.

— Меня Феодорой зовут, — не без зависти оглядела молодых она. — Ромеям я рада, тем более из Себастополиса, идите за мной, — женщина, не скрывая радости, живо вынесла из дома лавку и кувшин воды.

— Кто ж вам посоветовал идти в Ануху? Будто других земель нет.

— Как же, сведущие люди посоветовали. Говорят, здесь воздух чище и вода сладкая, земля тучная, пастбищ вдоволь, а главное — свободных земель предостаточно.

— И то правда, места было — хоть отбавляй, но еще немного и ничего не останется — абызги возвращаются. А ромеи не спешат, можно подумать, всегда так будет.

— По правде вода сладкая, — обернулась к Баге Малантина и подмигнула.

— Вы мне зубы не заговаривайте, молодежь, не то отчитаю по полной. Лучше скажите, что вам от меня надобно?

— Добрая душа, прими на ночлег, — попросилась Малантина, — сил не осталось дальше идти. А завтра утром мы пойдем дальше.

— А куда дальше вы собираетесь?

— Нам посоветовали разыскать коменданта крепости.

Пойдем до Лукреция просить о выделении земли. А он должен быть в Анакопе.

— Вы полагаете, что этот старый кобель просто так выделит вам хорошую землю?

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Бага.

– Ха-ха-ха! – рассмеялась собеседница, – какие наивные душки. Приготовьте хорошую сумму или... Нет, не буду говорить, вы все равно не согласитесь.

– Скажи, а то сгорю от любопытства? – воскликнула Малантина.

– Тебе этого лучше не знать. Вон у тебя есть муж, живи – не тужи...

– Ладно, Феодора, можешь не говорить, только покажи, где нам расположиться, – попросил Бага.

– Идемте, – женщина отворила дверь в хижину и указала на земляной пол. – Можете здесь, мне места не жалко.

– Феодора, у нас есть солид, мы готовы отдать его за достойный ночлег, а не за голую землю.

– Так вы богатенькие, и Бог зачем-то вас ко мне прислал. Спасибо Ему за это, – обрадовалась вдова. – За солид уступлю свое осиротевшее ложе и ужином накормлю.

– Спаси тебя Бог, у нас с собой всего вдоволь, вместе поужинаем, – предложила Малантина. – Гости выложили запасы на низенький столик, вино перелили в кувшин и расставили три кубка.

– Ух ты, у нас пир горой! – воскликнула вдова, – с тех пор, как умер любимый, вкус вина позабыла. Кому нужна бедная вдова? Никто не угостит, не пожалеет. Видно, Бог сжался надо мной, храни вас Господи.

Задумка Баги удалась, с рассветом молодые вышли за изгородь чуть ли ни бегом, чтобы не показать доверчивой женщине смех сквозь слезы.

– Погодите, родные, – со слезами на глазах провожала Феодора незваных гостей. – Попросите кобеля дранного, чтобы дал участок по соседству, тут земля особая и вода в роднике особая... – Женщина махала рукой, а Бага кивал головой, не оборачиваясь.

– Я так и не сомкнула глаз, представляешь, – заговорила Малантина.

– Отчего же? Испугалась, что я превращусь в старуху Гугагу? – Пошутил Бага.

– Чтоб язык твой отсох! Я представляла, как Феодора сторожит нас за стеной, а я могла во сне назвать тебя по имени.

– Вот уж и удивлена была бы она.

– Думаешь, и без того не удивлена? Пришли молодые, заняли просторное ложе и ни звука, ни шороха. Не могла представить себе, что окажусь на супружеском ложе таким странным образом. Ведь никто не поверит нам теперь, муженек.

– Главное, мы спасем Апсита и Марию, а про ночь никому не расскажем, я обещаю молчать, как могила.

– Зато я ничего не обещаю. – Засмеялась Малантина.

«Сегодня он какой-то другой, задумчивый и рассеянный», – размышляла девушка, глядываясь в спину подельника.

Бага не стал задерживаться у Апсита. После недолгой беседы он взял с собой молодого абаза и выехал верхом в сторону Анакопы. Малантина загрустила, Мария встревожилась, Апсит был мрачен и удручен.

Молодой спутник Бага, не привлекая к себе внимания, проник в крепость, чтобы вызвать Барныку. Тот пришел с Джатом. В сумерках у подножия горы состоялся их разговор. Подробно обсудив план действий, заговорщики отправились в Ануху. В оговоренном месте спешились и спрятали коней. Когда им показалось, что поселок заснул, они крадучись подошли к хижине, где должен был появиться Лукреций, и залегли у стен. Внутри еще горела лучина, доносились непонятные звуки, похожие на голоса. Понемногу начал усиливаться мужской голос, невнятная речь свидетельствовала, что мужчина пьян. Абазы закрыли лица, словно абреки¹ и ворвались внутрь. Первым Бага, за ним следовал Барныку, затем Джат. Налетчики вынули мечи и окружили любовное ложе. Женщина вскрикнула и замерла от страха, мужчина вскочил, но рухнул обратно, получив удар по голове рукоятью меча.

– Не вздумайте делать лишних движений или голосить: ваши судьбы в наших руках, – сказал Бага и посмотрел на сообщников.

– Чего вы хотите? – взмолилась женщина.

¹ Здесь разбойник.

– Спрятите свою срамоту, разговор будет долгим! – оборвал ее Бага.

– Мне не о чем говорить с налетчиками, – прохрипел Лу-креций, превозмогая боль.

– Неужели? А мы думаем иначе. Вам предстоит исповедаться во грехах, совершенных против законов Божьих и государственных. Судя по служебному списку, долго придется нам слушать, поэтому упрощу задачу. Вы поведаете о том, как вступили в любовную связь, поправ семейные узы.

– Неправда, – стала защищаться женщина, – у меня нет мужа, я вдова, могу принимать того, кто мне по душе.

– И как давно ты овдовела? – с поддельным удивлением спросил Бага.

– Вот уже полгода, как я вдова, мой муж пошел в лес и не вернулся. Его поиски долго продолжались, пока следопыты не наткнулись на обглоданные кости у горной тропы, идущей через Лашпсы. Начальник гарнизона провел следствие, установившее, что муж погиб от дикого зверя, напавшего на него в дороге.

– Начальник гарнизона, проводивший следствие, не является ли по совместительству прелюбодеем и убийцей? – повысил голос Бага. – А то, что вашего мужа задрал зверь – не есть ли подстроенное обстоятельство для сокрытия истинной причины смерти? Ведь вы давние любовники, не так ли?

Женщина обожгла бесстыжим взглядом Багу и заявила:

– Кто ты такой, что вынуждаешь меня свидетельствовать против самой себя?

– Кто я такой? Коль ты не желаешь говорить правду я расскажу о себе. Слышала ли ты когда-нибудь о сводном брате Христо, бессовестная? Так я для того прибыл сюда, чтобы искупить кровь брата, погубленного вами. Временами на меня находит христианское всепрощение, но когда я слышу откровенную ложь, моя рука так и порывается предать вас обоих мечу.

– Ты хочешь убить нас? – прохрипел Лука. – Тогда все наши неискупленные грехи падут на твою душу, гореть тебе в аду, мы же отправимся на небеса, откупившись насилием.

— Эта мысль меня беспокоит слегка, пока я не воспылаю негодованием, а все остальное — дело привычки.

— Это он, — завопила женщина, — он все придумал и обставил, я отговаривала его, — женщина потрясла кулаками над головой любовника, — он не уступил: не успокоился, пока не погубил твоего брата.

Лука с ненавистью глядел на женщину:

— Ну, ты дьяволица, почему я раньше не догадывался? Ведь ты сама придумывала поводы, чтобы отсылать мужа в соседние поселения...

— Нет, это он отдавал поручения бедному Христо, а затем приходил и принуждал меня к любовной связи.

— Не ты ли ластилась, словно кошка, принимала подарки все это время. Не ты ли предложила подстроить западню для своего дурака, чтобы не мешал нам быть вместе, — возмутился Лука женскому коварству.

— Довольно! Все это омерзительно слушать. Я знаю больше, знаю, как ты склонял к сожительству молодых женщин, приходивших к тебе с разными просьбами. У других ты вымогал деньги.

Теперь твои преступления закончатся. Я не стану убивать тебя — это слишком просто. Ты предстанешь перед судом и будешь казнен прилюдно вместе со своей любовницей. Мои люди подтвердят обвинение, вы не уйдете от наказания.

— Лука воспрял духом, услышав про суд:

— Кто поверит вам, ночным налетчикам?

— Жители Анухи, которые захотят закидать вас камнями, не дожидаясь следствия. Или твой новый начальник Пантелеймон по долгу осуществит правосудие. Как видишь, довольно много способов рассчитаться. А если вдруг возмездие затянется, я всегда буду рядом, чтобы завершить отложенное дело. А теперь ты напишешь донесение на себя, все без утайки. Тебя под конвоем отправят в Константинополь, где будут судить. Ты же не хочешь, чтобы твои кости сгнили на чужбине?!

— Ты слишком многословен для мстителя, и не тот, за кого себя выдаешь. Я не выполню ни одного из твоих требований, делай, что задумал, — прохрипел разъяренный Лука.

– Отвернись прелюбодейка, – приказал мститель. Женщина, в страхе трепеща, забилась лицом в угол.

– Пусть это оскверненное ложе обагрится кровью. – Бага занес руку с мечом, лезвие со свистом опустилось, нечто тяжелое рухнуло на землю. Бага оглянулся, это был не его удар – рядом стоял Барныку и рычал, словно тигр. Бага вовремя сдержался, дабы не проговориться, затем он ловко подменил окровавленный меч на свой:

– Женщина, – крикнул Бага.

Она дрожала, держась за голову.

– Преступник мертв, твоё дело призвать соседей и рассказать обо всем. Не забудь им поведать, что я отомстил за брата, а с тобой пусть разбирается закон. Если расскажешь все без утайки – буду ходатайствовать на суде за облегчение твоей участи... Ты все поняла?

Она подняла глаза, наполненные мольбой, кивнула в знак согласия и затем рванулась к выходу с криком: «Заберите меня, я не могу оставаться с покойником!»

– Ни слова лживого, иначе тебя ждет такая же участь, – бросил ей вдогонку Бага ...

* * *

– О чём тревожишься, муж мой? – пытала Апсита Мария, разделяя его бессонную ночь.

– Наша миссия может закончиться, едва начавшись, – пробормотал он. Женщина ничего не поняла.

– Конечно, дорогой, я во всем с тобой рядом, – она погладила его по волосам, а он и не обратил внимания.

– Знаешь, я возложил на себя обет, – неожиданно заявил Апсит.

– Ты о чём? – затревожилась Мария.

– Если все обойдется, я построю в Анухе храм во имя Богородицы-Заступницы.

— Хорошая задумка, я тебе помогу. Ты можешь отправить меня в Константинополь для сбора пожертвований. Увидишь — много монет и мрамора привезу, это будет наш общий храм... Что я болтаю?! — опомнилась женщина. — Как же я без тебя уеду? Только если вместе, а так мне и отчий дом не мил...

Неожиданно с улицы раздался чей-то призыв. Апсит вскочил с постели, зажег лучину и поспешил во двор. Мария повисла на нем...

— Пантелеимон, — обратился ночной посланник, — меня отправил старшина по особому случаю.

— Что случилось, не темни...

— Начальник гарнизона убит, его обезглавленное тело лежит в постели Евлампии, а она голосит во всю, что в дом ворвались трое неизвестных, учинили допрос, после чего коменданта обезглавили.

— Что делал Лукреций у нее? — удивился Апсит.

— Судя по всему, они были любовниками, — предположил вестовой.

— Я сейчас, поедем вместе, — сказал Апсит и быстро собрался. Брезжил рассвет, когда мужчины подъехали ко двору Евлампии, заполненному анухцами.

— Где эта женщина? — обратился Апсит к собравшимся. Соседи, не скрывая своего презрения, привели ее полуголую. При виде ромея она бросилась на колени и принялась молить о пощаде.

— О чём это она? — неподдельно удивился Апсит, оглядываясь по сторонам.

— Она утверждает, что обезглавил Луку сводный брат Христо ее невинно убиенного мужа. Он прибыл издалека, чтобы отомстить за брата. — доложил старшина.

— В чём она себя обвиняет? — снова спросил Апсит.

— Не знала я ничего-о... — голосила Евлампия, — что он подстроил ему смерть, не знала-а...

— А прелюбодействовать при живом муже можно?! — выкрикивали из толпы другие обманутые мужья. Никакого ей прощения, врет она все, бесстыжая!

— Возьмите ее под стражу и отправьте в крепость, — обратился Апсит к старшине, — пусть в суде обвиняют.

Несколько крепких римлян окружили грешницу и вытолкнули ее на дорогу. Разъяренные женщины тянулись, если не ударить, хоть разорвать одежды на ней. Расцарапанная и окровавленная Евлампия ускользала шаг, надеясь на спасение. С нее свисали лоскуты одежды, в нее летели камни и комья земли.

— Прости нас, Господь Бог, — перекрестился Апсит. Он поручил старшине написать подробный доклад о происшествии, чтобы отправить его в Себастополис.

В это время Бага уже выходил к Гуме, намереваясь прибыть в лагерь до того, как все проснуться. Его сообщники, Барныку и Джат, лежали под навесом среди товарищей в Анакопе и делали вид, что дремлют.

Слух о происшествии в Анухе каким-то образом дошел до Анакопы раньше, нежели доставили арестованную женщину. Гарнизонные воины всполошились, просыпавшись, что их командир убит. Они порывались самовольно отправиться на место происшествия, но Барныку убедил их не покидать цитадель. Среди них были тайные сообщники Лукреция, мечтавшие поскорее умертвить последнюю свидетельницу. Они больше всех кричали о позоре и своей ненависти к прелюбодеяйке. Поэтому, когда к воротам подошли анухаа с Евлампией, поселенцев они отправили обратно, убедив в том, что приказ Пантелеимона будет выполнен. Женщину отвели в подземелье, затем, самые дерзкие пробрались первыми и принялись ее насиливать... Когда римлян удовлетворили свою похоть, договорились немедленно лишить жизни виновницу и соучастницу преступления. Несколько воинов спустились к ней, и беззвучно удушили ее.

Так окончили свои дни римский командир и его любовница. Никто не пролил слезинки по поводу. Священник, упрощенный Апситом, прочитал поминальную молитву и подал знак. Тела Лукреция и Евлампии были сброшены в яму и засыпаны землей. Ближайшие сподвижники гарнизонного ограбили пожитки бывшего начальника, находя в этом особое удовлетворение.

«Спасибо, Матерь Божья, за покров. Теперь моя очередь», — вспомнил Апсит про свой обет. Он склонился над пергаментом, составляя донесение в Себастополис. Ему при-

шлось оправдывать свою оплошность по поводу Евлампии. Оба донесения: одно – свое, другое – старшины, он отправил комиту с нарочным, передав на словах, что не может оставить крепость по причине отсутствия в ней командира.

Каким-то образом новости доползли до Себастополиса раньше, чем прибыл нарочный с сообщением. Правда перемешанная домыслами обсуждалась небольшими группами и в крепости, и на горе. Бага про себя улыбался, поражаясь людским измышлениям. С особой радостью к обсуждению подключались мужья, подозревавшие своих «благоверных» в измене.

«Слава Господу нашему за то, что за нас все устраивает»! – с нескрываемой радостью передавалось из уст в уста. «Будут знать некоторые, как бывает, если свяжешься с чужими женами».

С особым рвением рассказчики приукрашали достоинства ромея, который пересек неспокойное море в одиночку для того, чтобы отомстить за брата Христо.

– Это был природный эллин, – утверждали одни.

– Что эллин – то верно, но мать его из варваров. Потому они и доводились сводными братьями, что матери у них разные, – убеждали другие.

Эти последние были убеждены, что только носитель большой доли варварской крови мог проявить столько упорства в намерении отомстить за брата...

Наконец Евтафий получил оба донесения и засобирался в Анакопу. Ранним утром он был в пути, а к закату солнца въехал с сопровождением в крепость.

ПРОИСКИ И ПРОВИДЕНИЕ

Анакопский гарнизон выстроился на плацу. Евстафий спешился, подошел к воинам, окинул взглядом неплотный строй и растерянно взглянул на Апсита. А тот уже докладывает:

– Комит ромейских войск, Евстафий, Анакопский гарнизон в полном составе приветствует тебя.

– Защитники Анакопы, приветствую вас, – отвечал Евстафий. – Вскоре мы соберемся снова, а теперь можете разойтись.

Он позвал Апсита и старшину Анухи в отдельное помещение, чтобы узнать подробности происшествия из первых уст.

Опрошенные рассказали об известных им событиях и деталях, не скучаясь на выражения. Но моральная сторона прошедшего интересовала чиновника меньше всего. Ему надлежало разыскать возможных свидетелей и участников преступления, провести дознание и передать дело в суд. В особых случаях, подобных этому, следовало отправить подозреваемых в центр, а там уже решат, что дальше. «Но где же их найти?» – ломал голову Евстафий. Мстители скрылись, не оставив никаких сведений о себе. Но кто бы сомневался, что они где-то рядом! Придется начать расследование, а там, как повезет...»

– Старшина, поручаю тебе опросить жителей Анухи: не видел ли кто посторонних. Может, удастся выйти на их след?

Старшина отправился выполнять задание.

– Нам следует все подробно обсудить, – строго посмотрел комит на Апсита. – Слишком много совпадений для короткого отрезка времени. Сперва ко мне поступают два доносения убитого, в которых он подозревает тебя в недобрых намерениях. Вскоре убивают доносчика и раскрываются весьма неприглядные эпизоды из его жизни.

– Неудивительно, что прелюбодей и убийца способен на клевету, – ответил Апсит.

Евстафий сурохо посмотрел на собеседника:

– Я о другом, твоя заинтересованность в таком исходе очевидна, как и то, что можно предположить, что женщина была убита при твоем участии.

– Я по-другому оцениваю дела, Евстафий. Если бы мое появление в крепости не напугало бы убитого, он не писал бы гнусные доносы. Похоже, он убоялся, что я рано или поздно разузнаю про все, и решился еще на один грех – клевету, чтобы устраниить угрозу. Если что-либо из его доносов достойно обсуждения, я готов держать ответ, хотя предполагаю, что они построены на вымысле.

Смерть женщины меня искренне расстроила: я не смог ее уберечь, мер, принятых мной оказалось не достаточно.

Я вырвал ее из рук поселенцев, мечтавших забить ее камнями, и отправил с сопровождением в крепость. Однако мой приказ не был выполнен. Римляне, из доверенных Лукреция, приняли арестованную, а сопровождавших ее мужчин не пустили в крепость. Далее, оправдывая себя чувством испытываемой к ней ненависти, сами глумились над женщиной, затем, чтобы снять с себя ответственность вовлекли и остальных. Когда содеянное зло стало очевидным, зачинщики сговорились и удушили ее, чтобы она не заговорила об известных ей злодеяниях.

– Ты утверждаешь, что у Лукреция были сообщники? Так кто же они? – удивился комит.

– Конечно же, были. Подумай: мог ли Лукреций самостоятельно обставлять свои дела? Теперь всплывают слухи, что Лукреций, пользуясь служебным положением, склонял женщин к постели, от мужчин же он, за определенные услуги требовал деньги. Бывало такое, что он отдавал просительниц и своим приближенным в качестве вознаграждения за выполненные ими поручения.

– Так кто же они? Говори, – с наигранным удивлением воскликнул комит.

– Я провел дознание и выявил троих зачинщиков, теперь они содержатся в темнице. Признаваться в причинах содеянного не спешат, однако дела их нечисты. Перед самым твоим визитом я получил донесение, что вещи убитого раз-

граблены, боюсь, мы лишились каких-то письменных свидетельств в виде финансовых записей, могущих пролить свет на определенные махинации. Но уверен, что личные вещи покойника мы можем найти, если незамедлительно проведем обыск.

— Так действуй, если еще не уничтожены все улики.

Апсит тотчас направился в казармы. Там в присутствии свидетелей были осмотрены личные вещи воинов, среди которых нашлись одежда и обувь Лукреция. У троих подозреваемых в вещах были спрятаны немалые суммы денег, из чего складывалось, что деньги могли принадлежать убитому. Апсит предъявил улики Евстафию. Он, довольный, усердно потер ладони.

— Эти трое отправятся со мной в Себастополис и дальше в центр. Но теперь ответь мне на другие вопросы. Ты же понимаешь, что я обязан задать их по долгу службы. — В голосе комита прозвучали извинительные нотки. — Убитый утверждал, что ты не явился в Анакопу ни в первый, ни в последующие три дня, правда ли это?

— Истинно, так, — отвечал Апсит. — Моя супруга была так плоха, что я не посмел оставлять ее одну, а вместо себя отправил Мартына.

— Кто этот Мартын, из аbazгов, что ли?

— Да, это мой спутник Барныку, нареченный в крещении... Лука оскорбил его и выставил из крепости ни с чем. А мы рассчитывали на коня, чтобы довезти больную до Анухи.

— Что за огни светили в Трахее в первую ночь? Покойник считал, что это были сигнальные знаки.

— Когда мы отплыли из Себастополиса, вспомни, Евстафий, один из аbazгов обещался доставить по сущему моего коня. Так вот, он заблудился, застигнутый в дороге ночью. Он разжег костер, а на рассвете разыскал нас, и мы объединились. Лишь к исходу второго дня мы смогли достичь Анухи.

— Что за прием устроили тебе аbazги в Анухе?

— Перед отплытием в Константинополь, я встречался с представителями аbazгских родов, дабы склонить их к принятию условий василевса. Я получил от них ответ и обещал-

ся донести обо всем в Константинополе. Во время высокой аудиенции, я поделился тревогами моих соплеменников. Получил ответное слово, которое обязался передать во все уголки Абазгии. Абазги ждали с нетерпением моего возвращения, воздерживаясь на это время от каких-либо враждебных действий против Рима. Так вот они и собрались, чтобы услышать Юстинианово послание.

– Значит ли это, что теперь абазги вновь будут враждебны нам, ведь они не получили удовлетворения?

– Полагаю, что среди них есть многие, недовольные римской властью. Чему удивляться, если сами ромейские поселенцы не довольны ею?

Комит отвел глаза от твердого взгляда собеседника.

– Так или иначе, отвечай на мой вопрос.

– Прибывшие представители обещали впредь не прибегать к насилию, если только это не будет ответной мерой. Худой мир всегда лучше доброй ссоры, не так ли, комит?

– Ну и последнее, Пантелеймон, правда ли, что твою супругу исцеляла колдунья по имени Гуагу?

– Правда, но не колдунья она. Она пользуется травами для изготовления целебных снадобий. Много жизней спасла, среди них и христиан не мало. Она единственная, кто лечит всю округу. Не будь Гуагу, пустынными были бы наши места. А подтверждение можешь получить у любого ромея-поселенца, того же старшину спроси.

– Конечно, спрошу, к тому же надеюсь, что он найдет какие-то следы убийц.

– Аминь, – отвечал Апсит.

– Так-то оно так, – почесал затылок Евстафий, – порешим следующее: нечего нам обоим толкаться в Себастополисе, принимай командование Анакопским гарнизоном. А дальше поглядим, что следствие покажет. Если кто не станет подчиняться, отправляй в Себастополис, пусть подышит тамошним тюремным воздухом. Иди, собирая команду на построение. Комит будет говорить.

На узком плацу вновь выстроился немногочисленный гарнизон. Абазская команда воглавляла шеренгу, Апсит передал слово Евстафию.

– Воины Рима, – объявил комит, – утверждаю командиром Анакопского гарнизона Пантелеймона. Призываю каждого из вас неотступно следовать уставу, правилам святой Христианской церкви и законам Юстиниана. Здесь, на окраине империи, на вас возложена особая ответственность перед императором. Помните это! – После короткой паузы комит обернулся к Апситу:

– Пантелеймон, прими командование, служи самодержцу верой и правдой, не жалея жизни, сил и здоровья.

– Принимаю, – Апсит в почтении склонил голову. Площадь накрыли одобрительные голоса...

Евстафий удалился в Себастополис, прихватив с собой троих подозреваемых. Старшина обошел всю Ануху в поисках свидетелей. Остались неопрошеными лишь вдова, у которой ночевали Бага и Малантина, и домочадцы Апсита. К первой он не заглянул, опасаясь ее сварливого языка, к другим просто не посмел заявиться. Так и осталась сокрытой тайна оочных мстителях.

Спустя время арестанты были отправлены к начальству в Лазику, а в Константинополь было направлено донесение для розыска родственников Христо, подозреваемых в убийстве гарнизонного начальника.

Апсит с головой занялся обустройством крепости и ее окрестностей. Каждое его действие и слово убеждали подчиненных: возврата к прошлому не будет. Апсит часто разъезжал по поселениям и призывал их жителей к честному труду и доверительным отношениям. Мелкие споры между соседями он разрешал на месте, а старые тяжбы, обещавшие разгореться в конфликт, обсуждал долго со старшинами и представителями родов, принуждая стороны к мировому соглашению. Успехи нового начальника приумножали его славу. К нему шли за помощью и вдовы, и бывшие легионеры, и абазы, бывшие хозяева земель. Для всех он находил время, старался помочь.

Анакопскому гарнизону теперь ничто не угрожало, они свободно выходили в лес, где заготавливали дрова и строительную древесину. На месте покошенных времянок выросли прочные казармы, защищенные от ветра добротными стенами, крытые отмученной глиной с примесью соломы. У

основания крепости Апсит заложил торговый ряд, где одни беспрепятственно могли сбывать свои товары, а другие – приобретать самое необходимое. Апсит приказал воинам раз в неделю чистить мечи, чтобы они не приросло к ножнам, в быту воины перестали их носить по ненадобности.

Однажды Апсит снарядил в Ануху незначительный отряд, чтобы привезти свою семью в крепость, где их ждал новый каштановый дом, крытый соломой. Мария обрадовалась известию. Вдоль главной дороги в тенистых местах собирались женщины ромейки, чтобы поделиться последними сплетнями. На этот раз среди сударок оказалась и вдова Феодора. Все с любопытством приглядывались к шествующим всадникам: одних интересовали юные абазы, другим очень хотелось разглядеть жену-ромейку нового начальника, дочь знатного патриция в Константинополе. Они, не скрывая любопытства, беззастенчиво выражались, а Мария, смущенная избыточным вниманием, пряталась за молодую статную служанку. И хотя команда проехала быстро, любопытство мещанок на ближайшее время было удовлетворено. Среди них разгорались споры. Перебивая друг друга, не стесняясь в выражениях, женщины изоштрялись каждая на свой лад. Молчала только Феодора. Сударки удивленные замолкли, одна из них толкнула Феодору в плечо. Та сердито посмотрела на соседок, собираясь обидно ответить. Соседки засмеялись над ней. «Поди, жива, – крикнула та, что толкнула, – уж не влюбилась ли в абазгского молодчика, что проскакал на коне?» Женщины еще больше залились смехом. Феодора встала, словно отряхиваясь от злобных шуток. Она собралась ответить, но стоял такой шум, что она махнула рукой и пошла к себе. Тревога закралась в сердце Феодоры. Ей показалось, что она узнала девицу – спутницу Марии. «Да, это была она, как ее там: Милантина, или что-то похожее? А где же ее муженек, который Петром представился? Уж не обманывали они меня в ту ночь, больно щедрые были и все выспрашивали. Не я ли навела на Лукрецию своей болтовней?» – по ее спине пробежал холодок. Она огляделась по сторонам, испуганная своими догадками. Никого поблизости не было, значит, она одна владеет страшной и очень важной тайной, от нее может зависеть многое...

* * *

На горе, прикрывающей Акуа с севера, быстро росли белокаменные стены. Неутомимым трудом сотен человек, прерываемым лишь на Обедни и Вечерни, стойка вырывалась из земли. До Ефрата доходили редкие слухи о событиях в Анакопе и Анухе, радовавшие сердце наставника. Он скучал по Апситу и Марии, но не смел оторваться от главного дела, пока инженер из столицы не заявил, что работы по выкладке стен надлежит остановить на несколько месяцев для их естественной усадки. Ефрата задумал съездить на запад, в дорогу вместе с ним попросились абызы, остававшиеся при нем. Собравшись наконец, однажды утром они вышли в море. Погода обещала быть жаркой. Поначалу безветрие задерживало путников. Гребцы обессиленные ругали небеса, пока ветер с востока не покрепчал, наполнив сникшие паруса порывистыми потоками воздуха. Абызы взглядывались в небо и радовались в ожидании неминуемой грозы. Ефрат пропел молитву, дабы отдать долг по случаю. Его мысли были в недалеком прошлом, когда они впервые причалили к Себастополису. Ефрата улыбнулся себе, понимая, что труды и надежды не были напрасными. Его подопечные возмужали и слились в дружную команду, способную на многие благие дела. Сейчас они носились по корме, словно передразнивая ветер и пугая приближавшиеся грозовые тучи. Молодецкая забава продолжалась около получаса, пока у юношей не иссякли силы, а ветер не стал необоримым и порывистым. То и дело волна вздымала, словно игрушку, дубовую галеру, скрипели мачты и борта от напирающей силы. Первая самая сильная волна приподымала и выталкивала галеру, опережая силу ветра. При этом паруса немного ослабевали, затем шла вторая и третья поменьше, тогда-то и наполнялись паруса, со скрипом мачты передавая силу ветра раме корабля. Абызы считали: «раз, два, три» и со счетом «три» хватались за борта галеры. Забавляясь таким образом, они превращали в

игру путешествие. Сквозь грозовые тучи, обхватившие весь горизонт, уже проглядывались очертания Псырты и Анакопы. На сотни метров чернела взрыхленная прибрежная полоса. Громкие раскаты грома, запаздывавшие на мгновенье за жирными полосами молний, оглушали мощными разрывами. Одни из молодчиков улыбались, другие со страха прятали головы. Бага и Джыр улеглись на палубу и жадно ловили тяжелые капли, срывающиеся с неба. Кормчий уверенно держал курс, к нему подошел Ефрата.

— Отче наш, — перекрикнул шум рулевой, — пожалуй, к берегу нам не пристать, — он указал в сторону бухты, туда, где все краски слились в черный цвет.

— Что же делать? — растерялся епископ.

— Может там, со стороны Агаца берег удобней для причала: все же каменистый выступ прикрывает, и русло реки глубже, нежели канал.

— А если и там никак? — засомневался Ефрата.

— Придется переждать в море, — ответил рулевой.

— Как? Нас ведь снесет сильным течением, никакой якорь не удержит?

Кормчий пожал плечами. «Снять паруса!» — прорезал шум его властный голос. — Команда, на весла налегай!

Облака разверзлись ливневым потоком, гроза ушла вперед, подгоняя ветром. Абазы стояли на палубе в прилипших к телу одеждах и принимали новые порции воды сверху, находя в этом какое-то особое упоение. Пожалуй, так радуются только в летнюю жару, когда и природа и человек истосковались по освежающему дождю.

...В Анакопе обрадовались гостям. Моряки у причала готовили суточный паек, а абазы в крепости задумали отметить встречу по достоинству. Пока одни обменивались новостями, другие освежевали тушу быка и готовили угощения.

Ефрата ходил вокруг Марии и с умилением приговаривал: «Спаси тебя Господи, как ты преобразилась, и по дому не скучаешь. Повезло же Пантелеимону, повезло!»

— В чем же это ему повезло? — засмущалась Мария.

— Найти такую верную спутницу, чтобы из отчего дома, да на край земли, где ничего привычного...

– Как же, моя верная служанка всегда со мной. Здесь все заботятся обо мне, словно я стеклянная.

Ефрата остановил взгляд на талии Марии и ухмыльнулся своей запоздалой догадке: «Ах, Бог ты мой! Об этом я должен буду с ним говорить».

Марию забавляли проявления заботы старшего друга, но вдруг она опомнилась и потемнела лицом. Ефрата заметил перемены в ней и насторожился.

– Дочь моя, что тебя смутило, что-то не так?

– Только не требуй, чтобы отправил он меня в Константинополь, умоляю, будь милосердным.

Ефрата оторопел, именно это он и собирался предпринять.

– Полагаю, вы сами решите, как лучше. Мое же мнение, что в таком серьезном деле следует озабочиться о плоде. «Как она легкомысленна», – подумал он про себя.

– Здесь нам будет лучше, святой отец, ведь самочувствие младенца зависит, прежде всего, от настроения матери. А мне здесь хорошо. Добровольно я никуда не поеду.

«Сколько твердости в ее ответе?!» – удивился Ефрата и промолчал.

…Ободренные вечерним дуновением ветра друзья сидели за столом допоздна, трапезничая и тепло общаясь. Апсит вглядывался в каждое лицо, словно предчувствие предупреждало: «Вместе вам больше не бывать…»

Как только выдалось время, Апсит и Ефрата уединились, чтобы поговорить о делах.

– Мне как никогда нужна твоя помощь, – с особым вдохновением обратился Апсит к наставнику.

– Храни тебя Господи, – вздрогнул Ефрата, – всегда готов.

– Ефрата, я дал обет построить храм Богородице в том месте, где ты проводил рождественский молебен. Тяжело будет справиться одному. Вроде и камень ромеи подготовили, правда, лежит далековато. Я в растерянности, не знаю с чего следует начать.

– Сын мой, строительство храма – дело общее. Собери всех в нужное время и увидишь, как дело пойдет. Только не рано ли, главный храм у Акуя не закончен?

— Святой отец, о таком величии мы не мечтаем, нам бы попроще. Одного опытного механика хватит, своими руками сложим.

— Для начала объяви сбор. Кто имеет повозки, пусть с собой возьмут. Перевезем камень на нужное место, расчертим траншеи под фундамент и возьмемся за дело. Да так постанови, чтобы один день в неделю каждый из жителей посвящался общественным работам. Разделишь всех на артели, определишь рабочие дни и задание. При желании и усердии к зиме закончите.

— Думаешь?! — обрадовался Апсит, — я и не мечтал так быстро...

— Обязательно получится, раз задумал — не тяни.

— А что, если послезавтра?

— Как решишь. За день все камни перевезем, глянь, какая мы сила.

Апсит огляделся, резерв и вправду солидный. Триста крепких, здоровых мужчин без дела слонялись по двору.

— Договорились — послезавтра на рассвете проведем сборы.

— Благослови, тебя, Господь Бог. Многое успеешь сделать во славу Божию. Да обернутся твои труды великой благодатью.

— Спасибо за благословение: как решили, так и поступим.

К раннему утру назначенного дня на месте, выбранном для постройки храма, собралась тысяча мужчин. Ефрата отслужил молебен и закипела работа. Три артели принялись за работу. Первые выравнивали место и копали траншеи, другие готовили большую яму для сжигания камней известняка. Вереница повозок, груженая блоками, растянулась по Анухской дороге. Местные каменотесы наточили инструмент и принялись вырубать и тесать каменные блоки. К обеду по приказу Апсита всем была роздана пайка: добрый ломоть хлеба и крынка квашеного молока. Анухский дьякон, не веря своим глазам, ходил среди работников и усердно молился. Апсит, старшина и Ефрата составляли расписание будущих работ. День закончился, а люди не расходились, удивленные своими трудами.

– Благослови вас Господь наш Иисус, отправляйтесь по домам, отдохните. Старшина оповестит о рабочих днях, – от всей души благодарили Апсит тружеников.

– Один день в неделе мы с большой радостью посвятим Богу, – отвечали анухцы и довольные расходились...

С назначением Апсита начальником Анакопы установилось прочное спокойствие. Ромеи и абазы прекратили постоянные ссоры, вкусили, наконец, выгоду мирного сосуществования. Вспаханные поля в тот год принесли невиданный урожай, сады и виноградники сгибались под тяжестью созревавших плодов, скотина, нагулявшая жирок, отлеживаясь в тени, пережевывая жвачку и благодушно помахивая хвостами. Строительство в Анухе каменного храма близилось к завершению, а в главном храме у Себастополиса только собирались закладывать каменные своды...

* * *

Эхо вязкой войны в Лазике докатывалось до абазов лишь слухами, которыми всегда полнится мир. Ежедневно начальник Анакопы проверял караулы у сочленения дорог и наблюдающих за морским горизонтом, часто посещал Ануху. Он подумывал о том, чтобы к празднованию дня урожая пригласить в Ануху представителей соседних общин. Мечтал снарядить общими усилиями торговый корабль в Византию, чтобы там обменять местные товары на запасы соли.

...Море стояло, словно бескрайняя нива. Густая дымка, пеленавшая к обеду горизонт, смазывала полосу, отделявшую водную гладь от неба. «Такое спокойствие – к непогоде», – задумался Апсит. Несколько дней к ряду он наблюдал неизменную картину: «Не закончилось бы все буреломом?!» Он печалился, не понимая причину своей грусти. Недоумевала и Мария, наблюдая за мужем. Она выискивала Апсита и нарушала его одиночество, приставая с женскими нежностями. Это забавляло Апсита на какое-то время.

– Что тебя тревожит, любимый супруг? – все же решилась спросить Мария.

– Да так, ничего... погляди туда, такого спокойствия я давно не видывал.

– Ну и что с того? – удивилась она.

– Ой, боюсь схлестнутся стихии – содрогнется земля...

– Ты меня пугаешь, – женщина прильнула к мужу.

– Да я не про то, не бери в голову, – успокаивал жену Апсит.

– Пока мы вместе, мне ничего не страшно, – прошептала Мария ему на ухо.

– Тебе нечего опасаться, ты знатная ромейка и жена абазга...

– Самого лучшего абазга! Когда у нас родится сын, тебе будет не до скуки, обещаю.

– Я буду самым счастливым ...

– А ты и без того не обделен, не так ли? Все, что задумываешь – сбывается без промедления, за что возьмешься – спорится. Рядом с тобой верная жена. Ты не задумывался, откуда такая благодать?

– Все это свыше. Верю, что души предков наделяют меня силой и Господь избрал меня для своих целей. Точно знать, мне не дано.

– Посмотри как тебя любят, как в тебя верят, а ты заладил: «содрогнется земля»... Разве можно показывать ближним свои сомнения?

– Мария, ты на все смотришь любящими глазами...

– А ты разве не такой, разве не любовь правит безраздельно твоим сердцем, не она привела тебя на родину?

– Не знаю, – смутился Апсит, – я ни в чем не уверен, и тревога пришла со стороны. Предчувствую, что нас ждет расставание.

– Я же говорила, что не уеду никуда, – возмутилась Мария.

– Да не кипятайся, я тебя и не отсылаю. Но ведь могут так сложиться дела, что тебе придется уехать в Византий?!

– Какие, к примеру?

– Если сюда придет война, разве не аргумент в пользу моего предположения?

– Начал бы строить василевс храм для абазгов, если сюда должны прийти персы? – упорствовала Мария. Апсит не удержался от смеха.

– Ты рассуждаешь, словно василевс знает все наперед, не смеши?

– Все, не все, а больше нас с тобой точно, – надула губы Мария.

– Хорошо, пусть будет по-твоему.

– Что еще может стать причиной моего отъезда, а ну-ка выкладывай? – настаивала Мария.

– Вдруг меня переведут в войсковую часть, – нашелся с ответом Апсит, – тогда не останешься же ты здесь одна, без присмотра?

– В какую еще такую часть? Ты что на войну собрался? – вознегодовала женщина.

– Откуда мне знать, чему быть завтра, я же не василевс?

– Не шути так, ты словно только и мечтаешь избавиться от меня: все о плохом и о плохом. Выбрось все это из головы. А я могу ради нашего счастья многое вытерпеть. Ты не знаешь, на что способна женщина ради любимого.

– Неужели?

– Да, и не вздумай сомневаться, я могу призвать силы земные и небесные, сокрушить все препятствия. Так и знай, дорогой муженек...

Погляди, к нам галера плывет, – Мария указала на небольшую точку, показавшуюся в морской пелене.

– Ты права, это ромейская галера, кто-то в гости к нам спешит. Отправлю к причалу дозор, – Апсит выскользнул из объятий жены и спустился к подчиненным.

...Спустя время в крепость вернулся дозорный. Он вручил Апситу послание, скрепленное печатью.

«Пантелеймон, в наших делах возникли перемены. Собирайся, безотлагательно, прибудь на галере в Себастополис.

Комит ромейских войск в Абазгии – Евстафий».

«Что бы это значило? Никакого намека в письме». – Апсит всерьез задумался.

– Что за команда на галере? – спросил нарочного Апсит.

— Они не из наших, — не скрывая тревоги, ответил Джат.
— Галеры такой никогда не видел. Может им не стоит доверять, мне, признаться, не понравились их лица.

— Сколько их там?
— Я насчитал два десятка, остальные могли укрыться.
— Как же не довериться, если тут печать моего начальника — Евстафия?
— Я бы на твоем месте сел на коня и отправился в Себастополис верхом, а они пусть бы плыли сами.
— Нет, я обязан подчиниться приказу, подготовь мне коня. — Апсит кинулся в дом переодеться и попрощаться с женой.

Во дворе его ждали трое абазов с четырьмя конями под седлами. Небольшой отряд быстро спустился к причалу. С галеры подали трап. Едва поднялся Апсита на борт, тут же трап втянули обратно. Гребцы налегли на весла, и мгновенно галера отошла.

— Не нравится мне эта история, — поделился с товарищами Барныку.

— Отговаривал я Апсита, да не отговорил, — сокрушался Джат.

— Теперь нам нечего здесь землю топтать, ты отправляйся в крепость и жди новостей, мы с Джыром поскакем в Себастополис, постараемся их опередить, — распорядился Барныку.

— Вы намереваетесь обогнать галеру?

— А вдруг? Ветра-то нет совсем.

— Торопитесь, я понял.

Друзья разошлись согласно уговору. Барныку и Джат выехали в Себастополис через Псырту, выбрав самый трудный, но короткий путь. Им предстояло преодолеть много подъемов и спусков, а главное — переплыть Гумпсы, полноводную в своем нижнем течении.

В Себастополисе подходил к завершению ничем не приметный день. Ефраты с абазами были заняты на стройке. Гарнизон коротал время внутри стен. Его начальник, по обыкновению, был замкнут и невесел. Он обдумывал цепочку событий вокруг смерти бывшего гарнизонного — Лу-

креция. Прибывшая утром депеша из Лазики насторожила ромея. В ней ясно указывалось, что надлежит доставить Пантелеимона к командующему Бесса самым безопасным путем, учитывая особые полномочия и скрытые возможности задерживаемого. Тревожился он не по поводу совершенного им факта предательства, в большей степени он боялся, что эта история может плохо закончиться для него. В случае, если вина Пантелеимона будет доказана, его, как комита, могут обвинить в халатности или пособничестве. Если же Пантелеимон оправдается, то обвинит его – Евстафия в кознях. Лишь при участии василевса он сумеет выбраться. В этом случае и для мести у него появится масса возможностей.

«Утони эта галера где-нибудь, все обошлось бы само по себе. Я маленький человек, и спрос с меня невелик», – тешися надеждой Евстафий.

К нему в хибару кто-то постучался.

– Входи, – крикнул комит. Дверь отворилась, на пороге стоял Бага.

– Меня прислал Ефрата, чтобы узнать последние новости, – сходу заявил он.

– Какие еще новости? – сделал удивленное лицо комит.

– Мы видели, как утром к причалу подошла галера и вскоре направилась на запад. Теперь она возвращается, миная нас, держит курс на восток. Епископ Абазгский спрашивает: не случилось ли что-либо угрожающего интересам римской державы, или ее части – Абазгии?

– Как это проходит мимо? Они обещали зайти на обратном пути! – комит сделал удивленное выражение лица и выскочил во двор. В морской дали медленно проплывало судно, держа курс на восток.

– Значит, не стали заходить. – Евстафий почесал затылок. – Передай Ефрата, что эта галера прибыла по приказу командующего. Они разыскивали Пантелеимона для дачи каких-то сведений по делу убийства начальника Анакопского гарнизона Лукреция. Обещали вернуться, да, видимо, передумали.

— Так что, Пантелеймон на той галере?

— Похоже, так. Скорее всего, его доставят к Бесса для взятия показаний. Но к чему такая спешка, не пойму?! — Комит так и стоял со смущенным видом. А Баги след простыл: он побежал на гору, чтобы собрать отряд в погоню. На одном из подъемов обессилев, бросился на землю и принялся руками рыть землю и рычать.

— Посмотри, это же Бага, — раздались голоса за его спиной. Он пришел в себя и оглянулся. Перед ним стояли два всадника — друзья из Анакопы.

— Быстрее, вперед! — скомандовал он и запрыгнул на круп коня Барныкуа. Загнаные кони едва двигали ногами. Барныку уступил коня и побежал к причалу, чтобы подготовить абазское судно для погони. Бага же поскакал в гору.

— Аха-хай! — выкрикивал он то и джело и размахивал руками. Наконец его приметили в лагере, и бегом направились навстречу.

— Зовите Ефрата, беда! Спешите на берег к нашей галере — призывал он встречных, а сам мчался в лагерь. А там уже абазы взволнованные вышли из лагеря.

— Наставник, надо торопиться, они забрали Апсита и повезли на той галере, мы должны догнать и выручить его.

— Вперед! — закричал Ефрата, возмущенный сообщением. Бага уступил ему коня и вместе с другими побежал вниз...

Один за другим абазы заскакивали на галеру, моряки крепили весла, ромейские воины с удивлением разглядывали сцену, не в силах что-либо понять. Комит, разинув рот, наблюдал, как галера быстро заполнилась, как поднялся на борт Ефрата.

— Вернемся, тогда поговорим, — кинул ему Ефрата. Комит прикрыл рот и пошел в другую сторону. Гребцы налегли на весла...

С каждым часом у абазов пропадала надежда настигнуть ромейское судно. Перегруженная галера едва двигалась, гребцы обливались потом и валились от усталости. Их сменили другие, но тщетно, преследование не удалось.

– Так ничего не выйдет, – вслух произнес Ефрата, – надо вернуться, оставить вас в крепости, а я отправлюсь в Лазику, к командующему Бесса.

– Наставник, ты не подумал, что и тебе могут арестовать? – подключился к беседе Бага. – Оставлять нас здесь и плыть одному – опасная затея.

– Неужели ты полагаешь силой вернуть Пантелеимона, или защитить оружием мою свободу?

Бага молча опустил голову.

– Тогда зачем возвращаться в Себастополис – высади лишних на берегу, они доберутся сами, и время не потратим зря?

– И то верно. Кормчий поворачивай к берегу. – Галера медленно совершила маневр. – Те, кто экипирован по уставу, останитесь со мной.

Десяток рук поднялось вверх.

– Остальные идите в лагерь и ждите нашего возвращения.

Лишь через день к утру абазская галера причалила к острову в среднем течении реки Фазис, где находилась ставка ромейского командования. Здесь же стояло и ромейское судно, на котором увезли Апсита. Окруженный спутниками, Ефрата быстро шел по пыльным улицам лагеря и спрашивал у встречных о командующем. Бесса заприметил небольшой отряд и сам вышел навстречу.

– Благослови святой отец, – Бесса тщетно разыскивал ладонь епископа. Тот небрежно перекрестил просителя и перешел к делу.

– Мы здесь затем, чтобы получить удовлетворение по важному вопросу, – не скрывая негодования, приступил он. Бесса сделал кроткое лицо и напряг внимание. – По непонятным для нас причинам, тайно был вывезен из Анакопы начальник гарнизона Пантелеимон, являющийся к тому же доверенным лицом и посланником Юстиниана Великого.

– Разделяю твое неведение, святой отец, потому как выполнял приказ, поступивший из Константинополя от дознавателя, разбирающего одно уголовное дело, имеющее политический окрас. На свои вопросы я тоже не получил ответов. Впрочем, судебный дознаватель здесь и ты можешь сам все выяснить на месте.

– Кто он?

– Его имя Антоний, послан комитом Священного города.

– Так позови его, – торопился Ефрата.

– Пройдем внутрь, – Бесса провел Ефрата в помещение, затем изнутри выбежал секретарь и вернулся с кривоногим лысым мужчиной в возрасте. Абазские юноши за всем наблюдали с улицы. Изнутри доносилась громкая речь.

– Святой отец, – оправдывался Антоний, – я нахожусь на государственной службе и выполняю приказ. Мне не доволено распространяться о ходе расследования и, тем более, организовывать свидание с задержанным. Уверяю в том, что Пантелеймон содержитя в условиях, соответствующих его высокому статусу, он ни в чем пока не обвинен, и мы доставим его в Константинополь, как только поднимется попутный ветер.

– Я не получил удовлетворения, – возмущался Ефрата, – обещаю отправиться по следу и требовать наказания тех, кто, не считаясь с нанесенным уроном для имени невиновного человека, являющегося гарантом мира и согласия в Абазгии, ставит под угрозу выполнение задания Кесаря.

– Святой отец, – ты говоришь об угрозе со стороны абазгов?! – ввязлся в разговор Бесса.

– Я говорю о том, что для мирной жизни необходимы доверительные отношения с местным населением. И это зарождавшееся хрупкое доверие легко разрушить необдуманными действиями.

– У нас достаточно сил, чтобы наказать бунтовщиков или образумить возмутителей.

– Если бы так, то не было бы нашей миссии в Абазгии. Мы божьим словом залечиваем раны, нанесенные грубой силой. Вы победили силой абазгов, но они не покорились.

– И то правда, святой отец. Только не верю я в искренность абазгов, ищущих примирения.

Ефрата не стал более спорить, он вышел во двор и быстрым шагом прошел к галере. Оставаться здесь не имело смысла.

...Галера, сносимая течением реки, быстро приблизилась к морю, затем гребцы налегли на весла, кормчий взял курс на запад.

Наставник в одиночестве сидел на корме и вглядывался в морскую гладь, разрезаемую носом корабля. Абазы небольшими группами стояли на палубе и мрачно перешептывались. Барныку следил за наставником, пытаясь разгадать его мысли.

– О, Боже, когда-нибудь это кончится? – вырвалось с уст Ефрата. Он огляделся и понял, что был услышанным. – Что за штиль и жара? – попытался объяснить свою мысль он. – Быть бурелому, долго так не продержится.

– Быть бурелому, – подхватил Барныку.

– Бурелому быть, быть бурелому, – строго и упрямо повторяли абазы, вытянувшись в рост, встав плечом к плечу.

Ефрата оглядел свой отряд и гневно замахал руками.

– Я не благословляю, никакой смуты и крови, вы слышали меня? Вы все погубите.

Абазы притихли, но упрямо глядели под ноги.

– Я отправлюсь в Царьград, возьму с собой свидетелей из ромеев. Мы разрушим их коварный замысел, не прибегая к насилию. Виновные понесут наказание, правда восторжествует. Запомните мои слова! Только так мы сможем помочь Пантелеимону и не испортить нашего дела.

Через день абазская галера вышла в Константинополь. Ефрата забрал с собой священника Петра, Анухского старшину, двоих сослуживцев покойного Лукреция, жену Апсита Марию и служанку Малантину. Девица долго оглядывалась на берег, пряча слезы и веря девичьим мечтам, что возлюбленный украдкой наблюдает и прощается с ней взглядом...

Над бескрайними просторами моря гулял ветер, наполнивший паруса и освежавший путешественников. Как никогда быстро завершилось это плавание. У Константинопольского причала, как обычно, толпились люди. Одни встречали, другие провожали, повсюду расхаживали менялы, перекупщики и извозчики. Ефрата первым ступил на мраморные ступени причала, за ним последовали остальные. Несколько извозчиков рассадили путников из Абазии на свои повозки, и вереница медленно потянулась к центру города. Их путь

лежал к дому Феофана, чтобы, как можно скорее, доставить Марию в отцовский дом. Раньше них прибыл нарочный, отправленный Ефратой к Феофану и Стефанию. Весть о гостях из Абазии быстро разошлась по кварталу. Люди с яркими ленточками в руках высыпали на улицу, чтобы встретить Марию, насытиться новыми сплетнями и впечатлениями. Феофан томился в кабинете, где легче было скрыться от окружающих.

Наконец вереница повозок со скрипом подъехала к главным воротам, где их встретила веселая ребятня – сверстники сына Феофана. Мария, забыв о своих тревогах, с радостью прошла в ворота и обняла дорогих ей людей. Ефраты стоял поодаль и наблюдал встречу родственников. К нему подошел Феофан и пригласил в дом. За ними поспел Стефаний, по извещению прибывший верхом. Троє мужчин прошли в кабинет и поглядели друг на друга.

– Феофан, наш приезд не случаен, – начал разговор Ефрата. Феофан выжидающе молчал. – Мы прибыли вслед за галерой, доставившей в Царьград Пантелеимона заневоленного. Его по подложной причине вывезли тайно из Анакопы сначала в Лазику, затем сюда. Я отправлюсь в палатин и буду просить его незамедлительного освобождения.

– Я постараюсь разыскать Апсита и встретиться с ним, – предложил свои услуги Стефаний.

– Было бы хорошо укрепить его надеждой, – согласился Феофан.

– Мы пошли, – сказали и вышли во двор Ефрата и Стефаний, следом шел удрученный Феофан.

– Праздник отменяется, – скорбно произнес он, разглядев в толпе жену. Она недоуменно поглядела на мужа. – Праздника не будет, – повторил он.

– Папа, папа, наша сестра не одна вернулась, погляди на ее живот, – радостно кривлялся сынишка.

Феофан строго взглянул в его сторону и добавил: «Праздника не будет, пока Пантелеимон не с нами».

Соседи тихо разошлись, домочадцы подчинились решению главы семейства.

– Отец, все образумится, не так ли? – со слезами на глазах смотрела на него Мария.

– Да, кори¹, просто надо немного переждать, – последовал его твердый ответ.

* * *

Молва о возвращении Ефрата быстро разошлась по палатину. К нему в палаты заходили служащие, дабы проявить почтение и пополниться новыми сведениями. К вечеру заглянул духовник императора и пригласил на аудиенцию к Юстиниану. С дрожью в теле Ефрата вошел в большую залу. Ему навстречу вышел гладко выбритый человек с припухлым лицом. Ефрата с благоговением пал ниц к ногам самодержца.

– Встань, раб Божий, – прозвучал властный голос василевса.

– Храни тебя, Господи, – со слезами умиления бормотал Ефрата. Юстиниан поднял спальничего и увлек за собой к трону.

– Сын мой, а ты изменился, и к лучшему, – доброжелательным тоном заговорил самодержец.

– Какое счастье и какая милость, Отец мой, принимать твою заботу и ласку.

– Полно тебе, – улыбнулся Юстиниан, – лучше расскажи все по порядку. Как дела наши в Абазгии?

Ефрата долго и обстоятельно рассказывал. Все без утайки, как на духу. Юстиниан, расположившись на тронных подушках, проникновенно внимал каждому слову слуги, сидевшему в его ногах, и временами подавал знаки одобрения. Когда же речь заходила о коварстве и интригах, его лицо покрывалось красными пятнами. Несколько раз слуги сменяли свечи, повествование Ефрата медленно приближалось к концу. Юстиниан зевнул и оглянулся на окна, оттуда брезжил рассвет. Ефрата уловил взгляд господина и остановился, угадывая его желание.

¹ Дочь (греч.).

— Сын мой, ты утомлен с дороги, увидимся позже, — сказал Юстиниан.

Ефрата поднялся с пола и выжидающе посмотрел. — Разделяю твое беспокойство, мы вместе все уладим, — пообещал он спальничему.

Как только закрылась дверь, Юстиниан вызвал слугу и полушепотом отдал распоряжение...

Ефрата долго ворочался в постели и с благоговением думал о господине — Отце, самодержце Юстиниане — так долго правившем в огромной империи с полной отдачей сил и здоровья...

В полном одиночестве, при тусклом свете луны коротал ночи арестованный Апсит. И там, в Лазике, и здесь к нему никто не приходил из дознавателей. Каждое утро безмолвный охранник приносил кувшин воды, миску пшеничной каши и ломть черствого хлеба. Условия заточения не казались Апситу невыносимыми, только одиночество и неопределенность подтачивали его изнутри. Долгими часами он предавался воспоминаниям и размышлениям: перед глазами всплывали яркие эпизоды прошлого и предполагаемого будущего. Насытившись размышлениями, он переходил на монологи, обращенные к Богу, Луне и Солнцу, к отсутствующим поблизости людям, безмолвным охранникам, стенам, самому себе. Он выдвигал дилемму на «всеобщее обозрение» и принимался подходить к ней с разных сторон. По мере того, как красноречивые свидетельства в пользу определенной точки зрения приближались к апогею, Апсит умолкал и с нескрываемым удовольствием поправлял отросшие волосы. «Мой дед был бы доволен», — мысленно утешался Апсит и переключался на другую тему. Общественные интересы сменялись личными, и тогда заключенный декламировал про себя, мысленно обращаясь к дорогим людям. Трактаты на темы: «Общество и личность», «Бренное и вечное», «Преступление и наказание», «Доблестное и постыдное», «О совести и благе», «О семье и женщине», «О грехе и искуплении» и многие другие, родившиеся в его голове, наполняли особым смыслом его бездеятельное существование. Разобравшись с одними «соперниками», он высмеивал «утверждавших», что

человек – существо общественное и одиночество – непосильная для него ноша. «Разве мой пример не поучителен?» – обрушивался он на невидимых оппонентов. «Для чего преуспевающему философу нужна связь с обществом? Если не ставить научные эксперименты и не проводить наблюдения», – отвечал он сам себе. «Причем любой неосторожный шаг философствующего может в одночасье привести его к погибели. В этом смысле свободное общество намного опаснее закабаленного, потому как претендует на свою главную истину, проявляющуюся в коллективной силе – последнем аргументе в пользу своей правоты.

Лишь в моменты опасности и неопределенности свободное общество готово прибегнуть к силе мудреца, чтобы с его помощью утвердиться и вскоре забыть о заслугах последнего. В чем же смысл человеческого существования? – задавался вопросом и взволнованный останавливался в поиске единственно верного ответа. А ответ не шел. «Что со мной, мне казалось, что я знаю истину? Достопочтимые оппоненты, похоже я переутомлен, давайте продолжим беседу в следующий раз». Безмолвные стены не спорили с Апситом, и диспут переносился на другое время...

– Пантелеимон, к тебе пришли, – прорезал тишину голос охранника. Апсит даже вздрогнул от неожиданности.

– Кто вспомнил о моем существовании, когда казалось, весь мир вычеркнул меня из своей памяти? – удивился заключенный.

– Назвал себя благодетелем, выходи, скоро узнаешь.

Апсит подчинился и вышел в узкий каменный коридор, далее наверх шли ступени, закончившиеся в просторной комнате с большими окнами.

– Пантелеимон, брат, я здесь, – раздался знакомый голос. Это был Стефаний, шумно подходивший к Апситу. Друзья крепко обнялись.

– Как ты меня нашел? – не переставал удивляться Апсит.

– Чему удивляться? Ты забыл про мои способности?! – отшучивался Стефаний. – Вижу, что здоров и крепок, как скала, – добавил он, разглядывая заключенного.

– Верно, Стефаний, только долго не мылся.

– Скоро ты возляжешь в банные чаны, и служанки смоют с тебя тюремную грязь. Сюда прибыли Ефрата, твоя супруга и группа римлян, готовых поручиться за твою невиновность. Уже завтра ты можешь оказаться на свободе. Я нанял хорошего юриста, который обещает утереть нос судье и стоящим за его спиной чиновникам, если не хватит им ума не ввязываться в драку.

– Было бы хорошо. – В голосе Апсита прозвучали нотки сомнения.

– Не сомневайся. Ефрата говорил с василевсом, он пообещал во всем разобраться.

– Посуди, Стефаний, разве решились бы они на мой арест, если бы не имели покровителя в палатине?

– До меня дошли слухи, что некто Агафий метит на место спальничего, не иначе, как его козни. Но теперь Ефрата вернулся и был принят и обласкан. Думаю, заговорщики промахнулись, Юстиниан верен своим чувствам.

– Но не может же Ефрата выполнять миссию в Абазгии и оставаться спальничим во дворце?! – возразил Апсит.

– У Юстиниана, похоже, есть свои планы, нам не угадать.

– Это точно... О, как я соскучился по обычным человеческим радостям. Мне так хочется видеть Рити и детей. Не утаивай, уже родился кто?

– Угадал. – Рассмеялся Стефаний. – Я отец малыша, имя которому Захарий.

– В честь твоего достопочтимого отца?!

– Да, быть ему достойным этого имени.

– Спаси вас Господи, ведь это величайшая радость знать, что близкие счастливы.

– Не лукавь, Апсит, и тебе скоро быть отцом. Мария ходит счастливая, вот только печалится, что тебя нет рядом.

– Недобрые предчувствия теснятся в моей груди, – поделился Апсит.

– А вот и зря, помяни меня по недоброму, если завтра не выйдешь на свободу.

– Я не о себе, разве мало поводов может выпасть для несчастья, помимо меня. – Апсит имел в виду пророчества цыганки, но не хотел раскрываться.

– Ладно тебе. Вот выйдешь на свободу, примешь ванны, и все придет в норму – поверь мне. Разве могут в заточении появляться хорошие мысли.

– У меня было достаточно времени поразмыслить о жизни. Стефаний, в чем же смысл, поведай, если знаешь, – Апсит перешел на шепот, подразумевая, что говорит о самой большой тайне мироздания.

– Ну, ты даешь, абазг. Мы тут суетимся о своем освобождении, а ты изволишь философствовать. Ведь смысл твоей жизни сейчас выбраться сухим из воды. Помни: Царьград – город величайших возможность, но он не терпит зевак и зазнаек. Об остальном поговорим, как отмоешься и придешь в себя.

– Ладно, друг, не гневись. Какая мне выгода истязать себя мыслями о свободе, когда даже не знаю, в чем меня подозревают. Я чист и верю, что Господь не покинет меня!

– Лучше скажи, в чем нуждаешься, я все быстро устрою, – перебил собеседника Стефаний.

– Я подожду до завтрашнего дня, раз ты пророчишь мое скорое освобождение, а затем предъявлю перечень своих желаний.

– Я же не шучу, – возмутился грек.

– Так и я, друг, серьезен. Обхождение нормальное, к еде я непривередлив, разве что взаперти...

– Ясно. Что передать супруге или Феофану, или еще кому?

– Расскажи, что видел, а я уж как-нибудь подожду день, другой. Передавай братские объятия Рити и ее детям, а малыша я сам потискаю.

– Ну, все, я пошел хлопотать, увидимся завтра... – Стефаний попрощался с другом...

Стефаний, как всегда, был верен своему слову. К префекту Константинополя он наведался в паре с толковым юристом и потребовал немедленного освобождения Пантелеймона, по случаю незаконности факта задержания государственного служащего на основании доноса людей, подозреваемых в самых тяжких преступлениях. Стефаний объяснил префекту, что если дело получит огласку в высших

кругах, то зачинщики сами могут пойти под суд за некомпетентность или предвзятость в столь серьезном вопросе. Префект не отпирался, он послал нарочного за начальником канцелярии, в ведении которого находились судебные дела, и поручил ему исправить недоразумение в самые короткие сроки. После недолгих прений с судьей, последний вынес решение об освобождении Пантелеимона из-под стражи, без права передвижения за пределы города на время разбирательства.

Бывшего заключенного привели в кабинет префекта и передали в ведение попечителей. Феофан не стал противиться желанию зятя остановиться у друга, и группа мужчин выехала верхом к дому Стефания. Там занялось праздничное приготовление. Пока Апсит отмывался в бане, послали возницу за Марией и отправили нарочного к Ефрата. Вечером в большом доме Стефания горели свечи, триклиний¹ заполнился друзьями и родственниками, слуги торопливо накрывали широкие столы. Апсит сидел в стороне и заигрывал с малышом, Мария умиленно наблюдала сцену, она успела украдкой излить свою душу мужу и немного успокоиться. Рити грациозно передвигалась по дому, приглядывая за служителями и встречая гостей. Ее старшие сыновья радостно крутились вокруг Апсита. Прибыл Ефрата, на его открытом лице тревога сменилась радостью.

Без всяких заслуг Апсит стал героем дня. Он, как мог противился всеобщему вниманию, и его, наконец, выручил маленький Захарий. Малыш переходил из рук в руки, его тискали и ласкали. Он благодарно принимал внимание к себе и одаривал лучезарной улыбкой всех, став признанным героем праздника. Мария ревниво присматривала за малышом, в душе осуждая «легкомысленных» мужчин, способных причинить вред по неосторожности ...

Все, что имеет начало, разными путями подходит к завершению. Далеко за полночь гости разошлись, дети Рити еще раньше ушли к себе, Захарий заснул на руках кормилицы, малыша торжественно проводили в детскую.

¹ Трапезная (лат.).

Мария, сославшись на усталость, отпросилась и ушла. Пришло время и Апситу пожелать друзьям спокойной ночи. В спальной комнате его ждала молодая жена, истосковавшаяся по ласке.

– Мы снова вместе, – Мария радостно раскрыла объятия мужу, нырнувшему под легкое покрывало.

– Мне здесь не уснуть, – отшатнулся Апсит, имея в виду непривычно мягкие подстилки и подушки.

– Ты еще успеешь помечтать о покое, только не сейчас. Будь моим любовником, – супруга прильнула к горячему телу мужа...

НАКАЗ ИМПЕРАТОРА

Незаметно пробегали дни и ночи. Апситу не пришлось являться к судье, который поплатился за «самодеятельность». Такова цена неудачным интригам. Из сообщения юриста выяснилось, что, помимо трех ромеев из Анакопского гарнизона, по делу об убийстве проходили Павел, отомстивший за сводного брата и его неустановленные сообщники. Касаемо Павла выяснилось, что он значится в списках погибших со времен Римской кампании. Предположение, что он все-таки жив и где-то скрывается не нашло фактического подтверждения. Дело об убийстве Лукреция было закрыто, а троих бывших легионеров осудили на каторжные работы за разврат и умышленное убийство женщины.

В убийстве законного мужа Евлампии преступники не сознались, но это было не важно, так как выйти на свободу живыми им не предвиделось.

Начальнику римского гарнизона в Анакопе Пантелеймону пришло официальное уведомление с извинениями по поводу перенесенных им тягот и лишений по причине расследования уголовного дела за номером XXX. Под письмом значилась печать префекта Константинополя Андрея.

Апсит был свободен от каких-либо подозрений и засобирался в Абазию. В один из субботних дней он вышел прогуляться до церкви Святой Софии, задумав простоять литургию и зажечь свечи за здравие родных. В главном кафедрале, как обычно, было многолюдно. Ближе к полудню, после литургии, Апсит вышел и задержался на крыльце, скрываясь от жары. Юноша задумался о коротком пути в обратную сторону.

— Ну что, ромей, — услышал Апсит женский голос позади. — Сколько воды утекло, а ты не вспомнил свою первую женщину?!

Апсит резко обернулся, вгляделся в лицо женщины, осмотрелся по сторонам и пробормотал: «Слава Богу, никто не мог услышать».

– Не думала, что тебя испугает мой голос, – продолжала наально заявлять женщина, одетая в пестрые одежды, напоминавшие скорее персидский наряд. – А я храню верность, – вызывающе рассмеялась ему в лицо цыганка, – жду встречи с возлюбленным, словно девица первого свидания.

– Это ты, Чава?.. – все, что выдавил из себя обомлевший Апсит.

– Ну что, узнал? – смягчила интонации в голосе цыганка. – Я истоптала ноги свои по пути сюда, уверенная, что судьбой предназначтана нам встреча.

– Все ты знаешь. Не много ли для простой женщины?

– То, что я одинокая молодая женщина – то верно. Но простая ли я? Скажи, как на исповеди, ромей: имя твое запомнила, непривычное и редкое.

Апсит не хотел заводить с цыганкой разговор. Грусть наполнила его сердце. Он решил пройти мимо, словно ничего не бывало.

– Задумал сбежать, не отблагодарив ни лаской, ни monetой свою благодетельнице?! – еще громче заговорила женщина. – Не по-христиански, не по-мужски обходишься. А я ночи не сплю, все думаю о тебе, тоскую.

– Чава, – строгим голосом начал Апсит, – один раз я поддался искушению, за что каюсь по сей день. Отстань от меня, мне не нужны твои услуги.

– А это как посмотреть?! Дай ладонь, расскажу будущее, – женщина цепко ухватилась за его руку, Апсит не осмелился противиться, только огляделся по сторонам. Несколько прихожан, вышедших из церкви, наблюдали за ними со стороны.

– Твоя взяла, – с огорчением уступил Апсит, – уведи меня подальше от святого места, там поговорим.

Цыганка с нескрываемым удовлетворением направилась за ограду, ведя за руку свою жертву: именно таким смотрелся со стороны молодой мужчины. Какое-то время их провожали взглядом те самые прихожане, затем, видимо, потеряли интерес и отправились по своим делам.

– Неужели забыл дорогу в мое жилище? – приговаривала она и бесстыдно разглядывала спутника. – А я ведь храню тебя в сердце, словно мужа, и ложе мое пустует. – Апсит постарался скрыть брезгливое чувство, пронизавшее его. – Отчего такой гордый, что не взглянешь на меня, ты забыл, что я молодая страстная женщина?

– Та связь произошла не по моей воле, я не испытываю к тебе никаких чувств.

– Это потому, что ты меня боишься. От того и избегаешь. Разве уступлю я по красоте твоей супруге, глянь ромей?

– Женщина скинула с головы платок: густые черные пряди упали на ее полуобнаженные плечи и, соскользнув с них, концами коснулись бедер. Черные глаза, словно раскаленные угли, заискрились, обжигая. Высокая аккуратная грудь то вздымалась, то спадала в такт волнительному дыханию.

– Какой мужчина не грезит о такой любовнице? Признавайся, ежели не трус.

– Ты хороша, – неуверенно произнес Апсит, – но...

– Ромей, этого мало!

– Да, ты права, телом ты прекрасна...

– Уже вернее...

– Но мое сердце принадлежит другой и тому свидетель Господь Бог. Не толкай меня на клятвопреступление.

– Согласна, ромей, быть по твоему, не пугайся, – для вида сдалась женщина, – дойдем до дому, там поговорим о деле...

Апсит следовал за ней, не зная, что предпринять. Вскоре они свернули в узкий проулок и остановилась у слегка прикрытой двери.

– А ты не запираешься, или ждешь кого? – удивился Апсит.

– От кого мне запираться: некоторых силком не заташить, – цыганка обожгла взглядом мужчину. – Ворам здесь нечем поживиться, а благородные сюда редко захаживают, и то все больше под покровом ночи, – смягчилась она.

Апсит прошел внутрь и огляделся – ничего не изменилось: та же занавесь и кровать за ней; из узкого окна под потолком слабый свет проявлял силуэты знакомых предметов.

— Садись, — цыганка указала на табурет и сама уселась напротив. — Расскажи ромей, что привело тебя в Константинополь? Как живется тут в столице, и там — у подножия гор, на берегу морском.

— Нечего мне рассказывать, Чава, и зачем ты меня сюда привела? Впрочем, у меня есть какая-то денежка,

— Апсит обыскал свои карманы и вынул несколько медяков.

— Положи на стол, коли жертвуешь, я милостыню не прошу, а вот погадать погадаю. — Цыганка решительно встала и потянула Апсита к окну. Она взяла его за ладонь и подвела поближе к свету. Бархатистые волосы женщины коснулись его лица. Женский запах, смешанный с ее горячим дыханием ударил в голову Апсита. Он стоял, словно вкопанный, и мечтал, чтобы все это кончилось, как можно быстрее. А она, надо полагать, намеренно медлила, слегка покачивала головой, ее волосы и дыхание волнующе касались его лица и груди.

— Ромей, не по своей воле ты оказался в Константинополе, но через эти трудности перешагнул благодаря покровительству большой силы. Скоро ты вновь отправишься в путешествие, на этот раз один, ни могущественного друга, ни молодой супруги с тобой не будет. Лишь какие-то люди, скорее подчиненные, тебя окружают. Там, куда ты рвешься, у тебя вновь возникнут препятствия, но как бы сами отойдут. Вижу, как твое сердце наполняется болью и ненавистью. Получишь два известия о смерти близких, спустя время последует третье — самое печальное. После того, ты станешь другим, ромей. Мне жаль твою светлую душу, она сгорит, очень скоро испепелится, и назад пути нет. Это начертано судьбой. Этого не переменить.

Апсит тяжело задышал, вспомнив о своем брате Асане. Кого еще предстоит потерять? Он вспомнил пророчество о смерти Марии и тяжело застонал.

— Присядь, — цыганка придвинула табуретку, а сама зашла за занавес. Вскоре вернулась, провела одной рукой по своим волосам, другой протягивая сосуд Апситу. — Выпей воды.

Апсит покорно взял потибу и выпил прохладную воду. Цыганка вновь зашла за занавес и немного задержалась. Все это время Апсит в застывшей позе мысленно обращался к Богу, прося о помощи.

— Ромей, подойди ко мне, — женщина прошла на прежнее место у окна. Апсит покорно встал рядом. Она обжигающее заглянула в его глаза и провела влажной ладонью по его лбу. На Апсита нашло необычайное спокойствие. Она вновь взяла его ладонь, и склонилась над ней. Ее волосы снова коснулись его груди, их дыхания, будто случайно, сливались.

— У тебя родится сын, радость и надежда — подарок за все пережитое. Ты станешь сильным изнутри и все, что задумаешь, будет в твоей власти. Ты найдешь новую любовь, любовь до гроба. Доживешь до глубокой старости. Умрешь, окруженный приверженцами. Твое имя переживет тебя добной памятью о твоих делах, начинаниях. — Она опустила ладонь и прикоснулась губами к уху Апсита. — Ты великий человек, — нежно прошептала она, как бы случайно касаясь уха влажными губами.

«Что за наваждение», — промелькнула мысль в его голове и растаяла. Женщина слилась с ним в крепких объятиях и томно застонала. Страсть пронзила мужчину. Смешались руки, ноги, волосы, слились губы и тела...

«Прости меня грешного, Господи», — безудержно молился Апсит, уступая неотвратимому случаю и наслаждаясь сладострастием...

— Мы больше не увидимся никогда, только не считай меня за куртизанку. — Со слезами на глазах провожала женщина смущенного Апсита. — Я тебе послана судьбой в награду, не думай иначе. Не неси в себе чувство вины и стыда, попрощайся с мифом, придуманным по глупости. Ты царь, бери все, что тебе надоно, в чем нуждаешься. Про меня забудь, меня в твоей жизни больше не будет. — Она закрыла дверь перед его лицом. Апсит остался один в безлюдном переулке. Собравшись с мыслями, он, обливаясь потом, выбрался на Мессу¹ и побрел домой.

¹ Главная улица Константинополя.

Поглощенный впечатлениями уже в доме Стефания он равнодушно выслушал нарочного, посланного Ефрата. Лишь спустя время он пришел в себя и понял, что надо торопиться в палатин.

В императорском дворце, в просторных и длинных коридорах, сопровождаемый канцелярским служащим, он уверен- но шел по мраморным полам и ступеням. Редкие встречные здоровались с ним, словно со знакомым. Он кивал им в ответ, скрывая удивление, и ступал еще увереннее, обнадеженный встречей с самим василевсом. Служащий провел Апсита до покоев Ефрата и куда-то незаметно исчез. Наставник не мог скрыть своего волнения. Он перекрестил и обнял Апсита и открыл, что василевс намекнул ему о скором возвращении в Абазгию. «Остальное узнаем вместе». – Ефрата отправил слугу в приемную василевса и шепотом молился, не в силах сладить с собственными переживаниями. Слуга вернулся и пригласил их в тронный зал. Спутники вошли в залу воодушевленные величием самой встречи, не отвлекаясь на блестящую роскошь убранства. Они пали ниц у ног самодержца.

– Поднимайтесь, рабы Божии, – последовал властный голос хозяина. Посетители встали перед троном. Подошел канцелярский служащий и занял место за столиком рядом и зачитал:

– Спальничий Священных палат и начальник ромейского отряда в Никопее¹! Вам оказана великая честь лицезреть самодержца великой державы, предстоятеля и защитника христиан – Юстиниана Великого. Вы самолично выслушаете волю самодержца и приметесь, не жалея сил и живота своего, за выполнение его высочайшего пожелания.

Наступила пауза, посетители склонили головы.

– Нашей власти угодно, – поднял голос василевс, – чтобы ты – Пантелеймон вернулся в Абазгию под начало комита Себастополиса и продолжил служение нашему владычеству начальником Никопейского гарнизона.

Спальничий Священных палат, Ефрата, тебе надлежит находиться в палатине и ждать о с тебе дальнейших распоряжений.

¹ Искаженное название Анакопы. Победоносная (по греч.).

Писарь вывел на пергаменте прозвучавший указ и передал начальнику канцелярии для заверения печатью. Наконец закончились все процедуры, и тот же начальник вручил свитки Ефрата и Апситу. Они почтили благодарственным поклоном волю императора и остались стоять в ожидании дальнейших указаний. Однако василевс не спешил их отпускать. Напротив он подал знак, и посторонние вышли из залы. Василевс встретил растерянный взгляд спальничего и обратился к нему мягким голосом.

— Сын мой, твое назначение епископом не отменяется. Лишь некоторое время ты переждешь здесь в палатине, а затем вновь отправишься в Абазгию. Не спрашивай ни о чем и не терзайся, так нашей власти надобно. — Ефрата вновь поклонился, принимая пожелание царя. — А сей молодой муж, — василевс указал на Пантелеимона, — будет присматривать за ходом строительных дел. И как только храм во имя Святой Богородицы будет завершен, ты вернешься к своим обязанностям, не претерпевая многочисленных трудностей и лишений, подобных тем, что тебе уже пришлось пережить.

— Буду молиться за тебя, Отец, благослови нас грешных, — попросил Ефрата.

— Благословляю, именем Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Ефрата и Апсит приложились к руке василевса и вышли из залы.

«К чему был сыгран этот спектакль», — недоумевал Апсит, но отмалчивался. «Почему он оставил меня рядом с собой, неужели я в опале?» — переживал Ефрата.

— Святой отец, — обратился Апсит к наставнику, — благослови в путь, мне скоро отчаливать от этих берегов.

— Что? — оторвался от мыслей Ефрата. — Отчаливать, говоришь... так мы еще увидимся, нам следует хорошо подготовиться и обо всем договориться. Отправляйся домой, увидимся завтра.

Апсит в знак согласия кивнул головой и направился к выходу.

В доме Стефания воцарилось странное смешение чувств. Мария впала в глубокую грусть, узнав, что остается в отчём доме. Старшие сыновья Рити тихо радовались, задумав побег в Абазию в случае, если не будет разрешения матери. Стефаний расхаживал и пытался шутить, стараясь снять напряжение. Апсит же погрузился в раздумья о будущем. Затем подозвал Аку и Арта и принялся за расспросы.

– Юноши, кто из наших преуспевает в обучении, а кто просто время просиживает?

– Все базы проявляют послушание и прилежание, – последовал ответ.

– Все же подумайте и ответьте, – строго посмотрел на них наставник.

– Некоторые из нас завершили курс обучения и слоняются без дела, задарма проедая казенный хлеб. Вот, к примеру, мы и наши ровесники. Здесь мы никому не нужны, да и нам здесь ничего не нужно – забери с собой в Абазию, будем служить на родине. Есть и те, кто с трудом закончили начальный курс, и не подают надежды в учебе. Они из младших будут.

– И сколько таковых?

– Где-то около пяти десятков.

– Хорошо, завтра сходим в пансион, побеседую с попечителем. Если на самом деле так, отвезу всех в Абазию. На сегодня все, доброй вам ночи.

Нехотя Апсит пробирался к своей комнате, предвидя неприятный разговор с Марией. А она встретила мужа без упреков и слез. «Все же, как удивительно устроены женщины», – с облегчением подумал Апсит и улегся рядом.

– Любимый, – прижалась Мария к супругу, – я покорилась судьбе, и не буду терзать тебя расспросами. Только обещай не засматриваться на женщин и девиц.

– С чего это ты придумала? – рассмеялся Апсит.

– Как же, я наслышана о том, что мужчины не хранят верности, и, что это не особенно порицается со стороны, тем более, когда супруги нет рядом, – печальным голосом шептала она.

— Свет моих очей, что ты напридумала? — поспешил успокоить жену Апсит, — разве променяю я вас на кого-нибудь, — Апсит нежно погладил жену по животу. — Только вы одни остались у меня на этом свете, храни вас Господи. Время быстротечно. Скоро ты родишь, и когда наш малыш оставит грудь, я приплыву и заберу вас домой в Абазгию. Мы всегда будем вместе, поверь мне. Тебе незачем грустить, ведь ты не одна.

— Мне тебя жаль, Пантелеимон, ты останешься без любви и заботы. Но это твое решение, думаю, ты знаешь, что делаешь. А если вдруг соскучишься, то плыви к нам или забери нас к себе.

— Тебе, Мария, не надобно тревожиться, Господь Бог все устроит.

— Я тоже надеюсь на милость Его, аминь ...

В надлежащий день на причале собралось множество людей. Выделялась группа аристократов, об斑斓енных в дорогие одежды. Их возглавлял статный красивый мужчина с сединой в волосах — спальничий василевса.

Поодаль большой группой стояли подростки, отплывавшие с наставником в Абазию. Две знатные женщины в окружении служанок в застывшем взгляде скрывали свою боль. Одна из них была Рити, провожавшая в Абазию двоих сыновей, другая — Мария, провожавшая мужа.

Галера с вечера была загружена оказией. Наконец, кормчий подал предупредительный сигнал: кому следовало поднялись на галеру. Еще один сигнал — гребцы налегли на весла.

«Спаси вас Господи», — шептали губы Ефрата.

«Сохрани мне мужа, Матерь Божия», — молилась Мария.

«Сохрани нас всех, Господь Бог», — обращал свой взор к небесам Апсит...

РАЗБИТАЯ ЧАША

Вернувшись в Себастополис абазы радовались недолго, на родине их ждали несколько тревожных новостей. Апсит прямо с причала, согласно уставу, поспешил предстать перед комитом. Без лишних любезностей начался их разговор. Евтафий рассказал об ухудшении дел в соседней Лазике, связанных с убийством царя лазов Губаза¹ военачальниками из ромеев. Поведал и о том, что Бесса отстранен от командования, а префектом был назначен Сотерих, не успевший отличиться чем-либо примечательным, разве что войной, разгоревшейся в соседней Мисиминии² по причине его недальновидности и высокомерия. Сам Сотерих очень скоро поплатился жизнью, а мисимияне, остыв от гнева и размыслив о содеянном, переметнулись к персам в надежде на их покровительство.

– К чему это приведет? – воспользовавшись паузой, задал вопрос Апсит.

– Разгорается новая война, Пантелеймон. Лазы возмущены убийством своего царя, Бесса лишен власти, его имущество конфисковано. Сейчас он находится здесь как частное лицо в ожидании дальнейших постановлений василевса. На Мартина император рассержен, однако оставил за ним высшее командование войсками. Остались на прежних должностях Юстин – племянник Юстиниана, и Буза.

¹Здесь и далее исторические сведения взяты из трудов Агафия Миринейского, современника описываемых событий.

² Мисиминия — позднеантичное и раннесредневековое государственное образование абхазского племени мисимиян. На западе граничило с Апселией, на востоке – с Лазикой.

Апсит был осведомлен о трениях между ромейскими военачальниками и царем лазов, о коварном убийстве Губаза, но не придавал этим событиям особого значения: немногим ранее и Абазия пережила нечто похожее. А что касается лазов – абазы недолюбливали их за высокомерие и желание присоединить к себе соседние земли чужими руками. Поэтому Апсита не тронула смерть царя Губаза. «Доигрался», – подумал он тогда и только. И теперь его всецело занимала война в Мисиминии, а Евстафий не спешил, предпочитая рассказать все по порядку.

– Высшее ромейское командование, как выяснилось теперь, задумало план мести за то, что Губаз донес Юстиниану всю правду об их неблаговидных поступках. Обсудив между собою тщательно все детали, они постановили, что прежде чем убить Губаза, нужно попробовать заручиться согласием императора. В Византию послали Иоанна, брата Рустика, сообщить императору, что Губаз изображен в благожелательном расположении к Персии. Иоанн, добившись тайной аудиенции, оклеветал Губаза. Император был поражен известием, но, видимо, не поверили ему полностью – приказал, чтобы Губаза доставили к нему во дворец. Иоанн же, боясь, что раскроется клевета, предусмотрительно спросил: «Что делать, если он не пожелает добровольно явиться?». – «Нужно принудить, как подданного», – ответил император, – нужно употребить все средства, чтобы прислать его сюда». Иоанн спросил: «Если он станет сопротивляться, что тогда?» – «Поступайте так, как полагается поступать с тираном; пусть погибнет жалкой смертью». «Следовательно, – сказал Иоанн, – нечего бояться тому, кто его убьет?» – «Нечего», – ответил император, – если погибнет как враг при сопротивлении и непослушании». Так постановил император и приблизительно то же написал начальникам войск. Иоанн ничего больше не узнавал и, считая, что его желание удовлетворено полностью, поспешно вернулся в Лазику с письмом на руках. Мартин и Рустик, прочитав письмо, решили, что дело хорошо подготовлено, и тотчас приступили к его осуществлению. Они призвали Юстина и Бузу, и заявили, что

нужно как можно скорее идти к Губазу и обсудить с ним совместный поход против персов в Оногурис¹. Те, не зная истинных планов, отправились к царю с внушительной делегацией от военачальников. Их сопровождал небольшой вооруженный отряд. Когда Губаз узнал, что к нему идут начальники войска, ничего дурного не подозревая, вышел к ним навстречу. Не спешиваясь, мужи начали обсуждение планов. Тогда Рустик пренебрежительным тоном заявил: «Ты, Губаз, должен присоединиться к нашему походу против персов, засевших в Оногурисе. Позорно терпеть их пребывание внутри нашей страны, в особенности, когда они чрезвычайно малочисленны и не могут состязаться с нами». Губаз, сдерживая гнев, отвечал: «Вам самим следует, добрые люди, разобраться с этим, так как вы сами являетесь виновниками того, что случилось. Если бы вы не были поражены спячкой и распущенностью в ведении дел, то укрепление это не было бы окружено стеной, и вы не были бы охвачены таким позорным и постыдным бегством, и вообще ничего не случилось бы недостойного. Теперь же, если вы желаете славы, и вас посетили мысли, достойные военачальников, это служебное преступление вами же должно быть исправлено. Я никогда за вами не последую и не приму участия в войне, пока все, что вами упущено, не будет вами же и исправлено». Надеясь использовать возражения Губаза в качестве доказательства его вины, Иоанн выхватил кинжал и поразил Губаза в грудь. Царь упал на землю. Один из дорифоров² Рустика, выполняя приказ, ударом меча по голове добил царя, пытавшегося встать на ноги. Таким образом был убит Губаз, как рассказывают наиболее осведомленные. Юстин и Буза негодовали, считая случившееся ужасным преступлением. Однако они сохраняли молчание, думая, что это – выполнение приказания Юстиниана. Также полагали и лазы. Их войско было охвачено негодованием и скорбью настолько, что впредь не желали ни соединяться с римлянами, ни во-

¹ Небольшая крепость, располагавшаяся на территории Лазики.

² Телохранителей (греч.).

евать вместе с ними. Похоронив убитого по своему обряду, они не принимали никакого участия в войне, считая себя жестоко оскорбленными и опозоренными.

— Так отчего в опале Бесса, а Мартин по прежнему префект, ведь судя по всему, в этой истории Бесса ни при чем? — спросил Апсит у Евстафия.

— Юноша, за грехи могущественных страдают другие. Не стал бы Юстиниан из-за царя варваров наказывать выдающегося стратега, в чьих услугах он часто нуждался.

— Ну а Бесса, по-твоему, безгрешен или в его заслугах он не нуждался? — продолжил расспрашивать Апсит.

— Кто же безгрешен, или царь Губаз был честен во всем? Бесса поплатился за донос Губаза. Он взялся обвинять лучших стратегов империи в лености и трусости, в измене государственным интересам из-за непомерной жадности и самоверенности. За что и пострадал.

А Бесса поплатился за свое стяжательство, все, что он успел накопить, а это немалые средства, теперь в распоряжении императора.

— Отнять награбленное — богоугодное дело! Помнится, как совсем недавно я чуть не оказался в опале, даже не посыпая обвинять кого-то во грехах. Я просто выполнял на-каз императора и чуть не поплатился за свое усердие. Кто же тогда строил козни, выискивая во мне врага?

— Не я, Пантелеймон, вот тебе крест, — Евстафий трижды перекрестился, не сводя глаз с собеседника.

— Отчего же тревожишься так за себя, комит, нежели совесть чиста?

— Устал я, Пантелеймон, от такой жизни. Негоже мне попасть в немилость на старости лет. Меня уж точно никто не пощадит, я ведь не из знатных. Никто и не кинется правду искать, ежели, что случится.

— Сочувствую, хотя думаю, что, если стоял бы ты грудью за справедливое и благое, другая и судьба бы была у тебя. «Как живешь, так и сгинешь», — мысленно добавил Апсит, имея в виду подлость и трусость командира.

— Молод ты пока, чтобы советовать. С годами сам все поймешь, а пока слушай, что дальше приключилось.

Вместо убитого Губаза Юстиниан с царскими полномочиями отправил его младшего брата Цата, находившегося при римском дворе. Прибыли с ним злополучный Сотерих и сенатор Афанасий для расследования убийства и исправления суда по римским законам.

– Что же приключилось с Сотерихом? – перебил рассказчика Апсит, побоявшись, что Евстафий примется долго рассказывать о судебных разбирательствах.

– Я к тому и перехожу. Сотерих задумал передать аланам крепость мисимиан. И все ради собственного удобства при выплате ежегодных субсидий союзным Риму кочевникам. Мисимиане же приняли это решение за обиду и послали к префекту своих выдающихся мужей, чтобы убедить последнего не чинить несправедливость по отношению к старым союзникам. Не вразумил Господь Сотериха, презрел он уговоры послов, приказал избить их же посохами и прогнать с позором со двора.

Мисимиане не снесли обиды, объединились и напали ночью на лагерь Сотериха. Всех, кто находился с ним перебили, похитили императорскую казну, немыслимую сумму – двадцать восемь с лишним тысяч золотых монет. Спустя время мисимиане поняли, что им придется нести ответ перед господами, которых они повергли, словно заклятых врагов. А посему отправили они тайных послов в Иберию, к префекту Нахогарану¹, сменившему в должности Мермероя усопшего.

Полагаю, что красиво держали слово мисимийские послы, убеждая персов в своих давних к ним симпатиях, а дело, произошедшее по необдуманности и вспыльчивости преподносили, как услугу Хосрою. Призвали персов для собственной защиты, предлагая крепости для военных баз и признавая себя их подданными. Разумеется, Нахораган их любезнейше принял, похвалил за решение отделяться от римлян и приказал быть уверенными, что придет им на помощь. Когда ораторы, вернувшись, сообщили ответ, народ преисполнился величайшей надеждой и еще более сплотился против нашего владычества.

¹ Нахогаран и Мермерой – персидские полководцы, сменившие один другого на посту командующего персидских войск в Иберии и Лазике.

– И как же там теперь? – не терпелось Апситу.

– Думаю, что отряды персов опередили римлян, занятых разбирательством по делу Губаза. И хоть последняя кампания персов в Лазике, по милости Бога, провалилась, они все же готовятся к следующей кампании.

– Что полагает Мартин? – с нескрываемым волнением спросил Апсит.

– Префекты римлян подготовят войско и выступят, как только выпадет благоприятный случай. Пока же в нерешительности, больше озабочены личной судьбой, нежели интересами государства. – Евстафий, не скрывая недовольства, резко отозвался о своем начальстве.

«Их постигнет участь отпавших абазов, несчастные. А ведь абазы никого не убивали, они просто мечтали жить в справедливом благоденствии. Мисимийцев постигнет более суровая участь, спаси их Господь», – размышлял Апсит и переживал за единокровцев. «Поистине: пути господни неисповедимы. То, что низложенный командующий Бесса скрывается в Себастополисе, на абазской земле, по которой он прошел с огнем и мечом, где совершил множество неискупных грехов руками своих прославленных полководцев, это и есть высшая справедливость. Жажда искупительной жертвы притупляется, когда видишь, что Господь посыпает свое возмездие».

Во дворе крепости собирались абазы: со всей округи и прибывшие морем. Они узнавали друг друга, радостно переговаривались... Барныку и Джат оставались в Анакопе за старших, а Бага нес на себе тяготы и заботы вместо Ефрата.

Завидев Апсита, парни вытянулись в шеренгу и замолчали.

– Приветствую вас ромейские воины, мои дорогие братья. – Апсит обошел каждого и обменялся приветствиями.

– Почему Ефрата не приехал? Все ли хорошо, или беда какая-то стряслась? – тревожились абазы, строившие храм на горе.

Апсит успокаивал:

– Ничего плохого не случилось, Ефрата прибудет, когда об этом постановит василевс. А пока он нужен во дворце.

«Так это же не случайно, – вдруг прозрел Апсит, – Юсти-ниан, конечно, знал о последних событиях на Кавказе. Он намеренно задержал при себе спальничего, чтобы не рисковать жизнью верного слуги. Видимо, все хуже, чем я себе представляю», а вслух распорядился:

– Вы можете снять с галеры окажиу и разместиться на ночлег. Мы задержимся в Себастополисе, пока не уладим здешние дела. Затем отплывем в Анакопу. Бага, отправь всадника, пусть узнают, что мы вернулись, – распорядился Апсит.

– Начальник, – вышел вперед Анухский старшина. – Отпусти нас домой, если здесь мы тебе не нужны. Мы и пешими доберемся до родной стороны, порадуем заждавшихся родственников.

– Пусть будет по-вашему, отправляйтесь после трапезы, мы вам подыщем коней. Бага, ромеи сами отправятся в Анакопу, разыщи им три лошади.

Бага поспешил на розыски. Прибывшие кораблем разместились под навесами, чтобы подкрепиться.

Несколько дней кряду Апсит посещал строящийся храм – вел переговоры со строителями, ходил по окрестностям города и собирал сведения. Бага всегда был рядом, его сноровка и вдумчивость нескончанно радовали наставника, обнадеживая, что в делах не будет застоя. Все это время Апсит не встречался с разжалованным Бесса, хотя и знал, что он находится где-то рядом. Бага долгими вечерами рассказывал новости наставнику. Так Апсит узнал: избитые послы мисимийцев были прославленные их вожди Хада и Туана, потому и оскорблению показалось нестерпимым. А теперь их крепость Бахулан на востоке, на границе с лазами, которую собирался передать Сотерих, изнутри заперта и ощетинилась копьями. Мисимийцы воинственный народ, но крепость им не удержать, слишком открыты подступы для ромеев. Если, конечно, персидские отряды не перережут все дороги. Но и это до поры до времени...

– Они надеются на неприступность своих крепостей в глубине гор расположенных, – высказал свое мнение Апсит.

– Бахулан своими силами им не удержать, – соглашался Бага.

— Своими силами им не удержаться, а надежда на персов напрасная.

— Все же на что-то они надеются, — сказал Бага.

— На случай, на защиту небесных покровителей и неприступность своих мест, ну и на персов, конечно.

— Все зависит от того, как будут складываться дела в Лазике. Если лазы простят убийство своего царя и выступят на стороне римлян, то судьба не будет к мисимийцам благосклонна.

— А если они, оскорбленные вероломством и притеснениями римлян, отойдут к персам, считай, мисимийцы спасены. На это надеются и их вожди. Однако, думаю, зря.

— Неужели все так плохо?

— Плохо ли, хорошо ли — не мне судить, все в руках Господа, — опомнился Апсит, осознав, что незаметно выступает на стороне противников ромеев, — а лазы точно не вернутся добровольно в лоно Персии, потому как свежи обиды персов, вероломно преданных лазами за пустые обещания со стороны василевса. Ведь с этого и начиналась большая война.

— Большое предательство неизменно несет за собой много крови, хотя во все времена слабые лишены возможности справедливого выбора.

— Их новый царь не будет строптив, как прежний. Ничего примечательного он не сотворил, чтобы иметь влияние среди подданных. Лишь по несчастью предшественника выпал жребий на него. Василевс все сделает так, чтобы лазы успокоились и примирились. Услышшишь, как сложится дело. Анастасий опытный трибун.

— Как думаешь, казнят ромеев?

— Они накажут виновников, чтобы сохранить расположение лазов, показать им, насколько справедливы ромейские законы.

— Что же делать бедным мисимийцам, не покидать же родную землю?

— Вернуть похищенное и покаяться, пока не поздно. Куда им деваться, если с запада в Апсиллии стоят ромейские части, то же с востока, в Лазике, а на севере союзные римлянам аланы?

— Не пойдут они на покаяние, свои действия находят справедливыми.

– Соглашусь с тобой, если не думать о последствиях...

Судьбой братьев мисимийцев были озабочены не только абазы, стоявшие под ромейскими знаменами. По всей Абазии собирались люди и обсуждали положение соратников. Сочувствие отклинулось в каждом роду. Особенно остро среди тех, кто пострадал больше.

Страна застыла в напряженном ожидании: время жатвы, а люди, переполненные скорбью, как будто забыли об урожае. Казалось, сам Господь бросает жребий: спасти или погубить отковавшихся. Так много было послано знамений свыше, что все перепуталось в умах людей. Одни, выступая в общественных местах, склонялись к тому, что не могут боги дважды предать своих почитателей, и грядет мисимийцам спасение. Другие же противоречили им, утверждая, что мисимийцы сами предали своих небесных покровителей и переметнулись к греческому Богу, а он, как всем известно, беспощаден и суров. Они были уверены, что по весне ромеи выступят, чтобы покарать отступников. Организовывались тайные партии, предлагавшие собрать вооруженные отряды в помощь братьям. Тут же находились другие, напоминавшие, как в прежние времена мисимийцы ходили с оружием на Абазию, разоряли жилища и посевы, угоняли скот и людей. «Пусть понесут наказание за прошлые прегрешения», – настаивали они. Жрецы же старались не вступать в споры. На все вопросы сограждан они обращали взоры на небеса: «Да спасут несчастных Анцва и священные Аныхи», – говорили они и тем удовлетворялись. Эти разговоры доходили до Апсита. Он, наконец, задумал оставить Себастополис и вернуться в Анакопу. Об этом он сообщил Баге.

– Я буду навещать Себастополис раз в месяц. Только, прошу, будь внимателен к строителям, они напуганы и поэтому торопятся. Успокаивай их всеми силами, пусть не спускаются в крепость, не подпускай к ним посторонних, чтобы не портили дело бесконечными разговорами о войне.

– Чему быть, то и свершится, – соглашался Бага. – Только не могу найти в душе покоя, одна мысль меня гложет не-престанно. Все думал, открыться тебе или утаить, теперь решился открыться.

— Говори, брат, что беспокоит тебя?

— Ты же знаешь, — перешел Бага на шепот, — здесь находится Бесса. Он редко выходит из хижины, видимо, опасается враждебных действий.

— Ну и что? — осуждающе глянул Апсит на собеседника.

— Выслушай сначала и не спеши гневиться. Я подумал, надо бы принести очистительную жертву, умертвить ненавистного ромея и тогда души предков простили бы нам предательство.

— А мы, по-твоему, предатели? — удивился Апсит.

— А как полагаешь думать, если мы едим с врагами с одного котелка, носим их одежду, живем по их правилам и приказам?

— Ты рассуждаешь о вещах, недоступных для понимания простому смертному. Остепенись. Тайное убийство даже кровного врага не приносит чести.

— Я не ищу славы и чести — лишь души предков простили бы. Бесса в опале, впоне правдоподобно, что кто-то из лазов устроил заговор, чтобы отомстить за своего царя. Дознаватели пойдут по ложному следу. Нам ничего не угрожает. Не осудит нас ни закон, ни народ, лишь с облегчением вздохнут униженные и порадуются погубленные души. А там, в мире ином, представляешь, что придется испытать его поганой душонке, — Бага потирал руки. Его черные глаза горели, словно угли. Апсит удивленно смотрел на собеседника, не находясь с ответом. Затем, глубоко вздохнув, принялся рассуждать, ощущив прилив красноречия.

— Брат мой, мы вернулись из рабства свободными для того, чтобы спасти Абазию униженную не силой... Вспомни слова матери-царицы: «Ты должен исправить словом то, что твои предшественники испортили, полагаясь на грубую силу». Я поклялся выполнить ее завет, и не сверну с намеченного пути, каким бы тяжелым или необычным он не казался. Мы вернулись в мир, перевернутый с ног на голову, чтобы упорством и примером своим поставить все на свое место. Но это были не наши грехи, это наследство, тяжелая ноша, которую не искупить ни злостью, ни убийствами.

Мы пришли, чтобы разорвать замкнутую цепь пороков и проистекающих из них несправедливостей. Потому как зло, даже задуманное во благо, приводит ко злу, и так бесконечно...

– Ты надеешься побороть земное зло?! – рассмеялся Бага.

Апсит поразился его откровенности.

– Я не буду его множить, убежденный в своей правоте. Если у кого-то из тех, кто состоит под моим началом, нет правильного умозаключения, приказываю не отступаться от моего приказа. – Апсит задумал было продолжить рассуждение, но, не увидев в собеседнике прилежного слушателя, осекся.

– А, ежели, кто по случаю или ненамеренно совершил убийство или другое зло, как ты думаешь поступать? – не успокаивался Бага.

– Все случайности происходят либо по воле Бога, либо по желанию сатаны. Их следует различать и судить сообразно случаю.

– Как же быть со злом? Если его не пресекать, оно становится обиденным, берет верх и начинает править?

– Разумные меры, продуманные мудрецами, способны противодействовать тому. Тем и отличается непросвещенное племя от цивилизованного общества, что в первом царят дикие обычаи, основанные на страхе, силе, либо искушении; во втором случае правит мудрый закон, предполагающий тщательное изучение обстоятельств и защиту ущемленной стороны. У абазов издревле ведется такой закон, и сродни он скорее римскому праву, чем деспотизму кочевых племен Востока. Я наслышан от своего деда, как в прежние времена абазы разбирали убийства.

Если убийство оставалось не отомщенным, и убийца успевал скрыться от преследователей, вызывали судей по одному из каждого рода. С виновной стороны ответ держали ближайшие родственники, отвечавшие за действия сородича. Так вот, им надлежало назвать причины, способные оправдать случившееся. Если судьи находили доводы справедливыми, то на убийцу и его родственников накладывался

штраф за самосуд. Если же убийца признавался виновным полностью, на весь его род налагался непомерный штраф – цена крови. Убийца же объявлялся заочно мертвцом, и каждый свободный член общины обязан был при встрече привести приговор в исполнение. Довольно часто случалось, что семья убийцы добровольно продавалась в рабство, чтобы выплатить компенсацию. До полного исполнения правосудия виновная сторона передавала заложников пострадавшей стороне в качестве гарантии исполнения правосудия. Посуди сам, Бага, если каждый начнет исполнять самосуд, исходя из собственных соображений, то всякий будет вправе убить другого по обоснованным или надуманным причинам. И тогда ответная сторона будет искать возможность искупления крови по собственному решению. Все население страны, забросив благие дела, станет рыскать в поисках кровников, перекладывая кровь от отца к сыну и далее на весь род. Это и есть настоящая погибель, против которой я намерен бороться. К тому же призываю и тебя, будь мне настоящим союзником.

Бага устыдился своего упорства и виновато свесил голову. Апсит приободрил друга и принял его обещание быть верным во всем.

Вскоре Апсит отбыл в Анакопу с пятидесятью новобранцами, привезенными им из Константинополя. Новый отряд слился с гарнизоном, в маленькой крепости пришлось потесниться. Раздумья Апсита увенчались успехом. Он придумал расселить новичков и распорядился выделить им земли в окрестностях Анакопы. Арт и Ака возглавили новое поселение, но сами отказались жить крестьянским трудом.

Разрешив это дело, Апсит немного успокоился, обнадеженный, что в ближайшее время посад сможет обеспечивать себя продуктами и даже помогать гарнизону.

Барныку и Джат составили из новичков группу для обучения военному делу. Безделью пришел конец: с утра начинались гимнастические упражнения, затем верховая езда, тренировки в метании копья и поединке на мечах. Площадь, где проводились ристалища, всегда наполнялась зрителями, здесь бывало весело и шумно. Подростки из окрестных

поселений с завистью смотрели на старших, предпочитая проводить время здесь, нежели обливаться потом на полях и огородах. Отроки, вернувшиеся из Константинополя, все как один посещали уроки по технике поединка, затем, вкушив гарнизонную пищу, отправлялись к себе в посад. Среди сверстников быстро выделились фавориты. Арт и Ака оказались в их числе. Эти юнцы бились так упорно, что не покидали ристалища, пока чей-то тренировочный меч не расколется о доспех противника. Барныку в таких случаях останавливал поединок и напоминал, что дикая злоба скорее приводит к гибели, нежели к победе. Потерявшего меч он наказывал исключением из игры на один день. Это порицание не прошло даром. Подростки научились тренироваться часами, не впадая в необоснованный гнев и не растрачивая сил попусту. Сам Апсит раз в неделю выходил на ристалище, состязаясь с лучшим по недельному итогу. Иногда для забавы он приглашал на поединок опытного легионера, и они бились штатными мечами. Бились так, что сыпались искры, скрежетали щиты, но при этом противники не калечили друг друга, показывая юнцам умение точно сдерживать удар, способный привести к травме.

Ежедневные служебные дела заполняли полностью время и помыслы Апсита. Тревога за мисимийцев незаметно прошла: с той стороны не доходили ни хорошие, ни плохие новости. В самой Абазии люди тоже успокоились, отдаваясь всецело своим заботам.

Следуя обещанию, раз в месяц Апсит выезжал в Себастополис для отчета, там он навещал Багу, следившего за ходом строительства. Мастера умело наращивали своды, обещая до зимы выйти на барабан и купол. Иногда Евстафий занимал его беседами, делился с заместителем полученными приказами, открывал тайны и сплетни, собранные из различных источников. Бесса по-прежнему находился в Себастополисе, переживая свой позор в одиночестве. Как позже Апсит узнал, раз в неделю доверенный человек от Мартина доставлял Бессе последние новости из Лазики.

На этот раз возбужденный Евстафий принялся рассказывать о суде над римлянами, убившими царя Губаза.

— Еще ранее прибывший в Лазику Афанасий задержал Рустика и заключил его в Аспарунтскую тюрьму. Его брат Иоанн попытался скрыться бегством, но волею судьбы был схвачен помощником Афанасия и тоже содержался там.

Пришло время судебного разбирательства. Афанасий, выряженный по случаю в величественную хламиду, с подобающим видом восседал на высоком месте. Ему помогали опытные служащие, специально присланные из Константинополя. Это были писцы, ликторы¹ и звонкоголосые глашатаи, призванные обставить дело с особым церемониалом и суровой торжественностью — по всем правилам римского права.

Афанасий подал знак, чтобы обвиняемые Рустик и Иоанн были

поставлены с левой стороны. На противоположной стороне встали в роли обвинителей представители лазов, отлигавшиеся мудростью и красноречием. По их просьбе ликтором было зачитано письмо императора, с которым Иоанн вернулся из Константинополя. Оно гласило: «Мне кажется невероятным и абсурдным сообщаемое вами. А именно: что Губаз решил, отвергнув отечественные нравы и тех, кто придерживаются одинаковых с ним верований, перейти на сторону людей враждебных, чуждых нашей веры, и притом не побуждаемый на это никакой с нашей стороны обидой. Впрочем, так как знаем, что все человеческое непрочно и обманчиво, и нередко можно наблюдать круговорот изменчивых случайностей, мы считаем, что и ваш вестник не должен быть полностью лишен доверия.

Нельзя не попытаться предупредить то, что он замышляет, или уже окончательно решил. Поэтому мы оставляем за собой внимательное и тщательное изучение дела, которое еще не ясно. Конечно, тягостно, когда не на кого твердо положиться, относиться с подозрением и страхом даже к близким нам людям. И, тем не менее, мы последовательно придерживаемся принципа: следовать природе и не доверять никому. Но чтобы, с одной стороны, не принимать поспешно какого-

¹ Чтецы.

либо жестокого и бесчеловечного решения по отношению к Губазу, а, с другой стороны, чтобы не показаться слабым и непредусмотрительным, боящимся решительных действий, чтобы избежать риска в том или другом отношении, решено нами нечто среднее, а именно: доставить этого человека сюда. Итак, пришлите его как можно скорее – добровольно, или принудительно. Если же он, прознав ваше намерение, будет сопротивляться и откажется ехать, вы попытайтесь захватить его силой и отправить. Если поднимет на вас руку, тогда мы будем убеждены на деле, что он задумал отпадение, и в дальнейшем будем считать его в числе величайших наших врагов. В этом случае, если кто его убьет, мы будем считать того достойным воздаяния. Он не будет наказан, как членоубийца, но должен быть восхваляем как тираноубийца». Такова была инструкция императора, отправленная военачальникам в Лазике.

Обвинители из лазов, как только судья предоставил им право, перешли к изложению речи: «О, судья! Даже если бы мы молчали, само преступление требует, чтобы виновники были подвергнуты суворейшим наказаниям. Впрочем, если вашими законами установлено, что даже об очевиднейших и величайших преступлениях решение не выносится, пока вина не будет доказана речами, то и мы кратко изложим суть обвинения. Так нами будет выполнено предписание закона, даже если наша речь будет проста и бесхитростна, и не будет соответствовать величине содеянного преступления. Ибо, какое оправдание может быть тем, кто так бесчеловечно убил вашего единоверца, друга, слугу, товарища в войне и мире, всегда отстаивавшего ваши интересы? Ведь умерщвлен ими царь, притом царь народа небезызвестного, ревностный поборник добродетели, отстаивавший интересы римлян гораздо больше, чем его убийцы.

Действительно, повергнуты и расстроены дела колхов, а правильнее сказать – дела всего государства, поскольку мы составляем немалую часть его подданных. Нарушен и ваш целостный порядок, а ваша мощь сильно поколеблена, так как государство, здоровое и крепкое не во всех своих частях, или потрясенное хотя бы в малой своей части, уже не может

считаться крепким. Именно они являются виновниками всего. При этом утверждают: вы не должны рассматривать факт, хоть и жестокий, а должны обратить внимание только на то, с какой целью и с каким намерением он был совершен, представлять в уме благодеяние, которое якобы они совершили. Распространяя в толпе подобные басни еще до начала суда, виновные полагали, что обманут многих. Но если эту ложь они представлят на суде, пусть узнают, что не свойственно римлянам позволять себя дурачить безнаказанно, оставлять без внимания явное злодействие, путем сомнительных отговорок, которые они старательно выдумывают. Нельзя терпеть тех, кто, убив такого мужа, этим бесстыдно хвастают и лгут, утверждая, будто это убийство принесло пользу государству. Каким образом могут существовать кричащие противоположности? Каким образом, называя это деяние бесчеловечным, мы одновременно будем восхвалять намерения его исполнителей? Никогда не могут быть едиными подлость и польза, жестокость и правосудие. Те, кто питает замыслы, благоприятные персам, как эти кровожадные убийцы, не могут называться римлянами. Нельзя иметь никаких дружественных общений с ними, нельзя их принимать за своих соотечественников. Они, скорее, должны рассматриваться как враги, быть отделены от нас всех законом единым. Противники и враги должны узнаваться по своим делам, а не по должности. Осуществляющий с величайшим рвением угодное врагам, должен рассматриваться как враг, несмотря на то, что присутствовал на войне, будь он даже ближайший родственник. Они же без зазрения совести утверждают, что убили не друга, не царя, но скорее врага, тирана и сторонника персов. Они дошли до такой низости, что покойника обвиняют в склонности к мидянам. Несчастный, даже будучи мертвым, не свободен от клеветы, и теперь обвиняется в измене, так что ему и суд нисколько не поможет. Какой закон у вас или у варваров одобрит обвинение после приведения приговора в исполнение? Сделавшись всем вместе – и судьями, и врагами, и обвинителями, – они вынесли приговор без объяснения причин, приговор, какой можно было вынести только тому, кто действительно признан тираном. Им нужно

было, прежде чем умерщвлять его (если только они верили в свои обвинения), открыто возбудить против него судебное дело, вызвать на расследование виднейших граждан, а не клеветать, как они себе позволяют. А если такое позволено, то почему бы и нам не уничтожить этих людоедов своими руками? А если нас, положим, вызвали бы в суд, то мы выступали бы противниками уже мертвых, упрекали бы их в содеянном ранее. Мы бы пытались доказать, что справедливо возместили одно преступление другим. Ибо, мы, гораздо более оскорбленные очевидными преступлениями, совершенными ранее, могли бы легко отомстить за себя, и наше отмщение было бы справедливым. Но, а если надлежит жить согласно отечественным законам, то ни нам, ни другим не подобает совершать подобное. Подумайте, если одним будет дозволено убивать своих личных врагов, когда им заблагорассудится, и так до бесконечности, то каким образом сохранится в неприкословенности и целостности возможность служить свободно и без страха? Ибо наглостью предлагающих самосуд будет пресечена возможность истинного расследования. Разве не погибнет нелепо весь народ?! Может, обвиняемые скажут: нет зла в том, что благодаря убийству одного человека, притом изменника, наши союзники научатся вести себя осмотрительнее. Конечно, если множество предателей будет истреблено, то факт кары подобных преступников сам по себе достаточно полезен. Но если предательство не доказано, и в то же время человек, так высоко поставленный, сразу умерщвляется как будто уже изобличенный, то каким образом это сделает союзников более гговорчивыми? Разве не расторгнут они договоры и соглашения, признавая вас соучастниками преступления? Они будут полагать, что если вы бесчеловечны и низки по отношению к людям вам близким и теснейшим образом с вами связанным, то никоим образом не можете быть постоянны и верны по отношению к чужеземцам, с которыми вы считаетесь, пока этого требует необходимость. Само собой разумеется, что вы не являетесь участниками этого безбожного замысла, и этот тяжкий, требующий очистительной жертвы грех, в котором всецело они виноваты, не затрагивает ни римского народа, ни укоре-

нившегося у нас убеждения, что вы всегда верны, постоянны и управляетесь справедливыми законами. Мы понимаем, что для большей убедительности учрежден ваш трибунал, для общей славы римлян, дабы все понимали, что без вашего ведома колхам причинены несправедливость и насилие. Сейчас еще, быть может, взгляды многих разделяются. Когда же, по твоему решению, судья, эти преступники будут казнены, станет ясно, что вы не привыкли предавать друзей, и являетесь мстителями за содеянное преступление. Хотя на словах они пытаются защищать себя, на деле сами себя изобличают. Ведь императорские письма предписывают военачальникам выслать Губаза в Византию, принудить его, если он будет противиться, но отнюдь не убивать, пока он не начнет действовать враждебно. Они же пренебрегли четкими указаниями императора, внезапно убили несчастного, даже не предложив ему отправиться в Византию, не приложив ни малейшего усилия к принуждению, если бы он сопротивлялся, не предъявив в качестве доказательства правительственного предписания, если бы он каким-либо образом обнаружил неповиновение. Они хвастают, что выполнили поручение императора. В действительности же они изобличаются в полном пренебрежении к его воле, так как не устрашились возвести на Губаза ложное обвинение и произвольно вынести ему приговор, противный предписаниям, которые в действительности были даны. Беззаконность всего усугубляется тем, что они не показали императорского письма, лишь сделав вид, что действуют на его основании. Поэтому мы думаем, что нет такого наказания, которое пре-взошло бы их злодеяния по отношению к тому, кто был столь дружествен и благожелателен к вам, кто часто подвергался опасности ради союзников. Кто променял персидские дары на одну дружбу с вами! Кто отверг дружбу Хосрова, который сулил большое богатство, и предпочел довольствоваться меньшим! О, законы! О, справедливость! И о нем, о Губазе, говорят, что он тиран, что он замышлял перейти к мидянам и предать римлян! Рустиком и Иоанном, людьми гнусными умерщвлен царь, который, даже если бы он действительно был виновен в этом преступлении, все же не мог бы быть ими караем. Он должен был отчитаться в своих действиях и получить заслуж-

женное наказание от Величайшего и Правосуднейшего Государя римлян и колхов. У них не было никакой уважительной причины для совершения этого преступления: только безгра ничная ненависть, порожденная завистью довела их до этого.

Дав полную свободу действий высокомерию и пылающей ненависти, они осуществили то, что замыслили гораздо раньше, использовав это письмо как предлог для достижения своих целей.

Когда идет тяжелая война, благоразумным людям свойственно гуманностью привлекать к себе чужестранные народы. Они же приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые давно связаны с ними самыми тесными узами. И если мы всегда верны римлянам, то несправедливо, чтобы преступники злоупотребляли нашей кротостью и претерпели меньше того, что требует величина их преступления». – Евстафий отвлекся от свитка и взглянул на подчиненного.

– Представь, какими доводами склоняют обвинители римское правосудие к возмездию. Они же открыто угрожают враждебными действиями в случае, если суд не накажет убийц. Они пытаются повлиять на разбирательство угрозой: если убийцы будут оправданы, то варвары посчитают нашу власть причастной к убийству.

– Что же такого в том, что лазы пользуются ромейским правом для защиты своих интересов. Слава Богу, что они не взялись за оружие или не вступили в сговор с персами. Ведь унижение, понесенное ими, подобно тому, что пришлось пережить миссимицам, – возразил Апсит. – А они удержались от враждебных действий и предоставили свою судьбу римскому правосудию.

– Не стремление к римским правилам, а страх вразумил их в большей степени. Страх от того, Пантелеймон, что там стоят отборные войска числом в пятьдесят тысяч.

– По-моему, союз, скрепленный доверием и общим интересом куда крепче, нежели подчинение из страха.

– Ты полагаешь, что варвары умеют быть постоянными в дружбе, судить о правильных вещах, даже если на какое-то время они будут связаны с лишениями и трудностями? Нет

же, – продолжил комит, – только сила оружия держит их в повиновении. И абазги показали тому яркий пример, теперь перед мисимицев приблизился... Слушай, что было дальше, – Евстафий вновь уставился в пергаментные письмена и продолжил:

«По окончании обвинительной речи, судья устроил совещание, многочисленные колхи были этим огорчены и возмущались, что преступников не подвергают казни немедленно. Когда же судья объявил, что и обвиняемые могут сказать в свою защиту все, что желают, тогда они начали открыто протестовать и шуметь, причем уже явственно слышались негодящие выкрики. Но обвинители, знаками призывая к молчанию своих сторонников, предупредили нарастание беспорядка.

Когда водворилось молчание, Рустик, выйдя на середину с братом своим Иоанном, сказал: «Судьба быстро изменила и повернула в обратную сторону наши желания. Когда нам полагаются величайшие награды, мы пытаемся избежать смертного приговора. Но, тем не менее, этот суд представляется нам весьма желательным и исполненным величайшей славы. Пусть станет ясно всем, что нам одним принадлежит заслуга умерщвления предателя и тирана, во имя сохранения интересов императора. Если нас постигнет смерть, мы воспримем ее не ропща. Мы умрем, сохраняя прекрасное напутствие в дорогу – наше собственное сознание, что оставляем римлян сохраняющими власть в Колхиде.

Если бы этот трибунал был персидским, и нам пришлось бы выступать перед ним, то, конечно, нам было бы необходимо отрицать то, что было сделано, следовало бояться расследования, мы всячески стремились бы отрицать наше участие перед судьями, настроенными к нам враждебным образом, раздраженными этим событием, так как благодаря ему, они лишились своей надежды.

Когда же судья – римлянин, зачем нам отрицать факты или зачем оправдываться в том, что мы убили тирана и этим оказали вам большую услугу? Не должно приписывать почетный титул царя тому, кто его не заслужил и сам доказал это, хотя бы обвинители и говорили о жестокости совершен-

ного нами злодеяния. Ибо царский титул подобает не носителю внешних украшений – фибул и хламид, а тому, кто почитает правосудие, умеет сдерживать свои страсти, а свои помыслы направляет только к возвышенному. Если бы убили такого мужа, мы поступили бы противозаконно, обвинение было бы справедливым и колхи нас справедливо называли бы насильниками, гордецами, разбойниками.

Но, поскольку нрав Губаза был весьма далек от этих добродетелей и он не замышлял ничего разумного, но думал только о том, как бы тайно навести на нас персов и им продать нашу власть, то разве не было наилучшим исходом предотвращение самой возможности угрозы? Тот, кто чувствует опасность, угрожающую от чьих-либо козней, если только может, должен немедленно предотвращать эти козни и исходящую от них угрозу любыми способами: вместо того, чтобы медлить, приспособляться к обстоятельствам, должен нанести сокрушительный удар, а не удовлетворяться возможностью предотвращать одни козни другими кознями. Поэтому благоразумным нужно действовать быстро и предупреждать, чтобы не случилось чего-либо непоправимого.

Хотя обвинители и усердствуют, называя убийство преступлением, заслуживающим очистительной жертвы, разбоем и другими того же рода словами, чтобы представить событие в самом отвратительном виде, стараясь представить только голый факт. Но твое дело, судья, внимательно рассмотреть также все то, что ему предшествовало, что побудило нас к этому делу, и из полной обоснованности наших мотивов убедиться в нашей преданности. Ведь мы видим повсеместно, как бродяг, воров и других подобных преступников карают отсечением головы, отсечением ног или рук, и мы не осуждаем такую казнь, которую видим своими глазами, какой бы она ни представлялась нам жестокой и бесчеловечной, и не осуждаем за то должностных лиц, выносящих приговоры, не называем их проклятыми, безумными, преступными. Но, рассматривая совершенное преступниками и учитывая то, что они получают возмездие за свои преступления, мы радуемся жестокости наказаний. Не напрасно изобретена казнь, поскольку преступники отнюдь не исчезают.

Умерщвлен нами Губаз. Правильно определяя понятие «враг», обвинители согласны, что оно относится не только к чужестранцу, но и к соотечественнику, который стремится служить врагам. И мы такое определение считаем наилучшим, так как оно относится к сущности самого дела. А коль скоро каждая из сторон согласна с этим, то позволь нам доказать, что Губаз был врагом, пользуясь этим самым определением. Если это будет доказано, то станет очевидным, что он убит по справедливости. Всегда всякий варварский народ, хотя и подвластен римлянам, но умом отстоит от них весьма далеко, с трудом переносит бремя законов, установленный порядок и, обычно, стремится к переменам и смутам. И мысли жить безмятежно под властью других он никак не допускает, даже не думая о том, пострадал ли он от какой-нибудь несправедливости. Им невозможно примириться с этим, и народы сходных с ними порядков и близко к ним расположенные стремятся присоединить их к себе. И Губаз был подвержен всем этим порокам как варвар и страдал свойственным этому народу вероломством. Он, сверх того, проникся такою ненавистью к нам, что даже не считал нужным ее скрывать. Он проявил враждебность открыто на деле, вскрыл ненависть, которую носил давно в своей душе. Когда мы напряженно трудились и подвергались опасностям, чтобы разрушать планы врагов, он считал, что нужно оставаться дома со своими соотечественниками и не принимать никакого участия в военных действиях. Но в то же время, он тщательно наблюдал, куда клонится ход боев. Если римлянами совершалось какое-либо славное дело, он, проявляя свой враждебный завистливый нрав, пытался осмеивать совершенное, развенчать величие победы, называл ее потешным концом смешного предприятия, приписывал победу не храбрости, а изменчивости судьбы. А когда случалось, что мы терпели неудачу он, как некий добровольный судья, тотчас же освобождал судьбу от всякой вины, как будто бы исход событий от нее не зависел. Для него становилось твердо установленным, что нет другой причины нашей неудачи, кроме дряблости нашего духа, бессилия рук и безрассудства планов. Изменчивость, непостоянство, капризы

судьбы и все, чем оскорблял нас, он никогда не относил на счет врагов. Можно подумать, что в этом отношении они нас превосходили. И об этом он кричал во всеуслышание. Тотчас же гонцы, отправленные им, объявляли об этом в Иверии, среди племени сванов, варварам, живущим по ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше их и еще дальше. Он без колебаний готов был обойти все концы земли. А суть его известий была такова: «римляне негодны в войне и побеждаются варварами». И в этих делах он прилагал особое старание, чем оскорблял весь римский народ (только этого достаточно для доказательства враждебности его души), но к этому он прибавлял и нечто другое, еще более важное: он замышлял поколебать мнение, сложившееся у всех народов о величайшем императоре, превосходящим умом и силой всех других правителей и украшенном бесчисленными трофеями и, таким образом, их, охваченных страхом и удивлением величия римского имени, натолкнуть на дерзость и своеволие.

Не называется ли по справедливости тот, кто такое делает, врагом? Или его лучше назвать другом, благожелательным царем, находящимся под защитой договора, и другими титулами, какими обвинители украшают тирана, хотя обе стороны согласны в том, что отличить друзей от врагов можно не иначе, как по результатам их дел и по доброй или злой их настроенности.

Если мы доказали, что Губаз огорчался нашими победами и радовался, если случалась по нашей вине какая-либо неудача, то зачем же варвары ссылаются на римские законы, по предписанию которых мы привыкли наказывать и даже уничтожать колеблющих государственный порядок или причиняющих ему вред?

Оставим догадки и предположения и рассмотрим исключительно голые факты. Персы занимали укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области. Позорно, что неприятельские войска прочно утвердились в нашей стране, в наших стенах. Военачальники твердо решили двигаться на них всем войском, истребить или изгнать тех, кто нам был наиболее враждебен, кто готовил против нас всякие козни. Для этого предприятия нам понадобилось войско кол-

хов. Они, знакомые с местностью больше, чем мы, помогли бы своими советами, и, составили бы с нами необходимую силу. Ведь нам пришлось бы сражаться против тяжеловооруженных, засевших в укрепленном месте, и тех, кто, вероятно, пришел бы им на помощь из Мухиризиса¹. Что нужно было сделать военачальникам при таких обстоятельствах? Нужно было встретиться с вождем племени и просить его о союзе, объяснив ему справедливость просьбы. Так и поступили – встретились и объяснили нужное. Он же, возомнив, что и в самом деле царь, и что ему, следовательно, дозволено жить по своему произволу, не захотел не только соединить свое войско с нашим для штурма укрепления, но даже присутствовать при нем. При этом он не дал никаких объяснений, хотя бы мало-мальски удовлетворительных, представляющих какой-нибудь благовидный предлог для отказа. Вместо этого он отказал в нашем требовании самым грубым образом, надменнее, чем подобало наемнику и подданныму. Сверх того, упорствуя в своей ненависти против военачальников, он, как враг, обрушился на нас с оскорблениями, считая это храбростью, приличествующей царям. Конечно, при этом он определенно проявил свои враждебные намерения. Разве можно было при таких обстоятельствах медлить дальше, ожидать более веских доказательств, показывать императорские письма, в которых от него требовалось отправиться в Византию, когда он не хотел проделать и весьма короткого пути внутри своей страны? Как мы могли попытаться послать его, пропитанного такой враждебностью, в Византию? Какое беспримерное смятение, сколько внутренних смертоубийственных столкновений мы возбудили бы этим! Скорее всего, мы дали бы толчок к беспрерывным вторжениям персов и открытыму отпадению колхов, которые более, чем другие варвары, склонны к возмущению, к изменению существующего строя, в особенности, когда поблизости есть желающие принять их под свою защиту. Мы же, умертвив вождя возмущения, таким образом, легко предотвратили целую цепь подобных бедствий, предотвратили настолько легко, что теперь многие

¹ Персидский лагерь на территории Лазики.

даже отказываются верить в то, что действительно что-то подготовлялось. Поэтому пусть, судья, не предъявляют писем и не осуждают нас в том, что мы нарушили инструкции. Кому не было очевидно, что предписание о необходимости идти ему в Византию было только пробой и испытанием – подчинится ли он добровольно предписаниям и будет ли с ними считаться должным образом. А так как вам хорошо известны упрямство и наглость его души, то каким образом его можно было побудить к кротости, не прияя тотчас же к великому кризису? Кто пренебрегает благоприятным моментом и не исполняет должное, напрасно будет стараться наверстать упущенную возможность. Оставалось, быть может, как говорят обвинители, начать судебное дело против Губаза и вызвать в суде пустое словопрение, предпочитая безопасности надутые речи. Но этого не позволяли персы, представляющие реальную угрозу и готовые к нападению на всю область колхов.

Теперь, когда мы показали, что Губаз одновременно и враг и предатель, помыслы которого были направлены к тирании, какую разницу углядывают колхи в том, был ли он умерщвлен нами или другими? Хотя они называют нас проклятыми и достойными презрения, на самом деле мы – вернейшие подданные императора и римские патриоты, не дозволяющие злоумышлять против него. Если нужно к этому еще что-либо прибавить, то знай, судья, твердо, что это правильное и справедливое, выполненное по необходимости деяние, совершено с одобрения Мартина!» Так прозвучала оправдательная речь.

Однако суд не склонился на сторону обвиняемых. После некоторых судебных процедур, судья установил, что не было со стороны Губаза признаков предательства или тирании, а действия ромеев были римлян признаны тягчайшим преступлением. Конечно, лазы возликовали, когда глашатаи объявили судебный приговор. Для демонстрации римского правосудия осужденных трибуналом, закованных в цепи, провозили по дорогам. Герольд объявлял приговор, который вскоре был приведен в исполнение. Так бесславно закончил свои дни Рустик и Иоанн, – не без сочувствия закончил свой рассказ Евстафий.

— Хоть единожды ромеи показали, как должно жить по закону, — глаза Апсита горели воодушевлением. — Ежели военачальники не попирали бы права своих союзников, не возникали бы и очаги возмущения в местной среде. Не было бы бессмысленной крови в Абазгии, не отложились бы миссиицы, нестерпевшие унижения и обиды. Царили бы мир и согласие на Кавказе.

— Какой ты наивный, неужели полагаешь, что варваров можно убеждать к дружественности сладкими речами или гуманным обхождением? Золото, либо страх могут их принудить к подчинению.

Трибунал был призван утешить лазов. Сам василевс замешан во всем, а пострадали эти двое. И Мартин остался командующим, да и Бесса не осужден, лишь в немилости, и то за старые дела. И теперь неясно, кто вышел победителем, потому что за одного убитого царя варваров были казнены двое обычных римлян. Разойдется молва повсюду, что кровь царя отомщена, а иные правители подумают, прежде чем решиться на враждебные помыслы.

— С твоими доводами отчасти я согласен, комит. Но за все земные деяния нам нести ответ на небесах. Там не будет места для лукавства, тогда и определиться мера наказания.

Ефстафий отложил списки судебного протокола в сторону и взгляделся в подчиненного.

— Делай, что задумал, Пантелеимон. Жду через месяц, ежели, что не случится.

Апсит откланялся и поспешил обратно в Анакопу. Тревога не покидала его. С каждым днем она росла, а объяснений Апсит не мог подыскать...

* * *

Осенняя страда. Крестьяне убирали сады, давили виноград и свозили дрова в ожидании зимних заморозков. Храм Богородицы, выстроенный по эллинской моде, решили освятить ко дню Пресвятой Богородицы. Задуманное бого-

угодное дело обставили без лишней помпезности. Да и сам храм получился скромным, но светлым. По приглашению прибыл из Себастополиса священник Петр в помощь анухскому дьякону. Абазские мальчики были устроены Апситом в помощники дьякону для осуществления церковного церемониала. Эти смышеные подростки куда более вдохновляли многочисленных прихожан из окрестных поселений. Они легко владели письмом и правильно зачитывали главы из молитвенника, оживляя монотонное действие звонкими голосами. Алтарь храма, украшенный простым дубовым иконостатом, вырезанным анухским умельцем-переселенцем, отдавал терпким ароматом древесины, иной раз перебивавшим запахи ладана и свечной гари. В этот торжественный день собирались все анухцы. Ромеи теснились внутри храма, абазы, возглавляемые старейшинами, толпились у входа. На настойчивые приглашения пройти внутрь, старейшины объясняли, что непристойно им – грешникам – стоять внутри жилища Божьей матери. Доводы прозвучали с особым благоговением. Апсит не стал настаивать, он только напомнил, что и Божья Мать была при жизни женщиной. Его реплика осталась без ответа, а он прошел внутрь в сопровождении крещенных абазов.

Праздничная литургия затягивалась, но никто из присутствующих не выражал усталости. Абазы, наблюдавшие со стороны и удивленные, даже не сменили ни позы, ни выражения лица. Наконец, богомольцы, возглавляемые священником, вышли во двор и обошли крестным ходом храм.

Апсит принимал многочисленные поздравления.

– Дад, не гневись на нас, – извиняющимся тоном произнес жрец. – Видишь ли, мы не христиане и не ведем подобающий ромейской вере образ жизни, мы остались здесь, дабы не вспугнуть Божью Матерь, а все время наблюдали со стороны, надеясь не проглядеть, когда она пройдет внутрь. Все же мимо нас она не прошла, может мы в чем-то виноватые?

Апсит улыбнулся про себя наивности собеседника.

– Да, Богоматерь не является во плоти, как и наша Анцва. Ее дух необъятен и вездесущ, она несет покров и благословение каждому, и тем, кто не верует во Христа тоже.

— Как такое возможно? — удивился старец.

— Господь Бог сказал, что в судный день первыми спасутся язычники, те из них, которые преисполнены наивности и кротости, не слыши порочными и следовали в делах природному духу, чистой части его, которым надеяется человек при рождении.

Абазы передавали друг другу слова Апсита и удивленные качали головой. Наконец жрец вырвал посох из земли и твердым шагом возглавил молчаливое шествие в Ануху.

Христиане не заметили ухода абазов, они по много раз заходили в храм, громко делились радостью и удивлялись трудам своим. Священник Петр помолился за спасение души Пантелеймона, задумавшего и совершившего благое дело. Прихожане согласные восклицали «Аминь!», поминая молодого вождя и благодаря небеса за благословение.

Праздник завершился скромной трапезой. Отец Петр засобирался в Себастополис. Он выглядел утомленным и Апсит распорядился снарядить галеру для него. Еще до наступления сумерек судно вышло в Себастополис. И каково было удивление Апсита, когда на рассвете с Анакопской крепости он завидел в море парус, возвращавшийся обратно. Что-то неладное заподозрил Апсит и отправился к причалу. Его сопроводили Барныку и Джат. Весь путь они преодолели молча, объятые тревогой. Всадники опередили галеру и неподвижные дожидались, когда она подойдет к причалу. Апсит в душе ругал кормчего за нерасторопность, не показывая своего раздражения при людях. А кормчий, словно нарочно, неторопливо отдавал команды, гребцы вяло тянули весла, а ослабленный парус, словно саван, окутывал мачту и безвольно свисал.

— А-ха-хай, — резко выкрикнул Барныку, не сдержав возмущения. — Разве не видите, вождь дожидается?

Кормчий оглянулся на окрик, и отвернулся, пряча лицо в стороне. Апсит взглядом отстудил Барныку.

Наконец галера пришвартовалась, кормчий, спрыгнув на берег, приблизился к всадникам.

— Вождь, — обратился он к Апситу, — комит Евстафий передал для тебя три послания из Константинополя. Они прибыли вчера с оказией, — и протянул свитки.

Апсит разглядел печати: «Вот печать Ефрата, вот Феофана, вот Стефания. Где же послание любимой супруги?» – он быстро сорвал первую печать, развернул свиток:

«Дорогой наш зять и сын, Пантелеимон, извещало послание, – волею Господа Бога ты стал отцом прекрасного мальчика, но, как не прискорбно и вдовцом. Твоя супруга Мария – наша дочь – скончалась от потери крови сразу после родов.

Мы скорбим вместе с тобой. И горе наше безутешно. Только надежда на счастье наследника твоего дает нам силы бороться со свалившимся на наши головы горем.

С глубокой скорбью в сердце желаем тебе крепости духа и сил, сынок».

Апсит на мгновение окаменел, все также держа свиток онемевшими пальцами, он перечитывал послание, едва скрывая глубокое потрясение и дрожь, и слезы, стоявшие в глазах. Спустя время, взяв себя в руки, он отложил первый свиток и распечатал второй.

«Благочестивый брат мой Пантелеимон. Неожиданное известие о смерти Марии подкосило мои душевные силы, я все еще двигаюсь, словно тень, не желая верить в постигшее нас горе. Прими мои соболезнования, крепись, утешайся тем, что у тебя растет наследник.

Твой друг и наставник Ефрат».

С еще большей быстротой он развернул третий свиток, надеясь на чудо, уповая, что прояснится, наконец, чудовищный вымысел, и впился глазами в письмена.

«Друг и брат, Пантелеимон. Я и моя супруга Рити, все наши домочадцы и знакомые, знавшие Марию, глубоко потрясены свалившимся несчастьем. Бедная Мария, да упокоит Господь ее душу, несколько дней угасала. Лучшие лекари не смогли ей помочь, хотя делали, что могли. Медленно умирая от потери крови, она вспоминала тебя, называла любимым супругом. За тебя она тревожилась, будучи уверенной, что ничего не угрожает родившемуся сыну. Она так и представилась с нежной улыбкой на бледном лице и с твоим именем на устах. Следует уверенно полагать, что она – безгрешная – удостоена лучшей доли в ином мире.

Потрясенные горожане простояли панихиду и отпевание, сотни людей предались трауру. Тысячами молитв ее душа отмолена и отправилась на небеса, а тело погребено с подобающими почестями.

Будь сильным, потому что в горе ты остался один. Мы же вместе держимся друг за друга, что, несомненно, облегчает наш траур.

Думай о том, что тебе предстоит познать отцовские чувства. Твой сын унаследовал материнские черты, он здоров, у него хороший аппетит и доброе настроение. Думаю, Феофан не написал об этом, поэтому тревожусь. Мы все согласны, что тебе надлежит, как единственному родителю, наречь новорожденного. Как найдешь в себе силы, напиши в Византий, будет возможность – приезжай.

Мы тебя любим и ждем известия. Твоя названая сестра стоит рядом и не может удержать горьких слез, потому за нее подписываюсь я.

Степаний и Рити.»

Осознав, что сам безудержно плачет, Апсит вздернул поводья и конь подчиняясь, увел его в сторону, дабы не были очевидны его отчаяние и слезы.

Барныку и Джат с диким видом набросились на кормчего, пытаясь выведать, что ввергло вождя в страшное горе. Перепугавшись, кормчий побежал к галере, надеясь скрыться от сильных рук, хватавших его, как попало.

– Я не причем, я не причем, – кричал он, вырываясь из жесткой хватки. – Я лишь прослыпал разговор, что у вождя жена померла, спаси Господи ее душу.

Ошеломленные вестью Барныку и Джат замерли, кормчий выскользнул и скрылся на галере.

Команда гребцов, наблюдавшая за потасовкой, разошлась, пряча свою печаль. Они помнили Марию, как вместе с ней прибыли из Константинополя, затем отвезли ее ослабленную в Анакопу, как затем, плыли обратно в Константинополь. А когда отплывали в Абазию в последний раз, она безмолвная стояла на мраморных ступенях и одним лишь взглядом провожала.

«Горе у Апсита», – передавали друг другу абызы. «Горе у Пантелеимона», – рассказывали друг другу поселенцы-ромеи. «Горе у вождя», – делились новостью подчиненные. С разных мест шли в Анакопу делегации, чтобы засвидетельствовать соболезнование. Почтенные посланники пришли из земли Пыса от приемной матери-царицы и ее брата Псху дадала. Кроме слов утешения они передали вдовцу ценные вещи из казны царя Скепарны, спрятанной когда-то у священной Псху-ныхи.

«Ах, эта безжалостная судьба, – сокрушался Апсит, оставаясь наедине и вспоминая пророчества цыганки. – Сжалься, забери меня из этого мира. Ведь все мои находятся там. Пока не услышу дурной вести об Асане, забери меня, оставь его, пусть он познает жизнь, я же устал от горя...»

...Спустя время в Константинополь отправилось послание, в котором Апсит попросил назвать сына Марином, в честь любимой супруги. Также он отправил пожертвование на надгробный мрамор и деньги на воспитание наследника. Апсит обещал приплыть в Византий, как только выпадет подходящий случай. А для себя решил, что должно пройти время, чтобы выглядеть пристойно в чужой стороне. Он облачился в траур, перестал стричь волос, не посещал общественные места, чтобы своей печалью не возмущать обыденные людские радости. Больше находился в Анухском храме или в окрестных рощах, просветлевших от опавшей листвы. Порой совсем рядом паслись дикие кабаны, иногда тяжелым шагом ломал сухие ветки неуклюжий медведь, стаи шакалов проносились мимо, а он не удивлялся и даже не оглядывался на обитателей леса, признавших его своим. Апсит исхудал и оброс, никто из посторонних не разглядел бы в нем ромейского начальника. Всем видом своим он больше походил на отшельника или абрека.

В гарнизоне тоже по-своему скорбили. Шумные состязания были отменены, а место, где проводились ристалища, быстро заросло сорной травой, да так, что его обходили с той стороны, чтобы не запачкаться липкими и мохнатыми семенами. В крепости воцарилось уныние, добавлявшее к печали свои неповторимые черты. Легионеры в возрасте растолстев-

ли настолько, что им становилось больно вставать на ноги, а те, что помоложе посмеивались над неповоротливыми со-служивцами. Абазы заменили тренировки на постоянную охоту – небольшими отрядами они ходили по горным тропам и возвращались с добычей.

Как-то раз холодным дождливым днем блуждая по лесу, Апсит не заметил, как промок и озяб. Его мысли витали так далеко, что он пренебреж опасностью заболеть и вернулся в крепость лишь ночью. На следующее утро он вновь отправился бродить так и не сменив влажной одежды. Уже к вечеру следующего дня, он обессиленный, в жару, едва дополз до храма и упал на его каменные ступени, где и пролежал всю ночь, не в силах о себе позаботиться. Лишь утром подошедший к храму дьякон, обнаружил Апсита в полном забытьи. Не смея оставить его одного, дьякон прождал, пока случайные прохожие не оказались рядом. Призвав их посторожить Апсита, сам поспешил в селение за подмогой. Собравшиеся на призыв сельчане погрузили больного на арбу и доставили в дом дьякона. Жена и дочери дьякона сняли с него мокрую одежду и уложили на нары у костра. Там он прогрелся, и очнулся от напавшего на него сильного кашля. Сам же дьякон поторопился к знахарке Гуагу, кто-то из соседей отправился с донесением в гарнизон...

Старуха глянула на больного и скрипящим голосом приказала подготовить чан горячей воды. Она побросала в курящийся чан каких-то трав и повелела поставить в него Апсита. Поняв, что от него требуется, едва различимым голосом он попросил выйти посторонних и с трудом забрался в чан. Через полчаса вошла Гуагу и призвала домашних. Дочери дьякона долили в чан горячей воды, а Гуагу добавила другой измельченной травы и долго выразительно шептала. Иногда ее интонации казались угрожающими, иногда милостивыми, девушки напуганные смотрели на нее и нашептывали «Отче наш».

– Теперь уложите его в тепло и дайте это выпить. – Она положила на низенький стол тряпичный мешочек с ароматным зельем. – Он будет долго спать, а как проснется, почувствует легкость в теле. Если захочет уйти – не разрешайте.

Завтра к полудню загляну. Пока все. – Гуагуа, словно гусыня, покачиваясь из стороны в сторону, тяжелым шагом отправилась домой. Девушки принесли больному большую простыню вместо полотенца и приготовили удобное ложе.

– Вождь, все готово, выбирайся из чана и в постель, сейчас будет готово и питье, – старшая из дочерей обратилась к больному, набравшись смелости. Младшая крестилась у очага, не смея открыто взглянуть на молодого мужчину. Когда его взгляд в силу рассеянности дольше обычного останавливался на ком-нибудь из них, девушки сильно смущались и краснели. Поборов навалившуюся слабость, Апсит добрался до постели и сразу уснул. Младшая из сестер, войдя в комнату с лечебным питьем, обнаружила больного спящим «без ног». Одолевая стыдливость, девушка какое-то времяостояла рядом, затем поставила потир на низенький столик и еще раз пригляделась. Чувство жалости к молодому мужчине переполняло ее доброе сердце. Теперь же, без помех разглядывая почетного гостя, она разузнала в своей душе другие нотки и ужаснувшись, быстро выбежала, опасаясь своей тайны.

Гуагуа, как и обещала, пришла на следующий день и была рассержена за невыполненное поручение. Больной все еще метался в жару и бредил, она приказала усадить его и залить в рот лекарство.

– Вот так следует поступать, невзирая на обстоятельства. – сердито сказала старуха и зловеще посмотрела на девиц. – Никаких причин не приемлю, иначе его будущее на вашей совести.

С тех пор дочери дьякона не оставляли больного одного. И только на третий день Апсит почувствовал облегчение и глубоко вдохнул полной грудью.

– Наш гость выздоравливает, – радостно защебетали сестры. Новость быстро обошла дом, выскользнула за ограду усадьбы и разошлась по округе.

Апсита зашел навестить дьякон. Он прочел несколько молитв, перекрестил больного. Умиротворенным взглядом Апсит наблюдал за ритуалом и благодарно улыбался...

* * *

На незначительном удалении от Анакопы разворачивалась другая житейская драма. Псху дадал, многократно объявлявший о дне своей кончины, тихо ушел из жизни, когда уже никто из близких не верил в его пророчество. Много несчастий выпало на его долю, но суждено было ему умереть во сне, как полагается блаженному. Словно разочарованный собственным промахом, покойник лежал с застывшей на лице укоризной...

— Я молила Анцва, чтобы не видеть твоей смерти, а мне выпало оплакивать тебя. Разве что плохого я помышляла против тебя, дорогой брат; или что сказала, или сделала по глупости? На кого ты меня покинул? Мало мне горе выпало и страданий? И за что мне суждено тебя оплакивать и проводить в последнюю дорогу, дорогой мой брат, моя кровь и опора? — причитала мать Скепарны над покойником.

Горевестники отправились в соседние общини. Общество Пыса оплакивало своего дадала с почестями, достойными вождя. На специальном помосте возлежало бездыханное тело, облаченное в снаряжение знатного воина. Над ложем был установлен просторный легкий навес, сооруженный по этому печальному случаю. Искусные плакальщицы громко причитали, перечисляя достоинства и славные подвиги усопшего. Женщины (многочисленные родственницы большого колена) ходили кругами вокруг помоста, издавали в такт пронзительные крики, посыпая пеплом и песком распущеные волосы. Группы мужчин торопливо подъезжали к крепости, спешивались и быстрым шагом на босу ногу шли к помосту, ударяя себя кулаками в грудь и по голове. Старшие в роду мужчины и сыновья Хыбха, с печальными лицами стояли слева от помоста и принимали соболезнования.

Царь Алания Багатар с надлежащей учтивостью принял горевестника и снарядил делегацию в дорогу. Несколько знатных вельмож по приказу царя возглавили группу. Собра-

лась и Сатен. Она задумала взять с собой абазского царевича Лашу. Ребенок едва ходил, держась за хвост карликового мула. Няньки и дядьки, занимавшиеся воспитанием малыша, бывало, что сажали его на спину огромного сторожевого пса. Удерживаясь за длинную шерсть собаки, Лаша визжал от счастья, представляя себя наездником. Когда задор малыша псу надоедал, он растягивался на земле и опрокидывал ребенка. Малыш же снова карабкался на спину, а пес не всегда подчинялся его желанию. Тогда Лаша подползал к огромной морде пса и что-то лепетал грозно на своем языке. Пес свешивал виновато уши и прятал глаза лапами. Бывало малыш долго не унимался, тогда пес просовывал морду между ног маленького хозяина и опрокидывал его вновь, призывая поиграть по своим правилам. Малыш злился, а наставники валились со смеху. Бывало, утомленный игрой Лаша засыпал рядом с четвероногим другом, положив головку на его бок. И не было для него лучшей потехи, как развлекаться с любимым псом или ходить за карликовым мулом. Каждый вечер няни усердно отмывали ребенка в корыте, Сатен журила сына, приказывала спать в постели, а он, если проглядеть, тихонько сползал на собачью подстилку. Пробовали приглашать ровесников малыша, а он оставался верен своим четвероногим друзьям.

В дальнюю дорогу снарядили с Лашей и его воспитателей. Впервые в жизни ему предстояло проделать путь верхом, и он с честью выдержал испытание. Любимая собака бежала рядом.

Почетная делегация останавливалась чаще обычного, ввиду присутствия малыша, которому требовались особые условия. Так или иначе, Лаша провел весь путь в седле, привязанный ремнями к опытному наезднику.

Подходы к перевалу были открыты от снега и делегация, быстрее обычного спустилась в главную крепость Пыса.

Прослышиав о прибывших гостях с севера, плакальщицы принялись еще громче голосить, с особым ожесточением рвать на себе волосы. Любимый конь Псху дадала покрытый черным саваном стоял понуро у помоста, нервно подергивал головой и хвостом, сопреживая утрату.

Сатен подходила к помосту, удерживая правой рукой ладонь малыша. Справо от него шла большая собака, подставлявшая бок для опоры. Навстречу им вышла мать Скепарны и призывала плакальщиц к тишине, дабы не напугать ребенка. Абазы с любопытством разглядывали молодую вдову и ее сына, впервые ступавшего по родной земле.

Бабушка медленно шла навстречу внуку, лаская его взглядом, с болью угадывая в нем родные черты. В какой-то момент она перевела свой взор на молодую невестку, вспомнила все и безмолвная остановилась. Руки ее безвольно повисли вдоль тела, голова слегка склонилась к груди...

— Абаакуа¹, — спохватился кто-то из старших. Сыновья дадала сорвались с места, Сатен отпустила рученку сына и первая поддержала тело свекрови. Лаша обиделся на мать, признав в ее поступке предательство, и громко заплакал. Детский голос искренний и чистый, пробудил сознание женщины. Она взмахнула рукой, словно сбрасывая саван, и улыбнулась внуку.

— Подойди ко мне, моя кровь и надежда. Как долго я ждала этой встречи, о небеса! Дай обнять и расцеловать твоё личико, мое милое чадо.

Так ласково и нежно звучали слова незнакомой женщины на непонятном языке, что ребенок перестал плакать. Придерживаясь за собачий бок, он подошел и без колебания обнял ее ноги. Люди в растерянности загляделись на трогательную сцену.

Наконец плакальщицы опомнились и заголосили вновь, призывая людей обратить внимание на покойного, как и полагается в подобных случаях. Свекровь с невесткой взяли за руки малыша и подвели к помосту. Лаша серьезно разглядывал пожилого мужчину, удивленный особым вниманием к спящему старику. Он никак не соглашался с тем, что можно без притворства спать, когда так шумно вокруг. Он несколько раз вырывал ручку, намереваясь вскарабкаться на помост и дернуть дедушку за усы. А покойник загадочно улыбался, выдавая свое притворство. Лаша воз-

¹ Клич, призыв.

мущенно залепетал, он вспомнил, как пес, порой, не желая играть с ним, становился неподвижным, как он тянул его за уши, пальцами лез в глаза, дергал за собачьи усы, а пес ничем не выдавал своего притворства. Свекровь удивленная обернулась к невестке.

– Дочка, он признал его, хочет прикоснуться, словно мужчина. Пусть подойдет, раз уже все понимает.

Сатен думала иначе, но не стала перечить свекрови. Лаша, почувствовав свободу, потянулся к покойнику и ловко ущипнул его за руку.

– Не смей! – одернула малыша мать. Лаша огляделся и заревел, что было мочи. Заголосили плакальщицы, поминая ушедших в мир иной родственников и соратников дадала. Под общий шум Сатен притянула сына к себе и крепко обхватила руками.

– Брат мой ненаглядный, мой дорогой внук впервые посетил родину по слухаю твоей смерти, – заголосила царица.

– Чтобы увидеть тебя в первый и последний раз, услышать повести о твоих бесчисленных подвигах, чтобы разыскать могилу отца – царя Абазии. Посмотри, как он оплакивает тебя, как неподдельно текут его слезы. Сколько еще горестных историй предстоит узнать ему о родине? Пусть моей смертью закончатся несчаствия семьи нашей, а его деяниями возродится слава наша.

Разве разуверились абазы, что души близких обретают покой в мире ином?! И ты более других достоин этой доли. Но не теперь – заклинаю тебя, любимый брат. Превратись в ангела-хранителя семьи нашей, будь опорой слабым и беззащитным. Заклинаю именем дочери твоей Щаща, замученной и неотомщенной, сыном моим Скепарной, вознесшимся на небеса и наблюдающим за нами. Только твоя душа сумеет стоять на вечной страже, только ты один на это способен. Не спеши искать покоя в мире благодатном. Или оживи – я с радостью взгляну на смертное ложе, буду оплакана и земле предана, а душа моя, искалеченная, навеки останется служить близким. Клянусь, что не буду искать встречи с сыном, не буду вспоминать супруга своего Багу и других, кому сердцем была предана. Стану оберегом внуку моему слабоногого-

му, матери его – красавице, всем сиротам обездоленным, не обласканным. Встань, брат мой благородный, ежели просьбу мою не думаешь выполнить, ежели в царство иное лишь для наслаждений и радостей твоя душа призвана. Не говори, что земной путь тобой сполна выстрадан, не призывай могущественные силы во свидетели. Ничто не сладит с сердцем матери. – Царица неистово рыдала над телом покойного, ее силы вновь истощились. Племянники бережно взяли ее под руки и отвели в жилище на мягкие подушки.

Аланские посланники передавали соболезнования царской семьи, а Сатен с сыном прошла в комнату, где возлежала свекровь, опустошенная смешением чувств.

Нелегко в Абазии провожать в последний путь вождя. Уже семь дней позади, а люди идут и идут, невзирая на трудности пути, из самых далеких общин Абазии.

Перенесенная болезнь читалась на лице начальника Анакопского гарнизона. Соратники отговаривали его от поездки на панихиду, предлагая отправить делегацию. Апсит оставался тверд. Немногословный, обросший, он лишь сменил одежду и стремительно выехал в дорогу, окруженный десятком приверженцев. Молодой организм оживал от верховой езды. Несмотря на трудности перехода, в конце пути Апсит выглядел лучше, чем в его начале. Переночевав в лесу, всадники к закату следующего дня подъехали к общине Пыса. Сквозь опавшую листву издали виднелись большие группы людей и коней, привязанных за каменной изгородью. Попутный ветер доносил крики плакальщиц и топот копыт подъезжающих или уезжавших всадников. Прибывшие из Анакопы спешились у ворот и торопливым шагом вошли в крепость. Распорядитель панихиды, завидев почетных гостей, передал сообщение хозяевам. И плакальщицы вновь запричитали, поминая славную и горькую историю Анакопы, царя Скепарны, историю семьи покойного Урыма, отдавших свои жизни за свободу Абазии.

Апсит приблизился к помосту и поцеловал холодную ладонь Псхи дадала. Огляdevшись, он увидел пожилую царицу и молодую красивую девушку, державшую ее за локоть. Царица запричитала:

– О, мой нареченный сын, с тех пор как в Абазии стало худо, видимся только на панихидах и поминках. Тебе ли слезу пускать по слухаю смерти старца, твоего деда по матери, когда родители твои молодыми погребены, не по нашему обычаю, словно не имели права на почести в родной стороне. Тебе ли – круглому сироте, потерявшему и семью, и цветущий род, оплакивать старца?!

Злая судьба и тогда не насытилась. Она безжалостно свела со свету твою молодую супругу, не вкусившую и толику радостей супружества. Разве же горечь прежних потерь сравнится с нынешней?! Не стыдись слез, вождь Анакопы, плач по матери своей Щаще, брату Алыму, деду Урыму и его славным сыновьям. Плач горькими слезами по молодой супруге, преданной земле в далекой стране. Слез не жалей, его душа не будет против тебя свидетельствовать. Ведь это твой дед по материнской крови покойится!

Горькие слезы хлынули из глаз Апсита, плакали все: и мужчины, и женщины, даже те, у кого не просыхали слезы все семь дней. Плакали вдовы и вдовцы, сироты и одинокие матери, все – кого коснулось когда-то горе. По лицу Сатен текли крупные слезы, а взгляд, полный сочувствия, без всякого смущения застыл на нем, остававшемся в ее памяти молодым и счастливым. «Несчастье и его не обошло стороной».

Короткий осенний день сменился сумерками. С неба сорвались крупные капли дождя. Уступая желанию царицы, вдруг небо разверзлось и обрушилось ливневым потоком на головы скорбящих...

Многочисленных гостей разобрали на ночлег жители округи. Апсит остался в крепости, рядом с покойником и его многочисленной родней. Царица не уставала отдавать распоряжения, вдохновленная желанной встречей с дорогими людьми. Пятнышко надежды превращалось в ее воображении в целое облако. Оно заволакивало ее израненное сознание, врачевало слабое тело и придавало сил.

– Сынок, не утомился ли с дороги? – опекала она Апсита. – Выглядишь усталым, не заболел ли? – И тут же обращалась к невестке. «А у тебя, милая Сатен, отчего румянец на щеках? Наверно, дорога сказалась, ты же такая нежная, домашняя», – отвечала она сама себе.

«Зато поглядите на моего внука, какой крепыш и непоседа, - говорила она, - спит, обняв собаку... убереги его Анцва от всяческих бед и несчастий. Разве мало их выпало на нашу долю?! Хоть его счастьем одари сполна.

Апсит заглядывался на мальчишку и размышлял о сыне. «Лаша растет без отца, мой Марин – без матери. Наверно, Лаше повезло больше, мой-то ни отца, ни матери не знает...»

Сатен смущалась, мысленно повторяя нужные слова. Ей надлежало принести соболезнования вдовцу, а она все никак не решалась.

– Помнишь, Сатен, нашу первую встречу? Кто из нас мог подумать, что в жизни так все сложится? – первым заговорил Апсит.

Сатен воспользовалась удачным поводом:

– Да, мой сват. Много слез утекло, а сиротское горе осталось. Не могу представить, насколько тяжело растить дитя без матери. Горе так неожиданно врывается, мужчине, поди, нелегче пережить утрату. Я разделяю твою скорбь, Апсит, теперь мы чем-то схожи. И я не смогла оплакать любимого супруга, и тебе не выдалось попрощаться с женой. – На глазах молодой женщины блестели слезы.

Апсит вскинула голову и в отчаянии ударила себя кулаком в грудь. Женщины, перепугавшись, оглянулись на глухой звук. Так он казнил себя за промах.

– Милая Сатен, – вскочил Апсит, – я оплакиваю вместе с тобой потерю мужа – великого абаза Скепарну. Соболезную не из чувства долга, потому, как сей муж, бесспорно, вознесся на небеса и оттуда управляет людскими судьбами. Скорее я оплакиваю горе молодой вдовы и отчаяние пожилой матери, чувства сына непознавшего отцовского воспитания. Я утешаюсь верой, что он удостоин судьбы избранных. – Апсит ступил вперед к взволнованной женщине, Сатен обмякла на груди молодого мужчины. Ее мысли напряженно боролись, чтобы одержать верх над скобью, изливавшуюся слезами. Они оба смущенные безмолвно застыли. Женщина прятала слезу-предательницу в складках одежды Апсита, он же вдыхал безумно сладкий аромат женского тела, отчего пересохли губы, и голова заходила кругом.

– Проводишь меня завтра к могиле Скепарны? – первой заговорила она.

– Он покоится у подножия Священной Аныхи под спудом тысячей камней, а рядом останки его верного коня. Я и сам собирался посетить это место, сходим вместе завтра на рассвете.

С утра застучали топоры в поминальной роще. Мужчины рубили вековое дерево и выдалбливали в стволе углубление, превращая его в ковчег для покойного.

Апсит и Сатен, придерживавшая за руку малыша, прошли стороной к подножию Псху-ныхи. Вокруг торжествовала ясная осенняя погода, обещая к обеду прогреть землю и воздух. Многоцветным ковром стелилась полусухая трава, прикрытая опавшей листвой. Поднимавшиеся от земли испарения умиротворяюще успокаивали, навевая на размышления. Шаг за шагом удаляясь от мирской суеты, шествующие проникались неповторимыми звуками, красками и сценами живой природы – такими настоящими и исцеляющими. Маленький Лаша сосредоточенно ступал за старшими, временами оглядываясь на виляющий хвост любимой собаки. Когда псина ускоряла шаг, ребенок сердился и громко воскликнул на своем языке, забавляя мать и ее спутника. А пес, словно задумав разнообразить длинный путь, заигрывал с малышом, то вырываясь вперед, то возвращаясь. Так при виде возрождающейся жизни, порой, и мы замедляем торопливый шаг и заглядываемся, черпая хорошее настроение и вдохновение.

Дорожка проходила сквозь просветлевшие рощи, представлявшие бурье стволы и ветви желанному солнцу, затем по открытой поляне забиралась на широкую возвышенность, переходившую уступами в лесистую макушку Священной горы. На этом пространстве путники приметили рукотворный постамент, выложенный из каменных обломков.

Апсит вздернула голову в небо и вымолвил с придуханием:

– Он, должно быть, наблюдает за нами.

– Пусть порадуется его душа, пусть полюбуется сыном и наследником, – кротко молвила Сатен, в душе надеясь получить знамение.

Апсит без слов подошел к широкому постаменту и принялся поправлять сдвинувшиеся с места камни. Он увлеченно работал, Сатен загляделась на его умелые движения и сразу не заметила, как луч с неба коснулся лба малыша. Лашаловил его глазами и жмурился, потом протирал глазки и снова забавлялся, улыбаясь во весь рот.

— Подойди ко мне малыш, — ласковым голосом позвал его Апсит. Лаша приблизился к новому знакомому и протянул ручки. Апсит поднял малыша и поставил на постамент. Малыш без страха смотрел по сторонам, разыскивая забавный лучик. Отчаявшись, он засобирался заплакать, но луч вновь коснулся его лба.

— Погляди, — обратился Апсит к женщине. Сатен завороженная смотрела на чудо, не смея ни слово молвить, ни шелохнуться. Луч играл на лице Лаши, вызывая в нем восторг и восхищение.

— Он признал сына, — прошептал Апсит, — слава «Ейха зымчу», слава Анцва и Христу-Спасителю.

Сатен губами читала молитву на своем языке и мрачнела от мысли, что любимый супруг не подал ей знака, словно она ему чужая, словно не жена. «А ведь я храню верность и чту память о нем...», — размышляла женщина и холодела сердцем.

Лаша, наигравшись лучиком, что-то пролепетал и потянул ручонки. Апсит спустил малыша на землю, он ухватился за подол матери и искал ее глаза, а она мрачно смотрела в сторону.

— Пожалуй, пойдем, а то нана спохватиться, — произнесла Сатен и повернулась к тропе. До самой крепости путники не проронили ни слова. В пылу обиды и ревности женщина решила забыть мужа, выкинуть память о нем из головы и сердца.

На девятый день панихиды в поминальной роще разожгли костры. Мужчины резали быков и освежевывали туши, вычищали и промывали в ручье шкуры, чтобы завернуть покойника и уложить в ковчег, который будет подвешен к кроне деревьев-исполинов. Так Абазия хоронила своих вождей и предводителей. Многочисленный люд теснился во дворе крепости, а новые все прибывали и прибывали. Приближалось время прощального слова.

И вот жрец Священной Псхи-ныхи вышел на середину площади. Мужчины рода Пыса окружили помост с телом дадала. Жрец воткнул посох в землю – воцарилась тишина.

– Дорогие абазы, – выразительным голосом начал он свою речь. – Пусть ваше внимание впредь привлекает радостный оклик. Согласно обычаю, введенному нашими предками еще в древности, мы сегодня прощаемся с выдающимся вождем небольшого, но свободного и сильного народа, старейшим представителем рода Пыса, всеми действиями показавшего нам, какими добродетелями должен обладать «чистый» абаза.

Сегодня мы отправляем нашего дорогого друга, отца, брата, соратника в путь, длиною в вечность, мы уверенно полагаем, что его душа, преисполненная многими добродетелями, обретет радость и покой в мире ином, а тело, преданное ветрам, соединиться с матерью природой – колыбелью, взраставшей всех нас.

Мы – осиротевшие старцы, потерявшие верного друга и соратника, мечтаем о такой смерти, полагая быстрее встретиться с душой Пыса Хыбха.

Его достойный род осиротел – остался без отца-наставника, но еще долго будет процветать под сенью славы великого предка. И мы полны уверенности, что чистая кровь, преображаясь из колена в колено, проявится в новом муже: будущем вожде и выдающемся человеке.

Мысленно оглядывая родичей и ближайших соседей, понимаю, что не осталось среди нас того, кто мог бы держать речь, достойную слuchая. Его ровесники, да вознесется душа дадала к богам, встречают его у небесных врат, его соратники по оружию, ходившие с ним в походы, готовят его душе царский прием. Нам же выпала скромная участь, с которой мы сообща непременно справимся.

Бруха дадал, подними свой печальный взор и уважь нашу просьбу. Тебе полагается более, чем кому другому, встать у изголовья дадала и произнести прощальное слово. И пусть не смутит тебя обстоятельство, что по возрасту вы неровня. Сейчас главное, что достоинством и благородством помыслов ты ближе других стоишь к нашему усопшему вож-

дю. Благодаря вашему согласию наши народы поклялись в братстве и не нарушили свой обет. Мы вместе справляем торжества и ходим в походы, вместе радуемся новой жизни и провожаем в последний путь выдающихся мужей.

И прежде, чем ты начнешь свое слово, хочу напомнить собравшимся здесь посып дадала, оставленный мне незадолго до смерти. «Я счастливый человек, – открылся он мне, – и не удивляйся, я счастливый, потому что жил так, как считал правильным».

Бруха дадал вышел вперед. Его речь, словно игра предметов и их теней, то скорбно изливалась, то сотрясала сердца слушателей. Дадал повествовал о вещах, ему одному хорошо известных от самого Хыбха, насыщенные его собственными наблюдениями. И все сводилось к одному: истинное величие человеческого подвига в его безмерной доброте и честности, справедливости, мужестве и терпении, уважении других и своего имени. «И в награду боги наделили его знанием избранных. Пыса Хыбх распознавал божественные знаки, понимал звуки животных и предсказывал будущее. И мы – собравшиеся на площади, безмерно скорбящие мужчины и женщины, находим утешение в том, что душа дадала будет принята всесильными, теми, кто его еще при жизни отметил». Так завершил свое слово Бруха дадал.

Вслед за ним другие выдающиеся ораторы прославляли подвиги и апсуара¹ усопшего. Воздав должное прощальными речами, мужчины рода Пыса, согласно поданому жрецом знаку, оторвали ковчег от помоста и направились к поминальной роще. За ними следовала многотысячная толпа.

В поминальной роще деревянную колоду обвязали крепкими лианами и втянули в крону вековых дубов, дабы не смешалась с землей кормилицей его разлагающаяся плоть, не осквернились ручьи и родники в глубине земли лежащие. Отдали солнцу, ветрам и воздуху, быстрее других мертвую плоть пожирающим. На нижних ветвях дубов родственники развесили одежду и вооружение своего предводителя, то нетленное убранство, сопровождавшее его при жизни.

¹ Свод законов чести и совести абхаза.

- Согласны ли вы абазы забыть обиды, которые по недоразумению вы можете держать на покойного? – обратился жрец к единокровцам.

– Аминь! – последовал утвердительный ответ.

– Готовы ли отпустить дадала в мир иной?

– Аминь, – еще громче прозвучал ответ.

– Желаете ли вы искренне вечной радости и счастья душе его?

– Аминь, – следовал единодушный ответ.

– Да обретет твоя душа новый дом светлый и счастливый, – провозгласил вновь жрец. – Всемогущее светило и порождаемые тобой стихии, коим верно поклонялся он при жизни, заберите плоть в награду и вознесите душу блаженного туда, куда предопределено свыше.

А вы, дорогие участники панихиды, завершите полагающимся ритуалом проводы покойного – вкусите пищу, приготовленную благодарными хозяевами, помяните вождя, друга, отца и брата. И пусть вовеки веков беда будет бессильной у ваших ворот.

Многочисленные гости уступили просьбе жреца и подкрепились поминальной тризной. К вечеру большинство из гостей разъехались в свои общинны. В крепости оставались Сатен и Апсит со своими спутниками. Они решили выехать утром следующего дня, подготовившись, как следует, к дальней дороге. И Сатен и Апситу предстояло проходить горные перевалы, правда, в противоположных направлениях. Слуги и рабы готовили коней и дорожную поклажу; домочадцы, валившиеся с ног от усталости, пошли на отдых. Вскоре воцарилась тишина. Даже сторожевые псы молчали, утомленные переварением изобильных остатков тризны. И каково было удивление людей, утром вышедших во двор и плененных снегом, сползшего с кровель. Собаки виновато прятались, пристыженные очевидным промахом. «А ведь на небе ни тучки», – недоумевали люди и поздравляли друг друга с первым снегом. Громкие голоса с улицы проникли внутрь дома. Последняя новость подняла с постели и гостей, и хозяев. Царица ходила по крепости, возмущенно заламывая руки. «Я ведь просила тебя, братец, я увещевала тебя, а ты все по-

своему решил, – бормотала она. – Как же теперь она с Лашей отправится через перевал? Ни о чем ты не пекся и при жизни, а теперь что же говорить?! Ух, была бы моя воля, отчитала бы по полной...»

Многочисленная прислуга убирала свежий снег и посмеивалась между собой над словами царицы.

– Нана, не отчайвайся, скоро поднимется солнце, и снег уйдет, – успокаивал царицу Апсит.

– Конечно, уйдет, только никакой его заслуги в том не вижу. Я же не за себя тревожусь. А на перевале каково теперь? Не пущу я вас никуда, до самой до весны.

– Нана, это первый снег, он быстро сойдет, еще постоят теплые деньки.

– Вот тогда и поговорим, – отрезала царица.

Апсит не стал возражать, он направился в дом, чтобы обсудить последнюю новость и столкнулся в дверях с Сатен, которая слышала их разговор.

– И долго нам оставаться в почетном плену? – шутливо спросила она, а он, лишь, многозначительно пожал плечами. – Я и сама побоюсь выезжать в непогоду, лучше переждать, все же в тепле и уюте.

– Все образуется, день-два не дольше, – ответил Апсит, поборов смущение.

– Что ты имеешь в виду? – переспросила Сатен.

– Сегодня к вечеру сойдет снег, уже завтра дороги пропохнут, откроется перевал.

– Ты так уверенно говоришь, что и мне становится спокойней, – с благодарностью взглянула Сатен на собеседника.

– Однако мы отправимся уже завтра, я должен быть на службе.

– Ах, да, ты ведь служишь ромеям, тебе следует спешить.

– Ее слова прозвучали как-бы с укором. Апсит смутился и отошел от нее. Женщина поздно поняла, что обидела собеседника неосторожным словом, она недовольная собой направилась в комнату к сыну.

Отъезд Сатен перенесли на время, а представители царя Багатара и не думали менять своего решения. Большая часть делегации выехала после легкого завтрака. Апсит все же под-

чинился желанию приемной матери. Весь день он провел во дворе, общаясь с родственниками и наблюдая, как подростки кувыркаются в снегу, пока он не превратился в мокрую жижу. И в эту ночь люди рано легли спать. Апсит долго ворочался, прислушиваясь к звукам за стеной. Он безошибочно угадывал шорох мышей и шум крыльев ночной птицы. Затем в зарослях на окраине многоголосным хором завыли шакалы, напоминая крики женщин-плакальщиц. Им вторили шакалы на другой стороне, словно предупреждая первую группу не покушаться на их угодья. Похоже, первые, несогласные с предупреждением вторых, принимались кричать еще громче и зловеще, доказывая свое неоспоримое численное преимущество большим количеством голосов. Перепалка двух стай нарастала, пока сторожевые псы, словно сговорившись, не вышли из оцепенения. Их громкий лай, казалось, сотрясал стены, шакалы еще выше подняли голос, словно насмехаясь над псами. А те метались из стороны в сторону с безудержным лаем, пока не охрипли. Тогда один из псов, вспомнив свое родство со зверем диким, протяжно и пронизывающе завыл. Его поддержали сородичи. Собачий вой быстро охватил всю округу. Апсит присел на постель и громко засмеялся. Его товарищи проснулись и поддержали друга заразительным хохотом.

Сатен в эту ночь тяжело засыпала. Она металась во сне, временами издавала возгласы удивления и сладострастно стонала. Служанки проснулись и зажгли свечи, они осторожно наблюдали за госпожой, не смея потревожить ее сновидение. Сатен в упоении металась по постели, накидка сползла на пол, полунасвая, словно в горячке, она обливалась потом, и все чаще и сильнее стонала. В комнату вошла царица, разбуженная странными звуками. Какое-то мгновение она удивленная разглядывала комнату, затем подошла к невестке, накрыла ее сползшим покрывалом и присела у изголовья.

– Сатен, дочка, что с тобой? – Царица поймала руку невестки и сильно ее сжала. Еще сильнее закричала Сатен и очнулась обессиленная. Осоловевшим взглядом она осма-

трявилась, не понимая, где находится и что с ней произошло. Распознав свекровь, державшую ее ладонь, она присела на постели и спрятала руками лицо, пылавшее от смешения стыда и страсти.

– Успокойся, родная, все хорошо. Тебе что-то привиделось, так бывает, не мучься...

– Вы не видели его? – с надеждой на понимание подала голос Сатен. Служанки удивленные посмотрели друг на друга. – Как же, он был здесь, возлежал рядом...

– Кто он? Кто тебе привиделся? – встревожилась царица, перепуганная верными признаками древней болезни.

– Это был мой муж, царь Скепарна. Он явился предо мной молодой и красивый. Мы путешествовали по разным странам. Побывали в Ромее, в Персида и Китае и еще где-то, в каких-то чудесных местах. Затем он привел меня в цветущий сад, где дикие животные без страха разгуливали, не причиняя друг другу вреда. Пока я удивлялась чудесным явлениям, он увлек меня к поляне у родника и возлег со мной по праву супруга. Я не в силах была противиться, нана, хоть и помнила, что его уже нет в нашем царстве.

– Да, дочка, – царица гладила по волосам невестку, – я все понимаю, ведь и я овдовела совсем молодой. Не вини себя, в том нет стыда.

– Нет, нана, это не могло быть видением, я слышу его запах и сейчас, а тело обласканное и теперь пылает. В себе я чувствую его семя. – Сатен разрыдалась растерянная и зарылась в покрывало.

– Что заслушались?! – пристыдила служанок царица, – подготовьте воды, искупайте госпожу, да чтобы языками не болтали, а то узнаете меня во гневе. – Служанки выбежали, прихватив накидки.

Расскажи, родная, о чем он тебе говорил? – Царица сильно сжала запястье невестки, она опомнилась и продолжила.

– Он сказал, что я не должна обижаться на судьбу, – Сатен всхлипнула, – что это наше последнее свидание, но он обещал выручать нас с Лашей, когда нам будет грозить опасность.

– На что ты не должна злиться, Сатен?

– Я позволила себе обозлиться на супруга, когда он играл с сыном солнечным лучом там на постаменте... Я вознегодовала за то, что не была удостоена его внимания. Я была несправедлива, он по-прежнему любит и заботится о нас.

– И это все? – торопилась царица.

– Нет, самое удивительное другое, он взял с меня клятву, что выйду замуж за того, кто завтра поможет мне сесть на моего коня, – Сатен пуще прежнего разрыдалась.

– Дочка, остановись, хватит слез, а то ведь утонем. Негоже молодой царевне так отчаиваться. Тебя могут услышать, пойдешь, отмоешься и отоспишься, утро вечера мудренее. – Сатен подчинилась и прошла в банную комнату. Она ощупывала свое тело в поисках доказательств видения. Ей так хотелось, чтобы все было неправдой...

Остаток ночи Сатен не сомкнула глаз, отблеск свечей ей казался тусклым и туманным. Так и пришел в пропахшую нагаром комнату долгожданный рассвет. Не спала и пожилая царица, она поверила, что невестка не солгала, уж слишком очевидными были ее стенания, но тень подозрения закралась в глубине души: «А вдруг молодуха полюбила, а признаться страшно, вот и придумала историю, может с кем-то в словоре». Царица решила день продержать невестку в доме, дабы развенчать неправду, или удостовериться в обратном, если суждено.

Утром Апсит заторопился в дорогу. Занятый сборами он придумывал причины, чтобы сломить упорство царицы и оттягивал встречу с ней, побаиваясь поражения.

На дворе установилась сухая ясная погода, в лучах солнца поблескивал иней в ложбинках. Может, где-то в ущельях и лежал окаменевший снег, но Апсита это не тревожило. На всякий случай он подговорил сыновей дадала, чтобы поддержали его перед царицей. В приготовлениях прошли полдня. Караван был готов к отходу, и слуги позвали гостей к столу. К удивлению, он нигде не встретился с царицей, да и Сатен не появлялась на людях. Он терзался мыслями, быстро ел и все больше тревожился. Он чаще прислушивался к звукам и

голосам, чтобы убедиться в отсутствии каких-либо нежелательных причин. Вот и трапеза подходила к концу, насытившиеся мужчины осторожно переглядывались, показывая, что готовы встать со стола.

Резкий неразборчивый окрик докатился со двора. Апсит насторожился, но не разобрал смысла. В ответ раздался голос из женской половины дома. Не считаясь с застольным ритуалом, Апсит выскочил на двор. Там в панике кружила прислуга Сатен, а пожилая царица их гневно ругала. Выбежала бледная, как полотно Сатен и громко запричитала.

– В чем дело нана? – ввязлся Апсит.

– Горе мне выпало, внука не уследили эти проклятые. Его нигде нет, словно след простила, – причитала царица.

– Как? – оторопел Апсит, и бросился к дому, уверенный, что ребенок где-то спрятался. Он чуть не сшибся с Сатен. Женщина с трудом удержалась на ногах и подтвердила, что пропал Лаша и его любимая собака.

– Я знаю, что делать, будьте спокойны, – твердым голосом объявил Апсит и направился к своему оседланному коню. Сатен поспешила за ним, распознав его намерение.

– Я с тобой, не оставляй меня, – крикнула она удалявшемуся всаднику. Апсит развернул коня и спешился. Он отвязал другого коня и усадил на него Сатен. Теперь вдвоем они выехали со двора, уверенные, что найдут Лашу на могильнике.

– Что же вы медлите?! – стыдила царица воспитателей ребенка, заламывая руки до боли. Они тоже вскочили на коней и отправились вдогонку, предпочитая остудить себя потоками свежего воздуха, нежели выслушивать брань пожилой хозяйки.

Апсит скакал по короткому пути к Священной Псху-ныне. Сатен, цепко держась в седле, не отставала от проводника.

– Мы на верном пути, – однажды обернулся к женщине Апсит, разглядевший в оттаявшей грязи характерные следы большой собаки.

«Хоть бы он был прав», – молилась в отчаянии молодая мать и проклинала себя за неосмотрительность. Вспомнив прошедшую ночь, она еще больше себя обвиняла и насыщала на себя проклятия.

Всадники, оставив последний изгиб позади, наконец выехали на открытую поляну, после которой начинался подъем к могильнику. Апсит разглядел какие-то силуэты, но промолчал, предпочитая убедиться наверняка. Еще немного времени спустя им ясно открылась сцена, как мальчик, опираясь на круп собаки, карабкался по камням на постамент, туда, где с ним недавно играл солнечный лучик. Апсит оглянулся на Сатен, у нее текли слезы, а в горле застрияло имя сына.

– Не надо, не зови, – попросил Апсит и придержал коня, – он может испугаться и упасть. Пусть идет к своей цели.

Сатен подчинилась. У подножия каменного постамента Апсит спрыгнул с коня и спешил спутницу.

– Оставайся здесь, я схожу, а ты спрячь слезы. – сказал Апсит. Он незаметно подошел к постаменту и погладил пса по голове. Собака проскулила и вильнула хвостом. Мальчик обернулся и широко улыбнулся.

– Приветствую тебя, наследник царя Скепарны, – то ли в шутку, то ли всерьез обронил Апсит.

Лаша потянулся к мужчине и отдал себя ему в руки.

– Там твоя мать, – указал мальчишке Апсит, – она так любит тебя и тревожится. Я то тебя понимаю, апсуа хаца, а сердце матери надо беречь.

Лаша на своем языке что-то ответил и улыбнулся матери. Женщина растаяла и забыла пережитые тревоги. Подъехали слуги и смешались в общей радости. Долго обнимала Сатен сына, бормоча ему в ухо ласковые слова. Лаша что-то отвечал, а Сатен заводилась еще больше. Подошел пес к ногам Апсита и виновато заскулил.

– Отправляйтесь обратно, сообщите, что все уложено, – обратился Апсит к слугам.

Слуги отъехали, Сатен подняла счастливые глаза и благодарно улыбнулась спасителю. Апсит усадил женщину в седло, а мальчишку взял к себе. Они не спеша возвращались в крепость, оглядываясь на четвероногого друга, поспавшего за ними.

Все наельники крепости встречали их у ворот и удивленные обсуждали побег мальчишки. Только не было среди них царицы: она укрылась в дальнем углу крепости, где

когда-то восседал ее брат дадал и поглощенная событием размышляла. Радость домашних переполнялась через край. Они окружили вниманием и заботой маленького беглеца. Светилась счастьем Сатен и одаривала благодарными взглядами Апсита, а он смущался и порывался сбежать, не видя за собой заслуг. Царице стало обидно, что не замечают ее отсутствия.

«Прекрасная пара, почему я сама не задумывалась об этом? – ругала себя пожилая царица. – Почему я решила, что кто-то еще должен следовать по-моему пути? Пусть они будут счастливы, ведь они друг друга достойны».

Апсит не стал менять решения. Вскоре его отряд выехал из крепости. Сатен задержалась еще на один день, чтобы прийти в себя и собраться в путь. Спустя время она вспомнила пророческий сон и запылала от стыда. Пусть это останется ее тайной, если не брать в расчет царицу, мысленно благословившую невестку на замужество.

МИР НА ОСТРИЕ МЕЧА 555 Г. ПО Р. Х.

Оглощенный горем и тревогами Апсит не мог распознать знаки, посланные свыше. И не будем ему судьей. Сердце, переполненное скорбью и тревожными ожиданиями, на время закрылось для весеннего пробуждения. Он ожесточился настолько, что воспоминания о Боге доставляли ему скорее боль, нежели радость. Положенные церковные обряды он выполнял небрежно и по долгу, свет покинул его душу, уступив место злости. И когда появились первые признаки весеннего пробуждения, он продолжал бороться с проявлениями природы в себе. Он скрытно возмущался возбуждению соратников, с каким-то упоением радовавшихся рассвету и провожавших закат. Их настроение, необъяснимое для него, все дальше его удаляло. Тем временем все вокруг наполнялось живительными соками, не считаясь с его личным недугом. И ему лишь оставалось мириться и скрывать свои чувства, пока достанет сил.

Весна, время зачатия новых надежд и свершений, вновь вступила в свои права. Из глубоких ущелий начинает уходить снег, отдавая талую воду бесчисленным родникам и потокам, стремящимся к слиянию с великим океаном.

С потеплением военачальники римских войск в Лазике решительно настроились идти на миссимицев, дабы покарать отступников и вернуть казенные деньги. И хотя противник был малочисленным, позиция его выгодно отличалась. Запервшись в непроходимых ущельях, он мог легко противостоять многочисленному воинству. Сорок тысяч воинов – пеших и всадников – снарядили римляне под началом лучших полководцев¹.

¹ По сообщению хронографа Агафия Миренейского. Существует мнение, что численность римского войска была меньше.

Командующий Мартин собирался позже сам возглавить кампанию. А пока они продвигались в глубь территории подданных, войском командовали Бараз Армянин и Фарсант Колх. Первый возглавлял всадников, а Фарсант – пеших, он был приближенным царя колхов и числился магистром при дворе Цате.

Однако персы, оповещенные о приготовлениях римлян, опередили их и заняли удобные позиции. Поэтому римляне, несмотря на столь внушительную численность, разместились в Апсиилии. Они не решались вступать в открытое сражение с персами и миссимицами одновременно. Так продолжалось вплоть до наступления месяца жатвы. Противники следили друг за другом, но ни одна сторона не предпринимала действий. В числе персидских отрядов состояли гуннские воины, державшиеся в небольшом отдалении. Отдельную группу составляли базы, численностью до шестидесяти человек, когда-то Набедой увезенные в Персию в качестве заложников.

В разных местах вспыхивали случайные столкновения, но решительные действия ни одна из сторон не предпринимала. Миссимицы, укрепленные персами, были весьма уверены, что по их труднодоступным местам не пройти римскому войску. Их земли с Апсиилией лишь одна тропа, пролегавшая по скалистому гребню, трудная и извилистая. В остальных местах они были защищены крутыми обрывами, уходящими в глубокие ущелья, изрезанные бурными потоками. Там, где оставалась возможность проникнуть небольшим вражеским группам, стояли миссимицкие посты. Одно из таких мест прикрывали пятьсот гуннов, расположившихся прямо под открытым небом, пренебрегая всякой опасностью. Опытные римские воины Максентий и Федор с несколькими десятками подчиненных в поисках удобного пути случайно набрали на этот лагерь и внезапно их атаковали, предпочитая погибнуть в схватке, нежели быть убитыми со спины. В гуннском лагере поднялась паника, многие из гуннов в это время беспечно разгуливали по окрестностям, покинув свой пост. Воспользовавшись смятением противника, не имевшим сведения о настоящей численности римлян-

ев, последние ворвались в лагерь и убили всех, кто не успел спастись бегством. Эта стычка послужила хорошим уроком персам. А ромеи, вместо того, чтобы занять выгодный плацдарм, быстро вернулись к себе, пораженные нерешительностью своего командования. Между персами и мисимиянами начался разлад. Первые, подсчитав потери, вспомнили все лишения, которые им пришлось перенести на чужой земле. Перенесенные тяготы теперь казались им подвигами. Мисимийцы же сочли деяния союзников недобросовестными в меру опасности, которая угрожала со стороны римлян. Персам и ранее не свойственно было воевать в зимних условиях, теперь же, посчитав свои труды чрезмерными, они торопились отправиться на зимние квартиры в Иберию. Этого и дожидались ромеи. Как только дороги освободились от персов, ромеи продвинулись и укрепились в Цибилиуме и других крепостях Апсиилии, а передовые отряды продвинулись к границам восставших мисимийцев. Прибыл Мартин, чтобы возглавить наступление, но опасаясь бесславного похода, он тянул время, сославшись на внезапную болезнь.

Понимая трудности вторжения в земли мисимийцев, ромеи попробовали добрым словом склонить их к покорности. Несколько видных мужей апсиилийцев отправили ромеи к противнику. Мисимиане же были настолько чужды мысли о покорности, что озлобились на родственных апсилов и поспешно казнили посланников, словно они были причастны к несправедливостям, содеянным ромеями и Соттерихом. Они все еще верили, что враги не смогут пройти по труднодоступным местам в суровое зимнее время к их главной крепости. В самом деле, дорогу, ведущую во внутренние их земли преграждала гора с отвесными склонами, усыпанными камнями. По середине горы пролегала узкая тропа, открытая для ударов тех, кто сможет укрепиться на ее вершине. К тому же здесь, без всякой опасности один воин способен остановить многочисленное войско.

Весть об убийстве апсиилийских посланников привела в негодование все войско и послужила сигналом к началу операции. Ромеи успели раньше замешкавшихся мисимийцев занять проход на эту гору, оттуда они беспрепятственно про-

никили в густозаселенные долины мисимиц. Не имея возможности оборонять каждое поселение, Хада и Туана – местные вожди, приказали сжечь все постройки и имущество, и собраться в крепости Дзахара для отражения вражеского нашествия. Римское войско издали наблюдали за приготовлениями мисимиц, укрепляя их дух собственной нерешительностью. В стане ромеев царил разлад. Многочисленным союзным войском управляли равные по званию начальники, желавшие подчиняться только собственному решению. Простынивший обо всем Мартин отправил к войскам полководца Иоанна, который незамедлительно принял за осаду крепости. Однако неприступность места делала Дзахару мощнейшим укреплением. Даже многочисленные дома, стоявшие за крепостной стеной, были защищены сыпучими склонами. Ромеи узнали, что местные жители спускаются по известной им тропе к подножию горы и по ночам там набирают воду. Один предприимчивый ромей, находившийся на посту возле родника, скрывшись среди камней, выждал, пока мисимицы не наполняли кувшины, а затем тайно проследовал за ними. Так он достиг вершины горы, на которой был выставлен караул.

Исавриец¹ поспешил доложить все префекту. Иоанн, выяснив все подробности, приказал немедля набрать сто избранных воинов для вылазки, и, если выпадет удобный случай, организовать неожиданное нападение. Перед началом атаки им надлежало протрубить в рог, чтобы основная часть войска бросилась на приступ крепости. Действиями с двух сторон он надеялся ввести в панику противника и мгновенно завладеть укреплением.

Исавриец Илл повел отряд по изученному им пути. Когда первые дошли до самой середины, они ясно разглядели костер и стражей, разлегшихся у кострища; из них семеро спали, только один походил на бодрствующего, да и он был во власти сна. Между тем один ромей, подскользнувшись, со страшным грохотом упал. Ромеи, неготовые к атаке притаи-

¹ Исаврия (др.-греч. Ἰσαυρία) — название в античной географии труднодоступного изолированного региона южной Малой Азии.

лись, стражники проснулись и вынули мечи, оглядываясь по сторонам. Свет костров слепил их, сковывал сон, из которого они не успели выйти. Они прислушались, но шум не повторился, потому, мисимийцы, приняв грохот за природное явление успокоились. Лишь в целях предосторожности они столкнули с горы большой камень, скатившийся с грохотом к подножию. Но лазутчиков он не затронул. Стражники успокоились, снова улеглись на циновки у костра и беззаботные уснули.

Римляне продолжили восхождение, и, как только весь отряд оказался на вершине, они убили спавших стражей, дали сигнал для наступления основного войска и кинулись врассыпную в поселение. Мисимиане были застигнуты врасплох. Не ведая, как обстоят дела, они, растерянные и возбуждённые, собирались с разных концов поселения, чтобы сойтись в строй и дать отпор противнику. Ромеи убивали их раньше, чем последние успевали подготовиться к отражению атаки. Мужчины умирали с мыслью о женщинах и детях, оставшихся беззащитными в домах и на улицах поселения.

Знатная мисимийка выбежала на улицу с факелом в руках, за ней последовали другие женщины, объятые горем и гневом. Они шествовали по улицам с распущенными волосами и, обливаясь слезами, призывали богов ниспослать спасение. Римляне же, обнадеженные успехом и безнаказанностью, убивали всех на своем пути. И эти женщины-плакальщицы были убиты, пронзенные копьями и мечами. Вслед за ними наступил черед детей. Римляне, опьяненные кровью, забросали деревянные дома с соломенными кровлями горящими факелами. Огонь быстро разошелся, возвестив округу о гибели мирного поселения. Из горящих жилищ выбегали домочадцы – стар, и млад. И каждый из них находил свою погибель, кто от оружия, а кто просто ударом головой о камень. Иных детей подбрасывали в воздух и падающие тела протыкали копьями. Так свирепствовали ромеи до рассвета, пока не потухли пожарища, и не перебили всех, кто не успел спастись бегством или укрыться в крепости. Там мисимийцы отражали атаку основных войск противника, брошенных Иоанном на штурм стен. Они, несмотря на свое множество,

так ничего не достигли, ответным ударом были отброшены. Защитники, находившиеся в крепости, наблюдали за побоищем в поселении, но не смогли прийти им на выручку. Они не посмели открыть ворота на виду у противника. Из-за нерадивости мисимийских стражей погибло многочисленное славное поселение, примыкавшее к крепости с тыла.

Насытившиеся зверством, ромеи утомились и потеряли бдительность, уверенные в своей полной победе. Они не выставили надлежащей охраны, и следующей ночью отважные мисимийцы, оскорбленные насилием над близкими, тайно вышли из лагеря и под самый рассвет напали на спавших ромеев. Мисимийцы догоняли ромеев и убивали их копьями и мечами, другие же в беспорядочном бегстве падали в темноте и разбивались о камни или получали тяжелыеувечья. Немногим из той сотни удалось спастись, да и те, кто еще находил в себе силы для бегства, не рискнули подниматься на гору к тропе, по которой прежде прорвались в поселение.

Мисимийцы вернули себе позиции, совсем недавно занятые ромеями. Теперь римское войско больше не помышляло о проходе через ту гору. Все свои силы они направили к крепостной стене, посчитав осаду крепости более надежным способом. Ромеи вблизи стены противника соорудили деревянные укрепления. На них установили машины для метания снарядов. Осада крепости Дзахара становилась невыносимой. Вожди мисимийцев, ошеломленные гибелью беззащитного лагеря и трудностями осадного положения, собрались для совета. Среди защитников Дзахара своей организованностью выделялся отряд абазов, добровольно оставшийся с мисимийцами, когда персы покинули край. Пятеро юношей из их среды предстали на совете. Открыл совещание Хада, говоривший о бедах и несправедливостях, тяжким бременем возложив на плечи маленького, но гордого народа. Подавленный гибелью молодых мужчин, женщин и детей, он возмущался поведением персов, предавших их чаяния. «И боги отвернулись от нас, возложив непомерное наказание на наш народ, – жаловался вождь. – И хотя, среди нас еще остались мужи, способные держать оружие, дело наше безнадежно погублено».

Вслед за ним слово взял Туана.

– Дорогой наш вождь, твое малодушие легко объяснимо бесславной погибелью сыновей наших в недавнем побоище. Однако предлагаемые тобой действия приведут к рабству оставшийся народ. Ведь никто из нас не ведает, что задумали ромеи. Нам хорошо известно, что эти извращенные люди не умеют держать слова, они бесчестны и на поле боя и в миру. И боги тут не причем. Если бы не беспечность дозорных, то не приключилось бы величайшей беды с народом нашим. И они же первыми поплатились жизнями за безответственность свою и оставили урок нам – еще живым. Кому, как ни нам с тобой следует помнить о позорных побоях, нанесенных нам самонадеянным Соттерихом. И если мы оказались косвенной причиной всех несчастий, то нам и следует подумать о том, как спасти народ, показав личный пример действием. Думаю, что рано мы упали духом. Наша крепость по-прежнему неприступна, а мужи наши готовы сражаться. Пусть я приму смерть раньше, чем падет Дзахара.

Пылкая речь вождя вдохновила партию, не согласную с капитуляцией. Многие мужи открыто поддержали оратора, готовые погибнуть раньше, нежели дело мисимийцев будет проиграно. Все это время молча стояли абазы, дожидаясь, когда дойдет до них черед. Шум понемногу стих, и все обернулись на абазов – самых безучастных в прениях.

– Каково будет ваше слово? – обратился к ним Хада.

Абазы немного смутились и посмотрели друг на друга, выбирая оратора из своей среды. По негласному решению, их взгляды остановились на Асане. Юноша выступил вперед.

– Вожди народа мдзымаа¹, предводители отрядов, я многого могу не знать, потому как мальчишкой был вывезен в Персию заложником в числе шестидесяти моих сверстников. Немногим ранее персы предали Абазию, оставив ее одну против многочисленного войска ромеев. Враги пришли на нашу землю, взяли приступом Трахею, жестоко опустошили

¹ Мисимийцы – мсымаа, мдзымаа, мдзаа – понятия, тождественные по смыслу, отличаются по звучанию на разных диалектах абхазского языка.

сердце Абазии. Ни один варварский народ, хотя таковыми они нас считают, не поступал так бессердечно со своим врагом. Не ждите от них пощады. Они не умеют быть ни совестливыми, ни сострадательными, ни честными. Души предков призывают нас стоять непоколебимо против врага. В Персии во-лею судьбы мы обучались военному делу и знаем, как можно противостоять римлянам. Если мы не разрушим укрепления, которые они строят напротив нашей стены, не сожжем их метательные машины, то в скором времени они разрушат наши стены и ворвутся в крепость. Нам следует их опередить.

— Вы полагаете, что римейские караулы будут беззаботно спать, когда будем разрушать их укрепления? — усмехнулся Хада.

— Нам не следует всецело полагаться на случай, хотя бывает часто, что случайность оказывается спасительной, уважаемый вождь, — последовал ответ Асана. — Я предлагаю выйти на рассвете, укрывшись под щитами, и внезапным нападением расстроить их намерения. Под прикрытием «черепахи»¹ мы подойдем к их башням и постараемся захватить их, опрокинуть, если не проще будет их просто поджечь. Их башни выдвинуты за пределы основного лагеря. Несколько десятков римлян предпочтут спастись бегством при виде нашего грозного наступления. И пока их основные силы придут на подмогу, мы сможем разрушить башни.

— Что необходимо для этого? Говори юноша, — воодушевился Туана.

— Пятьсот наших мужей должны приготовить большие щиты, тайком выйти за ворота и сомкнутыми рядами атаковать башню. Триста воинов будут удерживать «черепаху», лишь две сотни легковооруженных смогут свободно метать дротики и рубиться мечами. Те, что останутся в крепости, должны будут непрерывно посыпать линию противника снарядами, прикрывая нашу атаку.

— Нам не приходилось когда-либо выстраивать «черепаху», — засомневался Хада.

¹ Боевое построение войска, прикрытое со всех сторон большими щитами.

– Мы пойдем в первых рядах, никто из нас не дрогнет, – спокойно отвечал Асана. – Выберите самых крепких и мужественных, конечно, понадобятся доспехи, канаты и факелы.

– Разве не позорно нам столь долго обсуждать тяготы и жаловаться на свое положение, когда эти юнцы подают верную надежду? – повысил голос Туана и осмотрелся по сторонам. Большая часть военачальников, отчасти, пристыженные призывом, одобрили слова вождя. – И так, решено, на рассвете атакуем врага, а теперь нам важно собрать доспехи и выбрать воинов для завтрашней вылазки.

– Я иду с вами, – заявил Хада. – Туана тепло улыбнулся соплеменнику.

Еще оставалось время до темноты. Со всей крепости были снесены щиты в одно место – их насчитали двести штук. Абазы объясняли миссимийцам, как следует держать строй, где будут располагаться легковооруженные и когда им следует выходить из укрытия.

– Мы будем идти впереди, – распределял воинов Асана. – Нас достаточно, чтобы заполнить первые ряды строя. Внутри «черепахи» мы укроем три легковооруженных отряда, которые по моей команде, если потребуется, будут выходить для коротких атак и возвращаться обратно под укрытие. Если противник окажется досягаем или ромеи выйдут из укрытий и попытаются окружить нас, вам надлежит выходить из укрытия и метать дротики. Если «черепаха» распадется – все мы бесславно погибнем, ошибка одного или нескольких может стоить нам всем жизни.

Зашитники лагеря готовились к вылазке, воспылав особой надеждой на маневр, приложенный абазами.

– Хада, – окликнул сородича Туана, когда никого не оказалось поблизости. – Я благодарен тебе за поддержку. – Хада обернулся и горько ухмыльнулся: – Я иду с вами, чтобы больше не видеть страдания народа моего, попавшего в беду отчасти из-за нашей поспешности, Туана.

– Значит, ты не веришь в победу?!

– Наша гибель станет искупительной ценой для тех, кто задумает примириться с ромеями.

— Стоило ли заходить так далеко, если мы не способны уберечь народ?

— Не рассудок, а гнев, порожденный обидой, привел нас к такому положению дел. Я мечтаю погибнуть прежде, чем будет растерзан мой некогда процветавший народ.

— Оставь завет для тех, кто останется...

— Я об этом позаботился, жрец объявит мое последнее желание, когда наступит время...

— А как поступишь ты, если останешься жив, Туана?

— Лучше мне не жить, потому что сказать своим нечего. Да, вы пострадали больше от насилия, потеряв бесчисленное множество женщин и детей. Но в воинах мы равны. Пусть без меня решают о будущем. Мое же время скоро истекает.

— Что ж, увидимся на рассвете, вождь.

— Встретимся Хада, чтобы преподать ромеям урок.

В назначенное время бесшумно отворились крепостные ворота. Из них высыпали воины и занялись построением. Абазы, стоявшие в первых рядах, связали друг друга ремнями, предусмотрительно оставив проходы в нескольких местах. Как только закончилось построение, отряд стремительно вышел, надеясь под покровом предутренних сумерек подойти к ромеям. Вскоре они обнаружили себя, в лагере противника затрубил рог, ромеи заняли укрепления и подготовились.

— Сомкнуть ряды, — подал команду Асана. Распорядитель дунул в свисток. Сотни щитов покрыли атакующий отряд. Замедлился их шаг, потому что идущие сзади не видели ничего, кроме спин передних, и если кто-то случайно спотыкался и падал, по всей «черепахе» пробегала волна, раздавался стук и скрежет наезжавших друг на друга щитов — воины получали ушибы иувечья. Из вражеского лагеря раздался ответный гудок, в черепаху полетели стрелы и дротики, абазы опустились на колени. Под мощным ударом не дрогнул первый ряд, хотя именно на него пришелся град дротов. На стенах Дзахара затрубил рог мисимиан, сотни стрел и снарядов полетели во вражеский лагерь, настигая

не успевших укрыться римеев. Безудержно свистели стрелы с обеих сторон. Перемешались возгласы, крики отчаяния. Медленно продвигалась «черепаха» к римской башне, там, на верхнем ярусе суетились воины, передвигая тяжелую метательную машину и направляя ее на атакующий отряд. Римеи опоздали, их машина оказалась бесполезной, слишком близко подошла «черепаха». Другое дело дроты. Пущенные с высоты, они пробивали доспехи и достигали воинов. Очень досадно было погибать так бессмысленно, оставалось лишь надеяться, что иссякнут римские снаряды. Те, что защищали башню, были отрезаны от основных римских сил плотным обстрелом со стороны крепости и наступавшими силами. Иссякли их копья и стрелы, огромные камни, заготовленные для машины, теперь пошли в ход.

Мисимийцы метали в башню горящие стрелы, а они гасли, ударяясь в мокрые деревянные стены. «Черепаха» остановилась, потому как приблизиться больше означало бы гибель от камней, летевших сверху. Несколько раз отряды легко вооруженных мисимийцев выходили из покрытия в поисках входа в башню, но бесполезно – лестниц у них с собой не было. Тогда Асана предложил забросать удобную сторону горящими факелами. Несколько сотен факелов мисимийцы заложили у основания башни, а она и не думала загораться. «Почему не догадались запастись телегами с сухим хворостом?» – ругался Туана.

Римеи не вышли из своих укреплений, мисимийцы без пользы растратили свои силы на штурм башни, так и не сумев нанести ей заметный урон.

Иоанн и не думал атаковать немногочисленный отряд. Как бывалый стратег, он просто выжидал, когда действия противника зайдут в тупик и «черепаха» раскроется, не сумев развернуться в обратную сторону.

– Надо возвращаться, – подумал Хада, но ничего не мог поделать. О том же подумал и Асана, но не в силах был развернуть построение. Все чаще за спинами раздавались недовольные голоса воинов, не понимавших, что происходит впереди.

С замиранием сердца наблюдали защитники Дзахара за бесполезной атакой соплеменников. Жрецы обратили взоры к небу, вымаливая чудесное спасение. Женщины рыдали и выкрикивали проклятия.

– Что делать, юный абаза? – Асана оглянулся на знакомый голос. За его спиной стояли Хада и Туана, притиснувшись к нему сквозь ряды.

– Надо возвращаться, но сумеют ли они развернуться, ведь мы не обсуждали этого маневра? – ответил юноша. – Но и здесь нам долго не выстоять под обстрелом. Пусть воины порядно слаженно развернутся в обратную сторону, начинайте с конца, когда дойдет очередь до нас, мы подадим сигнал, тогда только тронемся. Следите, чтобы не раскрылось покрытие. – Хада и Туана поспешили в разные стороны, чтобы привести задуманное в исполнение. Ромеи издалека наблюдали за маневром. Как только разворот приблизился к середине, Иоанн подал команду обрушиться метательными снарядами на центр. Дрогнула «черепаха» под плотным огнем. Раненые воины падали и оголяли строй. В образовавшуюся брешь летели новые снаряды. «Черепаха», не перестроившись до конца, тронулась назад, распадаясь на части. Кто-то уже бежал, надеясь быстрее укрыться за стенами, чем вернуться в плотное построение.

– Дело погибло, – сорвалось с уст Асана. – Мы пойдем вперед, потому что в бегстве не будет спасения. Абазы, сомкните щиты, копья вперед! – его приказ был выполнен без промедления. – Рожденный женщиной, дважды не умерает! Братья, вперед!

Шестьдесят абазских юнцов, оторвавшись от товарищей, быстрым шагом устремились к лагерю противника. Хада и Туана, распознав их намерения, построили несколько десятков своих и направились следом.

– Рожденный женщиной, дважды не умерает! – поднял голос Хада. Раздался ответный клич.

Асана повел «черепаху» прямо на вражескую линию, надеясь вызвать противника на открытый бой. Прорваться в лагерь не было надежды, дорогу преграждал широкий ров, предусмотрительно вырытый римлянами, а в лагере им противостояло несколько тысяч неутомленных воинов с запасами оружия.

Римляне так и не вышли из лагеря. Абазы, не встретив противника, спустились в ров и огляделись – стало понятно, что перед ними непреодолимый земляной вал. Сверху в них летели камни и бревна, но без особого вреда соскальзывали с щитов. Наконец их догнали мисимийские вожди со своими воинами. Они взобрались на щиты абазов, прошли по верху «черепахи», преодолели вал, отделявший их от передового римского отряда. Основная же часть легковооруженных, тем временем отступавшая, теснилась в воротах крепости. Они бежали и падали, настигаемые вражескими стрелами.

Хада и Туана в первых рядах обрушились на римлян. Обнаженные копья устрашили римлян. Они отошли, чтобы сгруппироваться заново. Тем временем Асана отложил копье и всеми силами врезался щитом в землю, надеясь засыпать ров и открыть дорогу. Абазы сmekнули и последовали примеру командира. Подкопанный грунт обрушивался большими комьями, заполняя дно рва...

Хада и Туана, воодушевленные мнимым бегством противника, углублялись в лагерь римлян, не замечая, что скоро окажутся в ловушке. И само место, казалось, не благоволило прорвавшимся. Узкие проходы, устроенные самой природой, мешали двигаться неповоротливому построению. Они шли, пока впереди была дорога, когда она превратилась в узкую тропу, отряд остановился. Сзади на них насыли римские копейщики, выставившие глубокую фалангу с длинными копьями наперевес. Многократное превосходство обещало им быстрый успех, воодушевленные, они насыли на хвост «черепахи» и, сдавливая ее, прижали к скале в узком месте. Ряды настолько сошлись, что мисимийцы не могли действовать своими копьями. Их гибель была настолько очевидна, что и римляне, не желая рисковать, не торопились. Наконец первые абазы выбрались из рва на поверхность, и как нельзя вовремя, потому что союзники уже упали духом. Абазы протрубыли атаку, смутив планы римлян и обнадежив зажатых мисимийцев. К абазам навстречу вышел другой отряд, возглавляемый лазом-магистром царя Цате. «А вот и наши бывшие союзники», – обронил Асана, указывая на значки

лазского войска. – Заберем их с собой, как можно больше, а ну-ка прижмите. Схлестнулись копьями два отряда, однако с ромейской стороны подтянулся большой отряд метателей дротиков. Непрерывно забрасывая «черепаху» дротиками, ромеи наносили ей значительный урон. Обе «черепахи» беспрерывно обрабатывались дротиками. Лишь небольшое число снарядов противника, попадавших в руки мисимиццев и абазов, летели в обратную сторону.

Мисимицы, воспользовавшись заминкой наседавших ромеев, все же сумели развернуться и двинулись к базам, надеясь соединиться с ними. Каждый их шаг сопрягался с неимоверными усилиями и жертвами. Из последних сил они удерживали покрытие над головами, пока не случилось, что воин из первого ряда раненый упал, и «черепаха» на мгновение раскрылась. В эту брешь полетели сотни дротиков, поражая стоявших рядом. «Черепаха» распалась, мисимицы погибали, не имея возможности и сил противостоять расстрелу. Увидев их участь, Асана поторопил свой отряд им на помощь, отбиваясь от наседавших со всех сторон лазов. Абазы рубили копьями проход, пока не иссякли их силы. Один за другим падали сраженные юноши, ремни, ранее связывавшие их, свисали обрубленными концами. Погибали оба отряда, так и не схлестнувшись с врагом в рукопашном бою.

Зашитники Дзахара с ужасом наблюдали бойню в лагере противника. Те немногие, спасшиеся бегством и достигшие укрытия, не попытались предпринять попытку для спасения товарищев. Силы противных войск были несоизмеримы. Так и не сумев сокрушить ромейский лагерь, погибли лучшие мужи из мисимиан и абазов. Ни один из них не уцелел, погибли все от колотых ранений. Горы трупов заполняли проходы в ромейском лагере. Остававшиеся в крепости защитники потеряли последнюю надежду. Мисимианам оставалось только рассчитывать на милость победителя. По этому поводу они решили созвать совет. Но никто не решался открыть собрание, потому как эта обязанность возлагалась на вождей. Все же после некоторой заминки взял на себя ответственность жрец.

— Мсымаа, — обратился он к соплеменникам. — Жрецам не присуще открывать военный совет, но, оглядевшись, вижу, что придется нарушить азас¹. И причина тому, что не осталось выдающихся мужей народа нашего, они осознанно ушли, возложив на нас непосильную ношу. Нам остается только позавидовать их участи, потому как они не свернули с избранного пути, остались верны своей чести и совести. Нам же поручили исправить дело, окончательно испорченное.

Перед последним боем Хада дал мне поручение, о котором всем услышать настало время. Он завещал избрать из народа лучших ораторов и поручить им непростую миссию — договориться о мире с римлянами. Прежде, чем сообщить второе, правильно будет закончить с первым. Призываю выйти риторов, способных речами котел воды вскипятить, по одному представителю от кланов.

Из массы мисимийцев выделились двое статных мужей и подошли к жрецу.

— Почему вас только двое? — вопрошал жрец.

— Видишь ли, — ответил один из них, — третий — достойный быть переговорщиком даже более нашего, не находится в крепости. Его зовут Хыбза, отправь к нему гонцов, пусть присоединиться к нам.

— В таком случае, привезите его, как можно скорее. — Двое молодых людей выехали из крепости, а мисимийцы возбужденные заспорили.

— Почему в ваших рядах наметился разлад? — недоумевал жрец.

Люди поутихли, но никто не решался говорить.

— Я буду держать ответ, — сказал оратор, предложивший разыскать Хыбзу. — Этот человек, которому надлежит предстать перед ромеями, единственный, способный по-совести вести речь. Наше слово перед победителями не будет иметь равной силы, потому что мы все соучастники дел, погубивших положение народа нашего. Он же противился стоять рядом с нами, когда обуреваемые страстью, безрассудные мы хвалились убийством Соттериха и его людей. Еще более он

¹ Обычай, правило (абх.).

возмутился, когда узнал, что мы захватили казну префекта. Предупреждал, что вопросы чести неподобает смешивать с обычным грабежом. Он предостерегал нас от поспешных действий, предвидя несоразмерные последствия. Когда же случилось, что римляне прислали к нам апсилийских мужей, и мы совершили убийство послов, обвиняя их в преступлениях римлян, Хыбза облачился в траурные одежды и покинул нас, посчитав себя оскорблённым. До нас дошли слухи, что в Апсилии постановили: умерли их братья мисимицы, один Хыбза оплакивает участь сородичей.

Полагаю, что правдивое слово, даже горькое и тяжелое скорее дойдет до слуха победителей, а личный подвиг оратора окажется более надежной нитью к спасению.

— Вы полагаете прибегнуть к помощи мужа, который оплакал нас живыми? — поднял голос жрец.

— Да, — последовал твердый ответ, — прежде всего потому, что Хыбза испробовал все способы, чтобы образумить нас и удержать от погибели. Им движут не гордыня и корысть, а лишь благомыслие и любовь к соплеменникам. Его поступок никто не посчитал за трусость или измену. Он не скрыл перед могущественным мнением свою печаль и гнев, а поступил, как полагается выдающемуся мужу. И теперь, нам надо надеяться, что он сжалится над нами растерзанными и будет участвовать в переговорах.

Жрец склонил голову и задумался. В толпе продолжились пересуды, чуть поодаль стояли женщины в трауре и приглушенно всхлипывали.

— Покуда гонцы в пути, не затягивая дела, которое поручил мне Хада, я продолжу слово.

Народ утих и прислушался.

— Мысмаа, не буду говорить об очевидных вещах, о телах воинов, по земле разбросанных, о тысячах ромеев, противостоящих нам малочисленным. Подумаем о том, как вернуть благорасположение римлян в той мере, насколько это допустимо в нынешнем положении. Боевой маневр, предпринятый нами по совету абазов, не достиг своей цели. Они все лежат там поверженные. Но и ромеи получили большой урон. Уж никак не ожидали они, что пятьсот му-

жей противопоставят себя многочисленному их воинству, да еще и в укрепленном лагере. Не потому ли они так долго бездействуют, что до сих пор в замешательстве и страхе пребывают? Мы наблюдаем, как ромейский отряд собирает трупы своих воинов по всему лагерю. Доносятся стенания раненых, убитых ромеи оплакивают. И хотя наших мужей погибло больше, все же ромеи смущены и пребывают в смятении. Заметьте, что наши воины не ограблены, хотя по законам войны, это не считается предосудительным. Даже застывшие со смертной печатью, они внушают врагу страх и уважение. И если бы силы наши были бы равны, нет сомнения, что римляне не смогли бы принудить мисимийцев к своим условиям.

Еще одно: вы не думаете, что они поражены удивлением, потому что с нашей стороны не летят снаряды в их сторону? Мы, как и подобает рыцарям, не мешаем им собрать трупы и попрощаться с боевыми товарищами. Полагаю, что, не дожидаясь Хыбза, некоторые из нас отправятся к Иоанну выпросить тела соплеменников, чтобы предать их земле с почестями.

Я готов идти немедля, те, кто со мной – сложите оружие.

– Жрец выступил вперед, за ним последовали двое ораторов. На крепостной стене затрубил рог. Римляне обернулись и увидели белое полотно над дозорной башней Дзахара. Трое мужей медленно шли в сторону римского лагеря. Они подсчитывали тела сородичей, пока не сбились со счета вблизи ворот лагеря. К ним навстречу вышел ромейский военачальник.

– Что привело непокорных мисимийцев к нашему лагерю? – заносчиво спросил он.

– Страшная нужда принудила нас прийти к тебе, римский военачальник, – отвечал оратор.

– В чем испытали вы нужду, что требуете удовлетворения у ненавистного противника?

– Дело войны не бывает одинаково успешным во все времена, и на этот раз мы нуждаемся в великодушии победителя. Мы пришли за телами воинов, во множестве разбросанных на месте сражения. Мы пришли, уверенные, что

римляне не воюют с мертвymi, а всегда стремятся выказать благородное отношение к воинской доблести. И эти несчастные, своей смертью искупившие вину перед вами, не могут быть еще более наказаны. Их тела полагается земле предать, как и заведено в обычаях и наших, и ваших.

Мы полагаем, что подобное великодушие будет высоко оценено мисимийцами, поспособствует заключению условий вечного мира между нашими народами.

— В ваших устах благоразумные речи звучат более, чем диковинно. Совсем недавно вы неистово противопоставляли себя римскому владычеству, лишь теперь, получив наказание по мере деяний своих, вы вспоминаете о схожести обычаев. Отправляйтесь обратно, я доложу начальнику войска о вашей просьбе. Тогда и узнаете о нашем решении.

Послы повернули назад, обнаженные ответом.

Мисимийцы наблюдали за своими посланниками. Некоторые из них истолковали поспешное возвращение послов за отказ со стороны римеев. Смятение вкралось в их души. Женщины толпами ходили по улицам крепости, голося и вырывая кольца из расщепленных волос.

Наступившая ночь не принесла спокойствия. Еще громче разносились по округе стенания плакальщиц, растерянные мужчины собирались группами и часами простаивали в ожидании новых сведений.

Уже затемно вернулись в Дзахару гонцы вместе с Хыбза. Народ, всю ночь простоявший на улицах, безмолвно расступался перед ним, а он, словно в горячке, блуждал взглядом по лицам сородичей, и отчаялся.

— Хыбза, мы нуждаемся в тебе, — говорили суровые голоса и взгляды людей, болью и печалью переполненные.

— О, несчастный мой народ! — Схватил голову руками и упал на колени отшельник. Он лежал на земле и содрогался в приглушенных рыданиях.

— Поднимись, почтенный, — попросил жрец, подошедший на голоса. Он взял его за локоть и приподнял с земли. — Разве следует так отчаяваться, когда ждем от тебя большего.

— Жрец отвел гостя в сторону. — Хыбза, о тебе много говорят, готов ли участвовать в переговорах с ромеями?

Ответчик напрягся. Он и не скрывал душевную боль, отражавшуюся на его лице.

– Я – ничтожный и отвергнутый соплеменниками? Что смогу выторговать у чужаков?

– Не все так. Ты предпочел уединиться, уйти от людей, никто не обрекал тебя на изгнание. Те, кто отвергли твои суждения, теперь в тебе нуждаются, судьба переменчива, не будь поспешен с решением.

– Не будь смешен, Хыбза, – сам себе ответил отшельник.

– Вы полагаете, что римляне будут слушать того, кого не признавал собственный народ?

– В большей мере, потому что тобой движет неведомая сила. Искренни жесты и суждения твои, твоя поступь тверда, словно ты есть царь, хоть и оборван. Расплавь их мечи, Хыбза. И останешься в благодарной памяти народной.

– К чему мне ложь? Не могу я унижаться перед насильниками.

– Будь злобен и дерзок, будь правдив. Мы не ждем от тебя лести, лишь верное слово. Помоги забрать тела сородичей и предать земле с почестями...

– На это я сгожусь. Пойду к ромеям на рассвете.

– С тобой пойдут Гуаза и Рыма.

– Годится.

– Пройдем в жилище, тебе надо отдохнуть и подкрепиться.

– Сейчас не время, где мои спутники?

Жрец подозвал других ораторов и свел их вместе.

– Если не вернусь – наше дело пропало, – обронил Хыбза, выходя за крепостные ворота. Дальше послы шли молча, не оглядываясь. Уже у самого лагеря их остановил ромейский наряд. Их приняли за лазутчиков и чуть не перебили, пока не распознали в них парламентеров.

– Ведите к Иоанну, – непререкаемым голосом потребовал Хыбза. – Караульные колебались, перед ними стоял варвар в оборванных одеждах и указывал, что им делать.

– В яму их, – предложил начальник караула.

– Пусть и в яму, только, оповестите начальника. Сообщите, что Хыбза с товарищами хотят видеться с ним.

«В такое время начальство отдыхает», – переговаривались караульные и не решались что-либо предпринять.

– Чего же медлите, да не спит он вовсе и будет рад новости. – Ромеи переглянулись и подчинились. Небольшая группа при свете факелов продвигалась по лагерю вглубь, к палатке командующего. Конвоиры украдкой разглядывали мужчину в оборванных одеждах и проникались к нему особым чувством, то ли сострадания, то ли боязни илиуважения.

– Что стало с телами мисимийцев? – прервал молчание вопрос.

– Что с ними будет? Рожденному женщиной – дважды не умереть? – усмехнулся конвоир.

– Что с их телами? – переспросил Хыбза.

– Лежат в стороне, – римлянин указал на темное пятно, проглядывавшееся у дороги. – Хоть и зима, скоро начнут зловонить.

– Если души убитых не обретут покой, несдобровать живым. Тяжелая болезнь придет на землю и скосит всех; от млада до стара.

– Тебе откуда это знать, варвар?

– Наши предки..., – промолвил Хыбза и остановился.

– Ну и..? – удивился ромей.

– Наши предки завещали обходитьсь достойно с убитыми. Те, кто нарушали завещанный закон, пробуждали древнее заклятие и мучительно умирали по разным причинам. Однажды еще подростком я наблюдал, как могут мстить души убиенных.

– Оставь свои страшилки, варвар. Мы не верим в заговоры, мы рабы Христа, а не предрассудков. – Хыбза оставил реплику без ответа. Какое-то тягостное чувство напало на ромеев. Броде все и так ясно, как божий день, но, тем не менее, тревога закралась в сердца конвоиров.

– Стой, кто идет, – раздался громоподобный голос. Конвоируемые и конвоиры остановились. – Кто такие, куда следуете, держите ответ? – Группу окружила охрана префекта.

– Вот, задержали троих варваров, ведем к командиру, говорит, что Иоанну понравится новость, которую он принес.

– Что за новость? – обратился охранник к послам.

– Не положено послам говорить с каждым, нам следует увидеться с начальником, – спокойно ответил Хыбза.

– Все в моей власти, – пригрозил ромей. – Могу заточить в яму, могу казнить, или проводить к начальнику. Тебе надлежит быть любезней.

– Ни лгать, ни лебезить не умею, а смерти только порадуюсь, веди к начальнику, а то получишь небесное порицание, и не медли...

– Что за шум, что за дела? – где-то за спинами раздался властный голос. Это был сам Иоанн, услыхавший пререкания у шатра.

– Благодари Бога, твоя взяла, – прошипел ромей и громко ответил на властный голос: – Начальник, тут трое варваров к тебе просятся, да не разговорчивы особо. Говорят, новости какие-то знают.

– Проведи, погляжу на них, – последовал ответ.

Ораторов провели в палатку к Иоанну. Он предложил им кратко изъясниться.

– Наше дело требует спешки. Осталось мало времени, чтобы уладить важное дело. Меня зовут Хыбза – я посланник народа Мисиминии.

– Худы дела у твоего народа, раз отправили такого посланника, – усмехнулся Иоанн, высокомерно оглядев оборванца. – Ну ладно, говори, коль спешишь.

– Когда-то в молодости я стал очевидцем убийства нескольких чужаков. Их тела мои соплеменники сбросили в глубокий труднодоступный обрыв, что и не сыскать. Дня через три на селение напала странная болезнь, молниеносно распространившаяся от участников убийства на всех поселенцев. По смерти нескольких мужей, бесчинно обошедшись с трупами, старейшины отправили гонцов в соседнее селение к правидцу. Они привезли такой ответ: «Вы нарушили завещание предков – души убитых неудовлетворенные чинят над вами свой суд. Вам надлежит разыскать их тела и предать земле, согласно обычаю». С тех пор на нашей земле всесильно это заклятие. Душа воина не обретет покой, пока тело его не будет по-обычаю земле предано.

— Что же тебе тревожиться, если на римское войско падет кара небесная? — подозрительно пригляделся к оратору Иоанн.

— Просвещенный римлянин, тебе ли не знать, что страшные недуги не различают ни врагов, ни друзей, нам всем не уберечься. И без того наказаны мисимийцы сполна и даже более. Убиты тысячи безвинных женщин и детей, юношей и девушек. Зачем нам свобода, если некому хоронить и оплакивать мертвых. Если некому жениться и некому рожать. Возьми мое тело, рубищем прикрытое, если больше чести станет римскому оружию. Не осталось в моей стране никого, кого белый свет надеждой радует, каждый из нас готов на смертное ложе возлечь. Но не теперь, потому как не примут нас души родичей неудовлетворенные. Отдай нам тела, а затем поступай, как знаешь. Ежели по-прежнему видешь в поверженных мисимийцах врагов римлянам, и теперь неудовлетворен содеянным наказанием, иди дальше, не медли, потому что мало времени тебе отпущено. Уже сходятся в Иверии под знамена персидские воины, просыпавшие, что опустела от войск Лазика. Не будет тебе славы за поверженную Мисимию, когда там дела худо сложатся.

— Оратор, горячи твои речи, но неубедительны. Да, наказаны мисимийцы за содеянные преступления, но ведь не вожди мисимийские стоят и просят милости? Не слышу дельного слова, одна мистика и предсказания. Раз уж считают тебя правидцем, отчего не удержал мисимийцев от действий преступных?

— И выдающихся мужей губит самонадеянность, что и случилось с вождями нашими. Полегли в битве Хада и Туана, нестерпевшие обиды от Соттериха, нет в живых и других предводителей и их соучастников, опутела страна многострадальная. Осталось в прошлом время глухой гордыни, теперь пришло время отверженных. Запревшее рубище, что на мне, хоть и вызывает отвращение, нынешнему положению дел поболее соответствует.

Иоанн слушал оратора и все больше расстраивался. Он надеялся посмеяться в лицо и унизить горделивых вождей мисимийских, а тут оборванец, дурно пахнущий, предсказа-

ниями страшными запугивает. То ли играет, то ли пророчествует. Он скрытно заглядывал в глаза оратору и укреплялся во мнении, что слова его бесхитростны.

— Было бы в тебе побольше здравомыслия, варвар, пришел бы с ключами от крепости и просил бы моей милости. Да, видимо, нет среди вас благоразумных, раз попугать решил победителей.

— Все не так, видный римлянин, — отвечал Хыбза. — Поэтому что свободные люди мы, хоть и проигравшие многочисленному воинству. Кому на белом свете не ведомо, что судьба бывает переменчива. Я лишь напомню тебе, как бывает часто, что победа не радует. Мой народ готов сложить оружие не потому, что духом слаб или напуган смертью. Нас страшит, что тела наши останутся земле не преданными, что погибнет весь народ до последнего. Ты знаешь не хуже моего, как бесстрашно мисимийцы сражаются, когда видят цель благородную. И тебе римский воин это чувство ведомо, не бывает войны задуманной ради убийства бесчестного. Ради чего пришел к нам с войском, что привело тебя? В пылу сражений обе стороны потеряли цель, изначально поставленную. Не пришли же вы — просвещенные римляне, чтобы уничтожить народ мисимиан, и мисимийский народ не держит в сердце ненависти против римлян, бывших ранее нам надежными союзниками. До тех пор, как пришел заносчивый префект и нанес оскорбление вождям и народу, не было в совместных действиях наших ни разлада, ни тени предательства. Волею Бога устраниены препятствия, нет мужей, ставших причиной противостояния. И теперь претензии римлян могут быть устранимы без ненужных лишений и военных опасностей.

— Готовы ли впредь мисимийцы по-чести служить римлянам? — задал вопрос Иоанн.

— Готовы, — отвечал Хыбза.

— Готовы ли мисимийцы вернуть похищенные деньги, двадцать тысяч девятьсот добротных золотых монет?

— Да, — последовал ответ.

— Тебе надлежит выдать нашей стороне заложников из числа семейств вождей мисимийских, противопоставившихся нашему могуществу.

– И это вполне выполнимое требование, если еще остались в их семьях наследники.

– Что попросишь взамен? – Видно было, что Иоанн с радостью принял ответы Хыбза.

– Только по праву нам принадлежащее. Это тела наших воинов, земли, прежними правителями за нами закрепленные, разрешение жить, согласно заведенными нами обычаям, заботиться о делах своих внутренних.

– Согласен! – Иоанн охотно внял просьбам ораторов, предпочитая, как можно быстрее покинуть холодные и опасные места, не испытывая далее свою судьбу в чужой неприветливой стороне. Он поднялся с ложа, намереваясь проводить ораторов.

– Отправляйтесь и выполните наши требования, затем познаете и добрую волю нашей власти. – Федор, Максентий, – окликнул он своих, – проводите послов за пределы лагеря.

Весть о капитуляции мисимийцев была разнесена римскими глашатаями по всем подвластным землям в самых радужных описаниях, подчеркивающих блестящий триумф. Однако правда слагалась из более простых вещей.

Мисимийцы, потерявшие в кампании несколько тысяч воинов и мирных жителей, упали духом, признав потери несоотносимыми с их положением. Но если бы персы сдержали слово, и хотя бы незначительный их отряд защищал Мисиминию, все могло быть по другому.

Иоанн принял послов мисимийских, и великодушно выслушал их речи, полагая важным заключить мир, как можно скорее. Основные силы римеев были стянуты здесь, приближалась весна – время новых персидских кампаний. И кто знает, что стало бы с римскими позициями в Лазике, если бы персы снялись с зимних квартир и выступили своевременно. Все это хорошо понимали римские стратеги, потому и спешили.

Иоанн забрал с собой заложников и казну Сотериха. Получив удовлетворение своим требованиям, он обещал не вмешиваться во внутренние дела мисимиан, и поспешил покинуть мерзлые горные склоны, полные опасности и лишений. Иоанн повел свое потрепаное войско назад в Лазику.

Мисимийцы в глубокой скорби собирали тела погибших и устраивали по ним многодневные панихиды. Тела абазов, в память об их подвиге, были с почетом схоронены на живописной поляне.

Вождей Хада и Туана провожали с особыми почестями, не вспоминая о бедствиях, случившихся с их участием.

ДОРОГА К ПРОЗРЕНИЮ

П о возвращению с похорон Псху дадала, Апсит вернулся к служебным обязанностям. Он не выглядел ни печальным, ни радостным, цвет лица не говорил о пережитых болезнях, но и не являл признаки цветущего здоровья. Приближавшаяся зима требовала дополнительных усилий. Апсит следил, как укреплялись амбары и подвозились в крепость дрова. В неделю раз он посещал Анухских жителей – справлялся об их дела. Он находил особое упоение наблюдать за большими патриархальными семьями, дружно трудившимися под умелым руководством старшего.

В ожидании холодов абазы обкладывают плетеные стены своих жилищ снопами соломы, часть снопов отправляется на ремонт кровель, излишки складываются на ветвях деревьев в конусообразные скирды, обнадеживая домашних животных перезимовать сытыми.

Апсит заглядывался, как запозднившиеся хозяева, передавая друг другу снопы, умело работали. Расходился аромат соломы, за изгородью собирались коровы, громким мычанием вызывая на свидание телят. С глубоким выдохом из их ноздрей выкуривались струйки пара, а с языка свисали слюни, то срываясь от тяжести, то подтягиваясь к нижней губе. Скотина возбужденно заглядывалась на работавших в поле и мотала головой, не желая довольствоваться одним запахом, подбирала слюни и облизывала носы шершавым языком. Волнение коров передавалось телятам, которые, просунув морды в щели изгороди, тянулись к материнским мордам, обросшим густой шерстью, утыканной сотнями ершистых липучек и колючек.

Сцены из обычной крестьянской жизни завораживали Апсита. Забыв о своем предназначении, он мог часами их на-

блудать и поддаваться сладким мечтаниям. Ему хотелось чудом вернуть большую дружную семью, возврить дедовскую усадьбу, поставить хижину, похожую на другие. Разжечь очаг и надеяться, что он никогда не потухнет. «Умцаху ыцвааит»¹, — проклинали базы ненавистника. И вот теперь он один из проклятых, чей очаг погас... Но теплится надежда, что все вернется на круги своя. «Как только установится весна, выпрошу разрешение и поплыту к Марину в Константинополь: он должен признать своего отца». Приняв окончательное решение, Апсит принял считать дни и недели, словно заключенный. Это занятие казалось ему важнее других. Часами он сидел у очага с закрытыми глазами и мысленно разговаривал со своим чадом. «Сынок, теперь ты большой, ты наверное ползаешь на пузе, или ступаешь на ножки, пошатываясь, лепечешь полные глубокого смысла звуки, а вокруг няньки и дядьки. Они не сводят с тебя глаз, по вечерам подводят к деду, он сажает тебя на колени и забавляется твоими восторженными возгласами. Его супруга с улыбкой наблюдает эти сцены и украдкой глотает слезы, чтобы не огорчить тебя. Как потеплеет, я переплыту море и войду в твой временный дом. Домочадцы выбегут навстречу, поприветствовать твоего отца. Кто-то не сдержит слезу и отвернется, Феофан крепко обнимет меня и проведет в детскую. Я буду сдержан у всех на виду. Твой дед великодушен, он не держит на меня зла, но ведь я же знаю, что повинен в ее смерти. Меня никто не упрекнет, только сам себе я ненавистен, потому что женился, пренебрегая трудностями, которые ждали нас здесь...

Это все проклятая болезнь. Хоть и спасла ее Гуагуа, и на ноги поставила, да, видимо, что-то пошло не так. Болезнь притихла, скрытно отравляя органы. И потом, она так просила, чтобы я не оставлял ее одну. Но ведь откуда было знать, как лучше? Нет, сынок, не могу я показываться им на глаза, мое желание свидания с тобой колеблется, когда я вспоминаю бедную Марии. Ее счастье было таким недолгим. И я тому главная причина. Может судьбой мне выпало принесить несчастье другим? И к чему тогда наше свидание? Вдруг

¹ Очаг твой чтоб погас (абх.)

ты потеряешь спокойствие, сон и аппетит. Так и будет, если ты на самом деле похож на свою мать». В сомнениях Апсит заходил в тупик, его голова гудела... невольно прерывал размышления и отлучался по делам.

Если кто-то в селении впадал в нужду, то смело мог рассчитывать на помощь гарнизонного начальника. Он и сам поможет и сельчан пристыдит, если кто не придет на выручку. Не было тревожных вестей из остальной Абазии. Народ обнадеженный, словно застыл в ожидании. Реже приходилось Апситу разбирать споры анухцев, потому как абазы и поселенцы научились ладить, а если чужой скот случаем не туда забрел, так то не повод для тяжбы. Заботы о других приносили ему душевное просветление. В такие минуты он чаще вспоминал вдову Сатен, ее голос и взгляды, переживая заново недавние впечатления от короткой встречи с ней.

Как-то незаметно прошло Рождество. Ромеи веселились и много пили, абазы заражались их настроением. И вроде бы нынешнее зимовье не отличалось от прежних, только сердце начальника не покидала тревога. Много месяцев не приходила оказия из Константинополя, не было ни писем, ни новостей. В ромейские гарнизоны Абазии нерадивые чиновники доставляли военную сводку с большим опозданием. Еще месяц назад, представ перед комитом с отчетом, он узнал, что римские войска собраны в Апсилии для покорения отпавших мисимийцев. Но не более. Он старался верить, что зимняя кампания ромеев провалится из-за трудностей переходов, или мисимийцы, устрашенные мощью противника, благоразумно склонятся к переговорам.

Через несколько дней Апсит вновь отправился в Себастополис. По-особому приветливо его приняли в гарнизоне. Евстафий охотно говорил и шутил, священник Петр казался здоровее обычного, защитники крепости собирались большими группами и оживленно что-то обсуждали.

– Проходи Пантелеймон, есть разговор, – Евстафий встретил подчиненного стоя и проводил в кабинет. Апсита удивила такая обходительность, не принятая в ромейских частях.

Евстафий, самодовольно потирая руки, сообщал:

– Кампания в Мисиминии закончилась полным разгромом предателей. Варвары понесли тяжкое наказание и, наконец, обрели благоразумие, признавая себя вечными рабами Рима.

– Когда? Как это случилось? – только и выдавил из себя Апсит.

– Подробности узнаем позже, лучше из уст ветеранов, а вчера прибыл римский трибун и зачитал донесение за подпись командующего Мартина, сына Германа. Вот оно, – Евстафий показал на пергамент, лежавший на столе.

– Можно взглянуть? – едва вышел из оцепенения Апсит.

– Тебе следует разнести это сообщение в западные земли, подвластные Риму, чтобы ни один из варварских народов впредь не думал об отпадении.

Апсит подтянул пергамент и принялся за чтение:

«Всем народам, подвластным Римскому владычеству!

Разбиты мисимийцы, испокон веков подданные Рима и царя Колхов, западнее земель Колхида проживающие, с востока соседи апсиллийцам, а с севера в высоких горах с аланами граничащие. Промыслом Божиим приведены их дела в полное расстройство. Ранее, переполненные безумной дерзостью, от римлян в сторону персов отпавшие, теперь сверх меры наказанные, вернулись к благоразумию и признали себя Рима рабами вечными. Ни благоразумные речи, ни прочие лишения и опасности не могли заставить их образумиться. Только испытав всю мощь римского оружия, уничтоженные и униженные, они согласились жить в союзе с господами своими, исправно служить, как и прежде, Риму всемогущему. Их преступные деяния и кара последовавшая, станет назидательным примером всем, кто вынашивает тайно противопоставление римлянам!

Вернулось римское войско целым, под руководством стратега Иоанна, отягощенное казной и многими богатствами в свои лагеря в Колхиде, еще одним блестящим триумфом прославившиеся.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Во имя Святой Церкви и веры Христовой! Аминь!»

— Ничего из этого неясно, — упавшим голосом произнес Апсит.

— Основные сведения дополняются слухами, однако нам полагается лишь на донесения основываться. Если хочешь разузнать больше, поговори там, на площади. Этот же текст тебе надлежит выучить, чтобы отправить гонцов с извещением на запад.

— Хорошо, командир, будет выполнено, — ответил Апсит и отпросился на улицу. Там царствовал хлесткий промерзший ветер, да и небо сливалось с горизонтом чернотой. Морские волны, начинавшие свой разбег в далеких просторах, с ревом обрушивались на берег, покрывая гальку мутной водой, пенившейся на камнях, после поспешного отступления волны. Выдвинутый в море на деревянных столбах морской причал то скрывался от взгляда, то непривычно обнажался и вздрагивал. Огромные кучи камней, извергнутые из пучины, обломанные и обтесанные, превращались в сыпучий вал. Волны, то разрушали его, отбрасывая дальше вглубь, то сооружали заново. «Ничто не сравнится с тобой ни в силе, ни в могуществе, о Матерь Природа! И во гневе ты прекрасная: одно разрушаешь, дабы легло в основание другого». Апсит ходил растерянный с непокрытой головой, глазами разыскивая священника. «Что делать ему на дворе в такую погоду?» — наконец сообразил он и пошел в гарнизонную церковь.

— Благочестивый Пантелеймон, — раздался протяжный голос, когда ступил он за порог. — Подойди, обними старика, храни тебя Господи, осчастливили.

Апсит быстро подошел и замялся, отыскивая ладонь священника.

— Нет же, обними меня, трижды, как равный, — велел старик.

Апсит уступил просьбе.

— Ты не разговорчив, растерян и бледен лицом, пойдем со мной, похоже, давно не исповедался?! — почувствовал неладное священник.

— Святой отец, благослови и исповедуй, наставь на путь истинный.

– Ну, ну сынок, не жди с моей стороны отказа, пойдем, присядем. – Отец Петр увлек за собой гостя.

– Святой отец, давно не ходил к Богу, словно отшептали, ноги не идут, голова не велит, сердце молчит, а в глубине души мучат сомнения.

– То от лукавого, сынок. И тяжесть на сердце тоже от него. Откройся не таясь, отворятся и «потайные двери».

– Все не так, как мечтал увидеть. По-другому жизнь складывается, словно забыл Господь о моем существовании, действия мои принимать отказывается. От того я холдею, нет во мне прежней ревности христианской, ушло и послушание.

– Озлобился ты сынок на судьбу свою, горюешь о жене и сыне малолетнем, о своем будущем тревожишься. А ведь пути Господни не всегда просты и умом познаваемы. Ослабла вера, от того и душевные страдания мучают.

– Все так, только не нахожу я покоя, когда столько неправедного повсюду: одни убивают других и перед Богом похваляются, другие отбирают последнее и снова клянутся Его именем. И не такое между людьми еще будет, если всему Он попустительствует.

– Не веруют и не знают те люди Бога. Лишь за блага земные они беспокоятся, ставя их выше души спасения. Сила власти могущественная мешает неокрепшим стать истинными христианами, жить ради веры и близости к Богу. Только ты не вставай на путь осуждения, у всякого свой путь к Нему. Чаще бывает, что испив чашу земных радостей в крепком теле, они обращаются к Господу, став немощными. И случается, что горько сетуют, бранят Господа за то, что глух к их молитвам. Ропщут слепцы, вместо положенной благодарности за то, как и что Он устраивает.

– Огрубело мое сердце отец Петр, все, что говоришь, умом понимаю, да сердцем не чувствую.

– Не правда, Пантелеймон. Не говорил бы таких речей, если бы не осталось чистого места в твоем сердце. А боль исходит от безответности на твои искренние побуждения. Не ищи благодарности, не ищи почитания ответного, не суди других, не скорби за пустое. Служи, словно раб, не дожидаясь господней милости.

— Как же радоваться мне, если дорогие сердцу люди умирают, если жду с тревогой дурные вести о смерти или болезни.

— И так бывает в жизни, что тяжелую ношу тянемь и конца не видешь. Так не вручил бы тебе Господь крест, непомерный по тяжести. Не смотри в стороны, не заглядывайся чужим счастьем. Не ропщи, неси свой крест и наступит просветление. Не бывает так, чтобы на одного мужа только горе было взвалено. Загляни в себя, задумайся, нет ли малого огонька любви и надежды, согревающего и дающего силы.

— Есть, святой отец, это надежда на свидание с сыном, — Апсит запнулся, но продолжил, — и с одной женщиной, но они далеко от меня.

— Расстояние — лишь временное препятствие, — отец Петр удовлетворительно улыбнулся. — Ты молод и полон сил, наделен достаточной властью. Поступай, согласно велению сердца. Разыщи их, открайся, твоя нерешительность может стать причиной несчастья других людей. Обрети спокойствие и опору, наш Бог милостив, он оставляет каждому надежду. Может, тогда ты вновь укрепишься в вере?! Лишь этот источник благодати никогда не скучеет.

— Спаси тебя Господь, отец Петр. Я много сомневался, похоже, что ослеп от горя.

— Благослови Господь Бог раба грешного Пантелеимона, — пробормотал священник и осенил Апсита крестом.

Молодой мужчина вышел из церкви просветленный. Во дворе его дожидались спутники, прибывшие с ним из Анакопы.

— Какие новости? — спросил Апсит, разглядывая их бледные растерянные лица.

— У нас ничего хорошего, мыдзаа покорились ромеям, заплатив большую цену.

— Золото принадлежало ромеям, жалко погибших, больно за некогда цветущий край, наверно, все разорено.

— Настолько, что хоронить убитых рук не хватает.

— Трагичный конец, зародившийся в начале. Мы познали раньше страшный урок, царство небесное всем мертвым, а живым — надежду на возрождение.

— Говорят, что с ними были наши, остались после ухода персов-предателей.

– Кто там мог быть?

– Вроде, отряд из заложников, увезенных Набедой из Абазии пять лет назад.

Апсит побледнел и пошатнулся.

– Не томите, что с ними стало?

– Погибли, все до единого. Так языки донесли.

– Там мой брат, там наши братья! Так никого не пощадила злая судьба?

– Говорят, никто не уцелел.

– Э-э-э! – заскрежетал зубами Апсит и схватился за голову, – будь она проклята...

Остаток дня и ночь абазы, убитые горем, провели в Себастополисе, не глядя друг на друга, отказавшись от пищи и сна. В крепости раздавались звуки веселья, ромеи праздновали победу, а абазы сгорали, не осмеливаясь показывать свое горе чужакам.

На рассвете к крепости подошли трое странников, уставшие, холодные и голодные, в промокших одеждах и со сбитыми в кровь босыми ногами. Караван впустил в крепость безоружных мужей, отправив сообщение комиту. Они стояли без движения, с глубокой печалью на лицах, открытых лютой непогоде, пока каравульный возвращался с ответом.

– Комит Евтафий ждет вас, – сообщил посыльный. Лица путников слегка просветлели, они пошли за проводником. У самых дверей низенькой хижины странники замялись и огляделись по сторонам. Младший из них, с густой проседью в бороде что-то сказал на своем, другие двое кивнули и подошли к струе дождевой воды, стекавшей с крыши. Первый набрал в кожаные меха воды и обмыл голые ноги путников. Только затем они прошли в жилище, оставляя на глиняном полу следы от мокрых ступней.

– Кто вы такие, зачем пришли? – удивился Евстафий, оглядывая посетителей.

– Я иду туда, – на плохом греческом ответил все тот же младший. – И я иду туда, – он показал пальцем на своих спутников.

— Вы понимаете по-нашему? — негодующе воскликнул Евстафий.

— Я понимает, — последовал ответ.

— Что мне с вами делать, варвары, откуда вы только взялись?

— Командующий, — вкрадчивым голосом обратился провожатый, они похожи на абазгов, может позвать Пантелеймона?

— Пойди, позови. — Евстафий морщился и отворачивался, боясь, что эти люди пришли с какой-то просьбой, уж очень несчастными и потрепанными выглядели они.

Караульный быстро вернулся с Апситом.

— А ну, погляди на этих варваров, толком не говорят по-нашему. Кто такие, чего хотят? Переведи-ка, — быстро заговорил Евстафий.

— Кто вы и откуда? Что вас сюда привело? — по-абазски заговорил Апсит.

— Мы посланники мсымаа, — отвечал старший в группе, просветлевший в лице. — Уже трое суток в пути, идем скрытно, чтобы не повстречаться с апсиллийцами, с недавних пор врагами нашими.

— Вы договорились с римлянами, а с братьями медлите, — удивился Апсит.

— Юноша, кровь на их стороне, неудовлетворенная, и правда тоже...

— Комит, им нужна еда и одежда, они три дня в пути, идут из Мисиминии.

— Куда идут, зачем идут, может они враги?

— Зачем же врагам идти в римскую крепость? — усомнился Апсит.

— Мдзымаа, куда путь держите, с какой целью идете?

— Отправляемся в Абазию, к братьям нашим с посланием от народа. Только здесь не бывали мы ранее, зашли перехватить, о коротком пути справиться.

— Я — Апсит, родом из Анухи, начальник ромейских войск в Анакопе, можете держать слово предо мной.

Ответчики нерешительно переглянулись — они не спешили признавать в ромейском воине абаза, полагая, что возможен подлог.

– Юноша, может и так, но нам полагается говорить с абазскими вождями, проводи к ним, отблагодарим по чести.

– Я выполню вашу просьбу с большим старанием, если буду знать причину похода.

– Ладно, мы идем, чтобы передать благодарность народа нашего абазским вождям.

– Что этот варвар так длинно говорит? – возмутился Евстафий. Мисимийцы обожгли его злобным взглядом.

– Комит, эти люди – послы мисимийцев, идут в Абазгию, чтобы попросить прощение у вождей за недавние события в их стороне, могшие повлечь напряжение в отношениях с римлянами. Они идут, чтобы успокоить абазгов и советовать им держаться римского владычества, как самого надежного и выгодного во всех смыслах.

– Неужели? – удивился Евстафий. – Кто их надоумил, зачем им это понадобилось?

– Говорят, что это решение народа.

– Так народ решил, – на ломаном греческом подтвердил один из посланников.

– Ну и правила у этих варваров, можно подумать, их слово что-то значит, – недоумевал Евстафий. – Что с ними делать, Пантелеимон?

– Для начала надо накормить и обогреть, если они не переменят своего решения, я мог бы проводить их до Анакопы.

– Хорошо, только выведай у них все подробности, чтобы не провели нас, не доверяю я им, и тебе не советую.

– Я все разузнаю и доложу, начальник.

Апсит забрал послов и окружил их заботой. Их накормили и обогрели, пообещали проводить до Анухи. Апсит пока не решался узнавать подробности их миссии, да и послы казались неприступными. Они не подавали виду, но смущались, когда абазы называли Апсита вождем. Сославшись на усталость, путники легли на тюфяки, но еще долго доносились их неразборчивые голоса изнутри.

С рассветом абазы собрались в Анакопу, для мисимийских послов Апсит выпросил у комита трех коней, и все вместе выехали на подгорную дорогу. Казалось, непогода отступила, ветер потих, только небо оставалось сероватых от-

тенков, не очистившееся от смешавшихся воздушных масс. А сами путники являли изнутри такое же смешение тревог и печали. Они молча преодолели путь до первого привала в верховьях Гумпсы. Теперь вдали от ромейской крепости, путники свободнее вздохнули и вновь оглядели друг друга, словно знакомясь заново.

— Апсит, почему они называют тебя вождем, — спросил старший из послов, по имени Гуаза.

— Гость земли нашей, уважаемый посланник, меня смущает незаслуженный титул вождя, но так случилось, что для сотен абазских юношей я оказался спасителем от рабства. С тех пор именуют меня вождем, хоть и не хожу в походы в поисках славы, а всего лишь гарнизоном командую.

— Это не все, — встрял Джат, — мать царя Скепарны усыновила его и наделила полномочиями. Самодержец Рима возвел его в помощники комита, он вождь для всех патриотов Абазии.

— Верно ли, что служишь василевсу Юстиниану? — задал вопрос Рима, другой мисимийский посланник.

— Да, я выполняю его задание.

Вопрошавшие смущенные переглядывались.

— Как ты можешь быть наследником власти Скепарны и в то же время служить василевсу?

— Я служу народу своему, Господу нашему Иисусу — Богу милосердному и многим другим, ежели, одно с другим не в противоречии. — уверенно отвечал Апсит.

— Так вот почему его вождем признали?! — переговаривали друг с другом мисимийцы. — А где же прежние порядки, где дадалы и жрецы, что правили прежде?

— Жрецы живут среди народа, удерживают его, дадалы тоже, только бесправны в нынешнее время. Не признает их василевс, не доверяет, хоть и пообещали в глаза, что не будут противиться вере Христовой и власти ромейской, только небесхитростны их заверения. Но скоро нагрянут перемены: как только война в Лазике поутихнет, установятся новые порядки, более полезные. Нет теперь власти в Абазии, нет мужа среди нас, или ромеев, могущего объединить все

кланы в одну силу государственную. Одна сторона глупость, алчность и преступления старыми богами покрывает, другая – то же зло сеет, только именем Господа Бога милосердного.

– И как же ты, молодой вождь, править собираешься? – спрашивали мисимицы.

– По чести и совести, согласно Закону Божьему, если придется править. Хотя не предвижу этого в скором времени.

– С виду мирно, а все не так, – обронил Гуаза. – Не думал я, что на родине героев, с которыми в беде мы сблизились, хуже, чем в самой Мисиминии. Что многочисленный народ Абазии, богатый столькими мужами, природою отважных, лишившись главы, распадется разобщенный, лишь пропитанием озабоченный.

– Отчасти так, – без удовольствия согласился Апсит, – но ведь не сразу новое прививается. Пройдет время, и поднимется страна, воспрянет духом. Будут править мужи, кому по чести положено. Но не силой оружия, а словом и делом призваны мы возводить Абазию. Утихомирится война, тогда выйдет и о нашей жизни постановление. А пока залечивать раны следует нам под покровом ромейской власти.

Послы отмолчались, вся группа поднялась в седла и выехала, торопясь до темноты добраться до Анухи.

С наступлением сумерек послышался лай анухских собак; редкие отблески света и запах дыма выдавали жилища, скрытые в рощах. Апсит поручил Джату и Барныку выехать вперед к усадьбе Жи Сита.

…У ворот усадьбы путников встретили юноши и проводили во двор. Там уже горели костры и собирался народ. Гостей спешили с коней и подвели к старейшинам. Мужчины, обменявшись приветствиями, уселись вокруг костра на пеньки.

– Примите нашу искреннюю радость, и не сердитесь, что принимаем по-простому. С тех пор, как Скепарна вознесся на небеса, у нас многое изменилось. Погибли лучшие мужи, опустели земли в округе, мы – малая часть прошлого, несущая бремя тягот и за живых, и за мертвых. С нашим вождем вы были в дороге. Апсит, что думаешь о делах наших? Расскажи.

– К сожалению, не имею известий, достойных вашего слуха. Молю Бога, чтобы эта была последней в новом времени. В Себастополисе я вычитал послание командующего Мартина, ко владениям римлян относящееся. Хвастает блестящим триумфом римского войска над народом мдзымаа. Хвалу приписывает блестящим войскам под командованием Иоанна и промыслу Божьему. Далее предупреждает, что не следует народам, подвластным римлянам тайно или явно противопоставлять себя их владычеству. Устрашает карой по примеру мдзымаа.

Люди, сидевшие у костра загудели, словно улей. Каждый на свой лад обсуждал новость, поминая Иоанна как заклятого врага рода человеческого.

– Посланники народа Мыдзаа, вы прошли трудный путь, чтобы донести до нас нечто важное. Кто, как не вы знает правду. Нам ее поведайте.

– Правда в том, что повержена страна наша, тысяча мужей и еще больше безвинных детей и женщин убиты римлянами. Оценив потери, несоразмерные с нашей численностью, приняли мы условия римлян. Ушли они из земли нашей, тоже немало потрепанные, но отягощенные казнью Соттериха и заложниками. Так закончилось противостояние народа маленького, но гордого и свободолюбивого с сорокатысячным римским войском.

Но не для того мы прибыли в Абазию, – продолжил Гуаза, – чтобы братьев своих разжалобить, вызвать женские стечания и сочувственные речи.

Немногим ранее вы первыми познали мощь державы римской, жестокость и алчность ее воинов. И вы не искали у соседей сочувствия.

Мы пришли выразить должное почтение и благодарность народу абазскому, пораженные мужеством и бесстрашием сынов ваших. Мы привезли с собой значок абазского отряда из шестидесяти юношей состоявшего, – оратор вынул из поклажи обрез ткани, на красном поле которого были вышиты золотом непонятные знаки.

– Когда осада ромеев стала нестерпимой, и некоторые подумывали о сдаче крепости, выступили абазы. Они убежда-

ли не возвращаться под иго ромейское. Воодушевились наши вожди и воины. На рассвете следующего дня вышли абазы за стены первыми, построили войско сомкнутыми рядами и предприняли атаку на ромейские укрепления. Однако боги положили не на нашу чашу весов. Построение распалось, не сумев уничтожить деревянные башни. Абазы полные отчаяния бросились на укрепленный лагерь, за ними и наши вожди последовали. Прорвались оба отряда в лагерь, сокрушили защиту, многих там покалечили, но и сами погибли – до единого. Устрашенный атакой, Иоанн поспешил заключить мир и вернулся в земли Лазики. Не пролилась больше кровь мисимийская, не тронули римляне ни людей, ни поселения. Ушли, удовлетворенные казнью, ранее у них же похищенной, и заложниками из семей знатных мисимийцев. Пораженные мужеством наших воинов, они не прикасались к их телам, и трупы их не ограбили. Только покинув землю мисимийскую, римляне опомнились и манифест выпустили, о котором до-кладывал вождь ваш Апсит.

В великой скорби мы перевозили тела воинов, оплакивали и отдавали земле должное. Все шестьдесят абазов захоронены в одном месте, красотой выделяющимся. Могильник их огромными камнями обложен. Да не канет в лету история их доблести и мужества.

– Что на этом значке вышито? – изменившимся от волнения голосом спросил Апсит у оратора.

– Тут вышиты золотыми нитями два слова на пехлеви¹: «Свободная Абазия».

Поникли головы слушателей, молчаливое отчаяние воцарилось над поляной. В недобром блеске мужских глаз отсвечивалось пламя костра. В дальнем углу большого двора зародился ропот. Он усиливался и разрядился громом восклицаний. В другой стороне протяжно надрываясь, заголосила старуха. Ее голос, похожий на дикий вой, перекрыли сотни причитаний, усиливавшихся эхом тысячеголосым.

¹ Среднеперсидский язык (пехлевийский, пехлеви (букв. «парфянский»); самоназвание парсик — «персидский») — мёртвый средне-иранский язык юго-западной группы.

— Прекратите, — прохрипел никем не услышанный Жи Сит. Даже если бы и услышали, не удержать одному всеобщего отчаяния. Большая группа женщин, распустив волосы, вышла со двора и отправилась по дорогам Анухи, голося и причитая. У каждого переулка толпа росла, пока не превратилась в многолюдную процессию. За женщинами шествовали мужчины со скорбными лицами, старшие из них опирались на посохи. Процессия передвигалась от двора ко двору, передавая страшную новость. Возглавлявшая шествие женщина перечисляла имена сыновей Абазии, отданных когда-то заложниками в Персию. Другая повествовала историю семей и родов, взрастивших героев. Остальные призывали богов во свидетели, обвиняя их же в безучастии.

Процессия обошла всю Ануху еще до рассвета, напуганные поселенцы заперлись в своих домах. Только призывы анухского дьякона разбудили в них чувство сострадания и подобно абазам, они вышли на босу ногу, и оплакивали свои беды, порожденные временем, вызывая к себе сострадание.

Апсит с трудом достиг Анакопы, там уже все были на ногах и ждали указаний. Не многие из них помнили времена, когда персы приходили в Абазию. Однако знали о заложниках, отданных Набеду. Приближенные Апсита знали, что его младший брат Асана был в числе шестидесяти.

Тем временем траурная процессия стихийно направилась в Священную Рощу, надеясь проявлениями горя вызвать сочувствие богов, позабывших о них. Много слез было пролито и речей горьких сказано, но небеса так и не проявляли своего характера. К вечеру первого дня вышел и Апсит со своими сторонниками из Анакопы. Они направились к Роще, чтобы в горе быть с народом. Многие, обессиленные от холода и самоистязаний падали в обморок, но никто не собирался уходить единые в ожидания чуда. Вшел в Рощу Апсит, оглядел скорбную толпу и поник, вспомнив все несчастья, выпавшие за последнее время. Тысячи взглядов обратились к нему, казалось и шум поутих, а он не находил нужных слов.

— Давайте послушаем, — раздался старческий голос из первых рядов. Люди, ждавшие утешительного слова, притихли.

— Абазы, — неуверенно начал Апсит. — Мы скорбим всем народом, погибшие в Мисиминии братья наши по крови и духу. Но мы не одни, поглядите... Среди нас поселенцы, хоть и чужда им вера в богов и в Священную Аныху, не знают языка и обычаев наших — человеческая скорбь понятна без перевода.

Наши бесстрашные братья с этим знаменем шли на врага, — Апсит развернул красное полотнище: на нем заиграли вышитые золотом буквы. — Они знали, что идут на смерть, но им честь была дороже жизни. Их тела отданы земле с почестями, души удовлетворенные обрели покой. Мы оплакиваем их преждевременный уход, полагая, что человеку надлежит жить долго, наслаждаясь радостями земными, познавая себя и сущность вещей, обогащая себя знаниями и опытом, уходить из этой жизни в немощном теле от усталости, с теплыми мыслями о жизни иной. Мы так полагаем. Но не бывает правил, писанных для всех. Они же сохранили свои чистые сердца, ушли, не успев познать грех и дряхлое тело. Ими двигала любовь, их гибель стала залогом спасения целого народа, претерпевшего еще большее горе, нежели мы — абазы.

Люди, не впадайте в отчаяние. Нам следует помнить, что любому, появившемуся на свет, предназначено умереть. Нам не подобает видеть в смерти что-то несопоставимое с нашим разумом. Они дома, мы все в пути, о котором ничего нам знать не дано. Нам следует верить, что их души встретили Божьи ангелы, и они первыми спасутся в судный день. В большей степени меня переполняет отчаянием мысль, что тела наших братьев лежат не на родовых кладбищах. Но и тут я нахожу успокоение: ведь земля мдзымаа стала им родиной, они преданы земле, за которую отдали жизни по зову сердца, а память и почести им отданы сполна народом благодарным.

Не стоит простоявать здесь, испытывая себя холодом, клясться и призывать богов к возмездию. У меня в руках часть их души и памяти в ткани запечатленные. Пойдемте в Божий храм, помянем умерших молитвой, зажжем свечи. Пусть этот значок, установленный в Священном алтаре, напоминает всем о подвиге, и да будем мы — живые достойными их памяти.

Стоявшие в первом кругу старейшины вырвали из земли свои посохи и медленно повернули к храму. За ними безропотно шла многочисленная толпа. Апсит со своей свитой поспешили к дьякону, чтобы предупредить необходимые приготовления. Растроганный событиями, он обессилел. Тогда юноши подняли его на руки и понесли. Апсит пропустил начало процесии, нашел посланников мдзымаа и присоединился к ним.

Быстро заполнилась церковная округа. В разных местах молодые люди разожгли костры, чтобы согрелись озябшие.

— Прости Господи души грешные.., — приступил дьякон к поминальной службе...

Уже и литургия закончилась, а народ не расходился — стояли, словно застывшие. Тогда Апсит призвал помощников — они раздали всем свечи. Люди подходили к алтарю и зажигали их перед Святым Распятием. Какое-то спокойствие их обволакивало. Свечи догорали, их сменяли другие, а люди неторопливо расходились по домам. К утру лишь десяток из них оставался в храме. Апсит закрепил значок под распятием и попросил мисимийцев пройти за ним.

Еще много дней приходили в церковь сельчане с большими напольными свечами. А мисимийцы, обогретые и сытые, с полными сумами отправились в обратную дорогу.

ЭПИЛОГ

Вскоре установилась пригожая весенняя погода. Крестьяне поправляли изгороди, чинили инвентарь, чтобы порезать затянувшиеся пашни. Небольшими кланами они собирались молиться богине плодородия Джаджа и покровителю домашних животных Айтару, стыдливо скрывая сомнения. Кто-то из них, возможно, по особому суеверию, обращался и к христианскому Богу Иисусу, включая его в сообщество верховных покровителей. Сокрытые помыслы становились явными, сельчане долго обсуждали новую моду, полагая, что в споре должна родиться истина. Когда же обсуждение заходило в тупик, кто-то из старших напоминал слова верховного жреца: «Пусть живет среди нас, если Ему здесь нравится».

«Раз уж мы приняли Его на своей земле, разве следует предавать Его имя забвению?» – говорили старейшины, намекая на сокрытые глубокой тайной обстоятельства.

«Почтение излишним не бывает, будь он, хоть пророк», – соглашались прагматики. «Только бы не разгневать прежних», – пугали скептики. «Бояться нечего, Всесильные не наказывают, ежели свершается что-либо по незнанию», – утверждали оптимисты. «Время покажет», – уверяли старейшины и укреплялись надеждой продлить свой век...

Апсит собрался плыть в Константинополь, взяв с собой названных братьев Арта и Аку.

«Мой вещий сон должен разрешиться», – размышляла Сатен, разглядывая из окон дворца весеннее пробуждение. Ее сын Лаша с рассвета до заката изучал живую природу, его взгляд временами задерживался на дороге, по которой ему предстояло вернуться на родину. Но до тех пор он будет топать ножками по знакомым местам, пока не окрепнет, чтобы держаться в седле.

«Я – Божий избранник, – размышлял император Юстиниан в своих покоях, – хранитель истинной веры, защитник, миссионер; я раб и служитель, воин и правитель множества земель и народов. Мои труды неиссякнут, покуда не дремлют враги.

Почему не приемлют варварские народы мирного подчинения просвещенной власти, несущей в себе нескончаемые для них выгоды? Как несовершенен мир, побуждающий к насилию благодетеля, несущего лишь возвышенные благочестивые помыслы. Моя битва не закончится, пока несчастные не поймут бесцельности своего невежественного упорства. Только тогда воцарится мир, подобный библейскому раю».

В пятьсот пятьдесят пятом году нашей эры, персидское шестидесятитысячное войско под руководством Мермероя, потерпело ряд неудач в Лазике. По предложению шаха Хосрова I Аноширвана сторонами было заключено перемирие, закрепившее позиции воюющих сторон. Активные боевые действия на время прекратились.

Юстиниан отстранил от должности Командующего войсками Армении и Востока Мартина, помятуя об его участии в убийстве царя Губаза, но более не преследовал, учитывая прошлые заслуги перед державой. Его место занял племянник императора Юстин, сын Германа, бывший ранее помощником Командующего.

Абазия, Апсиллия и Мисиминия были приведены в покорность. В Себастополисе по-прежнему стоял ромейский отряд, а в Цибile ромеи сменили апсиллийский гарнизон, в виду брожений в местной среде. С тех пор Мисиминия проявляла спокойствие, а крепость Бахулан, из-за которой началось восстание, так и осталась в руках алан, союзников римлян.

Ввиду особых заслуг лазов, Апсиллия и Мисиминия были подчинены царю лазов Цате, ставшего очередной марионеткой в политической системе империи.

Казалось, зарево пожарищ осталось в прошлом, а впереди одни надежды. Об этом я надеюсь поведать читателю в следующей книге...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог•	3
На чаше весов•	5
Его прозвали Абрскил•	53
В Абазии снова весна•	57
Лаша, сын афырхаца Скепарны•	66
Легенда о древе жизни•	74
Мать и мачеха•	78
Неофиты•	116
В Абазию•	142
Долгожданная встреча•	161
Под божьим покровом•	171
Резиденция царей•	186
Императорский посып•	217
Храм во имя Богородицы•	239
Происки и прорицание•	289
Наказ императора•	316
Разбитая чаша•	325
Мир на острие меча, 555 г. по Р. Х.•	377
Дорога к прозрению•	402
Эпилог•	419

Алхас Валикович Аргун

ЛЕТОПИСЬ АБХАЗИИ

Книга II

СУМЕРКИ БОГОВ

Редактор *Л. Е. Аргун*
Художник *Б. Р. Джапуа*
Корректор *Г. Н. Рыженкова*
Верстка и макет *А. В. Смыр*

Формат 60*90/16. Тираж 1000.
Типография

АФОН-҄ЫЦТЭИ АМИЛАТТЭ
АТ-ОУРЫХ-КУЛЬТУРАТЭ ҲӘЫРЬСАРРА
“АНАКӘАПЬИА”

НАЦИОНАЛЬНЫЙ НОВОАФОНСКИЙ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
«АНАКОПИЯ»

Республика Абхазия,
г. Н. Афон, ул. Эшба, 8.

www.afon-abkhazia.ru www.afon-abkhazia.org

